PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

NOV 5 1936

КРАСНЫЙ АРХИВ

3 (76)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАРХИВА СССР и РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

Волнения в Харьковской губ. в годы империалистической войны. — Революционное казачество в борьбе с контрреволюцией. — Документы о ходынской катастрофе 1896 г.— Рабочее движение на заводах Петербурга в мае 1901 г.— К истории „Союза якутов". — Первые железные дороги в России.— К истории Бурятии в XVII в.— Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII и XVIII вв.— „Шифр" Н. Г. Чернышевского.— Запрещение царизмом чествования памяти Т. Шевченко.— К биографии П. Г. Зайчневского.—

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1936

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Волнения в Харьковской губернии в годы империалистической войны. С предисловием *П. Билык* 3

Революционное казачество в борьбе с контрреволюцией. С предисловием *Г. Костомарова* 24

Документы о ходынской катастрофе 1896 г. С предисловием *А. Кобяко* 31

Рабочее движение на заводах Петербурга в мае 1901 г. С предисловием *М. Сыромятниковой* 49

К истории «Союза Якутов». С предисловием *М. Константинова* 67

Первые железные дороги в России. С предисловием *М. Крутикова* 83

К истории Бурятии в XVII в. С предисловием *С. Окунь* 153

Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII—XVIII вв. (*окончание*) 192

Из записной книжки архивиста

«Шифр» Н. Г. Чернышевского. Сообщил *Н. Алексеев* 221

Запрещение царизмом чествования памяти Т. Шевченко. С предисловием *Н. Бельчикова* 226

К биографии П. Г. Зайчневского. С предисловием *А. Спировой* . 230

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ)

1936

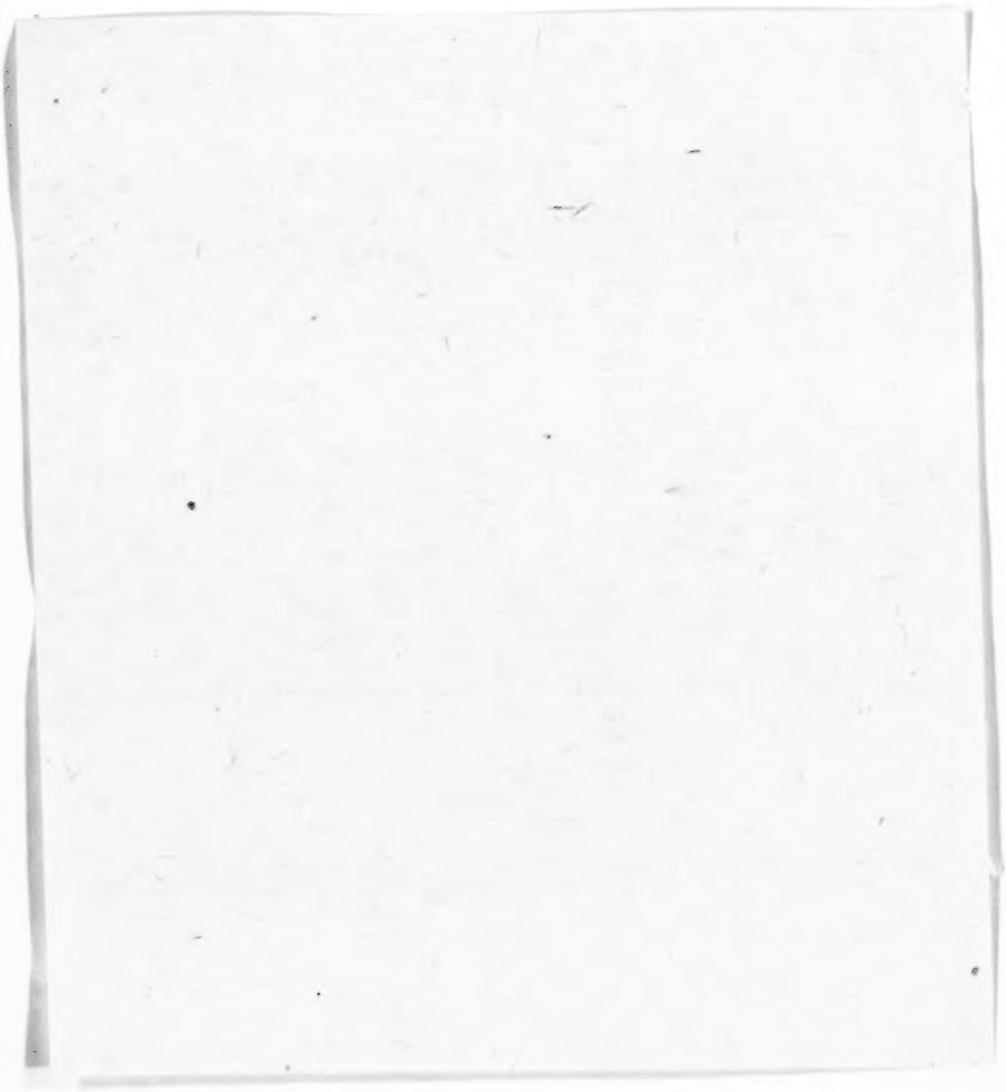
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

Опечатки в журнале «Красный архив» № 3

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
16	31 св.	Крестьянок	Крестьян	тип.
49	10 св.	90-х годов	900-х годов	изд. корр.
70	10 св.	————————	Достаточно для	тип.
86	3 св.	В 1931 г.	В 1831 г..	изд. корр.
88	24 св.	В 1938 г.	В 1832 г.	ред.
118	6 и 7 сн.	120 миллиардов	120 миллионов	изд. корр.
135	21 сн.	о обеих	в обеих	» »
156	22 св.	в 1935 г.	в 1535 г.	» »
183	13 сн.	батрацких	братцких	» »
186	20 св.	Да он же, Христофор, в нынешнем в 204 г. выкосил наши холо-	Да он же, Христофор, взял у меня, холопа вашего, Бодолчейка на-	тип.
206	18 св.	мы и домницы	ямы и домницы	изд. корр.

На 87 стр. выпала последняя строка

большие расстояния было совсем не мыслимо. Если пудо-верста на водном транс-



Волнения в Харьковской губернии в годы империалистической войны

Революционная борьба крестьян не прекращалась в годы империалистической войны. Наоборот, она еще более обострилась, несмотря на жестокий разгул военно-полицейского произвола, несмотря на то, что из деревень были вырваны наиболее революционные силы.

Царское правительство в годы войны продолжало проводить столыпинскую политику. Пользуясь уходом на фронт значительной части мужского населения деревни, кулаки, путем взяток и подкупа оставшиеся в тылу, стремились выйти на отруба и захватить лучшие земли общины. Это стремление встречало полную поддержку у царских чиновников. Малоземельные, безлошадные, безпосевные крестьяне все сильнее чувствовали кабальную зависимость от деревенских богатеев. Эта кабала усугублялась политическим бесправием трудящихся масс Украины, жестоким национальным гнетом.

Тяжесть империалистической войны — мобилизация большой части мужского населения, реквизиции за бесценок рабочего скота, рост налогового гнета, вздорожание предметов первой необходимости, безземелье, крепостнические пережитки и т. п. — все это тяжелым бременем ложилось на пролетариат и на трудовые массы крестьян. Помещики и кулацкая часть села наживались на войне. Малоземельное крестьянство разорялось, оно вынуждено было сбывать кулакам за бесценок свои небольшие земельные наделы. Война ускорила диференциацию на селе и углубила классовую борьбу внутри самого крестьянства. Рабочие, в первые дни войны попадавшие в деревню, находили благоприятную почву для противовоенной революционной агитации.

Рост идейного влияния и организующей роли большевистской партии за годы войны определил дальнейшее революционизирование крестьянства. Воззвания и листовки, изданные большевистскими партийными организациями промышленных центров, с ленинскими лозунгами борьбы за превращение империалистической войны в войну гражданскую доходили до села. Солдаты-крестьяне, брошенные вместе с рабочими на фронт, под влиянием работы армейских большевистских организаций продвигали революционные большевистские лозунги в массы крестьянства. Крупную роль в этом отношение играли солдатские письма с фронта. С другой стороны, сведения о крестьянских волнениях в тылу и жестоких расправах при подавлении их быстро доходили до действующей армии и вызывали там целый ряд демонстраций и протестов, добровольный переход в плен, массовое дезертирство и т. п.

На Харьковщине в годы империалистической войны произошел ряд крестьянских революционных выступлений. Так, в сентябре 1914 г. возникло крестьянское волнение в селе Новой Астраханке Старобельского уезда, в марте 1915 г.— крупное крестьянское выступление в селе Удах, Харьковского уезда; в апреле того же года — в селе Боромля, Ахтырского уезда; весной 1915 г.— в селе Меловом, Змиевского уезда.

Но наиболее характерным по активности и революционному под'ему, наиболее крупным по числу участвующих было выступление в с. Нижней Сыроватке, Сумского уезда, происходившее в начале апреля 1915 г.

Напуганные размахом движения местные власти мобилизовали все силы и жестокими репрессиями подавили это волнение. Даже во время «судебного разби-

рательства», ровно через полгода, когда 43 наиболее активных участника и инициатора выступления были арестованы, власти направили в г. Сумы наряды полиции «для содействия и поддержания порядка внутри здания окружного суда» и для «предупреждения скопления толпы у здания...», иначе говоря — для ограждения себя от крестьян, которые могли прибыть в г. Сумы в день разбора дела и сорвать судебный процесс.

Н.-Сыроватское крестьянское восстание имело большое политическое значение. Весть о нем быстро распространилась среди крестьянства смежных сел. Она дошла и до фронта, вызвав там демонстративный переход в плен солдат-крестьян из Н.-Сыроватской волости.

Жены солдат-бедняков были не только непосредственными участницами выступлений, но и их инициаторами, и на их головы в первую очередь сыпались удары жестоких репрессий.

Крестьянство, особенно беднота, в тылу и на фронте все более и более проникалось ненавистью к господствующим классам, затеявшим империалистическую войну. Солдаты горели желанием поскорее кончить кровавую бойню и, вернувшись с фронта, отобрать и разделить помещичьи земли. Антагонизм крестьян и помещиков, с одной стороны, бедноты и кулачества — с другой, становился все более острым. «Расслоение крестьянства усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский... Но антагонизм «крестьянства» и Марковых — Романовых — Хвостовых усилился, возрос, обострился. Это такая очевидная истина, что даже тысячи фраз в десятках парижских статей Троцкого не «опровергнут» ее. Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию! А в этом сейчас гвоздь»,— писал Ленин в ноябре 1915 г. в статье «О двух линиях революции» [1].

В 1916 г. на Харьковщине прошла новая волна выступлений, так называемых «продовольственных беспорядков». Наиболее крупные волнения на этой почве произошли в гг. Старобельске и Сумах. Участие в них принимали тысячные массы городской и сельской бедноты. Эти волнения сопровождались разгромом магазинов, избиением полиции и т. д.

Разруха всей хозяйственной жизни страны, ажиотаж и спекуляция на рынке усиливали и без того крайне тяжелое положение трудящихся масс. «Война всей своей тяжестью обрушилась на плечи рабочих и крестьян. Массы все больше и больше охватывало революционное возмущение. Страна стояла перед взрывом. Империалистская война оказалась могучим ускорителем революции» [2].

Самодержавие, буржуазия и помещики затеяли кровавую империалистическую бойню с целью задушить революционную борьбу трудящихся внутри страны, обессилить авангардную силу революции — пролетариат, завоевать новые рынки. «Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция» [3].

★

Теперь социалистическая Харьковщина цветет большевистскими колхозами. Сумский ее район, где 20 лет назад происходило крупное крестьянское восстание, превращается на наших глазах в цветущий индустриально-колхозный сад. За колхозами по великому сталинскому колхозному уставу навсегда закреплена земля. Партия Ленина — Сталина вырастила из рабочих и колхозников десятки тысяч лучших, людей, героев нашей великой сталинской эпохи, стахановцев, лучших ударников социалистической промышленности и колхозных полей.

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 317—318.
[2] «История гражданской войны в СССР», т. I, стр. 33.
[3] Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 28—29.

Украинский народ вместе со всеми братскими народами поднимает свое благосостояние и крепит могущество Советского Союза. Укринские пролетарии и колхозники стоят на страже своего свободного труда, своих новых заводов, колхозов, электростанций, на страже своей обновленной великой родины.

П. Билык.

Из рапорта и. д. Змиевского уездного исправника харьковскому губернатору, 31 июля 1914 г.[1].

28 сего июля землевладелец Дмитрий Михайлович Скляров, проживающий в собственном хуторе при слоб. Тарановке вверенного мне уезда, заявил приставу 2 стана, что служащий у него рабочим крестьянин Черниговской губерни, Новозыбковского уезда, Новоропской волости и села Александр Владимиров Грецкий, 19 лет, во время мобилизации армии и флота распространял среди других рабочих слухи о том, что война начинается совершенно напрасно и лучше было бы, если бы все мобилизованные войска вместо того, чтобы итти на войну, потребовали от правительства равноправия, так как народ страдает, и для России будет гораздо лучше, если она будет побеждена.

На дознании, произведенном приставом 2 стана вверенного мне уезда, заявление землевладельца Склярова подтвердили его сестра Евдокия Михайловна и его сын Всеволод, а также рабочий крестьянин Яков Трофимов Тахтулов, другой же бывший при том рабочий Савелий Никаноров Сапрыкин факт произнесения Грецким вышеозначенных слов отрицает, а Александр Грецкий виновным себя в этом не признал и об'яснил, что Скляровы оговорили его из мести за неоднократно высказываемое им недовольство пищей и требование расчета ранее срока найма.

Дознанием моим, произведенным 31 сего июля, я пришел к убеждению, что Александр Грецкий — натура испорченная, за время службы своей на разных рудниках в Бахмутском уезде мог заразиться различными противоправительственными воззрениями, а при мобилизации, слыша газетные чтения в семье Склярова, дерзко высказал 19 сего июля пожелание поражения нашей армии, в нелепом ожидании от этого улучшения жизни для рабочих и достижения равноправия...

Донося о вышеизложенном, с представлением копии постановления о задержании Грецкого в порядке 26 ст. положения о чрезвычайной охране, протокола дознания пристава 2 стана и произведенного мною дополнительного дознания, имею честь просить ваше превосходительство, не будет ли признано возможным наложить на крестьянина Александра Грецкого административное наказание по §§ 37 и 38 обязательных постановлений, изданных вашим превосходительством 27 июля сего года, за распространение ложных слухов, возбуждающих в населении враждебное отношение к правительственным установлениям и тревогу о правительственных распоряжениях.

И. д. уездного исправника Гедройц.

Рапорт сумского уездного исправника харьковскому губернатору, 13 августа 1914 г.[2].

27 июля сего года на волостном сходе в с. Писаревке старшиною Коваленком было пред'явлено собравшимся крестьянам воззвание о пожертвовании на больных и раненых воинов. Участвовавшие в этом сходе выборные крестьяне с. Писаревки той же волости Яков Анисимович Козулица 66 лет, д. Корчатовки Писаревской волости, Никита

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1914 г., д. № 402.
[2] Там же, д. № 845.

Михайлов Гробовой 56 лет и с. Алексеевки Писаревской волости Степан Романов Кузьменко 62 лет начали сообщать собравшемуся сходу ложные сведения, возбуждающие враждебное отношение к правительству, о том, что пожертвованные в русско-японскую войну некоторыми обществами деньги не достигли своего назначения, и убеждали сход не производить пожертвований. Благодаря такому убеждению со стороны Козулицы, Гробового и Кузьменко сход отказался произвести пожертвование из общественных сумм в пользу больных и раненых воинов.

Донося о вышеизложенном с представлением произведенного по сему делу дознания ходатайствую перед вашим превосходительством о наложении на Козулицу, Гробового и Кузьменка взыскания в административном порядке согласно § 37 обязательных постановлений изданных 27 июля сего года.

Сумский исправник Преображенский.

Рапорт богодуховского волостного старшины земскому начальнику 2 участка Богодуховского уезда, 18 августа 1914 г.[1]

18 сего августа, в 2 часа по полудни, в здание волостного правления с шумом и криком ворвалась толпа жен запасных нижних чинов, призванных на войну, из коих крестьянки поселка Засенявский мост— Егения Осипова Денчикова, Анастасия Емельянова Сластинова и Евдокия Павлова Гарбузова вели себя крайне вызывающе, организовав толпу этих жен около 50 душ, внушая каждой как можно свободнее себя держать и кричать в присутствии моем, начали требовать выдачи пособия из какого-то, как они выражались, «дарственного капитала», якобы находящегося в моем распоряжении в сумме около 800 руб., причем означенные зачинщицы этого аграрного беспорядка, несмотря на мое раз'яснение и внушение, что никаких денег, предназначенных для пособия женам, у меня не имеется, что таковые по получении от казны будут выданы немедленно без задержки, так как за этим беспокоится и само правительство — все ж таки продолжали требовать денег, подговаривая к тому и остальных женщин.

На предупреждения мои выйти из здания волостного правления и не производить шума и беспорядка в присутственном месте — те же Гарбузова и Сластинова и в особенности первая, не подчиняясь моим требованиям, еще более начали кричать и шуметь, назвав при этом меня «сукиным сыном», говоря «купуй, сукин сын, на те деньги землю». При задержании Гарбузовой для заключения под арест толпа оказала сопротивление и по выходе с волостного правления разбила окно. После чего остановились около крыльца и продолжали подобные выражения по моему адресу, а по выходе моем на крыльцо намеревались стянуть с крыльца и снять брюки, чему были свидетелями Архип Кононов Капустьян, житель хутора Сухинов, сторож и рассыльные сего правления — Мартын Тимченко, Тимофей Ивченко и Давид Панченко, служители богодуховской больницы Спиридон Иванов Марченко, Евдокия Акимовна Харченко и Анастасия Тарасовна Шептунова. Причем докладываю, что, кроме всего изложенного, после выхода из волостного правления буйствующих женщин, двери парадного хода были затворены на крючок, но они, возмутившись этим, еще более начали стучать в двери с криком «отворяй» до такой степени, что последние оказались поврежденными.

О чем доношу вашему высокоблагородию на распоряжение.

Волостной старшина Христенко.

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1914 г., д. № 473.

Рапорт сумского уездного исправника харьковскому губернатору, 15 октября 1914 г.[1].

28 сентября сего года на сельском сходе в с. Большой Чернетчине волостным писарем Щербаковым было предложено собравшимся крестьянам произвести пожертвования в пользу раненых воинов. Бывшие на сходе Петр Митрофанов Абравит, 56 лет, и Леонтий Никифоров Литвиненко, 48 лет, там же начали говорить: Абравит, что надобности в пожертвованиях нет, что раз он (подразумевая государя императора) погнал солдат на убой, то и должен их сам пользовать, а не давать повод своим хамлам грабить народ... Литвиненко же поддерживал Абравита и заявлял на сходе, что наше воинство не может своею грудью защищать их имущество, так как имущества они, крестьяне, никакого не имеют и что, например, ему Литвиненку коноплю негде посеять.

Донося о вышеизложенном с представлением произведенного по сему делу дознания, ходатайствую перед вашим превосходительством о наложении на Абравита и Литвиненка взыскания в административном порядке согласно § 37 обязательных постановлений, изданных 27 июля сего года.

Сумский исправник Преображенский.

Прокламация группы харьковских большевиков, 27 ноября 1914 г.[2].

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи солдаты, к вам слово РСДРП.

Правительство Кровавого Николая вовлекло наш народ в братоубийственную войну-бойню, и миллионы наших братьев гибнут в чужих краях, проливая свою кровь за неведомые им интересы. Товарищи, война нужна лишь капиталистам, которые в безудержной погоне за наживой не стесняются в средствах и насильственным путем захвата стремятся и стремились приобрести себе новые рынки для сбыта там своих товаров. И правительство жадных и бездушных капиталистов посылает все новые и новые армии рабочих и крестьян на бойню, насильственным путем заставляет их итти проливать кровь, прикрываясь маской славян и «отечества». Товарищи солдаты, неужели не довольно пало наших братьев, обманутых царским правительством' Неужели мало крови пролито для кровожадных капиталистов! Неужели мало страданий в нашей стране, мало слез детей по погибшим отцам, жен по мужьям, сестер по братьям! Голодный призрак разорения страны и наших семей надвигается с возрастающей силой и царское правительство не в состоянии обеспечить семьи, предоставляя им холод и голод. Пусть же русский народ, русские солдаты поймут, в интересах кого ведется война, ради чьих выгод льются реки народной крови. Пусть они знают, что сражаются не за родину, не за свои семьи, а ради благосостояния кучки богачей, помещиков и их слуги — правительства, ради увеличения их капиталов. Пора уже перестать русскому народу быть рабами. Пора перестать проливать кровь за интересы и выгоды своих поработителей. Пусть русский солдат знает, что, одев шинель и положив ружье на плечи, он остается все тем же крестьянином и рабочим. Пусть он чутко прислушивается к голосу, идущему из своей страны. Близко то время, когда он должен наставить свои ружья

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный, стол. 1914 г., д. № 943.
[2] ЦАР УССР, Харьков. губерн. жанд. упр., д. № 1426, л. 78.

на того, кто посылает его. Истерзанный, измученный народ должен громко сказать: Довольно крови, довольно издеваться над нами, долой кровавую бойню-войну! Товарищи солдаты, от вас зависит многое в судьбе народа. Вы знаете, куда идет наше гнусное самодержавие. Из последних событий вы ясно видите его цели и замыслы. Арест соц.-демокр. депутатов раскрыл его закулисные желания. С ним нужно бороться не медля и самыми энергичными мерами. Вы должны вместе с народом прекратить войну и расправиться с ним. Довольно уже свистать нагайками самодержавия над истерзанными спинами измученного народа. Довольно крови, довольно произвола! Уже загорается красная заря свободы. Пусть из вашей груди вырвется могучий и грозный крик, пусть он внесет смятение в ряды кровавых палачей — буржуазии и ее лакея — правительства. Пусть этот крик будет: Долой войну, да здравствует вторая российская революция! Долой монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует об'единительница народов — социал-демократия!

Да здравствует Рос. соц.-дем. раб. партия!

Харьковский комитет.

Отношение харьковского губернатора главнокомандующему армиями юго-западного фронта, 28 марта 1915 г.[1].

Купянский уездный исправник донес мне, что крестьянин с. Кременной, Купянского уезда, Василий Григорьев Хмельницкий позволил себе распространять о войне ложные слухи, возбуждающие общественную тревогу в населении.

При производстве по этому делу дознания выяснено, что Хмельницкий, получая из действующей армии от родственника Владимира Яковлева Плотникова, находящегося в 69-й артиллерийской бригаде, письма возмутительного характера, старался распространять нелепые слухи о том, что якобы наши войска, действующие против неприятеля на Карпатах, отказываются повиноваться распоряжениям начальства и не хотят исполнять их требований и что вообще военные дела плохи. Подобный слух был распространен Хмельницким 8 сего марта на ярмарке в слоб. Кременной и вызвал немалое возмущение среди населения.

Подвергнув крестьянина Василия Хмельницкого, на основании действующих в Харьковской губернии обязательных постановлений, аресту на 15 дней, я о действиях нижнего чина Владимира Плотникова с препровождением копий трех его писем, считаю долгом довести до сведения вашего превосходительства.

Губернатор Катеринич.

Рапорт земского начальника 5 участка Сумского уезда харьковскому губернатору, 12 апреля 1915 г.[2].

Мне приходилось читать письма, присылаемые солдатами из действующей армии своим родным, в коих они высказывались, что настоящая война их совершенно переутомила, но зато по окончании таковой они прийдут домой и тогда отберут у «панов» всю землю.

О вышеизложенном считаю своей обязанностью довести до сведения вашего превосходительства.

Земский начальник 5 участка Сумского уезда Краснянский.

---

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1915 г. д. № 237.
[2] Там же, д. № 761, т. II.

Отношение прокурора Сумского окружного суда харьковскому вице-губернатору, 18 апреля 1915 г. [1].

Вследствие отношения от 15 сего апреля за № 26, имею честь сообщить вашему превосходительству следующее: 12 сего апреля в слободе Нижней Сыроватке, Сумского уезда, в помещении волостного правления и на территории, прилегающей к таковому, местными крестьянами, собравшимися в количестве до 2 тысяч человек, были убиты их односельчане Кирилл Стахно и Егор Пташник; теми же крестьянами были нанесены тяжкие повреждения помощнику сумского уездного исправника Лавровскому, полицейским стражникам Ивану Бабяшу и Ивану Михайлюку и крестьянину Ивану Стахну, легкие раны — непременным членам харьковской губернской землеустроительной комиссии Серебрякову и сумской уездной Монтримовичу, землемеру той же уездной комиссии Харченку и местному полицейскому урядннку Оношку, и легкие побои — приставу I стана Сумского уезда Хижнякову, городовому сумской полиции Батраку, потомственному почетному гражданину Трегубову и волостному писарю Курасову.

Обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождавшие таковое, заключаются в следующем: 8 того же апреля в Нижнюю Сыроватку прибыли названный выше землемер Харченко и и. об. земского начальника Петрищев с тем, чтобы произвести предварительные землемерные работы по выделению из общинного землевладения на отрубные тех из местных крестьян, которые из'явили на это желание; однако назначенной работы не произвели, так как явившиеся к ним жены призванных в действующую армию нижних чинов решительно заявили, что они не допустят нарезки земли впредь до возвращения их мужей в семьи.

Не желая возбудить среди населения неудовольствия и полагая, что возникшее без достаточного основания волнение прекратится само собой, названные Петрищев и Харченко перенесли работу на следующий день. Однако такое же заявление и в такой же решительной форме было сделано женами призванных и в этот день. Последствием этого явилось командирование в слободу непременного члена губернской землеустроительной комиссии Серебрякова и, для оказания ему содействия, помощника уездного исправника Лавровского и станового пристава Хижнякова; сюда же были вызваны пять полицейских стражников, городовой Батрак и урядник Оношко.

Все поименованные лица явились 12 апреля в помещение волостного правления, причем для обсуждения вопроса о предстоящих работах по распоряжению Серебрякова были приглашены два уполномоченных от части населения, сочувствующей идее выхода на отруба,— крестьяне Кирилл Стахно и Егор Пташник, и два уполномоченных от сторонников общинного землепользования. При этом Серебряков об'явил уполномоченным, что в настоящее время, в виду призыва многих домохозяев на военную службу, нарезки отрубной земли производиться не будет.

Между тем около здания волостного правления стала собираться толпа, в том числе и жены призванных в армию, которая стала держать себя вызывающе. Тогда Петрищев и Серебряков вновь подтвердили перед толпой, что никаких работ производиться не будет, однако собравшиеся не переставали волноваться, а затем вдруг двинулись к крыльцу волостного правления, но у входа были встречены стражниками.

---

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1915 г., д. № 258.

Последние тогда же приняли меры к удержанию толпы, но толпа, двинувшись массой, смяла их, разоружила. В этот момент из внутренних комнат вышел пристав Хижняков, который и обратился было к толпе с увещанием, но тотчас же был схвачен за пальто, которое и осталось в руках схвативших и затем разорвано на части. В виду этого названный пристав возвратился в волостное правление, а следом за ним двинулась и толпа. Тотчас же ворвавшиеся стали выламывать дверь в одну из комнат, предоставленную в распоряжение волостного суда, куда скрылись перед тем неугодные большинству населения состоятельные и открытые сторонники отрубного землепользования — названные Стахно и Пташник, а вместе с ними и другие лица. В то же время оставшиеся на площадке и на дворе волостного правления стали бросать в окна здания кирпичи. Не имея возможности противостоять толпе, чины полиции принуждены были спасаться через окна от одних и попадать под удары других. Наконец, дверь, ведущая в помещение суда, была выломлена, и тогда скрывшиеся здесь Стахно и Пташник были убиты, а прочие указанные выше лица получили повреждения, причем дальнейшие насильственные действия прекратились лишь с моментом прибытия вызванной из г. Сум дополнительной полицейской команды.

При последующем осмотре места происшествия оказалось следующее: все стекла в оконных рамах здания волостного правления выбиты, причем разломаны и самые рамы, повреждена обстановка помещения, разбросаны дела, книги и наряды волостного суда, из коих некоторые залиты кровью, разбито зерцало; в самом здании и около него найдены: разорванная и залитая кровью шинель полицейского стражника, разорванные фуражки нижних чинов полиции и сломанные предметы вооружения; доска, покрытая кровью, с приставшими к ней волосами, на которой, повидимому, лежала голова избиваемого.

Предварительное следствие по этому делу начато того же апреля 12, причем по производстве необходимых следственных действий, для выяснения обстоятельств дела, по настоящее время привлечены и допрошены в качестве обвиняемых по признакам ст. 263, 269 — 1 и 1 459, ч. 2 улож. о наказ. 26 человек мужчин и женщин из числа населения сл. Нижней Сыроватки, причем мерою пресечения способов уклониться от суда и следствия в отношении всех обвиняемых избрано содержание их под стражей в Харьковской губернской тюрьме.

В дальнейшем предстоит привлечение и других обвиняемых в зависимости от хода следствия.

Прокурор Сумского окружного суда Науменко.

Из рапорта харьковского вице-губернатора харьковскому губернатору, 19 апреля 1915 г.[1].

Честь имею доложить вашему превосходительству, что в связи с беспорядками, происшедшими в слоб. Нижней Сыроватке, Сумского уезда, я, вследствие личного вашего распоряжения, днем 12 сего апреля экстренным поездом выехал на место происшествия.

Прибыв туда около 11 часов вечера, я немедленно же занялся выяснением виновных и, когда достаточно убедился в причастности к делу 22 человек, сделал распоряжение об их аресте. Так как подлежащие аресту лица жили в разных концах слободы, то для удобства и успешности дела слобода была разделена на три района, порученные ведению трех приставов, которые и производили аресты каждый в своем

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1915 г., д. № 258.

районе в ночь на 13 число по списку, выданному каждому из них, в сопровождении отдельных отрядов стражи.

Утром 13 апреля я сделал распоряжение собрать сельский сход, который состоял больше из стариков и женщин. Сходом от имени местных жителей мне был поднесен хлеб-соль, принять каковой я отказался, заявив им, что мне, как представителю высшей губернской административной власти, не подобает принимать хлеб-соль от бунтовщиков, оказавших сопротивление властям. После этого сход стал на колени, из'явил раскаяние и просил прощения. Раз'яснив сходу преступность действий бунтовщиков, я об'явил им об аресте виновных и о последствиях их деяний. Сход, вторично став на колени, вновь просил прощения, об'ясняя, что виновными были молодежь и солдатки, которых обещали выдать властям.

Распустив сход, я приказал приставу Бурковскому произвести дознание, а от всех должностных лиц, согласно телеграммы вашего превосходительства, потребовал подробные сведения и об'яснения по поводу выказанного ими бездействия власти, переписку при этом представляю.

Что теперь выяснило предварительное следствие, производимое судебным следователем по важнейшим делам, я не знаю (сведения затребованы от прокуроров), но из опроса при дознании лиц пострадавших и очевидцев установлено, что беспорядки произведены на почве землеустроительных работ в Нижней Сыроватке по поводу отрубов, выделявшихся крестьянам, причем повышенное настроение жителей слоб. Нижней Сыроватки в довольно резкой форме стало проявляться там еще 8 апреля, когда в слободу приехал земский начальник Петрищев вместе с землемером Яковом Харченко для подготовительных работ; в этот же день жены запасных категорически заявили, «что до возвращения мужей с войны отрубных участков резать не дадут».

То же повторилось в более резкой форме и 9 апреля с угрозами по отношению к оставшемуся в Нижней Сыроватке землемеру Харченко. По получении донесения старшины о бунте собравшимися до 500 солдаток с «сапочками» в руках у волостного правления и квартиры землемера земский начальник, не выезжая на место, ограничился личным приказанием старшине «помнить присягу» и «прекратить беспорядки». Так же отнесся земский начальник к продолжавшимся беспорядкам и 10 апреля, прибыв в Н. Сыроватку лишь в 4 часа дня, повидимому, по предложению уездного предводителя дворянства, вместе с приехавшими туда помощниками исправника Лавровского и и. д непременного члена землеустроительной комиссии Монтримовичем.

Убедившись лично в серьезном положении дела, земский начальник, по его словам, в тот же день выехал в Харьков для доклада вашему превосходительству. Затем, в воскресенье 12 апреля, в 7 часов утра, по означенному делу в волостное правление слоб. Нижней Сыроватки прибыли непременный член губернской землеустроительной комиссии П. А. Серебряков и и. обяз. непременного члена землеустроительной комиссии Монтримович, землемер Харченко, земский начальник Петрищев, помощник сумского исправника Лавровский, становой пристав Хижняков, 5 стражников, городовой и урядник.

Около волостного правления собралась большая толпа народа, преимущественно женщин, которая вела себя вызывающе и, несмотря на об'яснения непременного члена и земского начальника, а также и уполномоченных общинников о том, что нарезка отрубов приостановлена, когда полиция предложила толпе разойтись, последняя устремилась с площади на крыльцо волостного правления и во двор.

Сильным натиском толпы полиция была смята и потому не могла оказать сопротивления. Ворвавшись в здание волостного правления, бунтовщики принялись громить мебель и избивать всех там присутствующих, и в то же время окружившая волостное правление толпа стала громить самое здание.

При этом пострадали: уполномоченные от отрубщиков крестьяне Кирилл Стахно и Егор Пташкин были убиты; тяжело ранены: помощник сумского исправника Лавровский, стражник Бабяш и Михайлюк и крестьянин Нижней Сыроватки Иван Стахно; легко ранены: непременный член землеустроительной комиссии Серебряков, землемеры Харченко и Монтримович и урядник Оношко; избиты: пристав 1 стана Сумского уезда Хижняков и городовой Батрак. Совсем не пострадал земский начальник Петрищев, скрывшийся в расположенной напротив церкви, где в это время происходило богослужение. Туда же убежал и пристав Хижняков.

Пострадало также и здание волостного правления, в котором выбиты окна, разобрана часть фундамента, а находящаяся внутри обстановка уничтожена; документы волостного правления сохранились, за исключением старых дел.

Помощник исправника со стражником отбивались в продолжение 3 часов, запершись в одной комнате. Явные беспорядки прекратились с прибытием присланных лишь к 2 ч. дня 15 стражников и наряда городской полиции. Исправник Преображенский и пристав Хижняков, а также земский начальник Петрищев, по моему мнению, проявили значительное бездействие власти.

О происшедшем своевременно было дано знать прокурору Сумского окружного суда, под наблюдением которого два следователя и приступили к производству предварительного следствия; причем из числа арестованных по моему распоряжению 34 человек судебным следователем привлечены по 263, 269 и 1459 ст. ст. улож. о наказ. 26 человек, которые ныне и содержатся в Харьковской губернской турьме по постановлениям судебного следователя по важнейшим делам Сумского окружного суда, а остальные 8 человек, как арестованные по охране, содержатся в той же тюрьме по моему постановлению. как действовавшего «за губернатора».

К этому присовокупляю, что по всем признакам беспорядки возникли хотя и на почве землеустройства, но, повидимому, под чьим-то подстрекательством и затем, несмотря на об'явление об отсрочке землеустроительных работ и уничтожения так сказать мотива, продолжались с особым упорством, также, повидимому, под чьим-то преступным влиянием и подстрекательстом...

Харьковский вице-губернатор Масальский.

Рапорт начальнику жандармского управления помощника начальника в Сумском районе[1].

В дополнение к донесению моему в департамент полиции от 13 сего апреля за № 222, копия коего представлена вашему превосходительству от того же числа апреля за № 223, доношу, что произведенные мною негласные расследования разыгравшегося в Н. Сыроватке, Сумского уезда, события выяснили следующее:

Еще в 1912 году население Н. Сыроватки было против выхода крестьян из общины на отрубные участки и не дало приговора тем 17 дворам, которые тогда пожелали выделиться, находя, что жить в общине

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1915 г., д. № 258.

лучше и выход на отруба пользы не принесет; в доказательство правоты своего рассуждения крестьяне приводили то обстоятельство, что надел отдельного крестьянина составляет в среднем полторы десятины земли, причем в это число входят пахотная земля, усадьба, сенокос, а, выделившись на участок, каждый крестьянин принужден будет пасти скот только по своей собственной земле и, кроме того, нанимать отдельного пастуха, что казалось им неудобным.

Означенные выше 17 дворов все же были выделены, что вооружило население как против выделившихся, так особенно против членов землеустроительной комиссии.

В 1913 и 1914 гг. тоже происходили трения между общественниками и отрубщиками, т. е. теми, которые желали выделиться из общины.

В текущем году против выхода отдельных крестьян на отрубные участки были особенно жены крестьян, взятых на военную службу, и событие 12 апреля местное население называет «бабьим бунтом» в виду значительного преобладания среди толпы крестьянок.

Солдатки (или как их называет местное население, «гусарки») боялись как бы отрубщики, пользуясь отсутствием их мужей, не захватили лучшие участки. Кроме того, солдатки изучили и привыкли к своим наделам, правда, часто разбросанным мелкими кусками на большом пространстве, но этими частями они пользовались годами и были уверены, что отрубщикам комиссия сделает нарезку земли в их наделах, а им отведет другие участки на новом незнакомом месте и с землей худшего качества.

По словам земского начальника Петрищева, солдатки еще 8 апреля просили его работы по выделению крестьян отложить до окончания войны, т. е. до возвращения их мужей, и об этой просьбе крестьянок он, Петрищев, своевременно доложил г. харьковскому губернатору.

Как я указывал в своем донесении в департамент полиции, из 2 100 дворов Н. Сыроватского сельского общества в текущем году пожелало выделиться из общин 106 дворов, причем уполномоченными последних были крестьяне Егор Денисов Пташник, Кирилл Семенов Стахно, Иван Семенов Стахно и некоторые другие. Убитые толпой Егор Пташник, Кирилл Стахно и жестоко избитый Иван Стахно давно были нелюбимы своими односельчанами, которые видели в них «деревенских кулаков». Действительно, будучи людьми состоятельными, братья Стахно по дешевой цене, с правом укрепить за собой, закупали земли тех крестьян, которые переселялись в другие края и окончательно ликвидировали свою движимость и недвижимость.

По показанию местного полицейского урядника Оношко, вышеозначенным путем братья Стахно приобрели 25 наделов земли в количестве 38 десятин, причем своей крепостной земли у них имелось 90 десятин, но земли братьев Стахно были разбросаны во многих местах сравнительно небольшими кусками, и, желая иметь их в одном месте, они больше других хлопотали о выделении.

При выходе на отруба братья Стахно могли продавать за 500—600 рублей те земли, что сами случайно и дешево приобретали. Малоземельные крестьяне и солдатки были озлоблены против отрубщиков вообще, а против братьев Стахно и Егора Пташкина в особенности, чем и об'ясняется как безжалостная расправа толпы с ними, так и радостные крики «ура» после совершения над ними самосуда.

По показанию как полицейских чинов, так и г. Петрищева, 8 апреля около здания Н. Сыроватского волостного правления собралось много крестьянок-солдаток, вооруженных лопатками, палками. Крестьянки заявили, что они ни за что не позволят землеустроительной комиссии

произвести работы по выделению отрубщиков, причем солдатка Мария Шульгина кричала из толпы: «Пусть они (члены землеустроительной комиссии) режут отрубные участки, а им голову отрежут», о чем г. Петрищевым (по его же словам) был составлен протокол и того же 8 числа вечером им о словах Шульгиной и волнении крестьянок сообщено непременному члену комиссии Монтримовичу.

9 апреля волостной старшина Петр Токарь довел до сведения г. Петрищева, что в с. Н. Сыроватке бунтуют около 500 солдаток, которые вооружены лопатами, кольями. Далее старшина Токарь сообщал, что часть крестьянок расположилась в поле, где предполагались работы комиссии, а часть — около волостного правления, но вечером того же дня крестьянки разошлись по домам. 10 апреля солдатки, вооруженные кольями и лопатами, предложили землемеру Харченко бросить работы и уехать из Н. Сыроватки.

Того же числа солдатки, в присутствии помощника Сумского уездного исправника Лавровского просили земского начальника Петрищева никого на отруба не выделять, так как они не найдут новых участков. Собравшаяся в этот день около волостного правления толпа нанесла побои отрубщику крестьянину Косину, когда он проходил среди нее, направляясь в волостное правление, причем из толпы раздавались крики: «Не позволим комиссии работать, голову оторвем». Кем-то был среди крестьян пущен слух, что отрубщики братья Стахно и Егор Пташник надеются без согласия крестьянского общества при помощи землеустроительной комиссии получить участки земли там, где хотят, и притом на лучших местах. Эти слухи сильно волновали противников выхода из общины.

Землеустроительная комиссия и полиция не могли не знать настроения крестьян, но, по всей вероятности, событиям, имевшим место 8, 9, 10 апреля, не придали особенно большого значения, иначе трудно об'яснить прибытие 12 апреля в Н. Сыроватское волостное правление землеустроительной комиссии с небольшим нарядом полиции.

Местное население, увидя членов комиссии и полицию, предположило, что землеустроители будут работать под охраной полиции, и недовольство толпы как теми, так и другими стало сильно возрастать. Пока члены комиссии совещались в помещении волостного правления, толпа, состоявшая большею частью из крестьянок, со всех сторон осадила здание волости, и настроение ее сделалось угрожающим. Землеустроительная комиссия решила, в виду недовольства большинства крестьянского населения, работы по выделению отрубщиков отложить, о чем толпе об'явили сначала уполномоченные, а потом земский начальник Петрищев и член комиссии Серебряков, но толпа уже не слушала ни тех, ни других и стала ломиться в здание волости, где в судейской комнате заперлись уполномоченные от отрубщиков крестьяне братья Стахно и Егор Пташник.

Революционная подготовка толпы к описанным действиям ничем не подтверждается. За три-четыре недели до этого случая Н. Сыроватское сельское общество горячо откликнулось на призыв послать подарки воинам и собрало солидную сумму денег и пожертвовало большое количество с'естных припасов. Среди арестованных по Н. Сыроватскому делу находятся два баптиста — Серяк и Волк, но в чем выразилось их участие в этом деле, сведений у меня не имеется. Священник Покровской церкви с. Н. Сыроватки, Сумского уезда, о. Николай Стефановский привлечен к следствию за агитацию среди крестьян вышеупомянутого села судебным следователем Сумского окружного суда по особо важным делам Малининым и в настоящее время находится в г. Харькове,

где был вызван своим духовным начальством. 12 сего апреля в 5 часов утра священник Николай Стефановский совершал в своей церкви богослужение «утреню», во время которой сказал молящимся речь, в коей как будто выразился: «Солдатки, защищайте свою землю от насильников богачей, которые хотят отнять у вас ее, и не давайте землеустроительной комиссии производить нарезку земли», слова эти подтверждают несколько крестьянок, которые допрашиваются в настоящее время вышеупомянутым судебным следователем.

По другой версии священник Стефановский, напротив, призывал крестьян к спокойствию, и земский начальник Петрищев дал мне о нем самый лестный отзыв.

По показанию очевидцев, толпу на расправу с помощником исправника Лавровским толкнули выстрелы, раздавшиеся в сборщицкой комнате, что действительно несколько выстрелов из револьвера вверх произвел г. Лавровский, очевидно, предполагая тем испугать толпу, которая избивала уполномоченных. Но выстрелы эти произвели обратное действие, и толпа с криком: «В нас стреляют, бей их» — ворвалась в сборщицкую комнату и жестоко избила г. Лавровского.

Расследование выяснило, что враждебное отношение населения к отрубщикам и членам землеустроительной комиссии не было минутным явлением, а развивалось постепенно, и это было известно как последним, так и полицейским властям, но те и другие не придали должного значения настроению крестьян. По словам земского начальника, г. Петрищева, когда он о волнении среди крестьянок сообщил члену комиссии Монтримовичу, последний ответил, что «такие протесты населения — обычное явление при выделении отрубщиков». Подтверждением изложенного может служить и то обстоятельство, что члены комиссии, не считаясь с воскресным и базарным днем, прибыли в полном составе 12 апреля в слободу, где насчитывается более 15 000 населения. Крестьянская семья, на которую особенно тяжело давит война, подозрительно относится ко всякому переустройству их жизни, тем более, если это делается без надлежащей подготовки массы и отсутствия истинного понимания настроения населения со стороны землеустроителей, что безусловно имело место в данном случае.

Ротмистр Майборода.

Рапорт начальнику Харьковского жандармского управления помощника начальника в Сумском районе, 30 апреля 1915 г.[1]

Унтер-офицер, находящийся на пункте в г. Ахтырке, донес мне, что в сл. Боромля, Ахтырского уезда, имело место следующее происшествие.

11 сего апреля туда прибыли два землемера из состава Ахтырской землеустроительной комиссии для производства подготовительных работ по землеустройству. Узнав об этом, жены крестьян, принятых на военную службу, в числе 200 душ 13 апреля собрались во дворе волостного правления и стали кричать, что не позволят делить земли до возвращения их мужей с войны. Находящийся среди солдаток крестьянин той же слободы Алексей Михайлович Романика сказал им, что солдаткам не мешало бы дать хороших плеток. Солдатки набросились на Романику, который, получив два удара в голову, спасся бегством. Вышедший к толпе сельский староста Петр Тыченко об'яснил собравшимся, что землемеры будут производить дележ отрубных участков на плане, а нарезку земли по окончании войны, после чего солдатки успокоились и разошлись по домам.

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1915 г., д. № 369.

22 апреля в сл. Боромля выезжали для производства расследования этого дела ахтырский уездный исправник С. Ф. Хижняков и член ахтырской землеустроительной комиссии Криницкий. Из толпы особенно протестовали крестьянки-солдатки: Евфросинья Кондратьевна, Баева, Марфа Никифоровна Баева, Наталия Семеновна Емцова, Татьяна Маркобна Белоконь; кроме названных лиц, отмечен находящийся на поправке раненый нижний чин Давид Григорьевич Шаповалов, который кричал из толпы: «Не давайте делить землю и не выходите на отруба; бейте землемеров; кто будет делить землю, я сам из них пять человек уложу, и с ними то же самое, что было в Сыроватках».

Мною получено другое, почти однородное с изложенным, донесение от унтер-офицера, находящегося на пункте в г. Лебедине, о происшествии в сл. Аннине, Лебединского уезда.

В названную слободу в средних числах сего апреля (время точно не указано) прибыл землемер Макаренко, командированный туда непременным членом лебединской землеустроительной комиссии Племянниковым для разверстки крестьянской надельной земли на отрубные участки тем 22 домохозяевам, которые изъявили желание выделиться из общины.

Когда крестьянки-солдатки узнали о прибытии землемера Макаренко, то, собравшись в числе 40 душ и вооружившись санками и лопатами, явились к нему и попросили работы по выделению отрубщиков прекратить до возвращения их мужей с войны, причем предупредили, что если их просьба не будет уважена — могут «произойти неприятности». Землемер Макаренко немедленно выехал в Лебедин, и, по сведениям, работы по выделению отрубщиков отложены на некоторое время.

Донося о вышеизложенном, присовокупляю, что в данное время к работам землеустроительных комиссий громадное большинство населения (особенно солдатки) вверенных моему наблюдению уездов относится не только отрицательно, но и враждебно, так как большая часть крестьянок-хозяев на войне, и в их отсутствии переустройства земли хотят лишь немногие.

Ротмистр Майборода.

Из письма начальнику штаба верховного главнокомандующего ген. Алексееву [1]

Копия.

О том, что именно заставило нас сложить оружие и перейти на сторону неприятеля.

Землеустроительная комиссия поручила сумскому исправнику Преображенскому выселить принудительно из собственных домов и усадеб на отрубные участки 80 солдаток из с. Сыроватки, мужья которых находятся в окопах на войне. Солдатки, не имея от своих мужей на то распоряжения, начали просить исправника и начальствующих лиц отсрочить выселение впредь до возвращения с войны их мужей или же дать им хотя несколько дней срока, пока они письменно испросят от своих мужей согласие и указание, где им они укажут поселиться, так как на отведенных для них отрубных участках не было никаких построек, а на дворе были весенние холода. Но исправник и подписавший распоряжение о выселении были неумолимы и, не взирая на мольбы и вопли несчастных солдаток и их детей, брали каждую из них

[1] Из неупорядоченной россыпи документов канцелярии харьковского губернатора за 1915 г.

и силой тащили в арестантскую волостного правления. Забилось сердце у русского мужика, видя истязание и поругание солдатской семьи, бросились около 2 тысяч на полицию и волостное правление, и, разгромивши его, освободили несчастных, а двух местных крестьян-богачей, купивших гнезда солдаток, и в угоду которых учинил исправник усердное выселение, толпа убила. Потом через три дня прибыл в с. Сыроватку губернатор и, не разобравшись с виновностью, арестовал 80 солдаток и отправил их в Харьковскую тюрьму, а действительных виновников не привлек к ответу. Прекрати выселение, не было бы такого прискорбного случая, и не было бы вызвано протеста со стороны рабочих 7 заводов, расположенных в г. Сумах...

Но обиднее всего для солдат то, что русские богатые, подлежавшие к призыву вместе с нами, остались дома, не призваны — Наседкины, Феоктист Кулеш, Котенко, живущий в здании сумского казначейства, Федор Свиридов призыва 1898 года, 4 сына купца Шульгина, 5 сыновей Константина Пашкова, 5 сыновей купца Коваленко, Зубченко и другие. Вот тот источник, откуда исправник сотни тысяч нажил, благодаря покровительству предводителя дворянства.

Вот эти картинки с краткими описаниями, но с фактами, говорящими сами за себя, возбудили как в окопах на войне, так и дома и среди солдат ропот и негодование.

Бить и выгонять и сажать в тюрьму солдаток, освобождать богатых сотнями от призыва, скрывать врагов и их имущества на миллионы за мзду, тогда как на поле брани потоками, от миллионов солдат, льется кровь, — тоже не легкое преступление, [они] должны [быть] наказаны в пример прочим, и такое наказание послужит погашением того, что сделали. Желательно, чтобы наше раскаяние дошло до брата-солдата.

Прошение это направляется через колониста Шольца чеха, через колонии Бабье и Тынзе, Ковальского уезда. В прошении этом за зорким за нами досмотром и неграмотностью некоторых из нас доверили расписаться чеху Шольцу.

Сложившие оружие и сдавшиеся добровольно в неприятельский плен нижние чины из крестьян Н. Сыроватской волости, Сумского уезда. Павел и Степан Шевелевы, Емельян Быйбатько, Емельян Котелевцев и Федор Поляков. Подпись Иоган Шольц.

Письмо председателя 2 уголовного департамента Харьковской судебной палаты В. Гриневича харьковскому губернатору Н. В. Протасьеву 10 сентября 1915 г.[1].

Милостивый государь Николай Васильевич.

На 4 ноября текущего года в г. Сумах, в здании Окружного суда, назначено к слушанию в судебном заседании Харьковской судебной палаты, по 2 уголовному департаменту, с участием сословных представителей, дело о сопротивлении власти, оказанном 12 апреля сего года крестьянами слоб. Нижней Сыроватки и сопровождавшееся убийством 2 крестьян и причинением насилия, побоев, поранения и увечий помощнику уездного исправника, нижним чинам полиции и другим должностным лицам.

Дело это, по которому в судебное заседание вызывается 43 подсудимых и свыше двухсот свидетелей из числа жителей слоб. Нижней Сыроватки, судебное рассмотрение коего продлится несколько дней, вызывает естественно острый интерес среди местного населения, почему и в

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1915 г., д. № 193, лл. 184 — 185.

виду незначительности расстояния, отделяющего названную слободу от города, возможно ожидать прибытия в Сумы в день разбора дела большого количества жителей этой весьма населенной слободы.

Сообщив сумскому уездному исправнику о командировании на 4 ноября и на последующие дни усиленного наряда полиции для содействия к поддержке порядка внутри здания Окружного суда, я вместе с тем считаю долгом о вышеизложенном довести до сведения вашего превосходительства, на предмет зависящих от вас распоряжений местной полиции по принятию мер к предупреждению скопления толпы у здания Окружного суда и возможности нарушения уличного движения, порядка и общественного спокойствия.

Пользуясь настоящим случаем, прошу ваше превосходительство принять уверение в совершенном почтении и преданности.

В. Гриневич.

Рапорт пом. нач. Харьковского жандармского управления в Сумском районе начальнику Харьковского жандармского управления. 3 ноября 1915 г.[1].

Доношу вашему превосходительству, что отношение крестьян к войне в настоящее время не вылилось в какую-либо определенную форму, так как наряду с видимою усталостью и желанием мира, все еще есть сознание довести войну до победоносного конца.

Предоставленная сама себе, деревня в большинстве случаев живет слухами, часто далеко не соответствующими действительности, а возвращающиеся с войны раненые освещают события с точки зрения того небольшого участка, на котором им приходилось действовать; отсюда угнетенное настроение, к поднятию которого абсолютно никаких мер не принимается.

Нетактичные действия землеустроительной комиссии по проведению в жизнь отрубного хозяйства привели в минувшем апреле к беспорядкам в селе Нижней Сыроватке, в результате которых были избиты чины полиции, в том числе и помощник сумского исправника, и убито двое крестьян, и хотя в настоящее время земельный вопрос острого характера не имеет, но, повидимому, крестьяне рассчитывают на некоторые, после войны, земельные компенсации.

Какую после войны форму примет земельный вопрос, сказать теперь затруднительно, весьма возможно, что выразится в аграрных беспорядках; один из находящихся в действующей армии крестьянин Сумского уезда по этому поводу пишет к себе в деревню, «что когда война кончится, и они вернутся домой, то отберут от панов землю».

Ротмистр Майборода.

Рапорт помощника начальника Харьковского жандармского управления в департамент полиции 1916 г.[2].

В дополнение телеграммы от 16 сего мая за № 527 доношу, что разгром принадлежащего Кулишеву магазина произошел при следующих обстоятельствах: часов в 8 утра 16 сего мая, в означенный мага-

[1] ЦАР УССР, Харьковск. губерн. жанд. управл., 1915 г., д. № 65.
[2] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1916 г., д. № 167.

зин явилась за покупкою сахара какая-то дама, которой и было отпущено 6 фунтов рафинада и 4 фунта песку. Присутствующие при этой покупке несколько женщин обратились с просьбой продать им сахару, но им в этом было отказано, и когда они указали на то, что покупательницам в шляпках продают, а им нет, то их из магазина удалили, а самый магазин заперли.

Между тем собравшаяся перед магазином толпа требовала продажи сахара Кулишевым, отказываясь покупать таковой рядом, в магазине Кенига, открытом по распоряжению пристава города Сум.

Чтобы успокоить толпу, полицией было предложено ей выбрать двух мужчин и двух женщин для осмотра магазина Кулишева, дабы убедиться в том, есть ли там сахар, или нет. Выборные, осмотрев магазин, заявили толпе, что сахару нет. Но толпа им не поверила и чуть их не избила; в закрытые железные жалюзи окна магазина и находившуюся на втором этаже квартиру Кулишева полетели камни.

Толпа увеличивалась и явно выражала намерение двинутья на квартиру Кулишева для расправы; малочисленный наряд полиции — 12 пеших городовых и 5 стражников — преградили путь и увещеваниями сдерживали некоторое время толпу, численность которой возросла до 2 тысяч человек: появились вооруженные кольями и снятыми с возов оглоблями.

Воспользовавшись тем, что внимание полиции было обращено на квартиру Кулишева, какой-то подросток отвернул петлю жалюзи окна, случайно оказавшуюся незапертой на замок; при криках «ура» жалюзи поднялись; окно было осыпано камнями и к нему бросилась часть толпы с целью проникнуть в магазин; наряд полиции, в свою очередь, поспешил туда же и начал оттаскивать пытавшихся лезть в окно.

Во время описываемых событий толпа продолжала выворачивать булыжники мостовой и бросать их в дом Кулишева. Одним из камней, отскочившим от стены, был ушиблен в голову помощник сумского исправника Широкий; при виде появившейся у него крови толпа закричала «ура».

Широкий скомандовал вынуть шашки. Наряд обнажил оружие; толпа от магазина отхлынула, в это время раздались крики: «Бей полицию».

Спустя несколько минут Широкий от полученного в голову ушиба упал; несколько городовых бросились его поднимать, толпа, воспользовавшись поспешдшим в народе замешательством, прорвалась в магазин, и разгром начался.

Обстоятельство усложнялось еще тем, что в городе по случаю призыва новобранцев, коих было две тысячи, и базарного дня находилось много пришлого люда.

Ввиду невозможности прекратить буйство силами полиции, было прибегнуто к содействию войск, но в наличности оказалась только слабосильная команда без ружей и патронов, которых не было и в распоряжении сумского уездного воинского начальника. За ружьями пришлось обратиться в расположенный за городом кадетский корпус, и в 2 часа дня было доставлено на извозчиках 50 человек, под командой воспитателя корпуса подполковника, но к этому времени магазин Кулишева был разгромлен, толпа не расходилась и держала себя вызывающе.

Около 3 часов дня в толпе начал циркулировать слух, что Кулишевым заперты в подвал ходившие на осмотр магазина женщины. Тогда находившийся тут же судебный следователь по важнейшим делам Малинин предложил толпе выбрать из своей среды двух женщин и двух мужчин, с которыми он подробно осмотрел не только магазин Кули-

шева, но и весь двор с надворными постройками, причем были вскрыты все бочки и ящики, что делалось также с целью обнаружить наличность сахара.

Во время этого осмотра, одна из понятых женщин, назвавшаяся крестьянкой Сумской волости Дарьей Валериановной Федоренковой, обращаясь к следователю заявила: «Теперь уже поздно взялись искать сахар, мы сами будем искать, а то нам не дадут ни сахару, ни обуви, ни одежды».

Узнав о результатах осмотра, толпа успокоилась и начала расходиться, остались лишь ожидавшие очереди для покупки сахара в магазине Кенига.

Кроме помощника исправника Широкого, рана которого оказалась легкой, были нанесены побои не тяжкие попавшему в толпу редактору местной газеты «Сумский вестник» Ивану Григорьевичу Ильченко, которого приняли сначала за Кулишева, и крестьянину Черниговской губ. Ивану Петрову Холуяка, ударившему нагайкой одну из грабивших женщин.

Главное участие в разграблении магазина принимали женщины и подростки.

Точно определить сумму понесенных Кулишевым убытков, за неимением описи товара, не представляется возможным, но можно полагать, что она достигает 50 тысяч рублей. Кулишев вел оптово-розничную торговлю черно-бакалейным товаром. Произведенными в городе и окрестных деревнях розысками обнаружено большое количество награбленного у Кулишева товара.

Следствие ведется следователем по важнейшим делам Малининым, виновные выясняются.

Обращаясь к причинам, вызвавшим погром, необходимо притти к заключению, что таковыми являются — беззастенчивая спекулятивная деятельность купцов, с одной стороны, а с другой — инертное отношение к нуждам населения городской управы и небезгрешность последней в делах с сахаром.

Переходя по этому вопросу к первому положению, нужно заметить, что торгующие сахаром купцы, не выпуская его на местный рынок, продавали большими партиями на сторону, чем занимался и Кулишев; подобного рода проходящая на глазах населения деятельность и послужила причиной озлобления, приведшего в конце концов к погрому, после которого отсутствующий ранее на рынке сахар нашелся, и за два дня его было продано 8 тысячам покупателей.

Что же касается городской управы, то из представляемой при сем вырезки местной газеты «Сумский вестник» от 7 сего мая усматривается необ'яснимая комбинация управы с принадлежавшим земству сахаром, сданным управе на хранение.

Кроме изложенного, замещающий в настоящее время городского голову Николай Степанович Крамаренко, участвующий в комиссиях по борьбе с дороговизной, сам был замешан в спекуляции с сахаром, о чем производилось дознание.

К изложенному докладываю, что о предшествовавших погрому фактах ходят разные разноречивые слухи, и что в действительности послужило толчком к погрому, установить пока не представилось возможным, но можно предполагать, что изложенная выше версия продажи сахара из магазина Кулишева одним лицам и отказ другим, достаточно правдоподобна, так как таковые факты, как уже установлено, имели место в дни до погрома.

Полковник Леваневский.

Рапорт начальнику Харьковского губернского жандармского управления[1]

Унтер-офицер Дуброва доносит, что 30 мая с. г. в г. Старобельске произошли беспорядки при следующих обстоятельствах. Жена судебного пристава Матрена Сыроваткина, будучи около 10 часов утра на базаре, купила у крестьянки слоб. Чмыровки, Старобельской волости, того же уезда Екатерины Григоренко десяток яиц и хотела заплатить по таксе 25 коп. Григоренко отказалась дать яйца менее 35 коп. Сыроваткина обратилась к городовому Ясенко, который, в виду того, что Григоренко не хотела верить в существование таксы, пригласил ее в полицейское управление. В то время, когда Ясенко, Григоренко и Сыроваткина подходили к полицейскому управлению, на них набросились крестьяне той же слободы Чмыровки Григорий Верхмоводов и Александра Григоренко и, сбив с ног городового Ясенко, стали его избивать. Городовому Ясенко удалось вырваться и забежать во двор полицейского управления, куда он потащил за собою и Екатерину Григоренко. В это время к полицейскому управлению сбежалась толпа народа, причем главным образом в этой толпе, около 200 человек, были женщины. На этот шум к толпе вышел исправник Коронацкий. Толпа, окружив его, потребовала освобождения Екатерины Григоренко и выдачи городового Ясенко. Первое требование было исполнено, а второе нет. Толпа пришла в ярость и стала теснить исправника Коронацкого. К этому времени прибыли 13 конных стражников, которые разогнали толпу. Когда исправник вошел в полицейское управление, то толпа стала бить окна в квартире исправника, помещающейся в одном здании с полицейским управлением, а затем стала бросать камни в стражников. Последние стали удаляться от толпы, так как стражникам не было разрешено употреблять в дело оружие для защиты себя. К полицейскому управлению прибыл с конвойной командой уездный воинский начальник полковник Козлов. К этому времени толпа рассыпалась по городу и стала бить стекла в магазинах и в частных квартирах. При этом из толпы раздавались крики: «Бей полицию и магазины», «На наши продукты паны устроили таксу, а в магазинах продают товары по чем хотят». Толпой побиты были окна в доме купца Руднева, в доме наблюдающего за базарными ценами по назначению городского самоуправления Тремпольцева, в доме Пучкова; некоторые из женщин ворвались в квартиру городового Ясенко и учинили там разгром. Затем толпа вернулась к полицейскому управлению, но здесь полковнику Козлову и исправнику Коронацкому удалось толпу уговорить, и толпа разошлась мало-по-малу. Пострадавших ни со стороны чинов полиции, ни со стороны народа нет. Такса установлена харьковским совещанием по продовольственному делу. Донося о вышеизложенном, добавляю, что такса вообще вызывает крайнее озлобление среди крестьян положительно во всех уездах.

Крестьяне, указывая на полное отсутствие таксы для товаров в магазинах, говорят: «Паны позволяют купцам грабить, а в то же время нас заставляют продавать по таксе». Эти слова повторяются не отдельными лицами, а положительно массами крестьянского населения.

Причем зачастую агитируют среди крестьян и их подбивают местные торговки, которые при существовании таксы положительно лишаются возможности заниматься скупками и перепродажами.

Подполковник Давыдов.

---

[1] ЦАР УССР, Харьков. губерн. жанд. управл., 1916 г., д. № 172.

Из сводной записки Харьковского губернского жандармского управления о революционном движении и настроении населения в период с мая по июль 1916 г.[1].

Общее недовольство населения дороговизной жизни на почве спекуляции торговцев начинает принимать характер, угрожающий спокойствию, и выливаться в форму, крайне опасную: погромов магазинов и открытого сопротивления чинам полиции при подавлении беспорядков. Так, толпами в тысячу и более человек, состоявшими главным образом из женщин и подростков, произведены были погромы магазинов: 16 мая в г. Сумах — Кулишева и 19 мая в с. Юнаковке, Ахтырского уезда — Мирененки и Лазебного, причем в обоих этих случаях толпами оказано было сопротивление чинам полиции и в них бросали камни. (Об этих происшествиях подробно изложено в сообщениях в департамент полиции помощника моего в Сумском, Ахтырском и Лебединском уездах 21 и 23 мая сего года за №№ 546 и 564). Кроме того, 30 мая сего года в г. Старобельске из-за понуждения полицией продавать продукты на базаре по установленной таксе подобной же толпой произведены были беспорядки, выразившиеся в разбитии оконных стекол в здании уездного полицейского управления и в некоторых частных домах. Об этом происшествии подробно изложено в копии донесения помощника моего в Изюмском, Старобельском и Купянском уездах, препровожденной в департаменте полиции от 4 июня сего года за № 3276.

Главной причиной указанных выше беспорядков послужило нарастающее озлобление населения против торговцев за крайне поднятые ими цены на все товары, главным образом предметы и продукты первой необходимости, и уверенность, что правительство не в состоянии вести правильную борьбу с дороговизной жизни. Нормировка цен на продукты первой необходимости в той форме, в какой она ныне производится, т. е. без участия представителей от населения, и полное отсутствие таковой на товары, являющиеся также предметами первой необходимости, как-то: обувь, материалы для платья и пр., вызывают среди населения нежелательные толки о том, что «паны» установили цены на продукты и тем заставляют продавать их по известной цене в ущерб интересам крестьян, тогда как в магазинах на товары цены не установлены. Таким образом начинает развиваться недовольство крестьян интеллигенцией вообще и в частности — администрацией и полицией, как органов правительственной власти, тем более, что к полиции, приводящей в исполнение обязательные представления по вопросу о дороговизне жизни, население относится с полным недоверием в смысле ее неподкупности. Такое положение не может быть признано нормальным и требует, по моему мнению, принятия быстрых и решительных мер против спекуляции торговцев, так как в противном случае погромы магазинов могут широкой волной разлиться по губернии, принося с собой не только разорение отдельных лиц, но и подорвать торговлю вообще. Кроме того тыловые беспорядки не могут, конечно, не воздействовать отрицательно на дух нашей армии, если они примут широкие размеры и к тому же будут подавляться вооруженной силой.

---

[1] ЦАР УССР, Харьков. губерн. жанд., управл. 1916 г., д. № 1662, л. 69.

Отношение харьковского губернатора главному начальнику Киевского военного округа, 4 июля 1916 г.[1].

В последнее время, в связи с продовольственным кризисом, в разных местах губернии возникают беспорядки, для подавления которых в наличности имеется очень мало сил. Так например, когда возникли беспорядки в Сумском уезде, то пришлось туда командировать из г. Харькова 40 конно-полицейских стражников, а в Харькове осталось всего 60 человек.

В случае, если бы в это время возникли беспорядки и в других местах губернии, и из г. Харькова, как единственного резерва, пришлось бы отрлечь еще некоторые силы, то такой крупный центр остался бы совершенно без кавалерийской части. Кроме Харькова, во вверенной мне губернии имеется очень большой уездный город Сумы, в котором насчитывается до 60 000 человек жителей. Этот город, с выходом из него расположенного там драгунского полка на театр военных действий, охраняется в настоящее время всего 25 конно-полицейскими стражниками и 60 городовыми. Когда возникли в этом городе и в уезде беспорядки, то пришлось стянуть туда до 100 конно-полицейских стражников, обнажив некоторые уезды губернии от всякой охраны.

В предупреждение того безвыходного положения, в котором может оказаться Сумский уезд в случае возникновения там беспорядков, которые тем легче возникают, что население более убеждено в недостаточности сил для их подавления, я покорнейше прошу ваше превосходительство, не найдете ли вы возможным снестись с главным начальником Московского военного округа о разрешении перевести в Сумы одну роту саперного батальона, расположенного в Харькове; помещения же для роты будут приготовлены Сумской городской думою в казармах драгунского полка.

Равным образом необходимо иметь не менее одного эскадрона или сотни в г. Харькове, дабы гражданская власть не оказалась в таком безвыходном положении, как это было в 1905 году, во время бывших там крупных беспорядков.

Поэтому покорнейше прошу сношения вашего высокопревосходительства или с начальником Одесского округа о переводе в г. Харьков сотни из г. Луганска, или же с главным начальником Московского военного округа о расквартировании здесь какой-либо кавалерийской части Московского округа. Это представляется крайне необходимым в ограждение города от каких-либо крупных беспорядков, которые в настоящее время, при отсутствии продуктов первой необходимости и при чрезвычайной дороговизне жизни, всегда легко могут возникнуть.

Считаю долгом при этом пояснить, что если я настаиваю на командировании именно кавалерийской части в г. Харьков, то делаю это по тем соображениям, что пехота может действовать только оружием, тогда как кавалерия имеет возможность прекращать возникающие беспорядки путем натиска на толпу и действия нагайками, прибегать же к употреблению холодного огнестрельного оружия лишь в крайних случаях.

Прошу по этому делу не отказать меня уведомить.

Вице-губернатор и. д. губернатора [Фон-Розен].

---

[1] Из неупорядоченной россыпи документов канцелярии харьковского губернатора за 1916 г.

Революционное казачество Дона в борьбе с контрреволюцией

В первый период существования Советской власти буржуазно-помещичья контрреволюция, разбитая в основных решающих пролетарских центрах, сосредоточила свои силы на окраинах России, особенно, на Дону и на Кубани.

Стягивание казачьих частей на Дон началось после провала корниловской авантюры. Контрреволюция видела в казачьих частях свою реальную опору рассчитывая, что имевшее особые привилегии казачество, издавна использовывавшееся царизмом для колонизации окраин, легко будет увлечь на борьбу против Советской власти.

Помещичья и кулацкая часть казачества, угнетавшая и эксплоатировавшая крестьянскую бедноту и трудовые массы казачества, являлась базой для формирования белогвардейских частей, брошенных на борьбу против власти Советов. Развернувшаяся еще в дооктябрьский период классовая борьба внутри казачества приобрела особо ожесточенную форму после установления Советской власти. Беднота и наиболее сознательная часть трудового казачества выступила против своих верхов за признание и поддержку советов. Борьба с Калединым революционных казаков была реальным подтверждением этого факта.

«Против Каледина,— говорил В. И. Ленин,— стоит явно большинство крестьян и трудового казачества даже на Дону»[1].

Попытки вооруженного нападения на Советы со стороны донской контрреволюции встретили ожесточенное сопротивление в среде самого казачества. Революционная часть казачества вместе с отрядами рабочей красной гвардии отбивала атаки калединцев и других белогвардейцев.

Борьба за власть Советов в Донской области носила ожесточенный характер. Рабочим, крестьянам и трудовому казачеству области пришлось пережить зверский террор и жестокую расправу белогвардейских генералов и казачьих атаманов. Революционное трудовое казачество под руководством Коммунистической партии весь период гражданской войны твердо отстаивало рабоче-крестьянскую власть, и вместе со всеми трудящимися нашей социалистической родины, в результате великой пролетарской революции, добилось огромных побед социализма, открывших новую счастливую и радостную жизнь для трудовых масс нашей страны.

Постановление советского правительства об отмене для казачества всех ранее существовавших ограничений в отношении их службы в рядах рабоче-крестьянской Красной армии было встречено с величайшим под'емом всеми казачьими станицами Дона, Терека, Кубани и т. д.

Жизнь трудового казака при царе, при Временном правительстве и при других белогвардейских правительствах была исключительно тяжела. Только в стране победоносного социализма трудовое казачество получило счастливую радостную жизнь. Об этом красноречиво говорят казаки, выступавшие на митингах, посвященных постановлению правительства о снятии ограничений

---

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 148.

службы казаков в рядах Красной армии. Так например, донской казак Спичак заявил:

«Служил, братцы, царю, Керенскому. Все четыре «Георгия» висели на моей груди, но они не могли скрасить моих дум о бедности и голодании оставленной бедняцкой казачьей семьи. По морде били сотники «георгиевских кавалеров»... Я буду счастливейшим человеком в мире, если удастся, защищая страну, получить орден Советской страны, той страны, где партия под руководством товарища Сталина вывела меня и миллионы таких, как я, из нищеты» [1].

Не менее характерно заявление старого казака, члена колхоза им. Молотова т. Лосева:

«Меня,— заявил т. Лосев,— да и многих из наших нынешних колхозников белые генералы хотели сделать врагами советской власти. В 1918 году генерал Краснов, посылая нас в бой, говорил: «Вот ваш враг. Если красные возьмут Дон, то они заберут вашу землю, скот, а вас сотрут с лица земли». Я еще тогда понимал, что генералы и офицерье обманывают. Перешел к красным, окончил командные курсы, командовал кавалерийским взводом. С 1929 года я в колхозе. В нынешнем году заработал 620 трудодней. Есть у меня все для того, чтобы жить счастливо. Поэтому пусть знают враги, что и мы, старики, еще не разучились держать в руках острую казацкую саблю!».

В публикуемых ниже документах отражена борьба революционной части донского казачества с бандами белогвардейцев, пытавшихся задушить советскую власть и восстановить диктатуру буржуазии и помещиков. Хронологически печатаемые документы относятся к первому периоду существования советской власти. В этих документах, главным образом, резолюциях и постановлениях станичных с'ездов и собраний казаков и некоторых казачьих частей вскрывается имевшая место глубокая внутренняя борьба в среде казачества.

Документы подобраны и подготовлены к печати сотрудником ЦАОР т. Орентлихер. Документы хранятся в фондах Центрального архива Октябрьской революции.

Г. Костомаров.

Телеграмма председателя исполнительного комитета 1 армии Войтова в Ставку главковерха т. Крыленко, 1 декабря 1917 г., № 515. [2]

Просим разрешения послать на Дон казачий полк, в революционности которого армиском не сомневается. Постановление полкового комитета: сместить правительство Каледина, ведущего ложную политику и толкающего казацкую рядовую демократию на братоубийственную войну с революционной красной гвардией. Инициатива исходит от самого полка. Армиском принципиально за посылку. Казаки готовы к погрузке, ждут разрешения. Повезут много агитационной литературы.

Председатель армискома (подпись).

Телеграмма начальника революционного полевого штаба Ставки Тер-Арутюнянца главнокомандующему советскими войсками на юге России Антонову-Овсеенко, 23 декабря 1917 г., № 221. [3]

Кавказский и 2 Хоперский казачьи полки просят отправить их в Царицын с оружием. В полках произведены выборы начальства, имеется постановление полка о признании власти Народных комис-

[1] «Правда» от 23/IV—36 г.
[2] ЦАОР, ф. 375, 1917/18 г., д. № 12, л. 6.
[3] Там же, л. 35.

саров и Совета, идут против Каледина, оставляют заложников. Со стороны главковерха препятствий не встречается. Ждем вашего решения.

Начальник революционного полевого штаба Ставки [подпись].[1]

Революция Воронежского с'езда советов раб., солд., крест. и каз. деп. совместно с представителями трудового казачества 7—9 января 1918 г.[2]

По докладу тов. казака Кудинова: Трудовое казачество и революция. В то время, как по всей России идет борьба между трудовым классом и буржуазией, и в то время, как эта борьба увенчалась переходом власти в руки трудящихся, власть на Дону продолжает оставаться в руках войскового правительства, которое состоит преимущественно из офицеров, помещиков и духовенства и не отражает интересов трудового казачества, так как оно было выбрано в то время, когда трудовое казачество было на фронте. А меж тем воля трудового казачества и всего трудового народа ясно сказалась в многочисленных решениях Донской области, которые признали власть Совета народных комиссаров и приветствовали его мероприятия; помещичье-генеральско-войсковое правительство, офицерский войсковой круг, несмотря на то, что под их крыло и к ним на помощь сбежались контрреволюционеры со всей России — Корнилов, Алексеев, Родзянко и др.— вынуждено было под напором трудящихся признать свою слабость и поднять вопрос о соглашении с зажиточным крестьянством. Это соглашение является обманом, которым войсковое правительство хочет одурачить трудящихся Дона, ибо мужицкий кожух призван прикрыть прореху в царском мундире генерала Каледина. Под прикрытием этого соглашения контрреволюционеры мобилизуют все свои силы, чтобы подавить волю трудового Дона, потом двинуться на север и сковать генеральские, помещичьи цепи и на всю русскую революцию. Совещание трудового населения Донской области обращается с призывом ко всему трудовому казачеству об'единиться с крестьянами и рабочими и единым революционным фронтом повести борьбу против Новочеркасского гнезда контрреволюционеров. В целях быстрого перехода власти на Дону Совету казачьих, крестьянских и рабочих депутатов и в целях уничтожения искусственного разделения меж трудовым казачеством и остальным населением области, которым пользуются помещики и капиталисты в своих интересах, совещание считает необходимым: немедленное и повсеместное создание советов казачьих депутатов, которые отстранили бы от управления на Дону все чиновничьи и буржуазные элементы, враждебные трудовому казачеству. Для борьбы с партизанскими отрядами и для защиты совместно с рабочими рудников совещание признает желательным создание революционных казачьих отрядов, каковой вопрос предлагает обсудить казачьему с'езду в Каменской.

Долой власть эксплоатации!

Да здравствует власть трудящихся!

Да здравствует единение всех трудящихся!

Да здравствует власть Советов раб., кр. и каз. депутатов!

---

[1] Имеется телеграмма от 28 декабря 1917 г., № 357, с резолюцией т. Антонова-Овсеенко: «указанные полки пропустить через Поворино—Царицын—Тихорецкую». ЦАОР, ф. 375, 1917/18 г., д. № 12, л. 34.

[2] ЦАОР, ф. 393, оп. 26, 1918 г., д. № 29б, лл. 220—221.

Радиотелеграмма главнокомандующего советскими войсками на юге России Антонова-Овсеенко в Совнарком, 13 января 1918 г.[1]

Всем, всем, всем.

Совету народных комиссаров особо.

Революция на Дону.— 8 января в станице Каменской открылся с'езд фронтового казачества, на нем присутствовали представители 21 полка, 5 батарей и 2 запасных полков.

На с'езд прибыли в полном составе участники открывшегося 6 января в Воронеже совещания трудового казачества. Каледин приказал разогнать с'езд и арестовать его организаторов. С'езд единогласно постановил об'явить войну Каледину и захватить всю власть в Донской области в свои руки. Был избран военно-революционный комитет. Посланы отряды для занятия станции Лихая и Зверево. Арестованы 18 высших военных властей. При занятии станции Зверево штабы бежали вместе с полковником Михайловым[2]. В помещении штаба найдена записка Каледина об об'явлении железной дороги на осадном положении. Посланный для ареста 10 полк опоздал. На следующий день в Каменской был грандиозный митинг. Казаки горят энтузиазмом. Они стремятся покончить с Калединым своими руками. Армия революции, армия рабочего и крестьянского правительства Народных комиссаров приветствует пробуждение казачества, она удвоит усилия, чтобы положить конец буржуазной реакции на Дону, чтобы привести к победе великую революцию.

Народный комиссар [Украины] [подпись].

Телеграмма председателя бюро областного военно-революционного комитета Донской области Совету народных комиссаров, 29 января 1918 г., № 7203.[3]

На Дону казачий с'езд в станице Каменской 10 января об'явил войсковое правительство и Каледина низложенными, всю власть на Дону передал впредь до образования трудовой власти избранному им областному донскому казачьему военно-революционному комитету, который стал работать совместно с областным военно-революционным комитетом Донской области. Из Ростова-на-Дону и с донецким окружным советом казачьих, рабочих, крестьянских и солдатских депутатов 13 января приезжала делегация войскового правительства во главе с председателем войскового круга Агеевым. Честным именем атамана Каледина делегаты уверяли комитет, что войсковое правительство не допустит гражданской войны против трудового казачества и предлагали прислать в Новочеркасск делегацию для мирного улаживания конфликта, но трудовое казачество было предательски обмануто генеральско-помещичьим войсковым правительством. Делегация военно-революционного комитета была задержана в Новочеркасске и по приказу войскового правительства офицерской и юнкерской банды головореза Чернецова напали врасплох 16 января на фронтовое казачество. Не подозревая измены и застигнутые врасплох полураз'ехавшиеся казачьи части были оттеснены со ст. Лихой и Зверево. Казачьим частям пришлось отойти из ст. Каменской. К этому времени революционные казачьи части соединились с рабочими и крестьянскими отрядами первой Южной революционной армии. 20 января партизан-

[1] ЦАОР, ф. 375, 1917/18 г., д. № 12, л. 51 и об.

[2] В тексте «Михайловским».

[3] ЦАОР, ф. 1235, 1918 г., оп. 52, д. № 401, лл. 1—3; ф. 130, оп. 12, д. № 31, лл. 9, 10.

ские банды обошли Глубокую и подвергли жестокому обстрелу революционные войска; последние на минуту дрогнули, затем бесстрашным отпором отразили отчаянный натиск калединцев. Доблестными и решительными действиями революционных войск отряд Чернецова был смят и обращен в бегство. Сам Чернецов и 40 офицеров были взяты в плен. По дороге Чернецов пытался стрелять в конвоировавшего его председателя казачьего областного военно-революционного комитета, за что им был убит. Бой был необычайно жесток, калединцы добивали раненых; так ими разможжен череп у легко раненого доблестного рабочего Шалаева, исполнявшего обязанности командира, которого они сильно ненавидели за его твердую преданность рабочему делу. В этом жестоком сражении революционные войска потеряли 45 товарищей убитыми и 65 ранеными. Потери у калединцев были значительные; в результате боя уцелевшие остатки чернецовской банды разбежались в панике. Путь к отступлению им был отрезан революционными полками. Поведение революционных войск, особенно казачьих 27 и 44 полков, батарей, а также донских и луганских рабочих, проявивших пролетарское бесстрастие и самоотверженность, выше похвал. 29 января в 22 час. с фронта передают, что положение на фронте благоприятное. Калединский отряд под начальством генерала Усачева отступает из Дебальцева, и из штаба Саблина сообщают, что Зверево и Сулан заняты революционными войсками.

Председатель бюро областного военно-революционного комитета Донской области [подпись].

Постановление общего собрания казаков и крестьян хутора Паршикова Кумшацкой станицы, 9 февраля 1918 г.[1]

Мы, граждане казаки и неказачьего сословия, в собрании хутора Паршикова Кумшацкой станицы в составе 150 человек, вынесли настоящее постановление, что мы вполне признаем организацию только военно-революционный комитет. Только чтобы названный Комитет выражал волю трудового народа. И считаем нужным отозвать своих представителей из войскового округа.

Председатель собрания [подпись].

Постановление собрания Кумылженской станицы Хоперского округа, 10 февраля 1918 г.[2]

Собрание населения станицы Кумылженской в присутствии членов областного и Хоперского окружного военно-революционного комитетов под председательством И. М. Карнеева обсуждали вопросы событий текущего времени и, принимая во внимание высказывавшихся ораторов по существу вопросов, единогласно постановили: признать власть вновь организовавшихся демократических организаций областного Донского и Хоперского окружного военно-революционных комитетов, как органов, действительно заботящихся о благе трудового народа, а войсковое правительство Донской области в настоящем его составе, во главе с Калединым, считать неправомочным потому, что оно пошло вразрез мирным пожеланиям фронтовых казачьих частей и создало братоубийственную бесцельную войну, чем и заставляет думать, что оно всегда заботилось не о благе трудового народа, а исключительно о своей собственной шкуре. Кроме того, на ближайшем общественном

[1] ЦАОР, ф. 1940, 1918 г., оп. 2, д. № 1, л. 3.
[2] Там же, л. 4.

станичном сборе избрать по два представителя и послать в областной и Хоперский окружной военно-революционные комитеты для общей работы по созданию порядка в области и нашем Хоперском округе.

Настоящее постановление уполномачиваем подписать президиуму настоящего собрания и копию вручить членам областного и окружного военно-революционных комитетов.

Председатель собрания [подпись].

Постановление общего собрания казаков и крестьян Кумшацкой станицы, 12 февраля 1918 г.[1]

Мы, граждане станицы Кумшацкой Донской области, собравшиеся на общее об'единенное с крестьянами собрание, под председательством вахмистра Никиты Ботакова, слушали доклад делегатов 2 Донского казачьего полка о присоединении к военно-революционному казачьему комитету, постановили: признать законною властью в Донской области военно-революционный казачий комитет, одобриваем его действия и вполне присоединяемся к нему, только чтобы названный комитет вполне выражал волю трудового народа, и считаем нужным отозвать своих представителей из войскового округа.

Председатель собрания [подпись].

Резолюция общего собрания жителей слободы Большой Орловки 1 Донского округа с прилегающими к ней хуторами, 13 февраля 1918 г.[2]

Мы, граждане слободы Большой Орловки с прилегающими к ней хуторами, как-то, Мало-Орловский, Больше-Мечетновский, Мало-Мечетновский, Топилин, Комаров, Штрахов, Четырех-Ярский, Павлов, Сальско-Кагальницкий, Ново-Сатковский, на общем собрании, состоявшемся 13 февраля 1918 г., заслушав доклад товарищей агитаторов, посланных со ставки большевиков военно-революционного комитета, по делу агитации в 1 Донском округе Донской области (Крамаренко и Назаров), принимая во внимание настоящее тяжелое положение трудящихся, как казаков, так и крестьян, Донского населения, находящихся под монархическим давлением, признаем правительство Народных комиссаров и Советскую власть, как выразителей воли народа трудящихся масс. Шлем вам, товарищи, привет и идем навстречу вам для подавления и окончательного разрушения монархии в России. Итак, долой монархию и долой насильников трудового народа; да здравствует земля и воля, братство и равенство и да здравствует правительство Народных комиссаров и советская власть. Да здравствует казачество и трудовое крестьянство.

Председатель собрания [подпись].

Резолюция общего собрания станицы Топикинской, Хоперского округа, 13 февраля 1918 г.[3]

Общее собрание граждан станицы Топикинской под председательством казака Семена Просвирова сего числа, выслушав доклады делегатов казаков о поддержке Хоперского окружного военно-революционного комитета и о выражении ему доверия, общее собрание единогласно постановило: признать в нашем Хоперском округе временною

[1] ЦАОР, ф. 1940, 1918 г., оп. 2, д. № 1, л. 5.
[2] Там же, л. 6.
[3] Там же.

властью образовавшийся военно-революционный комитет, как основанный на демократических началах и идущий на помощь трудовому казачеству, и выразить настоящим ему доверие. Для совместной работы с ним назначаем из среды себя делегатов — казака Нефеда Абрамова Кавылина, урядника Абрама Анисимова Зятькова, которых и уполномачиваем на работу в интересах трудящегося казачества.

Председатель собрания С. Просвиров.

Резолюция общего собрания хутора Балабанова, 13 марта 1918 г.[1]

Мы, граждане хутора Балабанова, собравшись для обсуждения вопросов о текущем моменте и заслушав доклад пропагандиста военно-революционного комитета товарища Мишарева и ознакомившись с приказами и программами, исходящими от военно-революционного комитета области, и обсудив всесторонне последнее на общем собрании, постановили:

1) Признать власть советов как в центре, так и на местах. Приветствовать энергичных борцов за право народа, товарищей, стоящих во главе военно-революционного комитета товарища Подтелкова и секретаря Кривошлыкова, а также весь состав областного комитета.

2) Бороться с врагами трудового народа путем слова, а также если потребуется активное вооруженное выступление, то и в данном случае применить все свои силы.

Председатель С. Зубков.

Просим все редакции г. Ростова напечатать в газетах.

Протокол общего собрания Михайловского волостного исполнительного комитета Усть-Медведицкого округа, 25 марта 1918 г.[2]

1918 года марта 25 дня общее собрание Михайловского волостного исполнительного совета под председательством Ивана Алексеевича Прокудина при секретаре Чурюмове и при наличии 32 членов обсуждали нижеследующее:

1) Слушали телеграмму областного военно-революционного комитета об об'явлении штатной федеративной республикой Донскую область. Совет постановил: послать приветствие военно-революционному комитету по случаю об'явления Донской области федеративной республикой. Общее собрание Михайловского волостного исполнительного совета Усть-Медведицкого округа приветствует военно-революционный областной комитет за решение об'явить себя Донской республикой. Да здравствует Донская республика в единении с Советской федеративной республикой.

2) Вся земля как помещичья, удельная, монастырская должна поступить в полное распоряжение трудового казачества и крестьянства без всякого выкупа.

3) Принять все надлежащие к тому меры к поддержанию советской федеративной власти на всех ее демократических началах и бороться всеми имеющимися у нас силами против капиталистов и бандитов, насильственно подрывающих авторитет советской власти.

За председателя Михайловского волостного исполнительного совета [подпись].

---

[1] ЦАОР, ф. 1940, 1918 г., оп. 2, д. № 1, л. 33.
[2] Там же, № 26, л. 4.

Документы о ходынской катастрофе 1896 г.

18 мая 1896 г. во время «народного гулянья» на Ходынском поле было задавлено 4 000 чел.

Погибшие были виновны только в том, что они доверчиво пошли на организованные правительством, по случаю коронования Николая II, «народные празднества», пошли за обещанным по этому случаю «царским подарком».

Московский ген.-губ. Сергей Романов, министр двора гр. Воронцов-Дашков и вся московская полиция были непосредственными виновниками этого массового убийства.

«Безответственность и произвол чиновников и полная безгласность самого населения порождают такие вопиющие злоупотребления власти чиновников и такое нарушение прав простого народа, какое едва ли возможно в любой европейской стране» [1],— эти черты нашли свое яркое и полное отражение в ходынской катастрофе.

8 марта 1895 года было учреждено «Особое установление по устройству коронационных народных зрелищ и увеселений», в обязанности которого входило составление точного плана народного гулянья и производство всех работ, связанных с будущими празднествами. Зимой 1895/96 года строились балаганы, буфеты, палатки на территории Ходынского поля. Из буфетов предполагалось раздавать населению царский подарок: сверток с дешевым угощением, эмалированную кружку с царскими инициалами и фунтовую сайку; намечалось раздать 400 000 таких подарков. Весной обнаружили, что местность у буфетов неровная, изрыта ямами, канавами, колодцами. Однако, никто не позаботился привести в порядок место будущего гулянья, никем не были приняты меры к регулированию движения народа к буфетам.

С 16 мая к Ходынскому полю начало стягиваться население Москвы и подмосковных деревень, располагаясь в четырехугольнике одной версты Ходынского поля, замкнутого шоссе, рекой Москвой, военным лагерем и буфетами.

В течение двух дней собралось около полутора миллиона человек. Пришедшие первыми оказались в западне,— новые толпы не позволяли уйти с поля. К рассвету 18 мая люди стали падать от изнеможения и недостатка воздуха.

Вместо 10 часов, по инициативе артельщиков, раздача подарков началась в 6, но это не помогло. Перед буфетом гибли тысячи раздавленных напором толпы.

По официальным данным на Ходынке погибло 1 350 чел. Эти данные явно преуменьшены. Нелегальная литература тех дней называла более верную цифру в 4 000—4 800 человек.

По повелению царя каждой осиротевшей семье должно было быть выдано пособие в 1 000 рублей, но когда обнаружилось, что убитых не десять и не сто человек, а тысячи, то найдены были разные уловки и причины, по которым пострадавших на Ходынском поле лишали и этой царской подачки. Кому давали сотню, кому и того меньше. Значительная часть суммы ушла в карманы чинов-

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 462.

ников. Всего на дело помощи пострадавшим отчислено было 90 000 рублей, из них около 12 тысяч в возмещение убытков по похоронам жертв «Ходынки» получила Московская городская управа.

Следствие по поводу «ходынских беспорядков» вел судебный следователь по особо важным делам Кейзер. Во время судебного следствия был произведен подробный опрос свидетелей, как из состава полиции, так и оставшихся в живых свидетелей ходынских ужасов. Но следствие выявило такую неприглядность состояния царской администрации, в дело было замешано столько «высоких» чиновников, что суд не состоялся. Дело разрешил указ Николая II правительствующему сенату. Назвав ходынскую катастрофу — «тяжким несчастьем», т. е. каким-то стихийным бедствием, Николай признал, «что причину несчастья следует искать в том, что московские власти... не приняли своевременно должных мер для направления массы народа». Наказан был из московских властей один и. д. московского обер-полицеймейстера Власовский — увольнением без прошения и... пожизненной пенсией в размере 3 000 рублей в год. Относительно «других должностных лиц, виновных в неисполнении своего долга», в указе повелевалось «принять... иные, указанные нами, меры взыскания, соответствующие обнаруженным упущениям». Но никаких указаний ни на какие «меры взыскания» не последовало.

Еще более туманен был второй указ, в котором происшедшее 18 мая «несчастное событие» об'яснялось соперничеством, вызванным «желанием второстепенных исполнителей присвоить себе несоответствующее значение» и повелевалось всем министрам, генерал-губернаторам и иже с ними «направлять свои действия и распоряжения к единству и оказывать друг другу содействие, для пользы службы...»

13 июня во время в'езда царя в Петербург в разных частях города происходили рабочие демонстрации. Протестуя против ходынской бойни, демонстранты тушили иллюминационные плошки, разбивали царские вензеля и избивали отдельных полицейских.

Члены Московского рабочего союза выпустили листовку с призывом поддержать питерских рабочих.

Публикуемые документы рисуют картину ходынской катастрофы.

Протоколы допросов и постановление судебного следователя Кейзера взяты из двух томов следственного материала «По делу о ходынских беспорядках», хранящихся в фонде канцелярии московского генерал-губернатора.

Фотоснимки трупов на Ходынском поле сделаны со стереоскопических снимков, которые продавались в г. Николаеве по 1 рублю за штуку. По словам начальника Херсонского губернского жандармского управления снимки производили на население «удручающее» впечатление и были им конфискованы. Помещенный ниже снимок плана Ходынского поля напечатан в «Русских ведомостях» № 137 от 20 мая 1896 г. Многочисленные фотоснимки «ходынских ужасов» были помещены во французской газете «L'Illustration» за 13 июня 1896 г. при статье Normand'a, описывающей катастрофу. Газета была привезена в Россию нелегально в ограниченном количестве экземпляров и распространялась только среди знакомых привезшего ее книгопродавца.

А. Кобяко.

Программа народного гулянья на Ходынском поле 18 мая 1896 г.[1]

По высочайшему его императорского величества повелению, 18 сего мая имеет быть на Ходынском поле народный праздник.

Допуск народа на праздник через проходные буфеты начнется с 10 час. утра, музыка с 11 час. и представление на театрах с 12 час. дня.

Каждому посетителю в проходных буфетах будут выдаваться платок со сластями, пряником, колбасой, эмалированной кружкой и программой увеселений. Кроме того при этом прилагается фунтовая сайка. Для угощения пивом и медом устроены особые буфеты на окраине поля.

Праздник окончится в 8 часов вечера и будет заключен фейерверком на Воробьевых горах.

За час до начала фейерверков будут пущены сигнальные ракеты.

Об'являя о вышеизложенном, особое установление по устройству коронационных народных зрелищ и празднеств[2] просит всех гостей на народном празднике соблюдать порядок и во всем подчиняться указаниям распорядителей игр и увеселений.

Телеграмма министра внутренних дел в редакцию «Правительственного вестника» 19 мая 1896 г.[3]

Правительственное сообщение. С вечера 17 сего мая, в Москве, вокруг Ходынского поля, начали собираться массы городского и пришлого народа в несколько сот тысяч человек, для участия в гулянье 18 мая.

Начало празднества и раздача подарков были назначены с 10 часов утра, но толпа, не дождавшись этого времени и прибытия всех лиц, долженствовавших руководить праздником, с неудержимой силой, ранее 6 часов утра, бросилась в беспорядке в узкие проходы между деревянными палатками, где помещались буфеты, при чем многие повалены на землю и задавлены нахлынувшей массой народа.

Беспорядочное движение толпы продолжалось недолго, после чего немедленно были приняты меры к подаче помощи пострадавшим и к выяснению числа жертв.

При этом было поднято: мертвых 979 и тяжело раненых — 459 лиц, из числа сих последних многие в безнадежном положении.

Министр внутренних дел Горемыкин.

---

[1] ЦАР, канц. моск. ген.-губ., 1896 г., д. № 81, т. IV, л. 88.

[2] «Особое установление по устройству коронационных народных зрелищ и празднеств» было образовано 8 марта 1895 г. приказом по министерству императорского двора.

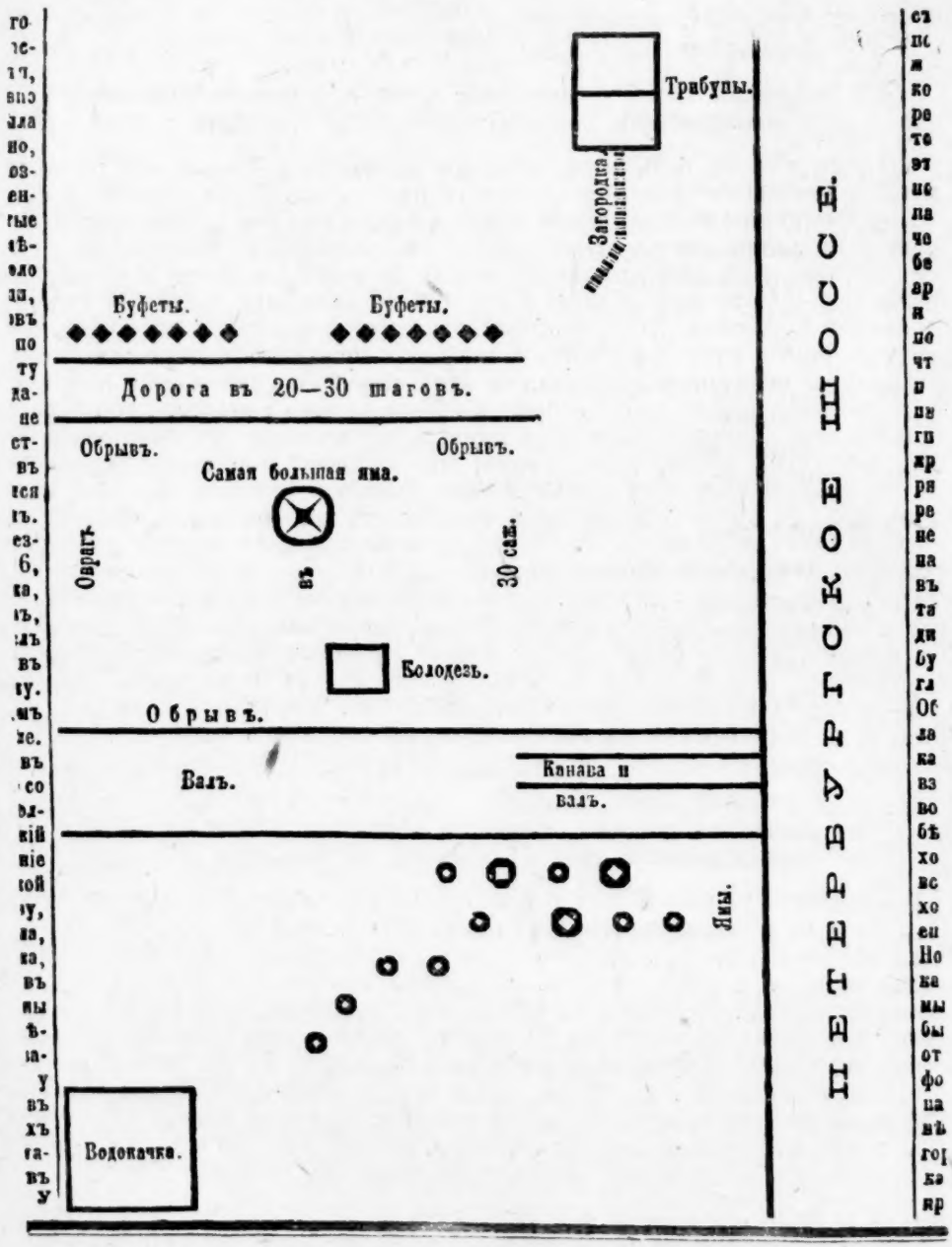
[3] ЦАР, ДП, III, 1895 г., д. № 1422, т. VI, л. 6.

Сведения о числе умерших и больных, доставленных с Ходынского поля к 3 ч. 20 м. дня 22 мая 1896 г. [1].

		Умерших	Больных
Больницы:	Старо-Екатерининская	152	209
	Ново-Екатерининская	392	39
	Мариинская	2 в больнице	74
	1-я Городская	53	29
	2-я Городская	28	39
	Басманная	—	89
	Яузская	—	113
	Мясницкая	—	—
	Серпуховская	58	—
	Голицынская	27	—
	Императора Павла I	45	16
	Университетская клиника Левшина	1 в клинике	30
	Анатомический институт клиник.	56	—
	Больница при фабрике Прохорова.	71	6
Приемные покои при полицейских домах:			
	Городской части	—	—
	Тверской	6	—
	Мясницкой	—	—
	Пятницкой	23	—
	Якиманской	33	—
	Арбатской	60	—
	Пречистенской	67	—
	Хамовнической	19	—
	Пресненской	78	—
	Сущевской	125	—
	Басманной	—	—
	Сретенской части	24	—
	Яузской »	—	—
	Мещанской »	7	—
	Рогожской »	23	—
	Лефортовской »	10	—
		1360	644

18 мая с Ходынского поля было доставлено в больницы (исключая больницы императора Павла I, куда привезено 45 трупов, и частных домов, куда прямо с Ходынки привезено 4 трупа, а всего 49) и приемные покои при полицейских домах 1 282 умерших. Общая же цифра выражалась 19 мая в 1 331 умерших. Затем цифра эта увеличилась доставкой скончавшихся от тяжелых увечий в больницах и к 22 мая, к 3 ч. 20 м. дня выражается в 1360 умерших. Из этого количества на Ваганьковском кладбище погребено в братских могилах 896 человек,

[1] ЦАР, Московск. охр. отд., 1896 г., д. № 369, л. 77. Заголовок подлинника.


Трибуны.
Загородка.
Буфеты.
Буфеты.
Дорога въ 20—30 шаговъ.
Обрывъ.
Обрывъ.
Самая большая яма.
Овраг-
въ
30 сан.
Колодезь.
Обрывъ.
Валъ.
Канава и
валъ.
Ямы.
Водокачка.
ПЕТЕРБУРГСКОЕ ШОССЕ.

остальные же частью взяты родственниками и частью погребены на других московских кладбищах [1].

Что же касается цифры больных, то таковая каждодневно изменяется, так как до сих пор являются больные Ходынского поля из своих квартир в участки, которые и размещают их по больницам.

Из протокола допроса свидетеля унтер-офицера 8 Московского гренадерского полка Степанова, 30 мая 1896 г. [2]

Я находился в батальоне, который прибыл на Ходынское поле на место народного гулянья в ночь с 17 на 18 мая. Меня поставили снаружи площади гулянья, около 2 или 3 будки от угла, в том ряду, который шел вдоль шоссе. Затем народ, мало-по-малу напирая на нас, солдат, оттеснил нас в проходы, между буфетами, а затем и во внутрь площади. Сперва приходилось вытаскивать из толпы людей без чувств, а затем, незадолго перед началом раздачи, я вытащил из толпы во-внутрь круга трех покойников: молодую прилично одетую девушку, старуху и нищую. Вытаскивал я этих мертвых следующим образом: в толпе раздавался крик, я брал с собой другого солдата, пробирался к тому месту, откуда доносился крик, и вытаскивал оттуда через проход во-внутрь круга, труп. Трупы приходилось мне вытаскивать не далее, как из 3, 4 ряда толпы. Когда началась раздача, и толпа двинулась через буфетные проходы, то я видел, как мертвецы, стиснутые толпой двигались вместе с ней и, пройдя проходы внутри площади гулянья, где было свободнее, падали, освободясь от стискивания толпы. Таких двигающихся мертвецов я насчитал штук двадцать в том месте, где я находился... После раздачи я был у оврага, который идет от шоссе, вдоль крайнего ряда буфетов. Овраг этот был наполнен мертвыми, лежавшими также в ямах, которых в этом овраге очень много.

Трупов в овраге было большое множество. Колодца я в овраге не видал, да и смотрел я на него с края, не спускаясь вниз.

Феодосий Петрович Степанов.

Из протокола допроса свидетеля ефрейтора 8 Московского гренадерского полка Болабана, 30 мая 1896 г. [3]

На рассвете 18 мая я был поставлен на Ходынском поле, посередке того ряда буфетов, который идет вдоль шоссе. Минут за десять до начала раздачи подарков мне пришлось вытащить из толпы три трупа: двух девушек и одну старуху. Женщины эти были простого звания, судя по платью. Девушек передала сама толпа по головам с рук на руки, а старуха вывалилась из толпы, которая для этого раздалась. Ранее того мне приходилось вытаскивать людей из толпы в бесчувственном состоянии. Как трупы, так и людей в бесчувственном состоянии я относил во внутрь круга. На рассвете, еще до раздачи, я был два раза в овраге, который тянется от шоссе, вдоль крайнего к Москве ряда будок. Овраг был наполнен людьми, ожидавшими раздачи. Толпа в ов-

[1] В № 33 «Летучих листков», издаваемых фондом вольной русской прессы в Лондоне под редакцией Ф. Волховского, помещены сведения о числе жертв на Ходынском поле: 4 800 человек по подсчетам московского корреспондента и 4 000 чел. по словам французского корреспондента. На одном Ваганьковском кладбище московские корреспонденты насчитывали 1 800 трупов, положенных в гробы, иностранные корреспонденты повышают эту цифру до 2 100—2 375 и более.

[2] ЦАР, канц. моск. ген.-губ., 1896 г., д. № 81, т. IV, лл. 12—13.

[3] Там же, лл. 13—14.

раге была настолько густая, что трудно было итти, а в конце концов, ближе к шоссе, итти дальше нельзя было совсем, и мы, т. е. солдаты взвода, должны были выйти из оврага. Во время раздачи я видел, как стиснутые толпой трупы выносились ею через проходы во внутрь круга, где трупы падали на землю. Таких стоячих трупов было очень много. После раздачи я ходил в овраг, о котором вам уже говорил, и видел там массу трупов. Среди трупов были живые люди, кричавшие о помощи. В одном месте ближе к концу, который к Ваганьковскому кладбищу, лежало, по моему мнению, до 500 тел. Люди эти, судя по их положению, были задавлены в самом овраге. Колодцев я не видел. Больше показать ничего не имею, показанное готов подтвердить под присягой. Протокол прочитан и по неграмотности Болабана им не подписан.

Судебный следователь Кейзер.

Из протокола допроса свидетеля, московского цехового живописного цеха Розанова, 30 мая 1896 г.[1]

18 мая я отправился около трех часов утра на народное гулянье, интересуясь посмотреть, как будет происходить раздача угощений и праздник; итти к буфетам, чтобы получить угощение, я не предполагал, а хотел посмотреть на раздачу. Я вышел из города через Тверскую заставу, и, дойдя по шоссе до того места, где начинается линия палаток, параллельная шоссе, свернул вниз от шоссе, к палаткам. Народу было очень много и он все прибывал; не доходя шагов 150 до палаток, я остановился, потому что дальше итти было бы слишком тесно. Между тем толпа все прибывала; часам к пяти утра я очутился в такой тесноте, что невозможно было выбраться из толпы. Около шести часов утра неожиданно началась раздача; кто велел начинать раздачу, мне неизвестно, и народ не требовал, чтобы раздавали немедленно; толпа вообще вела себя спокойно. Когда началась раздача, народ устремился к палаткам; давка была ужасная, были слышны в толпе крики, раздавался треск, повидимому, от сломанных костей, сдавленных в толпе людей; толпа топтала тех, кто падал, и мне самому пришлось пройти по нескольким трупам; некоторых, повидимому умерших, толпа тащила с собой. Мы постепенно придвигались к палаткам, причем меня самого настолько помяли в толпе, что пришлось потом обратиться к доктору. На некотором расстоянии от палаток (на каком именно, не могу сказать) я услышал в толпе, шагов на 15 впереди себя, крики нескольких людей: «Батюшки, колодезь провалился». Я сам колодца не видел, потому что толпа при этом крике стала рваться из стороны в сторону, и я не прошел по тому месту, где кричали, что провалился колодезь. Я не могу сказать, на каком расстоянии от палаток слышался этот крик; было это несколько не доходя до тех палаток, которые обращены к шоссе; оврага в этом месте нет. Больше я ничего не слыхал о колодезе и продолжал продвигаться в страшной давке, причем мне пришлось для спасения себя от смерти вскочить на плечи одному человеку и пройти некоторое расстояние по головам народа. Наконец, я попал в узкий проход между палатками, налету схватил брошенную кружку и угощение, которые артельщики не только раздавали, но и перекидывали через других. Впрочем далеко в толпу артельщики не бросали подарков, а перебрасывали тем, которые не могли тянуть руки вплоть к самому буфету. Пройдя, наконец, через проход на площадь гулянья, я поскорее постарался выбраться из

[1] ЦАР, канц. моск. ген.-губ., 1896 г., д. № 81, т. IV, лл. 24—26.

толпы и уйти. Я видел многих задавленных, но не могу сказать, сколько, потому что очень испугался, и торопился выбраться из толпы. На месте гулянья я видел несколько человек казаков и солдат, очень немного, а полицейских увидал, уже возвращаясь домой, недалеко от Пресненской заставы. В девятом часу утра я уже вернулся домой. Показанное готов подтвердить под присягой.

Петр Иванов Розанов, московский цеховой живописного цеха.

Из протокола допроса свидетеля крестьянина Московской губ. Пузырева, 31 мая 1896 г.[1]

Я с сыном своим, Николаем Васильевым, отправился из деревни нашей в Москву, чтобы быть на народном празднике. Выехали мы вечером 17 мая, ехали всю ночь и в половине второго прибыли в Москву. Поставив лошадь на постоялом дворе, мы отправились на Ходынское поле, где через овраг пробрались в толпу, стоявшую между оврагом и рядом будок, идущим от шоссе. Против меня приходилась середина ряда. Было пять часов утра. Когда я проходил через овраг, то хотя он и был полон народа, но большой тесноты не было, и народ стоял вразброд так, что мы прошли и поднялись на гребень оврага без всякого труда. После с гребня, нам было видно, что и в овраге сгущается народ. В нашем месте теснота, давка началась с раздачей гостинцев; до того было настолько свободно, что некоторые даже сидели на земле. Было же это за четверть часа до начала раздачи, которая началась приблизительно в 6-м часу утра. Узнали мы об этом потому, что в передних рядах в протянутых руках толпы, появились узелки. Тут толпа двинулась вперед к будкам. Сделалось страшно тесно, не хватало возможности дышать, я тянулся кверху из толпы. Передо мной были две женщины средних лет, упавшие от дурноты на землю; они как стояли, так и сели на землю. Я сделал усилие, чтобы миновать их, но от напора толпы не мог удержаться и упал на них, а рядом со мной мой сын. На нас стала падать масса людей, и я чувствовал, как по нашей куче идет народ. Кто-то даже стоял на моей голове минуты три, и я хотел его ущипнуть, но не мог освободить руки. Лежали мы минут десять в куче. Больше мы бы не перенесли и умерли бы, если не от тяжести людей, то от недостатка воздуха. Освободил нас какой-то господин, палкой разогнавший народ. Когда мы поднялись, то я заметил, что из нашей кучи — человек пять остались на месте мертвыми. Две женщины, которые первые упали, были в числе мертвых. Я спустился в овраг и лег в яму в холодный песок, от чего немного пришел в себя. Затем мы с сыном отправились домой. У колодцев я не был. Больше показать ничего не имею, показанное готов подтвердить под присягой.

Василий Егоров Пузырев.

Из протокола допроса свидетеля, владельца водопроводной мастерской Захарова, 31 мая 1896 г.[2]

В 12 часов ночи 17 мая я отправился к месту народного гулянья на Ходынском поле, с целью ожидать раздачу гостинцев. Мне удалось пробраться очень близко к будкам, в середине того ряда, который тянется от шоссе вдоль оврага. В 3-м часу утра, или может быть в чет-

[1] ЦАР, канц. моск. ген.-губ., 1896 г., д. № 81, т. IV, лл. 54—55.
[2] Там же, лл. 53—54.

вертом, я находился от буфетов в расстоянии приблизительно шагов 10-ти. В виду страшной тискотни я решил, что в толпе здесь оставаться опасно, и стал пробираться назад. В овраге было гораздо свободнее, хотя и тут была масса народа, наполнявшая весь овраг. На противоположном склоне оврага я присел отдохнуть. Около 4-х часов утра я видел, как двое мужчин — бежавших в толпе, спешившей по направлению к будкам, сбегая со склона оврага, упали один вслед за другим в имеющийся здесь колодезь, от которого я находился на расстоянии четырех сажен, почему мне было хорошо видно, как эти двое людей падали в колодезь. Я не видел, чтобы они сами выкарабкались из колодца, а равно не знаю, вытащил ли их кто-нибудь оттуда. Сидел я в этом месте около получаса и в это время не видел, чтобы упавшим в колодезь кто-нибудь из народа помог выбраться. Сам я не мог им помочь, потому что был страшно измучен и опасался упасть сам в колодезь. Стоявшие в овраге за колодцем к буфетам, видя сбегавший по склону народ, кричали ему: «Тише, колодезь, колодезь!», но бежавшие ни остановиться, ни обратить внимание на крики не могли. Посидев недалеко от колодца, как я вам говорил, около получаса, я отправился домой. Был я в тот же день опять на Ходынке, в 3 часа дня, разыскивая своих рабочих: я хозяин водопроводного заведения. Был я около того колодца, в который на рассвете упали двое мужчин. Колодезь был окружен полицией, казаками и народом, так что я к нему и не проходил.

Тимофей Игнатьев Захаров.

Из протокола допроса помощника пристава 2 уч. Сретенской части фон Глазенап, 31 мая 1898 г. [1]

18 мая к 5-ти часам утра я прибыл на Ходынское поле к тому месту между левой эстрадой и буфетами, где по приказу был назначен сборный пункт нашему наряду. К моему району относились буфеты, идущие вдоль оврага. Когда я прибыл к сборному пункту, то я нашел, что наряд наш уже собирается. Я полюбопытствовал узнать, что делается в буфетах, и отправился к идущему вдоль шоссе ряду, где в будках осматривал узелки. Внутри площади был народ, но много ли его было, сказать не могу, так как он был разбросан по всему громадному полю. Около 6-ти часов утра началась раздача; народ бросился в проходы, и в одном из них я был застигнут толпой. Лица людей в толпе были какие-то бессмысленные, тупые. Я обратился к двинувшейся толпе с увещанием не спешить, проходить между буфетами понемногу, но я видел, что толпа моих слов не понимает.

Находился я по середине этого ряда в эту минуту. Толпа меня вынесла через проход. Тут в течение десяти, пятнадцати минут продолжалась страшная свалка, после которой, когда толпа немного раздалась, я увидел на земле много мертвых. Казаки и городовые со сборного пункта бросились в толпу, но сомневаюсь, чтобы они могли тогда оказать какую-либо помощь или даже просто пробиться в середину толпы. В этой давке мне казалось, что я слышу треск костей. Народ, заметив мертвых, вскоре притих, и им овладело страшное возбуждение против полиции. Один бестактный поступок полицейского повлек бы за собой для него неизбежную смерть. Я слышал крик народа: «Разорвать на части Власовского» [2]. Вообще всю полицию толпа страшно ругала. Я стал обходить мертвых, как только немного толпа поредела. Мертвые лежали везде, но преимущественно их было много на неровных местах: в ямах, рытвинах и канавах, которыми покрыта местность за крайними к Москве буфетами, идущими от шоссе по направлению к Ваганьковскому кладбищу.

В 7-м часу утра я спустился в овраг. Мне кто-то из публики сказал, что поблизости колодезь, в который попадали люди. Я подошел к колодцу в овраге, расположенному у правого его склона, если стоять лицом к шоссе. Об этом колодце я до этой минуты не имел никакого понятия. Около колодца стоял народ, тут же лежало на земле много трупов, вытащенных, как мне сказали, из колодца, который народ нашел наполненным трупами. Полиции здесь не было. Я заглянул в колодезь и увидел, что в нем лежат трупы на глубине не более двух аршин от отверстия. Кто-то из народа мне сказал: «Один из покойников, ваше благородие, убежал». Из рассказов публики я узнал, что среди мертвецов, вытащенных из колодца, попался один человек, оказавшийся живым. Я около колодца пробыл не более трех минут и отправился к своему ряду буфетов, через который надо было пропускать народ, прибывавший из Москвы. Дела тут было очень много, так как являлись фабричные со своими старостами, которым, кажется, было назначено являться не раньше девяти часов утра. Затем вторично около колодца в овраге я был часа в два дня. Около него толпился

---

[1] ЦАР, канц. моск. ген.-губ., 1896 г., д. № 81, т. IV, лл. 56—58.

[2] Власовский — и. д. московского обер-полицеймейстера, слыл в народе по своим делам «держимордой», и на него первого пало обвинение в нераспорядительности во время народного гулянья 18 мая. По окончании следствия «о беспорядках на Ходынском поле» был от должности московского обер-полицеймейстера уволен без прошения и обеспечен, по резолюции царя, пожизненной пенсией в размере 3 000 руб. в год.

народ, стояли жандармы и пожарные, бросавшие в колодезь арканы — вероятно, как я заключил, для извлечения трупов. К колодцу я тогда не подходил, а потому и не видел, как вытаскивались из него тела.

Владимир Евгеньевич фон Глазенап.

Из постановления следователя по особо важным делам Кейзера, 7 июня 1896 г.[1]

1896 года июня 7 дня судебный следователь по особо важным делам Кейзер, рассмотрев дело о беспорядках на Ходынском поле в Москве, во время народного гулянья, нашел, что обстоятельства его следующие: по высочайшему повелению государя императора, 18 мая 1896 года должен был состояться народный праздник на Ходынском поле, устройство которого, согласно приказу по министерству императорского двора от 8 марта 1895 года, было поручено действительному статскому советнику Беру I, с учреждением при нем особого временного делопроизводства. Права и обязанности этого «особого установления по устройству коронационных народных зрелищ и увеселений» изложены в параграфе 13 «предварительного расписания предметов ведения министерства императорского двора по приготовлениям и по устройству торжества священного коронования их императорских величеств», утвержденного министром императорского двора 31 марта 1895 года. На основании пунктов: 12, 13, 17 и 23 означенного 13 упомянутого «предварительного расписания», на обязанности «особого установления» лежало составление общего плана и программы народных увеселений, производство строительных работ, определение количества угощаемого народа при народных гуляньях, обеспечение порядка и организация санитарного надзора.

Дополнительным приказом по министерству императорского двора в состав этого «особого установления» были назначены: в качестве архитектора — гражданский инженер Владимир Владимирович Николя и чиновники особых поручений: полковник (ныне генерал) Иванов и титулярный советник Петров. Общий план гулянья, а равно и чертежи проходных буфетов для угощения народа на этом гулянье были составлены означенным архитектором Николя и представлены на утверждение министра императорского двора, но никакой надписи об утверждении, как на общем плане гулянья, так равно и на детальном чертеже буфетов, предполагавшихся к постройке на этом гулянье, по осмотру, произведенному на предварительном следствии, не оказалось, а имеется на них лишь подпись Николя — от 23 августа 1895 г. и 27 января 1896 года. Хотя из показания Николя, данного им на предварительном следствии, видно, что упомянутый общий план гулянья был им составлен на основании плана гулянья 1883 года, во время священной коронации императора Александра III, но показанием свидетелей очевидцев гулянья 1883 года, а также показанием архитектора Бадера, производившего все строительные работы на том гулянье, это заявление Николя несколько опровергается, как относительно формы площади, избранной для гулянья (круглой в 1883 г. и четырехугольной — в 1896 г.), так равно и относительно места расположения буфетов, большая часть которых (120 и 150) на гулянье нынешнего года были расположены со стороны Москвы вдоль оврага, изрытого ямами и имеющего на дне своем колодезь, тогда как на гулянье 1883 года часть буфетов хотя и была расположена также со стороны Москвы, но под-

[1] ЦАР, канц. моск. ген.-губ., 1896 г., д. № 81, т. IV, лл. 210—220.

ходила к этому оврагу лишь одним концом своим. Документальных данных в подтверждение этого обстоятельства следствием не добыто, так как на генеральном плане гулянья 1883 года, также не имеющем никакой надписи об утверждении его и подписанном лишь одним архитектором Бадером, место расположения буфетов не обозначено. Все постройки гулянья нынешнего года, в том числе и проходные буфеты для угощения народа, начатые осенью 1895 года, были произведены под непосредственным наблюдением архитектора Николя и окончены уже весной 1896 года, причем количество проходных буфетов было значительно увеличено против предположенного числа их; всех буфетов было выстроено 150.

Афиша «особого установления» об этом народном празднике была выпущена лишь 17 мая 1896 года, тем не менее весть о нем еще задолго до этого дня широко распространилась даже за пределами Москвы, и народ стал стекаться на Ходынское поле еще с вечера 16 мая, а к 4 ч. 45 м. дня 17 мая прилив народа настолько усилился, что комендант Ходынского лагеря, капитан Львович, имевший в своем распоряжении для исполнения своих военно-полицейских обязанностей 12 казаков, 2 урядников и военный караул из 46 человек, тогда же по телеграфу обратился в распорядительное отделение канцелярии московского обер-полицеймейстера и просил доложить последнему о приливе народа на Ходынское поле с присоединением просьбы о присылке в распоряжение его, Львовича, 30 казаков и нескольких околоточных надзирателей. Наплыв народа продолжался затем в увеличивающейся прогрессии. Прибывающий, преимущественно со стороны Москвы, народ располагался сначала бивуачными группами на всей площади между линией буфетов и местом бывшей промышленной выставки, а потом все ближе и ближе продвигался к буфетам и, хотя настроение толпы было совершенно мирное, в толпе раздавались песни и звуки гармоник, тем не менее скопление народа уже к 10 часам вечера стало принимать угрожающие размеры; к 12 часам ночи толпу, по показанию очевидцев, нужно было считать десятками тысяч, а к 2—3 часам — сотнями тысяч людей, и, несмотря на это народ продолжал все прибывать и прибывать, двигаясь по направлению к Ходынскому полю целыми группами, не только по близлежащим городским улицам, но даже и в таких местностях, которые отстоят от Ходынского поля на 8 и на 10 верст, а между тем на Ходынском поле полиция отсутствовала, и не было лица, которое приняло бы целесообразные меры к возможному регулированию и более правильному размещению прибывающего на гулянье в несметном количестве народа.

Ходатайство лагерного коменданта Львовича о присылке полицейского наряда, выраженное им в упомянутой телеграмме в распорядительное отделение канцелярии обер-полицеймейстера, посланной еще в 4 ч. 45 м. дня 17 мая, по мере накопления народа перед буфетами, в течение вечера 17 мая и ночи на 18 мая, было повторено перед московским обер-полицеймейстером многократно в более энергичной форме по телефону разными лицами, как находившимися в то время на Ходынском поле по обязанностям своей службы, так равно и другими, имевшими так или иначе какое-либо отношение к этому народному празднику, а именно: тем же Львовичем — около 9 часов вечера, поручиком 7 гренадерского Самогитского полка Беляковичем в 10 часов вечера, полицеймейстером кремлевских дворцов Солини, по поручению г. министра императорского двора два раза — в 11½ часов вечера,

секретарем того же министра в 12 часу ночи, чиновником особых поручений при «особом установлении» Петровым — в начале 2-го часа ночи упомянутым уже полицеймейстером кремлевских дворцов Солини (в 3 раз) — около 2 часов ночи и, наконец, снова лагерным комендантом Львовичем — около 3 часов ночи. Результатом этих 9 ходатайств о немедленной высылке усиленного полицейского наряда, необходимого для поддержания порядка и охранения буфетов и царского павильона, было лишь распоряжение и. д. московского обер-полицеймейстера о командировании на Ходынское поле полицеймейстера барона Будберга с сотней казаков; сам же полковник Власовский явился туда в 8½ часов утра 18 мая уже по получении им сведений о происшедшей катастрофе и о необходимости присылки линеек для уборки трупов. Сказанное распоряжение полковника Власовского никакой пользы не принесло, так как не только высланная им сотня казаков, но даже рота Самогитского полка, вместе с батальоном Московского полка, о вызове которых на место было сделано распоряжение лагерным комендантом Львовичем, по собственной его инициативе, еще в 10 ч. вечера, не могли ничего сделать с народом, скопившимся перед буфетами и настолько сплоченным, что некоторые счастливцы, которым в борьбе за свою жизнь удавалось вскарабкаться на плечи соседей, затем свободно по головам толпы уже добрались до проходов между буфетами.

Все усилия того небольшого количества войска, которое явилось на Ходынское поле, благодаря распорядительности лагерного коменданта, на обязанности которого вовсе не лежало охранение порядка вне района лагеря, были направлены лишь к спасению отдельных личностей, сдавленных толпой поблизости от проходов между буфетов; попытки же проникнуть хотя несколько внутрь толпы не могли привести ни к чему, и на расстоянии 5 шагов от буфетов по показанию капитана Московского полка Иванова, в толпе уже нечем было дышать, а над всей толпой стоял пар от испарений несметной толпы, казавшийся зловещим облаком каждому постороннему наблюдателю. Давка в толпе была настолько сильна, что уже с 2—3 часов ночи среди нея оказываются лишившиеся чувств и мертвые, из которых ближайшие к проходам вытаскиваются солдатами на внутреннюю площадь гулянья, а мертвецы, находящиеся дальше в глубине толпы остаются на своих местах, наводя панический ужас на соседей, тщетно стремящихся отстраниться от них и тем еще более увеличивающих давку. Такое положение дела побудило капитана Львовича в последнем своем телеграфном сообщении обер-полицеймейстеру присоединить к ходатайству о немедленной присылке полицейского наряда еще и ходатайство о предоставлении права немедленно начать раздачу угощения. Последствием этого телефонного сообщения была присылка обер-полицеймейстером своего помощника полковника Руднева, прибывшего на место гулянья в 4½ ч. утра, на полчаса ранее срока, назначенного ему в приказе обер-полицеймейстера на 18 мая.

Ходатайство о разрешении начать раздачу подарков ранее определенного времени (10 ч. утра) было высказано батальонным командиром Под'япольским, купцом Лепешкиным[1] и тем же Львовичем начальнику «особого установления» Беру, приехавшему на гулянье в 5 час. утра. Бер сначала не соглашался начать раздачу ранее определенного срока, но когда, при личном обходе буфетов, у него на глазах из толпы выкинули в один из проходов 2 трупа и когда артельщики, принявшие на себя безвозмездно раздачу угощения народу, заявили, что если не будет разрешена выдача немедленно, они вынуждены будут покинуть свои места, опасаясь за свою жизнь, то в половине 6-го часа утра Бер разрешил начать раздачу. Распоряжение это являлось положительно необходимым, так как, по показанию многих свидетелей, каждая минута промедления должна была увеличивать количество жертв в толпе, которой становилось нечем дышать.

Как только весть о раздаче начала через артельного старосту Максимова распространяться по буфетам, толпа с страшной силой устремилась в проходы между буфетами, и тут произошла невообразимая свалка, увеличившаяся еще вследствие того обстоятельства, что народ, успевший набраться на самую площадь гулянья, ничем не огражденную со стороны Всехсвятской рощи и Ваганьковского кладбища, также бросился к буфетам, навстречу внешней толпы. Все усилия некоторых полицейских чинов, начавших собираться к этому времени, согласно приказу обер-полицеймейстера на 18 мая, казаков и жандармов ослабить давку, могли принести пользу лишь единичным лицам из толпы, но предотвратить несчастье в полном его об'еме было уже поздно, так как в это время численность толпы на Ходынском поле, по единогласному показанию всех свидетелей, простиралась свыше 500 тыс. чело-

[1] Лепешкин В. Н. принимал участие в распоряжениях «особого установления», в частности в составлении артелей для приема и раздачи коронационных подарков.

век. Самая раздача угощения продолжалась от 20 минут до часа, в разных проходах, а когда толпа стала редеть, то вся местность у буфетов со стороны Москвы, а равно и у соприкасающейся с ними под углом буфетов, расположенных вдоль шоссе, оказалась усеянной трупами и изувеченными людьми. Наибольшее количество трупов оказалось в проходах буфетов, расположенных у утла передней и левой границ гулянья (если стоять на шоссе лицом к площади гулянья). Трупы были находимы не только у буфетов с внешней и с внутренней стороны их, но были рассеяны и в разных местах оврага, изрытого ямами и имеющего на левом склоне своем колодезь. Доски, прикрывавшие прежде с 1883 года этот колодезь, во время движения толпы, под тяжестью ее подломились, и допрошенные в качестве свидетелей крестьяне Захаров и Розанов[1] удостоверили: первый, что он видел падение в этот колодезь двух людей, а второй, что он слышал крик в толпе: «Батюшки, колодезь проломился!». Следствию однако, несмотря на все принятые меры, не удалось добыть данных в подтверждение народной молвы об извлечении из колодцев, расположенных в этой местности, до 28 трупов. При этом заслуживает особого внимания факт, установленный предварительным следствием, что ни «особое установление» в лице своих членов, ни и. д. московского обер-полицеймейстера полковник Власовский ни разу не позаботились осмотреть местность, окружающую площадь гулянья.

Таким образом является очевидным, что люди, с одной стороны, гибли от давки в толпе и проходах, а с другой — падали и были затаптываемы той же толпой в канавах, ямах, колодце и в овраге, находившихся в весьма недалеком расстоянии от буфетов, расположенных по левой границе гулянья.

По собранным предварительным следствием сведениям, от священников всех кладбищенских церквей, из приемных покоев, больниц и лечебниц, находящихся в Москве, а равно от всех больниц и лечебниц, расположенных в Московском уезде, число пострадавших во время народного гулянья на Ходынском поле определяется в две тысячи шестьсот девяносто человек, из которых 1389 человек умерли, остальные же получили более или менее тяжкие повреждения. Ко всему изложенному следует присовокупить, что по единогласному утверждению всех свидетелей-очевидцев и начальствующих лиц, наблюдавших толпу, последняя была не только мирно настроена, но и послушна малейшим указаниям лиц, пытавшихся ею руководить, ввиду чего смерть и увечье вышеуказанных 2690 человек никоим образом не могут быть отнесены к последствиям проявления грубых и необузданных инстинктов толпы или к вине отдельных личностей из народа.

Переходя затем к разрешению вопроса о причинах описанного горестного события, омрачившего светлые дни священного коронования их императорских величеств, нельзя не притти, на основании данных, добытых предварительным следствием, к тому выводу, что такими причинами являются нерадение и бездействие власти, как со стороны тех лиц, на которых было возложено устройство народного гулянья, так и со стороны московской столичной полиции, призванной к охранению общественной безопасности на основ. 681, 949, 951, 961 и 1 примеч. к ст. 316 общ. губ. учрежд. т. II св. зак. Произведенными на предварительном следствии осмотрами местности, планов и чертежей построек на народном гулянье 1896 года, а равно заключением экспертов установлено, что расположение большей части буфетов (120 из 150) по линии гулянья,

[1] Показания Розанова и Захарова см. выше.

идущей вблизи оврага, изрытаго ямами до 6 аршин глубиной, колодцами и подходящего к буфетам в некоторых местах до 8 аршин, не говоря уже о промоинах и ямах, находящихся у самых буфетов, а также соприкосновение 2 линий буфетов под углом, препятствовавшее возможности правильного распределения идущего на гулянье народа, является нерациональным по отношению к характеру местности и к ожидавшемуся движению имевшего прибыть на гулянье народа. Кроме того, эксперты признали, что устроителями гулянья, при устройстве всей площади его, не были соблюдены надлежащие условия для того, чтобы выработанный и утвержденный тип буфетов, а также выбранные для постановки их места вполне удовлетворяли целям общественной безопасности, так как не вся площадь гулянья была окружена забором с устройством в нем надлежащих выходов. Такое ограждение значительно облегчило бы принятие необходимых мер для предупреждения встречного движения к проходам между буфетами, хотя одна ограда сама по себе, конечно, не могла служить препятствием для доступа толпы на площадь гулянья... [1]. Если бы толпа была правильно распределена к имевшимся 150 проходам, возможно было бы пропустить на площадь гулянья 18 000 человек в минуту или 540 000 человек в 1/2 часа, т. е. раздать заготовленные 400 000 подарков в 23 минуты и что вообще при данном приеме устройства буфетов правильными и своевременными мерами регулирования движения толпы могла быть устранена опасность...[2].

Обращаясь затем к образу действия полиции в данном случае, усматривается, между прочим, что, начиная с июня 1895 года, чины «особого установления» Петров, Иванов и Бер последовательно три раза обращались к и. д. обер-полицеймейстера Власовскому с предложением совместного обсуждения мер, которые нужно было принять для охранения безопасности на народном гулянье 1896 года, но каждый раз эти предложения были отклоняемы последним, заявлявшим, что забота о порядке касается исключительно одного его. И. д. московского обер-полицеймейстера при допросе его на предварительном следствии отрицает справедливость показаний вышеупомянутых лиц, между тем эти показания находят себе подтверждение отчасти в показании свидетеля Перлова, а равно и в том обстоятельстве, что характер отношений полковника Власовского к «особому установлению» и ее начальнику Беру нисколько не исключал возможности подобного словесного обращения к нему по упомянутому вопросу, как это видно из свидетельских показаний и имеющейся в деле переписки между «особым установлением» и полковником Власовским. С другой стороны, следует однако признать, что подобное уклонение и. д. московского обер-полицеймейстера Власовского от совместного обсуждения с «особым установлением» этих мер нисколько не освобождало «особое установление» в лице его начальника Бера от обязанности донести своему высшему начальству о вышеозначенном уклонении Власовского, для побуждения его к совместному обсуждению тех мер, которые «особое установление» находило необходимым принять для охранения общественного порядка (п. 3, ч. 13 предварительного расписания)... [3].

В данном же случае усматривается, что и. д. московского обер-полицеймейстера, полковником Власовским, и «особым установлением», в

---

[1] Опущено рассуждение о целесообразности избранной для буфета формы трапеции.

[2] Опущено сравнение формы буфетов, устроенных в коронацию Александра III в 1883 году, с буфетами 1896 года.

[3] Опущено сообщение о часах явки на место гулянья полицейского наряда.

лице генерала Бера и архитектора Николя... [1] ...никаких мер для обеспечения и охранения общественной безопасности и порядка принято не было. Полковник Власовский, при допросе на предварительном следствии, говорит: «Сам я местности, занятой площадью народного гулянья и окружающей его, не осматривал. О том, что параллельно главной линии буфетов и в близком расстоянии от них идет глубокий ров, весь изрытый ямами и имеющий на дне своем колодезь, не засыпанный и ничем не огражденный, мне вовсе известно не было, так как местность эта находится в 3 стане Московского уезда».

Эти слова полковника Власовского, характеризуя самым рельефным образом его отношение к вопросу об охранении общественной безопасности во время народного гулянья... [2]. Если даже допустить, что полковник Власовский считал себя не в праве произвести осмотр местности, находящейся в ведении московской уездной полиции (каковое обстоятельство не находит однако себе подтверждения в данных предварительного следствия), то и в таком случае, казалось бы, что на его прямой обязанности лежало сообщить г. московскому губернатору о возложении этого поручения на московского уездного исправника, но он и этого не исполнил.

Нельзя не остановиться также на факте недостаточного количества на месте гулянья воды (2 бака — по 50 ведер в каждом) и полного отсутствия санитарных и медицинских средств и врачебной помощи, несмотря на ожидавшееся скопление народа в количестве minimum 400 000 человек. Ярким доказательством бездействия власти, имевшего важные последствия, со стороны московской столичной полиции служит вполне установленный предварительным следствием факт непринятия ею никаких решительных мер к своевременной встрече постепенно прибывающего на Ходынскую площадь народа, размещение его на самой площади и перед буфетами, с целью воспрепятствования чрезмерному скоплению его в известных пунктах и ограждения внутренней площади гулянья от преждевременного доступа туда народа, обусловившего впоследствии усиление давки в проходах...[3].

Во всех таких случаях личное присутствие начальника полиции на месте, во время беспрерывного и постепенного прилива народа к данной местности, является положительно необходимым, так как нет возможности заочно предусмотреть всех тех обстоятельств и условий, которые создают потребность в принятии немедленных и экстраординарных мер и избавляют от траты времени на какие бы то ни было сношения (хотя бы по телеграфу и по телефону), могущие влечь за собой роковые последствия. Беспомощность и растерянность толпы, обусловливаемые бездействием полицейской власти, толпы, по меткому выражению некоторых свидетелей (Семена Лепешкина — л. 156—159 и Алексея Федорова — л. 426—427), ждавшей появления полиции, звавшей ее для проявления распорядительности и оказания надлежащей помощи и вместо того увидавшей перед своими глазами массу трупов, внезапно перешло в чрезвычайное озлобление и явилось поразительным контрастом с тем мирным настроением, в котором она находилась до катастрофы.

Следствием кроме того установлено, что полицеймейстер полковник барон Будберг и чиновник особых поручений подполковник Померан-

[1] Опущено указание на заимствование формальной стороны порядка коронации 1896 г. из планов и приказов коронации 1883 г.

[2] Опущено доказательство необходимости осмотра Власовским эстрад и буфетов.

[3] Опущено сравнение с мерами, принятыми против давки в коронацию 1883 г.

цев, из которых первый в 12-м часу ночи, по поручению полковника Власовского, прибыл на Ходынское поле с сотней казаков, а последний — согласно полицейскому приказу на 18 мая, обязан был явиться во вверенный ему район к 5 часам утра, не исполнили возложенных на них обязанностей. Барон Будберг, явясь с сотней казаков в 1-м часу ночи и сделав соответствующие распоряжения, затем в 3 часа ночи самовольно уехал в Москву и, хотя в показании, данном на предварительном следствии, он заявил, что с дороги не более как через час вернулся обратно, тем не менее обстоятельство это не находит себе достаточного подтверждения в данных следствия, так как определенные указания на присутствие Будберга на месте относятся к 7 часам утра. Померанцев, не отрицая своего прибытия на вверенный ему пост лишь к 8 часам утра, причиной своего опоздания выставляет свою своевременно никому не заявленную болезнь, но никаких доказательств в подтверждение этого не представляет (л. 428).

Все вышеизложенные обстоятельства указывают на бездействие власти и нерадение со стороны: и. д. московского обер-полицеймейстера полковника Власовского, начальника «особого установления» действительного статского советника Бера, инженера-архитектора коллежского советника Николя, московского полицеймейстера полковника барона Будберга и чиновника особых поручений при московском обер-полицеймейстере подполковника Померанцева, предусмотренные по отношению к первым трем лицам, в виду особенно важных последствий, происшедших от их бездействия, 411 и 2 ч. 341 ст. ст. улож. о нак., а по отношению к последним двум—411 и 1 ч. 341 ст. ст. того же уложения.

Принимая во внимание, что возбуждение уголовного преследования за преступления по должности должно итти в порядке, указанном 1086 и 1087 ст.ст. уст. угол. судопр., судебный следователь по особо важным делам Кейзер постановил: настоящее дело со всеми приложениями представить на распоряжение г. прокурора Московской судебной палаты.

Судебный следователь Кейзер.

Рабочее движение на заводах Петербурга в мае 1901 г.

Публикуемые ниже документы относятся к одному из наиболее значительных периодов в истории революционного рабочего движения в России.

Бурный под'ем промышленности в России в 1892—1898 гг. к началу XX в. сменился глубоким кризисом, который к 1901 г. охватил почти все отрасли производства.

Углублявшийся экономический кризис повлек за собой безработицу и общее ухудшение положения рабочего класса и условий его борьбы.

В начале 90-х годов «рабочее движение переходит в открытую политическую борьбу...» [1]. Этот переход был подготовлен предшествующей стачечной борьбой и деятельностью революционной социал-демократии, от пропаганды в узких кружках перешедшей к широкой экономической и политической агитации. Ленинская «Искра» вела непримиримую борьбу с экономистами, стремившимися ограничить рабочее движение узкими рамками экономических требований.

За период с 1895 г. по 1900 г. по политическим и внеэкономическим причинам бастовало 3,8% общего числа стачечников, с 1901 г. по 1904 г.— 13,2%.

1901 год — начало больших демонстраций и открытых выступлений рабочих масс.

Особо обращают на себя внимание выступления петербургского пролетариата в мае 1901 г. Упорное сопротивление полиции и войскам со стороны рабочих Обуховского завода, оказанное 35 лет тому назад 7 мая, известно в истории рабочего революционного движения под именем «Обуховской обороны» [2].

Первые баррикадные бои пролетариата с войсками и полицией во время Обуховской обороны опровергли оппортунистическое положение о том, что уличная борьба против современного войска невозможна и безнадежна. «Уличная борьба возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода. Рабочие при схватке 7-го мая не имели ничего, кроме камней,— и уж, конечно, не запрещение же градоначальника помешает им и в следующий раз запастись другим оружием» [3].

Майские выступления пролетариата в 1901 г. оказали влияние на последующий ход событий и сыграли большую роль в истории рабочего движения и в подготовке революции 1905 г.

Публикуемые документы являются некоторой иллюстрацией майских выступлений рабочих наиболее крупных петербургских заводов.

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 424.

[2] Ленин и «Искра» придавали огромное значение этому выступлению петербургского пролетариата. Ленин посвятил этому событию статьи: «Новое побоище», «Каторжные правила и каторжный приговор», напечатанные впервые в №№ 5 и 10 «Искры» за 1901 г. (Ленин, Соч., т. IV). В «Искре» помещены были две корреспонденции: в № 5 — июнь 1901 г. и № 6 — июль 1901 г. («Искра», изд. ЦК ВКП(б), вып. 1, стр. 103 и 118—119).

[3] Ленин, Соч., т. IV, стр. 117—118.

В 1901 году петербургская социал-демократическая организация усиленно готовилась к празднованию 1 мая, призывая рабочих на майскую демонстрацию 22 апреля.

Кроме упоминаемой во втором публикуемом документе листовки, в апреле 1901 г. выпущен был майский листок «Искры» за подписью: «Организация «Искры» [1]. Листок редакции «Искры» обнаружил тактические расхождения Ленина и Плеханова по вопросу об открытых уличных выступлениях. «На улицу звать рабочих не следует... По-моему, первого мая надо сидеть дома, а потом, неожиданно для правительства, в один из царских дней, сделать огромную манифестацию с тушением плошек и т. п.»,— писал Плеханов 19 апреля 1901 г. в письме мюнхенской части редакции «Искры» [2].

Однако искровская прокламация как на одну из форм выступления в день 1 мая указывала на демонстрацию. В случае неудачи демонстрации 1 мая рабочим предлагалось расстроить иллюминацию в царский день 6 мая.

В письме от 21 апреля 1901 г. Ленин писал Плеханову об этой листовке: «Листок «Искры» ведь довольно осторожен насчет прямого призыва — или Вы все же считате и это опасным» [3].

Кроме указанных первомайских листовок, Петербургский комитет РСДРП перед первым мая распространил две прокламации «К рабочим» и «К русскому обществу» с приглашением на демонстрацию в день 22 апреля, на Невском, в 12 часов дня [4].

Правительство напряженно готовилось к разгрому революционных выступлений в день 1 мая.

18 апреля в Петербурге был произведен «неслыханный полицейский разгром». «Число арестованных считают в 300, обысков произведено не то 600, не то 800. На одном Путиловском заводе взято 50 рабочих»,— сообщали из Петербурга в газету «Искра» [5].

Первомайская демонстрация 22 апреля не удалась, но это не помешало нарастанию революционной борьбы петербургского пролетариата.

После 1 мая движение охватило широкие слои пролетариата, перейдя в открытые уличные выступления, протекавшие под политическими лозунгами.

Публикуемый доклад П. Д. Святополк-Мирского «об итогах расследования о ходе и причинах беспорядков, происходивших на петербургских фабриках и заводах», рисует картину рабочего движения, начиная с 1 мая. Нужно помнить, что доклад этот написан командующим отдельного корпуса жандармов товарищем министра внутренних дел; степень достоверности сообщенных в нем фактов относительна. Например, количество убитых и раненых рабочих при столкновении с полицией и войсками у Обуховского завода в докладе преуменьшено: «убит 1 и ранено 8 человек», тогда как М. Розанов по сведениям, полученным от непосредственных участников этого собрания, сообщает следующее:

«Стало известно, что во время схватки убиты кроме Панко, Максимова и трех ребят еще рабочий Рожков и зарублен шашкой у своего дома 62-летний старик Христофоров; серьезно ранены Николай Осипов, чернорабочий чугунно-меднолитейной мастерской, чертежник Обуховского завода и девушка Серафима Сергеева. На перевязку пошло 18 человек.

Все эти случаи зарегистрированы амбулаторией. Кроме того много раненых, побоявшись ареста, не пошло к врачу» [6].

---

[1] См. «Красная летопись», 1925 г., № 2, стр. 166—167.

[2] См. III Ленинский сборник, стр. 157.

[3] Ленин, Соч., т. XXVIII, стр. 221.

[4] Последняя прокламация была напечатана в № 4 «Искры» — май 1901 г. («Искра», изд. Истпарта ЦК ВКП (б), вып. 1, стр. 91).

[5] Об этом напечатано было в № 4 «Искры», в статье «Первое мая в России» в отделе «Из партии» («Искра», изд. ЦК ВКП(б), вып. 1, стр. 90).

[6] М. Розанов, Обуховская оборона, «История пролетариата СССР», 1933 г., № 2, стр. 86.

Доклад констатирует также необыкновенное упорство рабочих в отстаивании своих требований. Стремясь доказать неосновательность требований рабочих, автор доклада однако не может пройти мимо некоторых сторон их тяжелого положения: необеспеченность в старости, произвол администрации, мастеров и их помощников, плохие жилищные условия и т. п.

Доклад представляет интерес в другом отношении: отмечает наличие революционной организации рабочих, которая руководила движением. Правда, жандармы пытаются ослабить и преуменьшить ее значение, давая озлобленную полицейскую характеристику молодых рабочих-революционеров как людей «некультурных» и «весьма ничтожных в умственном отношении».

Но даже жандармы были вынуждены признать, что рабочий-революционер по своему политическому развитию быстро обгонял рядовую рабочую массу и становился ее руководителем в борьбе против царизма.

И именно об'единение этих рабочих-революционеров, создание партии рабочего класса, по указанию Ленина, являлось главной и основной задачей революционной социал-демократии. «Без такой организации,— писал Ленин,— пролетариат не способен подняться до сознательной классовой борьбы, без такой организации рабочее движение осуждено на бессилие, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу: освободить себя и весь русский народ от его политического и экономического рабства» [1].

М. Сыромятникова.

Циркуляр директора департамента полиции начальникам губернских жандармских управлений, 4 апреля 1901 г., № 1122.[2]

По примеру последних лет, действующие в пределах империи революционные группы разных оттенков заняты в настоящее время усиленной агитацией с целью подстрекательства рабочих ознаменовать в текущем году день 1 мая нового стиля (18 сего апреля) массовыми стачками и забастовками, а в некоторых местностях также устройством уличных демонстраций и шествий по наиболее людным улицам с распущенными красными знаменами и пением революционных песен, причем предполагается пред'явить от имени рабочих требования не только экономического, но и политического свойства, как-то: свободы сходок, забастовок, сообществ, слова, печати и, наконец, замены самодержавного образа правления — конституционным.

Так как подобные попытки в предшествующие годы завершались в большинстве случаев неудачей, то агитаторы озабочены ныне принятием всевозможных мер к обеспечению на сей раз успешного осуществления их предприятия и притом в небывалых до сего размерах. С этой целью подготовляется масса воззваний, предназначенных к самому широкому распространению среди рабочих, учащейся молодежи и сочувствующих революционному движению интеллигентов, а для привлечения к манифестации возможно большего числа несознательных участников, в виде праздного люда и любопытствующей публики, предполагается перенести празднование с 18 апреля, приходящегося в будний день, на одно из ближайших воскресений, 22, 29 апреля или 6 мая. При этом на случай насильственных действий со стороны полиции и войск участники демонстрации предполагают запастись ножами, кастетами и палками с свинцовыми набалдашниками.

В виду изложенного департамент полиции, озабочиваясь предотвра-

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 58.

[2] Печатаемые ниже документы хранятся в Центр. архиве революции и подготовлены к печати Е. В. Горелкиной.— ДП., о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 22, л. 108.

щением всяких попыток к устройству беспорядков, просит вас, м. г., буде во вверенном вашему наблюдению районе имеются организованные кружки, занимающиеся пропагандой среди рабочих, принять немедленно меры к скорейшему определению их состава, обратив особое внимание на лиц, могущих по своему направлению и по прикосновенности к революционной агитации вообще выступить в данном случае в качестве зачинщиков, руководителей и подстрекателей. По надлежащем выяснении все такие лица должны быть обысканы, арестованы и привлечены при вверенном вам управлении к расследованию в порядке положения о государственной охране, причем желательно, в видах устранения возможности агитаторам вновь сорганизоваться, чтобы день ликвидации был приурочен возможно ближе к 18 апреля.

Равным образом, в виду полученных указаний, что многие серьезные революционные деятели из провинции намереваются ко дню 18 апреля отправиться в столицы, департамент просит усилить наблюдение на вокзалах и в случае от'езда в Петербург или Москву лиц, известных вам по своему революционному направлению, извещать о том по телеграфу департамент полиции и подлежащего начальника охранного отделения.

Директор Зволянский.

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции от 15 апреля 1901 г., № 174 [1].

Рабочий Владимир Сонин принес вечером 14 апреля в конспиративную квартиру по Шлиссельбургскому тракту образцы: 1) листка «Первое мая», издания Российской социал-демократической рабочей партии, 1901 г., отпечатанных на белом большом листе в типографии «Искры». Листок этот, начинающийся воззванием: «Долой царское самодержавие», призывает рабочих ознаменовать день 1 мая демонстрацией и пред'явить требования: «8-часового рабочего дня» и «политической свободы». В конце листка имеется заметка: «Этот листок составлен и издан от имени Российской социал-демократической рабочей партии С.-Петербургским, Одесским, Киевским, Николаевским и Харьковским комитетами партии и организациями «Южного рабочего» и «Искры» [2], 2) брошюры: «Майские дни в Харькове», типография «Искры», январь 1901 г.

По заявлению руководителей интеллигентов главный транспорт этих изданий будет доставлен для распространения во вторник, 17 апреля.

Полковник Пирамидов.

Доклад товарища министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского Николаю Романову, 1901 г. [3].

Беспорядки на Никольской мануфактуре акционерного Общества «И. А. Воронин, Лютш и Чешер»

Среди рабочих Никольской мануфактуры, еще с половины апреля сего года, начались разговоры о необходимости какой-нибудь демонст-

[1] ДП, о. о., 1898 г., д. № 5,ч. 6, л. 69.

[2] Оригинал указанной листовки хранится в Архиве революции под инв. № 10410. Текст ее без указания на составителей и издание и без указанных лозунгов опубликован в «Летописи Революции», 1923 г., № 4, стр. 237—240. Листовка эта была принята на конференции нескольких южных комитетов в начале февраля 1901 г.

[3] ДП, VI, 1902 г., д. № 7-а, л. 135—152. Публикуемый доклад, отпечатанный в типографии без подписи и даты, сохранился в деле как приложение к по-

рации в день 1 мая. В ночь на это число 500 ночных рабочих без всякой причины оставили работу и заявили управляющему фабрикой требование: 1) восьмичасового рабочего дня, 2) прибавки 30% к существующим расценкам и 3) устройства школы и больницы. Администрация ответила категорическим отказом.

Около 4 часов утра должна была заступить дневная смена, но стачечники не допустили ее к работам, и фабрика остановилась, причем рабочие держались спокойно. Увещевания прибывшего фабричного инспектора не имели успеха, и толпа не расходилась. Около 10 часов утра прибыл наряд полиции в составе пятидесяти городовых и отделения конно-полицейской стражи. При появлении сего наряда в толпе послышались крики: «Оставайся на месте, не расходись, крепко стой за народ и свободу!». Тем не менее через некоторое время рабочие стали расходиться, не производя беспорядков.

Засим весь день 1 мая прошел довольно спокойно, но забастовщики к работам не приступали. На другой день несколько усиленный наряд полиции, с 5 часов утра, наблюдал за началом работ на фабрике Чешера и соседних с нею, причем на большинстве этих фабрик было заметно сильное брожение. Часть рабочих хотела присоединиться к стачечникам, другие же, несмотря на желание приступить к работе, не решались на это, из боязни репрессий со стороны забастовавших.

В виду такого положения и желая обеспечить свободу действий благоразумных рабочих, полицеймейстер IV отделения около 11 часов утра вызвал к Выборгской части эскадрон жандармского дивизиона, усилив наряд полиции частью конно-полицейской стражи и полицейским резервом.

Благодаря этому Самсониевская набережная была настолько обеспечена, что все пожелавшие стать на работу начали таковую в 2 часа дня. Недовольные же рабочие, оттесненные от Самсониевской набережной, кинулись в ближайшие переулки в районе своих квартир, где и засели в домах и за заборами, захватив с собой камни из мостовой, кирпичи с производящихся построек, а равно и разные металлические предметы, взятые с фабрик; самая же большая толпа двинулась на взвод жандармов и отделение конно-полицейской стражи. Местный пристав повел конные части навстречу, с целью рассеять скопище, но из-за заборов и окон ближайших домов посыпался такой град камней, что испуганные и побитые лошади повернули назад, а пристав, отрезанный выскочившими из засады рабочими, едва спасся в выломанное окно пустой квартиры. Видя это, полицеймейстер спешил конный наряд и очистил таким образом дворы и квартиры, занятые бунтарями. Немного спустя, подошла вызванная ранее рота лейб-гвардии Московского полка, с прибытием которой порядок был окончательно восстановлен, и вся местность оцеплена войсками, причем задержано на месте беспорядка около 200 человек. Засим на всех фабриках были вывешены об'явления градоначальника с предложением приступить к работам 3 мая. Не ставшие на работы 3 мая были задержаны в количестве до 300 человек и высланы на родину.

О беспорядках 2 мая возбуждено судебное производство, но предварительное следствие еще не окончено.

В жандармском взводе получили ушибы камнями: 3 офицера и 23 нижних чина, из коих один — тяжелый.

становлениям состоявшегося 9 марта 1902 г. особого совещания министров, созванного по распоряжению царя от 27 декабря 1901 г., для обсуждения вопросов о полицейском надзоре на фабриках и заводах и об условиях быта рабочих. В деле имеется указание, что этот доклад составлен товарищем министра внутренних дел князем Святополк-Мирским (л. 3).

Обращаясь к изысканию причин, вызвавших описанные беспорядки, нельзя не признать, что главные требования рабочих не имели оснований: расценки на фабрике Чешера и других однородных с нею были понижены вследствие экономических причин еще в 1896 году и с тех пор не изменялись и не вызывали жалоб со стороны рабочих, требование же восьмичасового рабочего дня, как я убедился из расспроса большого количества мастеровых разнообразных типов, для них непонятно.

Из ознакомления с общими условиями работы на этой фабрике нельзя не признать их нормальными и не могущими вызвать какие-либо претензии. Таким образом следует придти к убеждению, что единственная причина беспорядков — подпольная агитация.

Переходя к оценке действий должностных лиц, нельзя не признать, что сведения о настроении рабочих до беспорядков были крайне ограниченны. Трудно предположить, чтобы означенный беспорядок, выразившийся столь определенно и в резкой форме, не был заранее подготовлен, а между тем у полиции не было надлежащих сведений для принятия предупредительных мер. Кроме того казалось бы, что 2 мая уже возможно было с утра озаботиться, чтобы волнения рабочих не возобновлялись. Для сего надлежало лишь обеспечить непокойный фабричный район достаточной полицейской или даже воинской силой.

Беспорядки на Обуховском сталелитейном заводе.

27 апреля сего года по разным мастерским Обуховского завода было разбросано большое количество «Рабочего листка», издаваемого «Комитетом рабочей организации» [1], в котором мастеровые настоятельно приглашались устроить 1 мая демонстрацию.

На другой день рабочие узнали, что по случаю отпуска начальника завода генерал-майора Власьева в исправление его должности вступит помощник его подполковник Иванов. К последнему рабочие уже давно питали неудовольствие за его требовательность, приписывая ему же и уменьшение расценок. В то же время стали распространяться среди мастеровых превратные толки о понижении поштучной платы, о выдаче на руки лишь половины заработка, об отмене обычных наград некоторым служащим к рождеству христову и св. пасхе. Молва приписывала и эти, будто бы, принимаемые меры тому же подполковнику Иванову. Чины местной полиции своевременно извещали заводоуправление о разных неверных толках среди рабочих.

1 мая, до полудня, все рабочие были на местах, а с обеда многие не явились; из числа последних небольшая часть получила увольнительные билеты, остальные же не пришли самовольно. Подполковник Иванов сообщил на словах местному приставу, что неявившихся на послеобеденные работы было 100—150 человек и что слух об окончательном увольнении с завода 800—1 000 рабочих неверен, так как предназначено к расчету всего 19 мастеровых, уже ранее замеченных в дурном поведении.

Из числа последних 10 человек были рассчитаны 3 мая, вследствие чего 70 их товарищей заявили, что «если уволили десять, то и они требуют себе расчета». Приказав заготовить просимый расчет, подполковник Иванов уволил сверх десяти еще 16 человек. Это распоряже-

[1] «Комитет рабочей организации» образовался в 1898 г. как продолжение Петербургской организации «рабочемысленцев» (литературной группы «экономистов», издававшей газету «Рабочая мысль»).

Характеристика «листков» «Комитета рабочей организации» дается в № 3 «Искры» в апреле 1901 г. в статье «Из партии» («Искра», изд. Истпарта ЦК ВКП (б), вып. 1, стр. 69—70).

ние, по мнению компетентных лиц, и послужило ближайшим поводом к забастовке 7 мая, завершившейся последующими печальными событиями.

В этот день, вскоре после полудня, мастеровые обратились к появившемуся на заводе генерал-майору Власьеву с просьбой — не поручать подполковнику Иванову исправление должности начальника завода. Генерал-майор Власьев старался успокоить рабочих и, не дав им определенного ответа, уехал.

Неудовлетворенные ответом генерал-майора Власьева рабочие почти во всех мастерских стали волноваться и около 2 часов дня начали оставлять работу, о чем было сообщено по телефону местному полицеймейстеру полковнику Палибину. В 3 часа мастеровые без ведома администрации силой заставили подать два тревожных свистка, а затем массами двинулись на Шлиссельбургский тракт, причем охранявший калитку сторож был отброшен и ранен одним из рабочих.

Предварительно описания дальнейшего хода беспорядков следует коснуться топографии местности по Шлиссельбургскому тракту. От села Александровского до Обуховского завода, по направлению к С.-Петербургу, с правой стороны улицы расположены жилые строения завода до переулка; далее идут жилые строения рабочих карточной фабрики, за которыми начинаются здания Александровского сталелитейного завода, разделенного проспектом на две половины. Подвоз материалов и угля в обе половины производится вагонами по узкоколейной железной дороге, которая для обеспечения движения по проспекту ограждена двумя шлагбаумами. Левая сторона того же тракта, против Обуховского завода и далее к шлагбаумам, застроена частными домами, в которых живут рабочие Обуховского и Александровского заводов.

На Шлиссельбургском тракте образовалась 4-х тысячная толпа, к которой примкнуло весьма много праздного народа и рабочих соседних фабрик. Заняв дворы и строения по обе стороны тракта и овладев обоими шлагбаумами, рабочие криками и бранью встретили прибывшие наряды конной и пешей полиции и жандармского эскадрона.

Чтобы рассеять буйную толпу, полицеймейстер со взводом жандармов направился к шлагбаумам; но лишь только взвод тронулся от завода, как из-за забора стали осыпать его камнями, а из верхних этажей карточной фабрики было сделано несколько выстрелов. Большинство лошадей закинулось, и команда расстроилась. Затем полковник Палибин два раза пытался проникнуть в ворота жилых домов карточной фабрики, причем был ранен острым камнем в голову и ушиблен в ногу. В наряд было вновь сделано несколько выстрелов, не причинивших, как и первые, никакого вреда.

Видя невозможность прекратить беспорядок силами полиции, полковник Палибин вызвал две роты Омского пехотного полка. Между тем до прибытия войск толпа, ободренная отступлением полиции, стала сама наступать, заметно увеличиваясь и продолжая бросать камни. К этому времени подоспела команда, расположенная на противоположном берегу Невы и состоявшая из матросов, командируемых на завод для ознакомления с изготовленными орудиями; 20 человек этой команды, в виду неспокойного состояния рабочих в столице перед 1 мая, были снабжены ружьями. Полковник Палибин приказал им открыть огонь. На первый и второй залпы, сделанные вверх, толпа ответила криками «ура» и смехом, а после третьего быстро разбежалась. Всего выпущено 71 пуля, причем в толпе убит 1 и ранено 8 человек, из них двое — тяжело. В полицейском наряде получили ушибы околоточный надзиратель и 11 городовых, из коих 7 — более серьезные.

Через полчаса рабочие, несмотря на испытанные потери, снова начали собираться, и даже было брошено в полицейский наряд несколько камней, но к этому времени подошли вызванные роты, и беспорядок прекратился. Арестовано 121 человек из числа обративших на себя внимание полиции... Завод по распоряжению начальства был закрыт.

9 мая генерал-майор Власьев приказал вывесить об'явление, что он вступил в должность и предлагает с 11 мая начать работы. Для переговоров с рабочими о их законных желаниях и причинах беспорядка предложено выбрать по одному уполномоченному из каждой мастерской. К этому об'явлению мастеровые отнеслись иронически, говоря, что власть, нуждаясь в рабочих руках, сама будет в них заискивать.

11 мая работы на заводе возобновились, а уполномоченные представили генерал-майору Власьеву требования рабочих, изложенные в 14-ти пунктах, а именно:

1) удалить подполковника Иванова с завода;
2) просить об освобождении арестованных 7 мая за беспорядки;
3) ввести день 1 мая в табельные дни праздников;
4) установить уполномоченных от мастерских для облегчения передачи начальнику завода личных просьб и жалоб мастеровых;
5) отменить сверхурочные работы ночные и праздничные;
6) учредить восьмичасовой рабочий день;
7) отменить правила, по которым мастеровые, получившие расчет, вновь поступают только лишь через 3 месяца;
8) повысить цеховую плату всем рабочим;
9) не изменять раз назначенную цену поштучной работы до окончания всего подряда; такое распоряжение вывесить на видных местах завода;
10) урегулировать штрафы за опоздание, как это сделано на других заводах;
11) подмастерьям вменить в обязанность обращаться с рабочими не так грубо, как до сего времени;
12) выдавать увольнительные записки безразлично — вперед и за прошлое число;
13) работающим в артелях поштучно рассчитывать пропорционально цеховой плате и
14) об'явить, в каком положении находится штрафной капитал.

Ожидая ответа, рабочие выражали уверенность, что «по примеру студентов, и им должны уступить» [1].

Соглашаясь удовлетворить требование мастеровых относительно учреждения уполномоченных, неизменения расценок до окончания подряда, урегулирования штрафов за опоздание, надзора за обращением подмастерьев, генерал-майор Власьев за разрешением вопросов о восьми-часовом рабочем дне, о праздновании дня 1 мая и об увеличении рабочей платы — обратился по просьбе депутатов к управляющему морским министерством. После этого на заводе было вывешено об'явление, что эти три просьбы вице-адмирал Тыртов передал министру внутренних дел; относительно же просьбы об освобождении арестованных рабочих начальник завода обещал просить с.-петербургского градоначальника.

Предварительное следствие о вооруженном сопротивлении на Обуховском заводе уже закончено, но будет слушаться лишь во второй половине сентября [2].

---

[1] Повидимому, имеется в виду отмена правительством введенных в июле 1899 г. «временных правил» о сдаче студентов в солдаты за «учинение скопом беспорядков».

[2] Дело разбиралось 24—27 сентября 1901 г. в особом присутствии Петер-

Работы на заводе продолжались до 7 июля, когда мастеровые снова забастовали по случаю возвращения подполковника Иванова из командировки; эта забастовка вынудила администрацию завода закрыть его. После увольнения около 150 наиболее беспокойных рабочих и об'явления, что требования мастеровых об увольнении подполковника Иванова не будут исполнены, на заводе 12 июля вновь приступили к работам.

Прискорбные события на Обуховском заводе, помимо многолетней внешней агитации, об'ясняются главным образом отсутствием надзора за рабочими и недостатками внутреннего распорядка в полицейском отношении.

Деятельность наружной полиции ограничивается наблюдением за рабочими лишь вне завода, так как, по настоянию заводоуправления, чинов общей полиции на заводе не имеется. Между тем администрация, повидимому, не имела сведений о том, что происходит на заводе. Так например: чертежники, кладовщики, браковщики и служащие по бухгалтерии, в числе более 300 человек, входят на завод без номеров. При таком порядке на завод являются разные неблагонадежные лица, и сама администрация приписывает беспорядки 7 мая воздействию интеллигентов, успевших проникнуть на завод. Несомненно, таким же путем распространяются среди рабочих и преступные издания, находимые в больших количествах по мастерским. При обнаружении подобных случаев заводоуправление весьма неохотно делилось сведениями с чинами полиции; даже о брожении среди рабочих 7 мая было сообщено местному приставу уже в самый разгар волнения, т. е. в такое время, когда предупредительные меры были уже неприменимы.

На заводе издавна существуют технические вечерние классы для взрослых рабочих, где бесплатно читает лекции, несомненно, неблагонадежная молодежь, в том числе и студенты. Вредное влияние этих классов ныне признает сам генерал-майор Власьев и предполагает осенью их более не разрешать [1].

В течение зимы устраиваются на заводе любительские спектакли, где происходит сближение молодых рабочих с учащимися высших учебных заведений, причем студенты являются иногда переодетыми в костюм рабочих. Вообще не подлежит сомнению, что пропаганда на Обуховском заводе сделала значительные успехи...

Обращаясь к действиям администрации завода во время происходивших в мае месяце волнений и беспорядков, нельзя, к сожалению, не признать, что таковые были несколько слабы. Удовлетворение большей части претензий рабочих и некатегоричный отказ в явно незаконн-

---

бургской судебной палаты с участием сословных представителей при закрытых дверях. Обвинительный акт по делу о «майских беспорядках на Обуховском заводе» был опубликован в № 9 «Искры», октябрь 1901 г. («Искра», изд. ЦК ВКП(б), вып. II, стр. 30—36). Арестованные участники были судимы с исключительной строгостью: из 37 человек оправдано 8, остальные приговорены были к каторге от 4 до 6 лет, к арестантским ротам—от 4 до 5 лет и к тюремному заключению. Несовершеннолетняя Марфа Яковлева приговорена была к 3 годам тюрьмы, а все другие несовершеннолетние—к $1^1/_2$ годам тюрьмы. (Приговор по делу опубликован в сборнике «Обуховская оборона в 1901 г.», состав. П. Ф. Куделли, изд. Ленинградск. истпарта, 1926 г., стр. 44—67. Там же, стр. 71—72, опубликована и листовка по поводу приговора, выпущенная в октябре 1901 г. Петербургским комитетом РСДРП.)

[1] Н. К. Крупская и ряд других членов Петербургского союза борьбы были учителями в технической и воскресной школах для рабочих по Шлиссельбургскому тракту (в Петербурге) в 90-х годах и вели революционную работу среди рабочих.

ных требованиях с об'явлением, что они переданы на рассмотрение совершенно чуждого ведомства, не могли не вызвать в среде рабочих сознания своей силы и пригодности самоуправных протестов.

Что же касается действий полиции, то за неполучением в свое время сведений о происходящем на заводе, она лишена была возможности заблаговременно принять соответствующие меры, для быстрого подавления беспорядка в самом его начале.

Беспорядки на Невском судостроительном заводе.

12 мая, в 11½ часов утра, рабочие пароходо-механической мастерской Невского судостроительного завода самовольно прекратили работы, причем некоторые из них бросились по другим мастерским, принуждая всех бастовать. Большинство мастеровых, опасаясь насилий, но не желая принимать участия в стачке, разошлись по домам.

Названная мастерская и часть примкнувших к ней молодых рабочих из других цехов потребовали сокращения рабочих часов, обращения заводской лавки в общественную на паях, устройства ссудо-сберегательной кассы для рабочих и отмены штрафов за опоздание на десять минут утром и после обеда Администрация завода тотчас согласилась уменьшить рабочий день на полчаса, ограничив его десятью часами, остальные же требования обещала представить в правление.

На другой день мастеровые своевременно приступили к работе, но, по об'явлении им через выборных о решении заводоуправления, они потребовали убавить работу еще на полчаса, и, когда им было отказано, все ушли с завода. 15 мая снова все явились в мастерские и небольшая часть взялась за работу, но, как и накануне, часть молодежи стала угрожать работавшим, вследствие чего все рабочие вышли из мастерских во двор. Переговоры с прибывшим фабричным инспектором, убеждавшим их приступить к работам, не имели успеха, и мастеровые ушли с завода.

16 мая на заводе было вывешено об'явление градоначальника с требованием приступить к работе 17 мая или получить расчет. Таким образом 17 мая работы на заводе возобновились и продолжались до 6 июня, когда рабочие вновь забастовали, недовольные отказом в их требованиях. Вследствие такого упорства завод был закрыт, и все рабочие рассчитаны. После сего, администрация завода приступила к новому найму рабочих, но уже не принимая мастеровых, замеченных в неодобрительном поведении. 22 июня работы начались лишь в некоторых мастерских, а с 1 июля были в полном ходу.

Невский судостроительный и механический завод до недавнего времени принадлежал разным акционерным компаниям и при постоянной смене администрации был доведен до крайней степени распущенности и своеволия как мастеров, так и рабочих. Такое состояние завода отразилось неблагоприятно на качестве его изделий, и за последнее время администрация установила более строгий контроль над мастерами и рабочими в лице вновь учрежденных должностей корабельных инженеров. Новый порядок вещей не понравился мастеровым, привыкшим работать небрежно, и противоправительственная агитация, конечно, не упустила случая этим воспользоваться, подстрекая рабочих к стачке. Забастовка на заводе не перешла однако же в беспорядок, и рабочие держали себя сравнительно сдержанно; поэтому можно предполагать, что если бы на первое их заявление скопом они получили категорический отказ с указанием на незаконность формы обращения, стачка не имела бы места.

Беспорядки на Александровском механическом заводе Николаевской железной дороги.

17 мая в вагонных мастерских Александровского механического завода Николаевской железной дороги еще с утра замечалось волнение, а после обеденного перерыва на работы явилась только половина мастеровых. Остальные собрались толпой за воротами и пред'явили требования: прекращения личного обыска при выходе из мастерских, окончания работ в кануны праздников часом раньше, увеличения заработной платы и другие, менее значительные.

На другой день стачечники силой принудили большую часть рабочих примкнуть к забастовке, причем достигалось это бросанием камней в окна мастерских, где еще продолжалась работа. Подоспевший наряд полиции разогнал буянов, мастерские же, по распоряжению начальника Николаевской дороги, были закрыты до 23 мая.

21 мая на заводе было вывешено об'явление, что начальник дороги, соглашаясь удовлетворить просьбу мастеровых об отмене обыска и некоторые другие, вопрос о сокращении работ накануне праздников представит на разрешение высшей инстанции.

Такая поспешность в удовлетворении просьб рабочих, заявленных не только скопом, но и сопровождаемых буйством, не может быть оправдана, так как убеждает рабочих в практичности стачек. Если какое-либо требование рабочих, как например, отмена личного обыска по выходе из мастерских,— могло быть так легко удовлетворено, то почему это не было сделано ранее, если осмотр бесцелен для дела и обиден для рабочих.

Беспорядки на Балтийском судостроительном заводе.

28 мая утром рабочие механической мастерской Балтийского судостроительного завода заявили помощнику начальника оного инженеру Павлову, что они недовольны заведывающим мастерской и сверх того требуют общей прибавки заработной платы. В тот же день начальник завода генерал-майор Ратник получил анонимное письмо с жалобой на неравномерную прибавку платы и с просьбой распределить ее на всех. Помимо этого, просили уволить инженера Павлова и несколько других лиц из администрации и установить восьми-часовой рабочий день. Приказав доставить сведения о сделанных прибавках платы за последнее время, генерал-майор Ратник об'явил 29 мая выборным годовым депутатам, что таковая прибавка уже была сделана более, чем половине рабочих, и что увеличить плату всем без исключения он не имеет права.

30 мая до обеда работы на заводе шли своим порядком, но в 3¼ часа пополудни механический цех внезапно забастовал, и мастеровые в количестве около 600 человек собрались во дворе. Часть их направилась по остальным мастерским и, угрожая камнями и ножами, требовала прекращения работ; другая же часть буянов пыталась прорваться к эллингу строившегося броненосца «Император Александр III», но была удержана командой матросов под начальством лейтенанта Реммерта.

Генерал-майор Ратник по желанию рабочих вышел к толпе, спокойно собравшейся во дворе, и предложил выбрать депутатов, которые могли бы определенно высказать ему желание большинства. Однако же, опасаясь обоюдного побоища между рабочими, начальник завода приказал дать свисток к их выходу.

Местной полиции было сообщено о начавшемся беспорядке в 3½ часа, и вскоре прибыл к заводу полицеймейстер подполковник барон Нолькен с 30 городовыми. Наряд этот никаких мер по своей малочисленности не предпринимал, и полицеймейстером вызваны были по телефону отделение конно-полицейской стражи и рота Красноярского пехотного полка.

Между тем бушующие рабочие, выйдя из завода, разбились на три группы и стали ломать заборы и бить стекла на писчебумажной фабрике Паллизена и на заводах Пульмана и проволочно-гвоздильном. В это время прибыли вызванные части, и порядок к 5 часам был восстановлен.

31 мая с 5 часов утра вблизи завода был сосредоточен усиленный наряд пешей и конной полиции с эскадроном жандармского дивизиона. День этот прошел относительно спокойно. Мастеровые собрались на завод, но не работали. К ним вышел генерал-майор Ратник и призвал к себе выборных от цехов.

По пред'явлении выборными требований рабочих генерал-майор Ратник обещал часть претензий удовлетворить, по остальным же, как от него не зависящим,— дать ответ впоследствии...

1 июня были приняты те же полицейские меры охраны, как и накануне.

Рабочие собрались в урочное время на завод и разошлись по своим мастерским, но к работам не приступили. Они заметно волновались и выражали неудовольствие на то, что им не об'явили обещанного решения начальника завода. Немного спустя, они с шумом и свистом вышли во двор, желая говорить с генерал-майором Ратником и требуя освобождения своих товарищей, арестованных в ночь на 31 мая по указанию администрации завода.

Тем временем было написано от имени начальника завода об'явление, которое, как особенно характерное, позволяю себе привести в подлиннике:

«По различным пунктам просьб мастеровых, переданных мне вчера 31 мая их выборными, по которым я словесно давал об'яснения выборным, часть, касающаяся упорядочения расценок, устранения указателей из задельных работ, восстановления хорошего обращения с мастеровыми, переиспытания учеников, срочности до полугода пребывания без права перевода в мастерские, прибавления содержания многим малоплатным мастеровым, остававшимся продолжительное время без прибавок, и устранения некоторых особенно вооруживших своим обращением с мастеровыми лиц от дальнейшего общения с рабочими—мной будет, согласно словесных обещаний, исполнено, в пределах справедливости, а по другим частным жалобам — рассмотрено и по мере основательности налажено. Но на все это требуется некоторое время работы, свободное от отвлечений нынешними волнениями.

По отмене обыска при выходе из завода, я должен войти в более подробное рассмотрение мер к устранению под надзором самих мастеровых злостного выноса заводского имущества.

По остальным вопросам общего характера, как-то: поголовная прибавка жалованья мастеровым и рабочим, введение восьми-часового труда и другим, не подлежащим моему решению, на-днях будет изложено в письменном моем докладе, который будет передан другим высшим властям. Начальник завода К. Ратник. 1 июня 1901 года».

Об'явление это не удовлетворило рабочих, и они продолжали шуметь, снова требуя освобождения арестованных товарищей.

Около 8 часов утра было составлено другое об'явление о том, что ге-

нерал-майор Ратник «вследствие настояния мастеровых» переговорил по телефону с подлежащими лицами об освобождении арестованных, но градоначальник ответил, что они могут быть освобождены только по окончании следствия. Полицеймейстер убедил администрацию в нецелесообразности подобного сообщения, и оно не было вывешено.

Рабочие между тем вновь разошлись по мастерским, производя везде разгром, а в судостроительную мастерскую ворвались рабочие другого цеха и тяжко избили находившихся там мастера и двух указателей.

По мнению генерал-майора Ратника, это последнее буйство приняло большие размеры исключительно по отсутствию на заводе вооруженной силы. С прибытием же двух полурот 14 флотского экипажа рабочие успокоились; тут же было об'явлено о закрытии завода и увольнении всех рабочих, после чего они постепенно разошлись.

После нового найма мастеровых завод возобновил работы 12 июня.

Дело о беспорядках на Балтийском заводе разрешено в административном порядке, причем 21 человек высланы на родину, под гласный надзор полиции, а 340 человекам воспрещено жительство в Петербурге на один год.

Происходившие на Балтийском заводе беспорядки менее всего можно об'яснить неудовлетворительным положением мастеровых. Следовательно и здесь необходимо притти к убеждению, что требования рабочих и беспорядок явились плодом усилий все той же агитации. Это подтверждается и заявлением самого генерал-майора Ратника, да оно ясно вытекает и из характера самых требований, вроде восьми-часового рабочего дня, увольнения нелюбимых должностных лиц и освобождения арестованных товарищей.

Повидимому, агитация прочно утвердилась среди рабочих и этого завода; к сожалению, даже среди служащих есть лица не вполне благонадежные, о коих в настоящее время производится расследование в порядке положения о государственной охране.

Разбирая действия должностных лиц, нельзя не вывести заключения, что генерал-майор Ратник слишком был уверен в своем влиянии на рабочих. Быть может, к этому и были некоторые основания, что и доказывается появлением его среди буйной толпы; но если бы начальник завода менее полагался лично на себя, он, конечно, заранее принял бы надлежащие меры охраны, не дав затянуться беспорядкам на несколько дней.

Кроме того, недостаточная твердость в ответах генерал-майора Ратника рабочим внушила им опасные понятия о их силе: об'явление же мастеровым, что вопрос о восьми-часовом рабочем дне будет передан высшей власти, следует признать уже вполне неуместным.

Что касается действий полиции, то таковой в вину могло бы быть поставлено лишь допущение разгрома близлежащих заводов 30 мая; но это об'ясняется поздним получением сведений от начальства Балтийского завода и недостатком времени для сосредоточения соответственного наряда.

Изложив некоторые частные поводы к беспорядкам на отдельных заводах и фабриках, осмеливаюсь представить вашему императорскому величеству вытекающие из расследования общие причины, могущие оказывать влияние на возбуждение рабочих.

В ряду таких причин важнейшей необходимо признать неустанную работу революционных элементов. Поставив себе конечной целью создать из рабочих организованные массы для борьбы с правительством за осуществление своих идей, агитаторы, к сожалению, значительно

в этом успели. Систематически ведя свою пропаганду, они, как видно из дознаний о государственных преступлениях, образовали среди наших юношей-мастеровых вполне законченный вид[1] революционера-рабочего, правда, далеко не культурный и весьма ничтожный в умственном отношении.

Пользуясь всеми удобными способами для воздействия на рабочую молодежь, революционеры обратили особое внимание на всякого рода просветительные учреждения для рабочих, и при содействии неблагоприятных условий столицы в последние три-четыре года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется на каждом заводе еще немного, но эта ничтожная горсть террористически руководит всей остальной инертной массой вполне легальных рабочих.

Признавая главной причиной беспорядков на заводах в С.-Петербурге противоправительственную агитацию, я не могу не отметить, что в самой жизни рабочих есть немало условий, облегчающих пропагандистам их разрушительную деятельность. Главнейшим из таких условий представляется совершенная необеспеченность мастеровых с наступлением старости или за неспособностью к работе по болезни.

Простой русский человек, за редкими исключениями, не склонен к сбережениям, особенно в виду соблазнов городской обстановки. Поэтому было бы весьма желательно устройство разного типа ссудо-сберегательных касс; последние, конечно, должны быть под строгим контролем правительственной власти. Было бы еще лучше, если бы впоследствии можно было перейти на обще-государственное страхование рабочих при участии работодателей.

Министерство финансов коснулось вопроса обеспечения рабочих и составило проект «кассы вспомоществования рабочим при временной потере трудоспособности вследствие болезни», но дело это нуждается в дальнейшем развитии. Имущего и обеспеченного в будущем мастерового уже труднее подвинуть на какой-нибудь легкомысленный и рискованный шаг.

Из жалоб рабочих на условия их труда обращают на себя внимание отношения к ним низших служащих заводоуправления. Не говоря о мастерах и их помощниках, всякий старший, поставленный над рабочим, может по своему произволу дать ему невыгодную работу или уменьшить заработок и, наконец, даже вовсе удалить его. Приносить единоличные жалобы рабочие не решаются, будучи не без основания уверены, что даже в случаях удовлетворения вполне справедливых жалоб, они все же в непродолжительном времени будут уволены.

Недостаточный надзор за низшими служащими как на частных, так и на казенных заводах, служит постоянным источником мелких неудовольствий мастеровых, что также благоприятствует агитации.

Было бы полезно предоставить рабочим право избирать из своей среды постоянных доверенных для переговоров с заводоуправлением или фабричной инспекцией. Просьбы и заявления, облеченые в законную форму, уже не имели бы тогда характера протестов, опасных для спокойствия. Порядок избрания таких доверенных, их права и обязанности должны быть определены подлежащей властью. Мера эта, по

[1] Так в подлиннике.

соглашению министерства внутренних дел и финансов, предполагается к осуществлению в ближайшем будущем.

Из бытовых условий жизни рабочих также заслуживают внимания их квартиры. Только помещения в домах, принадлежащих фабрикам и заводам, можно признать отвечающими требованиям гигиены и средствам мастеровых. Большинство же нанимает их у частных домовладельцев за крайне высокую цену, при полном отсутствии самых примитивных удобств, хотя бы для необходимого отдыха. Конечно, квартиры рабочих в С.-Петербурге все-таки лучше помещений большинства крестьян; но последние, оставляя избу, пользуются чистым воздухом деревни, чего столичные рабочие не имеют и в праздники. К тому же потребности рабочего в городе быстро повышаются, особенно в столице.

Устройство квартир при заводах и фабриках весьма желательно; оседлое помещение заставило бы рабочих более дорожить своим положением и в то же время облегчило бы надзор за их настроением и попытками внешних воздействий. К устройству мастеровых помещений стремится большинство заводоуправлений, но осуществление этого требует столь больших затрат, что оно возможно лишь в более или менее отдаленном будущем.

Неудовольствия рабочих, имеющих сравнительно небольшой заработок, иногда вызываются и постоянно возрастающими ценами предметов первой необходимости. Поэтому все мастеровые желают иметь свои заводские лавки, устроенные на началах потребительных обществ. Небольшое число подобных лавок уже существует, но цены их мало разнятся от вольной продажи. Сверх того, было несколько примеров ликвидации таких предприятий по недобросовестности приставленных к ним выборных лиц. Тем не менее, не следовало бы отказывать рабочим в устройстве названных лавок, при неудаче они сами убедятся в неосновательности их желаний.

Немалым пробелом в быту рабочих является, по их мнению, отсутствие низших школ при фабриках и заводах. Вынужденные отдавать своих детей в крайне отдаленные городские школы, они предпочитают их вовсе не учить до 12—14 летнего возраста, и дети, оставаясь без всякого надзора, уже в эти годы приучаются к разгулу и праздной жизни. Министерство финансов проектирует «технические и ремесленные мастерские и курсы», польза которых несомненна, но рабочие нуждаются в начальной школе, где их дети обучались бы только грамоте. Надзор за преподаванием в таких школах должен быть особенно строг, в виду постоянного стремления противоправительственных групп проникнуть в начальную школу.

Почти в той же мере необходимы рабочим и правильно организованные библиотеки. Жажда к чтению развилась у мастерового далеко не пропорционально тому печатному материалу, какой находится ныне в его распоряжении. Это главным образом и об'ясняет чрезвычайный успех нелегальных изданий... При невозможности критики читатели-рабочие принимают на веру всякие измышления подпольных авторов, и в этом заключается весь вред такой литературы. В противовес ей желательна для рабочих правительственная газета, в которой сообщались бы законоположения о фабриках и заводах, усовершенствования по технике различных производств, известия о состоянии промышленного рынка и так далее.

Из расспросов многих рабочих я убедился, что они находятся в совершенном неведении законов, ограждающих их права, и не знают, на-

пример, что взыскиваемые с них штрафы идут на составление капитала для выдачи пособий самим же рабочим.

Разобрав условия быта рабочих, могущие до некоторой степени порождать их неудовольствие, перехожу к тем недочетам в деятельности подлежащих должностных лиц, которые едва ли не более влияют на резкую форму беспорядков.

В этом отношении рельефнее всего представляется ненормальное положение местной власти, по закону ответственной за сохранение порядка и спокойствия в столице. Казалось бы, что власть, отвечающая за всякое нарушение порядка, должна об'единять в себе все условия как для предупреждения беспорядков, так и для борьбы с ними. Между тем чины фабричной инспекции, особенно же администрации казенных заводов, не поставлены по отношению к этой власти в положение, дающее ей возможность в должной степени влиять на их действия по обеспечению мирного течения фабричной жизни.

Что касается фабричной инспекции, то закон вполне точно указывает на подчиненность ее местной административной власти. Статья 48 устава о промышленности гласит, что «надзор за соблюдением на фабриках и заводах должного благоустройства и порядка возлагается на местное губернское начальство и осуществляется им при содействии губернского по фабричным делам присутствия, чинов фабричной инспекции и полиции».

На практике же установились совершенно иные отношения, частью по недостаточной требовательности губернской власти, отчасти же вследствие ошибочного понимания чинами фабричной инспекции, что принадлежность их к ведомству министерства финансов исключает, будто бы, всякую подчиненность губернаторам.

Для устранения этого, казалось бы, целесообразнее направлять все распоряжения министерства финансов, касающиеся взаимоотношений рабочих и фабрикантов к губернатору, который уже от себя принимал бы зависящие меры к их исполнению. Засим такому ненормальному положению способствует еще и совершенное устранение губернаторов от обсуждения вопросов, как например: о числе фабричных инспекторов, месте их пребывания и районе действий.

Еще более в неблагоприятных условиях, в смысле единения, находится высшая на месте правительственная власть с администрацией заводов, принадлежащих казне. Заводы эти сам закон устраняет от надзора губернской власти, возлагая однако же на нее самые существенные обязанности по прекращению всякого рода волнений на таких заводах. Это в интересах порядка не может быть допустимо. Власть, обязанная прекращать беспорядок, должна обладать в полном об'еме и всеми средствами для их предупреждения, а для этого представляется безусловно необходимым: промышленные предприятия всех ведомств подчинить губернаторам, поскольку это касается мер охранения порядка.

Затем самую форму прискорбных событий последнего времени в рабочей среде С.-Петербурга надо отчасти приписать безнаказанности явно противозаконных и буйных действий скопом. Из-за желания в начале беспорядков устранить поводы к ним, часто прибегают к удовлетворению некоторых требований рабочих, что внушает им уверенность в целесообразности такого способа заявлений. Независимо сего, наказуемость означенных преступлений является недостаточно строгой и быстрой. Так, например, только о трех беспорядках на заводах возбуждено судебное преследование, но ни одно из них еще не окончено,

остальные же разрешены в административном порядке высылкой части виновных в места их родины.

Удовлетворение насущных и возможных в пределах закона нужд рабочих до начала волнений и категорический отказ в требованиях, хотя бы и легальных с наступлением беспорядков, при строгой и быстрой репрессии несомненно убедят рабочих в невыгоде всяких своевольных выражений своего недовольства.

Относительно участия полиции в предупреждении и прекращении беспорядков представляется несколько весьма серьезных пробелов. Так, замечается недостаточное знакомство ее с настроением рабочих, благодаря чему она большей частью лишена возможности заблаговременно принять какие бы то ни было предупредительные меры. Затем по недостаточности состава полиции фабричные районы С.-Петербурга охраняются вообще весьма слабо; поэтому громадное большинство вполне благонамеренных рабочих не обеспечены от нападений своих товарищей, стремящихся путем насилий достигнуть нелегальных и неразумных целей. Наиболее чувствуется недостаточный состав полиции при необходимости быстрого подавления беспорядка в самом его зародыше. На обстоятельство это я дерзаю обратить особое внимание вашего величества, так как быстрота в прекращении всякого самоуправства толпы служит вернейшим способом борьбы с ним; между тем средства столичной полиции далеко к сему недостаточны.

Из рассмотрения ведомости о наряде с.-петербургской полиции усматривается, что в случае рабочих беспорядков может быть выслано, не нарушая правильного отправления постовой службы, лишь сто городовых. К этому надо прибавить еще около 150 человек конно-полицейской стражи и жандармский дивизион, также обремененных усиленными нарядами. Безусловно, средства эти весьма ничтожны, если принять во внимание, что лишь на одном Шлиссельбургском тракте сосредоточено свыше ста тысяч рабочих. В виду сего представляется вполне необходимым усилить состав с.-петербургской полиции учреждением полицейских резервов в фабричных районах столицы. Мера эта, конечно, вызовет большой расход, и могла бы быть заменена расположением войсковых частей в наиболее угрожаемых пунктах.

Приведя наиболее веские факторы в беспорядках, я вновь позволяю себе остановиться на главнейшем из них — преступной агитации. Систематическая и энергичная борьба с этим злом является в настоящее время вопросом первостепенной важности. Мерами органов, подведомственных министерству внутренних дел, постоянно ликвидируются активные революционные группы, из коих выбывают более или менее видные деятели, задерживаются массы подпольных изданий, а время от времени — и самые типографии. Но убыль тотчас же пополняется новыми силами, подготовленными к революционному делу в разных тайных «кружках саморазвития», «землячествах», «обществах помощи ссыльным и заключенным» и тому подобных.

Одним из действительнейших средств к распространению противоправительственных идей служат, по словам самих агитаторов, «воскресные школы», школы «Русского технического общества» и другие просветительные учреждения сего рода.

Политически неблагонадежные студенты и курсистки стремятся безвозмездно поступать в названные учреждения в качестве преподавателей, лекторов и библиотекарей. Самые школы находятся иногда под негласным руководством целого кружка неблагонамеренных лиц, члены коего, не принадлежа к официальному персоналу школы, читают лекции по вечерам. Такой порядок дает возможность лицам революци-

онной среды проникать в школы и знакомить слушателей со своими идеями. Более способных учеников они часто приглашают к себе или сами их посещают, успевая таким путем совершенно подчинить их своему влиянию.

Дознания последних годов свидетельствуют, что усилия революционеров не пропали даром, и, благодаря их стараниям, преступные учения пустили в школах для рабочих прочные корни, сделав из них открытые рассадники пропагандистов. Большинство агитаторов-рабочих и главарей разных стачек посещали эти школы, где под руководством так называемых «интеллигентов» усвоили себе противоправительственный образ мыслей, распространяя его потом с возрастающим успехом среди своих товарищей.

Для приведения означенных школ в соответствие их целям необходимо учредить фактический контроль за преподаванием, по возможности усилив религиозно-нравственное воспитание учеников. Преподавателей и других должностных лиц в школы следует выбирать из числа опытных педагогов, вполне благонадежных в политическом отношении, а доступ к преподаванию учащейся молодежи обоего пола совершенно прекратить.

Резюмируя все вышеизложенное, почитаю священным долгом всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что попытки к беспорядкам на заводах и фабриках С.-Петербурга, несомненно, будут иметь место, так как зло пустило уже достаточно глубокие корни. Но вместе с сим смею высказать уверенность, что если рабочий будет знать о постоянном стремлении удовлетворить справедливые и законные его желания; если, с другой стороны, в нем будет уверенность, что посредством беспорядков он ничего добиться не может, а напротив всякое действие скопом, как противозаконное, будет тотчас подавлено, каких бы жертв это ни стоило; если наготове всегда будет достаточная сила действительно исполнить это в самый кратчайший срок; если высшая местная власть, т. е. градоначальник, будет поставлена в нормальное положение ко всем подлежащим органам заводоуправлений, и если полицейская охрана в столице будет доведена до размеров, вызываемых современными потребностями,— беспорядки примут минимальные размеры, которые не будут служить развращающим примером для массы благонамеренных рабочих.

К истории „Союза якутов“

Публикуемые ниже архивные документы из VII делопроизводства департамента полиции относятся ко времени разгрома царской властью революционного движения 1905 года. Революционное движение в Якутии,— как можно судить по многочисленным источникам,— приняло к началу января 1906 г. значительный размах, захвативший не только городское, но и наслежное — деревенское — население обширнейшего края. Однако помещаемые здесь документы — преимущественно телеграфная переписка местной влаги с центром — не дают общей картины движения. Исключительное внимание в них уделено лишь одной общественно-политической организации — «Союзу якутов».

Что это был за «союз» и какое место он занимал в движении 1905 г. в Якутии? Если судить по приводимой ниже переписке департамента полиции и якутского губернатора, царские чиновники сверху донизу приписывали «Союзу якутов» значение народной революционной организации. Об этом легко судить по той растерянности, которой отличаются донесения местного губернатора. Как местное, так и центральное начальство пугало то обстоятельство, что к «Союзу якутов» примкнули широкие круги деревенского населения, которое прибегло даже к практическому проведению в жизнь требований, пред'явленных «Союзом якутов» царскому правительству. Действительно, «Союзу якутов» удалось на определенный, исторический, хотя и крайне непродолжительный отрезок времени увлечь за собой довольно широкие круги городского и, особенно, наслежного населения. Однако по своей социальной и политической природе «Союз якутов» не мог явиться действительным выразителем интересов якутского крестьянства. По составу основного ядра этого «союза» и, особенно, его руководящей верхушки, первое место в которой принадлежало родовитому тойону из Дюпсюнского улуса Вас. Вас. Никифорову, а также и по тактике, которую Цк союза проводил, можно считать, что «Союз якутов» — это тойонская партия в национально-освободительном движении якутов.

Тойонат воспользовался развивавшимся революционным движением в крае в своих классовых интересах, стараясь опереться для успеха своего дела на якутские народные массы. Трудовая эксплоатируемая масса якутов терпела двойную эксплоатацию — русского царизма и тойонов. Назревавшая в трудящихся массах якутской деревни потребность избавиться от этой эксплоатации толкала ее на путь революции. «Союз якутов» выставив требования: 1) передачи всех земель края в собственность якутов, 2) самоуправления якутов без царской полиции и 3) национальное якутское представительство в Гос. думе, не раскрывал перед деревенскими массами, на каких основах, в каких формах будет якутский народ распоряжаться землей, как и кому будет дана земля. «Союз» в своем стремлении обеспечить себе господство над деревней и свободу от вмешательства власти, должен был выступить с общенациональными требованиями.

«Союз якутов» не успел и не мог пустить глубоких корней в народную толщу. Его влияние было кратковременным. К тому же главные участники «союза», члены ЦК, во главе с В. В. Никифоровым, были арестованы полицией и попали на скамью подсудимых.

Отходу трудовых масс якутского наслега от «Союза якутов» содействовало несколько обстоятельств, но решающим из них, наряду с глубокими классовыми противоречиями между трудящимися деревни и тойонатом, было усилившееся влияние в Якутии с 1906 г. с.-д. большевиков.

В Якутии большую роль среди рабочих, солдат, городских служащих и учащейся молодежи играла с.-д. группа «Маяк», оформленная в начале 1906 г. как местная с.-д. организация, в которой ведущую роль играли большевики. Большевикам приходилось в этой организации вести упорную борьбу с меньшевиками и, распространяя свое влияние на деревню, разоблачать тойонскую сущность «Союза якутов». Для этого разоблачения «союз» давал достаточно убедительный материал, открыто вступая в компромиссы с царизмом.

А пролетарская социалистическая революция 1917 г. и гражданская война, с огромной силой развернувшаяся на территории Якутии и втянувшая все местное население наслегов, окончательно поставили бедняцко-середняцкую, закабаленную тойонатом, якутскую деревню под руководство пролетариата и его партии.

М. Константинов.

Телеграмма директора департамента полиции якутскому губернатору, 8 января 1906 г.[1].

Комитет союза инородцев якутов, в составе Попова, Никифорова, Говорова, Афанасьева, Васильева, Аммосова, Артаманова, Слепцова, Готовцева, Скрыбинина, обратился к председателю Совета министров с телеграммой, заявляя, что союз не получил ответа на ходатайство о допущении представителя от якутов в Государственную думу и потому постановил требовать права избрания в Думу своего представителя, признания всех земель, находящихся во владении инородцев, а также казенных, монастырских и отведенных ссыльным — собственностью якутов, скорейшего введения земского самоуправления и передачи функций окружных полицейских управлений в заведывание самих инородцев. До удовлетворения этих требований союз приостанавливает платежи всех податей и повинностей. Министр внутренних дел приказал всех членов комитета, подписавших телеграмму, посадить в тюрьму, привлечь к ответственности и привести якутов к повиновению властям. О последующем телеграфируйте.

Директор Вуич.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 10 января 1906 г.[2].

Вчера вечером толпа около двухсот якутов ремесленников, черни, сформированная заранее, руководимая бывшими политическими —

[1] ДП., VII, 1906 г., д. №2, ч. 17, л. 3. Документ подготовлен Е. В. Горелкиной
[2] Там же, л. 245.

Олениным, Сабунаевым, Приютовым, вторглась[1] на заседание городской думы; поддержанная гласным Никифоровым, некоторыми другими, потребовала, чтобы дума сложила полномочия, как избранная порядком, не признаваемым народом. Гласные большинством голосов постановили отказаться от должностей, продолжив службу лишь до выбора новых всем населением города. Затем, та же толпа явилась на общественное собрание, желая присутствовать при обсуждении возбужденного на митингах вопроса о передаче земли во всеобщее пользование. Заседание было закрыто; толпа разошлась. Неожиданность появления, исчезновения толпы не позволили вызвать воинскую команду. Усиленная агитация, ведущаяся среди черни, особенно якутов, бывшими поднадзорными, некоторыми влиятельными инородцами, во главе с Никифоровым, дает основание ожидать дальнейших насилий. Полиция, состоящая из 20 городовых, бессильна, казаков мало, безоружны, деморализованы, совершенно ненадежны. Военную силу составляет лишь местная команда 130 человек, могущая уделить человек пятьдесят. Испрашиваю содействия немедленной присылке на подводах, ввиду наступления распутицы, хотя двух сот солдат при офицере, если возможно и пулемета. Начальник команды телеграфировал командующему войсками округа.

Губернатор Булатов.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 11 января 1906 г.[2].

Некоторыми из здешних инородцев, главным образом под влиянием якута Никифорова, образован союз, комитет которого прислал на днях телеграмму председателю Совета министров, пред'явив различные требования, до удовлетворения отказывается платить подати, повинности; влияние, видимо, распространилось на часть округа. Подати поступают очень слабо, принял меры понуждения, назначил расследование, но от арестов вынужден воздержаться по недостатку военной силы, до прибытия просимого подкрепления местной команды.

Губернатор Булатов.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 12 января 1906 г.[3].

Якутская тюрьма крайне ветха, тесна, совершенно переполнена, изоляция невозможна. Уверен, что арест, содержание здесь указанных в телеграмме директора департамента полиции десяти влиятельных в городе и округе инородцев вызовет массовое возмущение якутян и городской черни под влиянием агитации руководящих митингами оставшихся здесь бывших политических ссыльных, причем возможны нападение на тюрьму для освобождения арестованных и другие наси-

[1] Это «вторжение» в городскую думу не следует относить на счет деятельности «Союза якутов», хотя руководство последнего поддерживало его. Вторжение было организовано под флагом «Союза мелких торговцев», которым руководили оставшиеся в г. Якутске ссыльные народники. Об'единение мелких торговцев, домовладельцев, ремесленников и т. п. было вызвано непосредственно деятельностью высокоценовой городской думы, в частности чрезвычайно тяжелыми арендными ценами за помещения на рынке и высокими налогами. Руководящая головка этого «вторжения» в городскую думу, Сабунаев, М. В., Оленин, П. В., Гаммерштадт, М. Я. и др. поплатились за свое участие в этой думской истории от 2 месяцев и до 1 года тюрьмы по суду.

[2] ДП., VI, 1905 г., д. № 2, ч. 17, л. 246.

[3] Там же, л. 6.

лия. Кроме ничтожных полицейских средств, могу рассчитывать, как телеграфировал, лишь на пятьдесят солдат. Не имея возможности предотвратить могущие возникнуть серьезные безпорядки, вновь ходатайствую о немедленном увеличении местной команды. Испрашиваю разрешения не подвергать комитет союза якутов аресту, передать дело судебной власти.

Губернатор Булатов.

Телеграмма министра внутренних дел якутскому губернатору, 13 января 1906 г.[1].

Имеющихся у вас войск ... ...ля водворения порядка и арестования зачинщиков. Предлагаю действовать силой оружия без всякого снисхождения. Прошу немедленно восстановить авторитет власти.

Министр внутренних дел Дурново.

Телеграмма якутского губернатора директору департамента полиции, 14 января 1906 г.[2].

Прошу сообщить распоряжение министра на телеграмму мою от 12 января о передаче дела союза якутов судебной власти без арестования.

Губернатор Булатов.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 15 января 1906 г.[3].

На телеграмму от 13 января доношу. Кроме представленных мной оснований, крайне затрудняюсь арестом комитета союза якутов с привлечением к судебной ответственности, потому что судебная власть может освободить арестованных, чем безусловно подорвется авторитет администрации. Поэтому вновь прошу разрешения направить дело прокурору без арестования. Ввиду же усиливающегося брожения тайной агитации, тревожного состояния населения и для поддержания авторитета власти, ходатайствую о введении в Якутске, округах Якутском и Олекминском положения усиленной охраны. Докладываю: подкрепление команды необходимо.

Губернатор Булатов.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 16 января 1906 г.[4].

Положение крайне серьезно. Улус в тринадцать наслегов, с населением свыше пятнадцати тысяч, с участием должностных лиц, присоединился к союзу якутов, открыл комитеты, отказался от сношения с полицией [от взноса] податей, натуральных повинностей; присоединяются другие улусы. Арестование десяти членов Якутского центрального комитета вызовет открытое восстание, к которому подготовляются, и насилия, защититься от коих, не только подавить, имеющимися силами решительно нельзя. Настоятельно необходима экстренная присылка войск ближайших команд, об'явление усиленной охраны. Доношу по совещании с прокурором суда.

Губернатор Булатов.

---

[1] ДП., VII, 1906 г., д. № 2, ч. 17, л. 7.
[2] Там же, л. 10.
[3] Там же, л. 247.
[4] Там же, л. 248.

Телеграмма министра внутренних дел якутскому губернатору 17 января 1906 г.[1]

Об'явление области на усиленной охране едва ли удобно. Прошу вас для водворения порядка принять все меры, какие считаете необходимыми, так как на основании общих законов имеете на то право.

Министр внутренних дел Дурново.

Телеграмма министра внутренних дел иркутскому генерал-губернатору, 17 января 1906 г.[2]

Прошу вас, если возможно, помочь водворению порядка в Якутской области.

Министр внутренних дел Дурново.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 19 января 1906 г.[3]

Шесть членов центрального комитета союза якутов арестованы; остальные находятся в округе; об аресте распоряжения сделаны. Достаточно полное дознание, по предложению прокурора палаты, передается судебному следователю.

Губернатор Булатов.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 23 января 1906 г.[4].

К союзу якутов присоединились в округе три полные улуса и часть наслегов остальных пяти. За отсутствием войска никаких средств привести к повиновению не имею; посылать за сотни верст небольшую местную команду, оставив город беспомощным, невозможно. Если судебная власть освободит арестованных, особенно главаря Никифорова, дело еще более ухудшится. Союз тайно поддерживают бывшие поднадзорные, особенно командированные императорским Географическим обществом Оленин, Сабунаев, Приютов. Без об'явления усиленной охраны арестовать, выслать их, также прекратить митинги не могу. Ходатайствую о немедленной присылке войска, появление которого отрезвит якутов.

Губернатор Булатов.

Телеграмма министра внутренних дел иркутскому генерал-губернатору, 21 января 1906 г.[5].

Не признаете ли возможным командировать в Якутск какого-либо генерала или полковника, который решительными действиями прекратил бы там смуту и арестовал виновных.

Полномочия этому лицу будут посланы немедленно по телеграфу, как только состоится назначение. О последующем прошу телеграфировать.

Министр внутренних дел Дурново.

---

[1] ДП., VII, 1906 г., д. № 2, ч. 17, л. 12.
[2] Там же, л. 13.
[3] Там же, л. 14.
[4] Там же, л. 250.
[5] Там же, л. 16.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 23 января 1906 г.[1]

Четыре члена комитета союза якутов при всех усилиях полиции еще не найдены в округе, видимо скрываются населением. Арестованные шесть просят прокурора палаты о выпуске из тюрьмы, вероятно будут освобождены. Это окончательно подорвет авторитет власти, разовьет действия союза, поведет к полному неповиновению, может быть, к открытому восстанию, подавить которое даже при усиленной охране наличным малочисленным войскам невозможно.

Губернатор Булатов.

Телеграмма директора департамента полиции якутскому губернатору, 23 января 1906 г.[2]

На депешу 12 января. Министр просил временного генерал-губернатора Иркутска помочь, насколько возможно, водворению порядка в Якутске. В остальных благоволите руководствоваться данными вам указаниями.

Директор Вуич.

Телеграмма министра внутренних дел якутскому губернатору, 25 января 1906 г.[3]

Если арестованные члены комитета союза якутов получат освобождение от прокурора, продолжайте безусловно содержать их под стражей в порядке положения охраны. В видах устранения возможности побега или насильственного освобождения при первой возможности с соблюдением всех мер осторожности отошлите арестованных для содержания в тюрьме в Иркутск. Перед отправкой этих арестантов снестись с иркутским генерал-губернатором, которого вместе с сим телеграммой прошу выслать навстречу арестованным для сопровождения несколько вооруженных людей. Настоятельно требую с вашей стороны действий смелых, твердых.

Министр внутренних дел Дурново.

Телеграмма министра внутренних дел якутскому губернатору, 28 января 1906 г.[4]

Прошу вас действовать твердо и решительно и не стесняясь подвергать тюремному заключению для высылки в Туруханский край всех, оказывающих сопротивление вашим распоряжениям.

Дурново.

Доклад якутского губернатора министру внутренних дел, 13 февраля 1906 г., № 160.[5]

В дополнение к телеграфным донесениям моим по поводу образовавшегося в г. Якутске и округе его противозаконного союза инородцев, считаю долгом донести вашему высокопревосходительству, на основании данных, выяснившихся произведенным по этому делу полицейским дознанием, нижеследующее.

[1] ДП., VII, 1906 г., д. № 2 ч. 17, л. 249.
[2] Там же, л. 25.
[3] Там же, л. 26.
[4] Там же, л. 35.
[5] Там же, л. 262—272.

Мысль об образовании помянутого союза зародилась у основателей его, по всему вероятию, еще в конце октября или начале ноября минувшего года, во время с'езда в Якутске представителей от инородческого населения трех южных округов области (Якутского, Олекминского и Вилюйского), вызванных, по распоряжению иркутского военного генерал-губернатора, для участия в учрежденном под моим председательством особом совещании по вопросу о введении в области земских установлений; причем с уверенностью полагаю, что инициатива замысла в значительной степени принадлежала бывшим политическим ссыльным и государственным преступникам, в большом числе находившихся тогда в Якутске.

В донесении своем от 23 декабря м. г. за № 2161 я доложил уже вашему высокопревосходительству, в общих чертах, как отразилось на известной среде населения Якутска об'явление милостей, дарованных высочайшим манифестом 17 октября м. г., и какое значение имела в этом случае та масса политических ссыльных, которая, получив освобождение от надзора полиции и ссылки, наполнила город перед выездом своим из области.

С этим именно временем совпал и вышеупомянутый с'езд в Якутске на совещание о земстве представителей от городских, крестьянских и инородческих обществ.

К прискорбию, должен отметить, что население области, которому главным начальником края было предоставлено право избрать из своей среды представителей на совещание, отнеслось к этому важному делу крайне невнимательно и допустило, как оказалось, в составе своих представителей часть весьма неблагонадежных лиц, имевших близкое отношение к проживавшим в области государственным и политическим ссыльным и, несомненно, зараженным их противоправительственными идеями. Так в число представителей были избраны: от одной из волостей Олекминского округа занимающий в ней обязанность писаря, местный житель, освобожденный от надзора полиции, Родионов, от некоторых улусов Якутского округа инородцы Никифоров, Говоров, Попов (впоследствии члены центрального комитета союза якутов), от г. Вилюйска пользующийся дурной репутацией казак Корякин (бывший семинарист) и т. п. Затем часть представителей инородческого населения оказалась или совершенно не говорящей по-русски, или с трудом понимающей русскую речь, несмотря на категорическое требование мое, чтобы к участию в совещании были избраны лица, владеющие русским языком.

На первом назначенном мной заседании совещания представители от инородческого и крестьянского населения обратились с ходатайством о разрешении им, предварительно, в течение нескольких дней познакомиться со всеми относящимися к рассматриваемому вопросу материалами и существующим в Европейской России положением о земских учреждениях, что и было им разрешено, а на следующем заседании представители от инородцев и части крестьян, через уполномоченных своих Никифорова и Родионова, заявили совещанию, что, не зная или плохо понимая русский язык и стесняясь выражением своих мнений в совместных заседаниях с начальствующими лицами и представителями казенных ведомств, они не могут принять участие в общем совещании, а желают обсудить вопрос о введении земства на частных своих собраниях и представить свое мнение на обсуждение совещания в форме особого проекта, о разрешении чего и обратились уже с телеграфным ходатайством к главному начальнику края. Хотя лично я и члены совещания не находили приведенные доводы, заслуживающими уважения, о чем я и телеграфировал, в свою очередь, генерал-губерна-

тору, но главный начальник края признал возможным разрешить представителям инородцев выработать свой проект земских установлений, поручив мне продолжать совещания по этому вопросу с остальными представителями населения и казенных ведомств. Совещания представителей инородцев и отчасти крестьян происходили в частных домах недели две или три и результатом их явилось два проекта о земстве: представителей инородцев, почти буквально списанный с небольшими лишь изменениями с проекта, составленного с'ездом бурят Иркутской губернии, и некоторых представителей крестьян, также списанный с проекта общих положений о земстве в Сибири, составленного в Томске соединенными обществами: юридического при университете, сельского хозяйства Западной Сибири и др. Эти проекты представители от инородцев и крестьян представили от себя председателю Совета министров, а в копии генерал-губернатору и мне, заявив, что, исполнив таким образом свое дело, они считают уже излишним принимать участие в общих совещаниях с другими представителями от населения и казенных ведомств и раз'езжаются по домам.

Впоследствии обнаружилось, что на совещании представителей от инородцев приглашались в качестве сведущих людей и некоторые из находившихся в городе политических ссыльных, советами которых, вероятно, и пользовались составители проектов. Во время с'езда и совещаний по вопросу о введении земства получен был здесь, по телеграфу, высочайший манифест 17 октября. Под впечатлением всемилостивейше дарованной свободы слова, собраний и союзов и приносимых телеграфом, а затем и газетами, известий о событиях, происходящих в Европейской России и других частях Сибири, стали и в Якутске образовываться различные союзы и устраиваться собрания и митинги, руководимые главным образом наполнявшими город амнистированными политическими ссыльными. Не осталось чуждым этому общему настроению и инородческое население, особенно городское, находящееся под непосредственным влиянием некоторых из своих сородичей, имевших тесное общение с освобожденными поднадзорными. Бывшие на с'езде по вопросу о земстве представители инородческого населения развезли по своим улусам (главным образом по Якутскому округу, от которого было наибольшее число представителей) вместе с составленным на с'езде проектом о земстве и внушенные им в Якутске превратные идеи о дарованных свободах и, как я уверен, мысль о необходимости организовать общий инородческий союз для достижения различных прав и льгот. Таким образом почва была подготовлена.

Находящиеся в Якутске главные руководители с'езда инородцев, не теряя времени, сплотились в тесную группу и, при участии, конечно, оставшихся здесь бывших поднадзорных, составили ядро союза инородцев, вербуя в него все большее число членов; выработали представляемую при сем в копии программу, указывающую цели союза и способы действий его, и напечатали эту программу (в форме постановления) на гектографе в огромном количестве экземпляров для широкого распространения между инородческим населением. Постоянное общение между собой городских и проживающих в округе якутов, родственные их связи и раз'езды живущих в городе по разным улусам округа облегчали возможность приобрести себе соучастников и сотрудников даже в отдаленных, за несколько сот верст от города, улусах и наслегах, а начавшаяся с половины ноября почтово-телеграфная забастовка, совершенно отрезавшая область, почти на полтора месяца, от Европейской России и остальной Сибири, породившая различные нелепые слухи и вызвавшая в высшей степени тревожное состояние во всем населении, как нельзя более содействовала успешной деятельности аги-

таторов союза. Душой последнего явился инородец Василий Никифоров (частный поверенный), который, состоя гласным городской думы и членом общественного собрания и почти всех здешних обществ и частных учреждений, пользуется большим влиянием между сородичами как в городе, так и округе. Никифоров и еще девять городских инородцев, отчасти по сочувствию и сознательно, а некоторые, как оказалось, под влиянием других, составили в Якутске центральный комитет союза инородцев, привлекли к участию в союз, на собраниях в частных домах и простым подписанием прилагаемого в копии постановления, значительную часть городских инородцев, разослали своим единомышленникам и лично развезли по улусам массу тех же постановлений для привлечения в союз сельских инородцев и образования улусных и наслежных комитетов и, распространив, таким образом, действие союза почти по всему округу, послали 6 января известную вашему высокопревосходительству телеграмму председателю Совета министров с дерзкими требованиями, вытекающими из постановления о союзе, и извещением о прекращении, до исполнения их, взноса всех податей и повинностей.

Еще задолго до отправления этой телеграммы, в декабре месяце, как я доносил вашему высокопревосходительству, в городе стали циркулировать слухи, что населению, особенно инородческому, внушается мысль о возможности и необходимости прекратить всякие казенные платежи и не исполнять повинностей. Справки о количестве поступивших в казначейство податей и земских сборов в декабре (когда они здесь главным образом вносятся) удостоверили действительно крайне слабое поступление всех казенных платежей, а затем мне стало известно из частных источников, что приезжающие в город из улусов с податями инородческие старшины и сборщики, не являясь в полицейское управление, под влиянием Никифорова и других городских инородцев, уезжают обратно, не внося податей в казначейство [1]. Приказав точно проверить это, я вместе с тем поручил окружной полиции принять самые строгие и настоятельные меры понуждения инородцев к уплате податей. О телеграмме, посланной инородцами председателю Совета министров, я узнал дня через три, так как, по об'яснению начальника почтово-телеграфной конторы, согласно существующим телеграфным правилам, телеграфные депеши составляют строгую тайну и на выдачу засвидетельствованной копии с депеши должно последовать особое разрешение, за которым начальник конторы и обратился к начальнику почтово телеграфного округа. Истребовав однако ж пока не заверенную копию с телеграммы, я тотчас же распорядился производством дознания о союзе как в городе, так и в округе и донес об этом по телеграфу вашему высокопревосходительству. Вслед за сим я получил переданное в депеше директора департамента полиции приказание арестовать подписавших депешу членов комитета, привлечь к ответственности и привести якутов к повиновению властям.

Общее настроение населения как в городе, так и в округе было в то время весьма тревожно. Благодаря, усиленной тайной агитации, к союзу якутов примкнуло не только городское, но и разбросанное на сотни верст сельское инородческое население почти всех улусов округа. Инородцы без разрешения, по произволу, собирали улусные и наслежные сходы, избирали местные комитеты союза, отказывались от платежа податей и сношения с полицейскими чиновниками, прекратив отпуск под проезд их лошадей, даже за прогоны (один из земских за-

[1] Впоследствии, произведенным дознанием это вполне подтвердилось (Прим. в подлиннике).

седателей был таким образом задержан в улусе четыре дня)[1]; в городе циркулировали упорные слухи о вооружении якутов, что находило подтверждение в засвидетельствованном торговцами факте о настоятельном желании инородцев Никифорова и Попова (председателя центрального комитета союза) купить сто штук огнестрельного оружия, которое не было им продано за неимением разрешения полиции; со стороны бывших политических ссыльных, устроителей митингов, выражалось явное сочувствие инородческому движению и его руководителям, а поведение направляемой этими лицами толпы, состоявшей из черни и значительного числа якутов, проявилось дерзким вторжением в здания городской думы и общественного собрания[2]; вообще внешнее настроение, обыкновенно очень скромного, инородческого населения заметно изменилось, сделавшись независимым и даже вызывающим. При подобном положении дела вполне возможно было ожидать, что административный арест влиятельных инородцев, составляющих Якутский комитет союза, вызовет массовое возмущение инородцев и городской черни, под влиянием руководящих ею агитаторов, и попытки к освобождению арестованных из деревянной, ветхой и крайне тесной тюрьмы, переполненной, к тому же, уголовными арестантами. Для подавления могущего возникнуть крупного беспорядка в распоряжении администрации имеются, как я доносил, только ничтожный по численности состав городской полиции (в 25 человек), несколько десятков весьма ненадежных, почти невооруженных и необученных военному делу казаков здешней команды Якутского городового полка и 50—60 солдат местной команды, представляющей собой единственную военную силу. Если эти средства, в общей сложности, можно было считать достаточными для охраны города, то для прекращения массового беспорядка в округе, с инородческим населением свыше ста тысяч человек, не было никаких способов, так как уделить для этого хотя бы часть местной команды, оставя беззащитным город, не представлялось возможности.

В виду всего изложенного я счел долгом донести о таком положении дела вашему высокопревосходительству и ходатайствовать: 1) о скорейшем удовлетворении, обращенной еще в декабре к начальнику иркутской местной бригады, просьбы моей и начальника якутской местной команды об усилении состава последней, 2) об об'явлении временно в Якутске и округах Якутском и Олекминском положения об усиленной охране, которое дало бы мне бо́льшие права и уверенность действий, и 3) о разрешении передать дело о союзе инородцев судебной власти, не арестуя комитет союза административным порядком. Это последнее ходатайство, возбужденное после об'яснения с прокурором окружного суда, имело в глазах моих весьма важное значение в том соображении, что арестованные по моему распоряжению члены комитета, с передачей дела судебному следователю, могли быть тотчас же освобождены из тюрьмы им же или судебным местом, с принятием какой-нибудь другой меры пресечения способов уклоняться от суда и следствия, а такой выпуск совершенно подорвал бы авторитет административной власти и содействовал бы укреплению и усилению беспорядков.

Вместе с тем однако же я сделал все подготовительные распоряжения к аресту и дальнейшим, в случае надобности, действиям.

---

[1] На судебном заседании по делу «Союза якутов» прокурор сообщил, что «заседателю Скретневу не давали в Вост.-Кангаласском улусе лошадей, и заседатель должен был пробыть в управе 5 дней под арестом».

[2] О чем мной доложено в донесении от 8-го с. февраля за № 143 (Прим. в подлиннике).

Получив 18 января указания о праве моем применить 29 ст. положения об охране, я приказал полиции в ту же ночь, одновременно, арестовать всех членов центрального комитета союза, с производством в квартирах их тщательного обыска, что и было вполне успешно исполнено. Арестовано было шесть человек, четверо же находилось в округе, почему арест их был поручен земской полиции. Вместе с тем были сделаны следующие распоряжения: в городе увеличен временно состав городовых, часть казачьей команды, живущей на заимках и по квартирам, получила приказание находиться наготове и вооруженной в полковом ее помещении, а остальная быть готовой по домам, местная команда также подготовлена на случай надобности; все чины земской полиции раскомандированы одновременно по улусам округа для розыска и ареста главарей союза, собрания инородческих сходок и пред'явления на них моего об'явления населению о противозаконности союза, ответственности за участие в нем, произведенном уже аресте членов центрального комитета и подавления беспорядка, в случае его продолжения, военной силой; такие же об'явления были опубликованы и в городе.

Меры эти и неожиданность ареста якутских главарей союза повели к весьма благоприятным последствиям, показавшим, что громадное большинство инородцев было вовлечено в союз влиятельными сородовичами и агитацией, шедшей из Якутска, и многие подписывали или прикладывали свои печати под постановлением о союзе, не зная или не понимая его содержания.

Вскоре же ко мне стали являться инородцы с письменными и личными выражениями раскаяния и отказом от участия в союзе, а затем, по мере действия чинов полиции в округе, делаемых ими раз'яснений на сходах, распространения моего об'явления и арестов еще нескольких из наиболее влиятельных агитаторов, инородцы начали составлять наслежные и даже улусные приговора, отказываясь от участия в союзе, обязуясь впредь не вступать ни в какие сообщества и исправно уплачивать подати и повинности. Вместе с тем начался и усиленный взнос податей в казначейство из всех улусов округа: с 18 января по 7 февраля поступило около 28 тыс. руб., а всего в январе внесено в подати и повинности по области свыше 37 тыс. руб., лишь на 9 700 руб. менее, чем в тот же месяц в минувшем году. Взыскание податей продолжается, и на это дело обращено мной самое строгое внимание полиции.

Произведенное полицией дознание о противозаконном союзе инородцев, признанное достаточно полным, передано было, через два-три дня после арестов, по распоряжению прокурора судебной палаты, судебному следователю, который признал возможным освободить из тюрьмы на поручительство двоих из числа арестованных членов комитета союза: инородца Готовцева и почетного гражданина Васильева (гласного городской думы и директора областного тюремного комитета). Из них первый, 22-летний молодой человек, избранный в члены комитета заочно и подписавший, по об'яснению его, телеграмму председателю Совета министров бессознательно, по настоянию других влиятельных лиц, вслед за тем, еще до производства дознания, письменно отказался от помянутой обязанности и всякого в союзе участия, которого в действительности и не принимал, а второй, принес чистосердечное раскаяние в необдуманном вступлении в союз, не только отказался от него, но и дал обещание склонять к тому же других сородовичей.

Ввиду сего и признавая с своей стороны этих двух лиц совершенно не опасными и даже могущими способствовать восстановлению поряд-

ка, я счет возможным не заключать их вновь в тюрьму в порядке положения об охране.

За арестованием еще двух членов центрального комитета (находившихся при аресте остальных в округе) и двух членов союза, принадлежащих к числу наиболее серьезных агитаторов в округе, в настоящее время содержится в тюрьме восемь человек и намечены следователем к арестованию еще несколько из находящихся в округе главных, как выяснило дознание, распространителей союза.

Последние два члена центрального союза все еще скрываются в округе и, несмотря на усилия полиции, не разысканы.

Ходатайство арестованных об освобождении их из тюрьмы прокурором судебной палаты отклонено. Затем, как мне известно, они обращались с той же просьбой, по телеграфу, в Иркутскую судебную палату, но последняя, не удостоверившись представленными телеграфом же сведениями судебного следователя, потребовала от него представления постановлений его почтой.

Со своей стороны, я признаю крайне желательным, чтобы арестованные уже и имеющие быть арестованными главные инициаторы и руководители союза не были освобождены из тюрьмы впредь до судебного рассмотрения дела, при каковом условии можно надеяться, что искусственно созданный ими, видимо распавшийся ныне, противозаконный союз не возобновится.

Губернатор Булатов.

Проект программы союза якутов 1906 г.[1].

Мы, нижеподписавшиеся, собравшись... признали необходимым, в виду настоящих условий государственной и общественной жизни в России, образовать союз инородцев-якутов на следующих началах:

1) Союз инородцев-якутов имеет целью соединенными силами своих членов прочно установить свои гражданские и экономические права.

2) Для достижения этих целей союз обязан добиваться: а) признания всех земель, находящихся в пользовании инородцев, а также владеемых казной в виде оброчных статей, монастырями, церквами и ссыльными, поселенными по распоряжению правительства без согласия инородцев, собственностью самих инородцев; б) скорейшего утверждения положения о земском самоуправлении, выработанного всеми представителями инородцев Якутской области; в) предоставления права якутам иметь своего отдельного представителя в Государственной думе; г) немедленного уничтожения опеки полиции над инородческими общественными учреждениями и прекращения всякого сношения с ними администрации, предоставив такое сношение через особо уполномоченных лиц от всего инородческого населения впредь до утверждения земского самоуправления, с ассигнованием им содержания из сумм, платимых инородцами в губернскую земскую повинность на содержание областных и уездных управлений в сумме 4 666 р., на содержание исправников и других чинов полиции в сумме 4 550 р. и, наконец, запасных сумм в размере 10 509 р., а всего 19 725 рублей.

3) Способами, которыми союз может достигнуть удовлетворения своих целей, являются: а) пред'явление означенных выше требований местной и высшей администрации; б) отказ от всякого сношения с чинами полиции; в) отказ от платежа податей и повинностей.

4) Для руководства и об'единения деятельности союза избирается в г. Якутске центральный комитет, а в каждом улусе и наслеге, по мере образования достаточного числа членов, местные комитеты.

[1] М. Ю., III уг. отд., 1910 г., д. № 430, л. 8.

5) Число членов центрального комитета определяется общим собранием всех членов союза, а число членов местных комитетов — общим собранием членов союза данного района.

6) На обязанности центрального комитета — в особенности, и каждого местного — в частности лежит: а) созыв общих собраний членов союза; б) выполнение всех постановлений собраний; в) сношение со всеми лицами и учреждениями по делам союза; г) организация пропаганды задач союза среди населения путем командировок уполномоченных лиц и д) ознакомление населения с делами и задачами земского самоуправления.

7) На обязанности общих собраний союза инородцев лежит: а) организация взаимопомощи и самозащиты между всеми членами союза; б) изыскание средств и способов защиты каждого из своих членов от всякого притеснения и насилия, от посягательства на неприкосновенность личности и жилища и от имущественного ущерба и в) изыскание новых способов борьбы для достижения намеченных союзом целей.

8) Все постановления общих собраний членов союза принимаются простым большинством голосов.

9) Все решения общих собраний членов союза почитаются обязательными для каждого из его членов.

10) Во всех непредусмотренных в настоящих правилах случаях союз действует согласно указаниям общих собраний, а также общие собрания в случае необходимости могут изменять и дополнять настоящие правила.

11) Каждое лицо, подписавшее один экземпляр настоящего постановления, считается вступившим членом союза.

12) Членами центрального комитета избираются: 1) Афанасьев, Петр Алексеевич, 2) Васильев, Иван Гаврилович, 3) кандидатом к нему Артамонов, Василий Фомич, 4) Говоров, Иннокентий Степанович, 5) Готовцев, Николай Андреевич, 6) Никифоров, Василий Васильевич, 7) Аммосов, Иван Иванович, 8) Слепцов, Петр Вонифатьевич, 9) Скребыкин, Николай Николаевич, 10) Попов, Илья Алексеевич.

Отношение земского заседателя третьего участка Вилюйского округа Сунтарской народной управе, 6 февраля 1906 г. № 11 [1].

По частно полученным мной сведениям, числа 10 мин. января в Сунтарской управе был сход родоначальников и доверенных Сунтарского улуса, и на сходе этом была ими составлена петиция на высочайшее имя, коей они ходатайствуют, между прочим, об освобождении инородцев от уплаты ясака и о передаче в собственность их, инородцев, соляных источников (Кемпендийских и Балинских) и золотых приисков. Вследствие сего предписываю управе представить мне в трехдневный срок копию означенной петиции [2] с подробным донесением, по чьему распоряжению или инициативе был собран сход и составлена помянутая петиция.

Земский заседатель 3 участка Вилюйского округа Горловский.

Общественный приговор.[3]

1906 года 16 февраля мы, нижеподписавшиеся, инородцы 2-го Мельжахсинского наслега Мегинского улуса, Якутского округа и области,

[1] ДП., VII, 1906 г., д. № 2, ч. 83, л. 11.

[2] Петиция, оригинал которой хранится в деле департамента полиции, ДП VII, 1906 г. № 2, ч. 83. лл. 8—10, опубликована в сборнике «100 лет якутской ссылки», изд. политкаторжан. 1934 г., стр. 242.

[3] М. Ю., III уг. отд. 1910 г., д. № 430, л. 152.

быв сего числа на общем своем собрании, имели обсуждение о наших нуждах, затронутых «союзом якутов» и пришли к следующему заключению.

1) В виду того, что якуты составляют основной и преобладающий элемент населения Якутской области, при своеобразном укладе жизни и быта, мы считаем необходимым иметь своего отдельного представителя в будущей Государственной думе.

2) В виду того, что при отводе якутских земель разным ссыльно-поселенцам и пр. происходят разорительные для нас притеснения в виде отводов, помимо нашего согласия, насиженных и лучших участков, носит довольно произвольный характер, мы считаем необходимым, чтобы земельный вопрос в нашей области высшим правительством был разрешен не в разорительной для нас форме.

3) В виду того, что мы якуты несем непосильные с нашим бюджетом разного рода и увеличивающиеся из года в год государственные подати и повинности и свои внутренние повинности, как денежные, так и натуральные, считаем необходимым для поднятия нашего экономического благосостояния, чтобы ныне взимаемая с нас по 12 коп. с ревизской души государственная подушная подать, давно уже отмененная в Европейской России и временно оставленная у нас в Сибири, была совершенно отменена в нашей области.

А посему определили возбудить ходатайство перед его высокопревосходительством г. председателем Совета министров: 1) о допущении в Государственную думу особого от нас якутов Якутской области представителя, 2) о неотводе лучших и насиженных участков без нашего согласия при наделении землей ссыльно-поселенцев и пр. и 3) об отмене подушной подати в Якутской области.

Что же касается до пунктов требований якутского союза, то мы пришли к заключению, что члены союза в своих основных пунктах требования коснулись наших насущных нужд, приведенных в этом приговоре, и во всяком случае не за это подверглись они каре. Мы думаем, что они посажены в тюрьму и отданы под суд по какому-нибудь несчастному недоразумению в связи с посланной ими на имя вашего высокопревосходительства телеграммой, опираясь на высочайший манифест от 17 октября 1905 г., каковой, может быть, неправильно поняли. Посему мы, внося подати и вполне подчиняясь общегосударственным законам и властям, высоко ценим высочайший манифест от 17 октября как гарантию всякой свободы и в том числе свободы личности, и на этом основании всепокорнейше просим ваше высокопревосходительство об освобождении лучших наших людей из тюрьмы и тем дать нам возможность встретить дарованную с высоты престола свободу не с печалью в сердцах, а с радостью.

Независимо от сего, всепокорнейше просим ваше высокопревосходительство о сем нашем ходатайстве повергнуть на милостивое благовоззрение его величества государя нашего и вместе с тем выразить его величеству нашу беспредельную благодарность по поводу дарования манифестом его величества от 17 октября общей гражданской свободы и новой зари жизни. В чем единогласно подписуемся инородцы якуты [1].

По безграмотству и по личной их просьбе за их руку приложил Иннокентий Пасельский.

В действительном составлении настоящего приговора подписавшимися лицами и в точности подтвердили в том 2-е Мельжахсинское родо-

[1] Далее следует 134 фамилии якутов.

вое управление Мегинского улуса свидетельствуют 16 февраля 1906 г. старшины: Николай Корякин, Василий Пестерев, Яков Колесов, за писаря Иннокентий Пасельский.

Отношение иркутского генерал-губернатора министру внутренних дел, 18 апреля 1906 г., № 2797 [1].

В дополнение к сообщениям якутского губернатора от 20 минувшего февраля и от 12 февраля за № 160 [2], уведомляю ваше высокопревосходительство, что, по полученным мной донесениям от якутского губернатора, по арестовании главарей якутского союза и привлечения их к судебной ответственности последний распался; брожение же якутских казаков, о котором доносил губернатор, благодаря принятым мерам, в настоящее время прекратилось и в области довольно спокойно [3]. В обеспечение большей безопасности в Якутске, вследствие моею ходатайства, командующий войсками Сибирского военного округа назначает в Якутск полуроту стрелков с двумя офицерами, которая имеет быть отправленной по открытии навигации.

Дело о беспорядках в городе Якутске в настоящее время окончено следственным производством, виновные привлекаются к ответственности по 125 ст. уг. ул. За дальностью расстояния, требовать выезда военного суда в Якутскую область при очень ограниченном составе Иркутского военного суда и массе дел я не решился, а потому не признал возможным и ходатайствовать перед вами о предании виновных военному суду и передал дело прокурору судебной палаты для направления в нормальном порядке. Но если бы гражданским судом виновные были приговорены к такому наказанию, после отбывания которого они могут остаться на жительстве в г. Якутске, или же будут оправданы, то я признавал бы необходимым для окончательного успокоения области, воспретить, по крайней мере, главарям революционного движения, пребывание в г. Якутске и выслать их в северные округа области по моему усмотрению, на что испрашиваю вашего разрешения.

Исполняющий обязанности иркутского военного генерал-губернатора,
генерал-лейтенант Алексеев.

Прокламация 27 апреля 1906 г. [4].
Якутскому народу

5 января 1906 года образовался союз якутов, поставивший целью добиваться: 1) признания всех земель, находящихся в пользовании якутов, а также казенно-оброчных, церковных и отведенных ссыльным без согласия общества, собственностью самих инородцев; 2) скорейшего введения земского самоуправления на началах, выработанных представителями трех округов, и 3) предоставления якутам права избрания одного представителя в Государственную думу.

Избранный союзом центральный комитет за пред'явление вышеозначенных требований правительству 19 января был арестован, привле

[1] ДП., VII, 1906 г., д. № 2, ч. 17, л. 386.

[2] Сообщения якутского губернатора от 20 февраля не обнаружено в делах департамента полиции, а сообщение за № 160 см. в публикуемом выше докладе якутского губернатора от 13 февраля за тем же № 160.

[3] Повидимому, речь идет о вышеописанных волнениях якутов в начале 1906 г. под руководством «Союза якутов», в состав членов которого входило несколько человек местной команды казаков.

[4] ДП., о. о., 1905 г., д. № 1255, ч. 9, л. 34.

чен к ответственности и заключен в тюрьму, где содержится до сих пор. Между тем, по последним телеграфным сообщениям, стало известным, что Государственным советом утверждено дополнительное положение о допущении в Государственную думу представителя от Якутской области. Таким образом одна из главных целей союза якутов достигнута, а достижение остальных двух в сильной степени будет зависеть от того, какой человек будет избран представителем в Государственную думу, насколько он будет разделять необходимость достижения намеченных целей и насколько умело и энергично будет добиваться их.

Поэтому обращаемся ко всем тем инородцам, которые сознают всю неприглядность настоящего своего положения, порождающего нищету и бедствие, и потому стремятся к скорейшему его улучшению, с предложением приложить все свое старание, всю свою энергию к тому, чтобы подготовить к избранию на предстоящих выборах в выборщики, т. е. которые в свою очередь будут выбирать представителя, таких лиц, которые действительно знают нужды и желания своего народа и заботятся о них и которые, собравшись вместе, могли бы подать голос за такого человека, которого они знают и на которого надеются, что он позаботится об их нуждах, а не за такое лицо, которое не дорожит интересами своего народа и готов предать их из-за личных выгод, как Иуда Христа. Местная администрация также, может быть, будет препятствовать избранию таких лиц, которых желает само население, как это делалось в России, но необходимо бороться с такими препятствиями и настаивать на своем. Нужно твердо помнить, что в настоящее время наступает такой момент, когда необходима борьба, без которой ничего не достигается. Уверенность в этом утешает и тех, которые томятся в тюрьме в борьбе за счастье своего народа.

Первые железные дороги в России

Развитие капитализма, быстрый рост промышленности и товарооборота поставили на очередь вопрос о новом виде транспорта. Впервые эта задача была разрешена в Англии. В 1814 г. по Киллингвортскому фабричному пути Дж. Стефенсон провел своею первою машиною 8 вагонов, нагруженных 30-ю тоннами угля каждый. Скорость движения равнялась четырем английским милям в час [1]. В 1815 г. на этой же линии ходило уже пять таких паровозов. Через 10 лет, 27 сентября 1825 г., на открытии железной дороги Стоктон-Дарлингтон [2] Стефенсон вел своим новым паровозом «Experiment» поезд из 34-х вагонов. Двадцать восемь вагонов были заняты четырьмястами пассажиров, а шесть — углем. Новый транспорт, столь необходимый для процветания развивающегося капитализма, был найден.

Англия, быстрее других европейских стран шедшая по пути капиталистического развития, своевременно оценила первостепенное значение путей сообщения в хозяйственной жизни страны. «Весьма остроумная система торговых дорог для Англии была предложена, и потом частью и выполнена, знаменитым инженером Тельфордом, с которого и начинается первенство Англии перед другими народами относительно дорог» [3]. В 1767 г. «цены на железо были так низки, что в рудниках Кольбрук — Дельских (Colebrook — Dale) из изготовленных больших масс чугуна придумали сделать полосы с отверстиями для гвоздей и покрыть ими одну из тамошних дорог [4] в ожидании случая более выгодного сбыта. Оказалось, что тяжесть, приводимая в движение по таким рельсам одною лошадью, до того значительна, а издержки на содержание этой дороги до того ничтожны, что решено было не только оставить ее и на будущее время, но устроить и другие, ей подобные» [5]. К 1825 г. в Англии было уже в ходу 29 таких конно-железных дорог с общим протяжением в 256 км. К этим путям нужно еще добавить 3 100 миль каналов с паровыми судами, и отмеченный выше, новый сухопутный паровой транспорт. Распространению последнего вначале несколько мешали интриги владельцев каналов, торгового флота, откупщиков шоссе и извозопромышленников [6], которые боялись конкуренции как в скорости, так и в дешевизне перевозок. Но, как говорит Маркс, «...революция в спо-

---

[1] Около 6½ километра. Английская миля = 1609 метрам.

[2] Протяжением в 40,2 км.

[3] Вебер, Общепонятное описание устройства железных дорог, их подвижного состава и управления ими в историческом, техническом, административном и статистическом отношениях, перевод под руководством И. Вишнеградского, СПБ, 1859, стр. 8.

[4] Англичане первые, еще в 1650 г., проложили по поверхности земли те деревянные рельсовые дороги, которые использовались ранее только под землею — в рудниках и копях. Наверно об этих дорогах и говорит автор.

[5] Вебер, цит. соч., стр. 11—12.

[6] Среднее годовое движение по шоссе в Англии в 30-х годах XIX в. составляло 358 миллионов пассажиро-миль и 60 миле-тонн товаров. Доход от этого движения составлял в среднем в год 20 500 тыс. фунт. стерл. См. И. Б. Розенфельд, Первая железная дорога в России. II, 1917, стр. 2.

собе производства промышленности и земледелия сделала необходимой также революцию в общих условиях общественного процесса производства, т. е. в средствах сношения и транспорта», так как «...средства транспорта и сношений, завещанные мануфактурным периодом, скоро превратились в невыносимые тормоза для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом производства, ее массовыми масштабами, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую и с новосозданными ею связями мирового рынка. Поэтому не говоря уже о парусном судостроении, претерпевшем полный переворот, в деле сношений и транспорта при помощи системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов совершилось постепенное приспособление к способу производства крупной промышленности» [1].

Это было характерно конечно не для одной только Англии, и через 10 лет после первого рейса стефенсоновского «Experiment» железнодорожная сеть уже протянула первые нити своей паутины по территориям промышленных стран европейского континента и Америки.

Железнодорожная сеть в 1835 г. [2]

Протяжение железных дорог (с паровой тягой)	Англия	Франция	Германия	Австрия	Бельгия	С.-Штаты
	Около 200 км	149 км	6,04 км	198 км	20 км	1 283 км [3]

Результатом было развитие мировых торговых связей. Если в 30-х годах XIX в. сумма оборота английской внешней торговли равнялась 85,5 млн. фунт. стерл., то в 1842 г. оборот уже составлял сумму в 116 млн. фунт. стерл., а в 1855 г.—260 млн. фунт. стерл. Убедившись на блестящем опыте Стоктон-Дарлингтонской дороги в исключительных выгодах парового транспорта, Англия не упустила времени, чтобы не потерять денег и положения на международном рынке. «Поспешим, милостивые государи, поспешим: необходимо установить паровые сообщения от одного конца государства нашего до другого, если только Великобритания желает удержать на свете свое положение и свое первенство»,— говорил Роберт Пиль в 1834 г. на митинге в Тамфорте [4].

Передовые, «просвещенные», капиталистические страны Европы спешили с развитием «паровых сообщений». Железнодорожная горячка охватывала все

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 432—433, изд. 1934 г.

[2] И. Б. Розенфельд, цит. соч., стр. 17.

[3] Вот что писал об этих дорогах цитированный уже нами Вебер: «Ни в самой Америке, ни за границей не достало бы столько прочных и крепких рельсов, сколько требовалось здесь на колоссальные дороги; потому, пользуясь изобилием лесов, стали делать плоские легкие рельсы и прибивать их на целые системы продольных и поперечных деревянных лежней. Так образовалась американская система. Стали возводить деревянные мосты неслыханных доселе размеров, механический талант развился в народе до высокой степени и произвел прекраснейшие, сообразные потребностям, постройки новой формы. «Самое необходимое» и «вперед»,— вот два лозунга американских дорог, проявляющиеся везде и во всем» и «...в России, где железные дороги должны открыть источники богатства, способствовать настоящему развитию могущества и силы обширного государства,— всего бы лучше могла быть применена скорая и недорогая система американская». Вебер, стр. 47 и 49.

[4] Aug. Perdonnet, Traité élémentaire de chemins de fer, 1858, tome I, page 28. Цитирую по статье В. В. Салова, Начало железнодорожного дела в России 1836—1855 гг., гл. I, стр. 222 в журн. «Вестник Европы», т. II. См. о том же у Г. Цехановского, Железные дороги и государство, Киев 1869, стр. 7.

большие и большие круги дельцов. В это время, в 1835 г., российская крепостная монархия решилась допустить опыт применения этой «заморской затеи» в общественно-экономических и климатических условиях своей страны. Возможность использования железнодорожного транспорта в России должна была показать небольшая дорога от Петербурга до Павловска.

Приводимые ниже документы вскрывают тесную связь этого опыта с постройкой железной дороги от Петербурга до Москвы. Инициатива опыта принадлежала не правительству, а частной предприимчивости. Неблагожелательное отношение к железным дорогам многих членов правительства значительно усложняло проведение опыта. Нелегко было новому капиталистическому начинанию преодолеть косность крепостнического общества.

Первые сведения о рассмотрении в России проектов железных дорог относятся к 1804 г. 19 сентября этого года англичанин Фауген прислал из Лондона товарищу министра морских сил вице-адмиралу П. В. Чичагову проект чугунных дорог для перевозки тяжестей. Кроме описания, к этому проекту были приложены: модель чугунной дороги с повозками и части этой дороги в натуральную величину. Полученный материал П. В. Чичагов отправил графу Н. П. Румянцеву, бывшему тогда министром коммерции. Министр коммерции наряду с делами промышленности и торговли ведал и делами транспорта (тогда, главным образом, водного). Что было сделано с этим проектом,— неизвестно [1].

Через год, в 1805 г., было опубликовано составленное Л. Вакселем «Описание чугунной дороги, учрежденной в графстве Суррей в Англии»; обратившее внимание русского общества на возможность существования железных дорог наряду с каналами [2].

В 1810 г. в Колыванском горном округе начала функционировать первая в России конная железная дорога протяжением в 1 версту 366 саж. По чугунным рельсам этой дороги одна лошадь доставляла со Змеиногорского рудника на завод три телеги с грузом в 500 пудов в каждой [3]. Этот факт в самой стране оставался мало известным. Казалось бы, дорога, устроенная на Колыванском заводе, принадлежавшем царскому кабинету, должна быть известной Александру I. Однако он как на новинку смотрел на демонстрируемую ему в 1816 г. инженером Жозефом Баадером в Мюнхене модель чугунной дороги, по которой маленькая собачка на шелковом шнуре свободно везла тяжесть в 350 фунтов [4].

С 1825 г. в русской периодической литературе начинают появляться статьи о чугунных дорогах. Так, в том же журнале, где описано демонстрирование модели дороги Александру I, на стр. 310 неизвестный автор пишет: «Может быть, мы доживем до того времени, что в самых просвещенных государствах Европы введены будут чугунные дороги и одержат верх над каналами».

В 1830 г. в промышленной газете «Северный муравей» была напечатана статья профессора физики Петербургского университета Н. П. Щеглова «О железных дорогах и преимуществах их над обыкновенными дорогами и каналами» [5], где автор разбирает выгоды применения этих дорог для России. Н. П. Щеглов писал,, что груз с одной баржи может быть доставлен из Твери в Петербург на шести хороших лошадях по «металлической» дороге в 10—12 дней, а по водным путям груз попадет оттуда в столицу или ее порт почти через год. Он отмечал, что по такой «металлической» дороге лошадь может провести в 20 раз боль-

---

[1] См. «Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за 100 лет его существования 1798—1898 гг.», СПБ, 1898, стр. 23.

[2] И. Б. Розенфельд, Первая железная дорога в России, II, 1917, стр. 38, или же статьи в «Журнале путей сообщения»—1917, кн. I, II, III.

[3] См. ст. Н. П. Щеглова, О железных дорогах и преимуществах их над обыкновенными дорогами и каналами, газ. «Северный муравей», 1830 г., № 1 и 27.

[4] См. журнал «Сын отечества», 1825 г., т. 101, стр. 311.

[5] «Северный муравей», 1830 г., № 1—2.

шую тяжесть в 2½—3 раза скорее, чем по санному пути, и в 30 раз скорее, чем этот же груз будет следовать по водным путям.

В ответ на эту статью инженер Морис Дестрем в 1931 г. прочитал в институте путей сообщения публичную лекцию на тему «Об относительных выгодах каналов и дорог с колеями, и приложение выводов к определению удобнейшего для России способа перевозки тяжестей», где подчеркивал невыгодность железных дорог в сравнении с водным транспортом. Продолжая полемизировать на эту тему с профессором Н. П. Щегловым, М. Дестрем напечатал в «Журнале путей сообщения» статью «О неприменимости железных дорог к средствам и потребностям России [1]. Автор писал, что предпочтение железных дорог водным путям «по справедливости возбуждает удивление всех сведующих в искусствах людей».

Почти так же, как в Колыванском горном округе, прошел стороной и мало чем помог внедрению в России нового вида транспорта опыт железной дороги с паровой тягой на Нижне-Тагильском заводе Демидовых. В 1833 г. механик этого завода Михаил Черепанов со своим сыном построил небольшой «сухопутный пароход», который со скоростью 12—15 верст в час возил по чугунным «колесопроводам» повозку с 40 пассажирами и более 200 пудов груза. В том же году, совершенствуя новый паровоз, Черепановы построили следующий, который мог уже везти груз в 1 000 пудов [2].

Водные пути попрежнему оставались основными магистралями товарооборота в стране. Учитывая это и превращая железную дорогу в подсобное предприятие для водного транспорта, статский советник Бестужев в 1834 г. подал главноуправляющему путей сообщения и публичных зданий проект устройства конножелезной дороги между Волгой и Доном. Дорогу эту автор проекта предполагал возможным устроить силами государства при поддержке дворянства, купечества и заводчиков с использованием труда казенных и удельных крестьян. Однако и этот проект, казалось бы, содействовавший дальнейшему развитию водного транспорта и импонировавший управлению путям сообщений, все-таки был оставлен без внимания [3].

В том же году, в «Журнале общеполезных сведений», издаваемом членом Вольно-экономического общества Наркизом Атрешковым, появились две статьи неизвестных авторов. В статье «О выгодах, доставляемых каналами, реками и железными дорогами для перевозки и сплава тяжестей» [4], указывалось, что, по расчетам французского инженера Флашета [5] лошадь по железной дороге может (в среднем) везти груз в 135 пуд., а по каналу (тоже в среднем)—3 125 пуд., и, таким образом, утверждалась безусловная выгодность водного транспорта. В другой статье «Чугунные дороги», с описанием их устройства в Англии, где «на всех почти дорогах чугунных устроены паровые машины, ходящие с едва вероятною скоростью, таща несколько фур одна за другою с огромным грузом», автор старается защитить значение и выгоды железных дорог [6].

При таких неблагоприятных для железнодорожного вопроса условиях, когда он никак не мог сдвинуться с места, появился в 1834 г. в России, по приглашению начальника штаба корпуса горных инженеров К. В. Чевкина, строитель и концессионер первой на европейском материке железной дороги между Дунаем

---

[1] «Журнал путей сообщения», 1831 г., кн. 21, стр 1—90. Эта же статья напечатана в сборнике сочинений Мориса Дестрема под заголовком «Mémoires sur divers objets à la science de l'ingénieur», СПБ, 1835 г., стр. 106—174.

[2] См. «Коммерческую газету», 1835 г., № 69 и 98; также И. Б. Розенфельд, Первая железная дорога в России, II, 1917, стр. 88.

[3] Боричевский, Предположения частных лиц об устройстве жел. дорог, поступившие в Главное управление пут. сообщения и публ. зданий до 1860 г., «Журнал путей сообщения», 1863 г.

[4] «Журнал общеполезных сведений», 1834 г., ч. I, стр. 52—54.

[5] «Connaissances utiles», 1833 г., № 2.

[6] «Журнал общеполезных сведений», 1834 г., т. I, стр. 307—309.

и Молдавою — Франц Антон Риттер фон Герстнер, профессор геометрии и землемерного искусства Венского политехнического института.

Обследуя горное дело на Урале, он ознакомился с огромной территорией страны и исключительно слабо развитой сетью ее путей сообщения. 6 января 1835 г. Герстнер подал Николаю I записку о пользе построения железных дорог в России.

Противники железных дорог постарались свести проект Герстнера об устройстве первой сети железных дорог в России к постройке в качестве опыта небольшой пригородной Царскосельской дороги, имеющей цель «как игрушки праздных: скорое и гладкое катание, воксал, пляска и песни цыган, потешные огни, роскошные явства и пития». Но доказать значение железных дорог для хозяйства страны эта пригородная дорога «из столицы в кабак», как говорил про нее Канкрин, конечно, не могла, и, как только новыми проектами поднимался вопрос о постройке больших магистралей, вновь вставали вопросы о их пользе и рентабельности. Единственно, что отпадали ссылки на неподходящие климатические условия, но и то частично, так как всегда указывалось, что небольшой 25-верстный участок очистить зимою возможно, но проделать это на пути в 500 верст будет крайне трудно и потребует очень больших затрат.

Таким образом, открытая в 1837 г. Царскосельская железная дорога почти не имела влияния на решение проблемы применения железнодорожного транспорта в дореформенной России.

Благоприятному решению этих вопросов помог не опыт пригородной дороги, а иные обстоятельства.

Во второй четверти XIX в. Россия втягивается в общую систему мировых капиталистических отношений. Значительный рост капиталистической промышленности, интенсификация помещичьего хозяйства, в целях приспособления его к расширяющейся торговле хлебом, связанный с этим рост товарооборота в стране — все это привело к необходимости решить вопрос о транспорте.

О росте товарооборота в стране свидетельствуют данные о количестве грузовых судов, прошедших по рекам и каналам: в 1825 г. таких судов было 23 749, а в 1844 г.— 59 069. Об этом же росте говорит и увеличение шоссейного сбора: в 1835—1839 гг. шоссейного сбора было получено 100,4 млн. руб. сер., а в 1840—1844 гг.— 271,7 млн. руб. сер. [1].

Однако этот рост был далеко не достаточен.

Дороговизна перевозок приводила к значительному снижению сбыта. Так, перевозка железа с уральских заводов к местам спроса удорожала железо в несколько раз и делала его недоступным для мелкого хозяйства. В связи с малой подвижностью и дороговизной транспорта металлургическая промышленность России 30—40-х годов XIX в. начала терять внешние рынки. Падение же цен на железо в Англии почти совсем закрыло эти рынки для уральского железа.

Не лучше было и с хлебной торговлей. В 30—40-х годах XIX в. цена на рожь в Саратовской губ. была 98 коп. за пуд, а в Эстляндской губ. эта рожь, благодаря перевозкам, стоила уже 4 руб. 23 коп. Хлеб, который шел караванами с низовьев Волги, попадал в Петербург только через 7 месяцев, т. е. проходил две навигации. Такая медленность транспортировки сказывалась и на внешней торговле хлебом. Цены на хлеб на внешнем рынке были гораздо более подвижны, чем это было удобно русскому хлебному экспортеру. Хлеб, купленный в Симбирской губ. по 9 руб. 65 коп. за четверть, привезенный на второй год в Петербург, стоил купцу не менее 18 руб. четверть [2]. Везти же хлеб сухим путем такие

[1] Гулищамбаров, Итоги торговли и промышленности России в царствование имп. Николая I, стр. 24; Зябловский, Российская статистика 1842 г., ч. II, стр. 139—145.

[2] Тенгоборский, О производительных силах России, 1843—1854 гг., т. II, стр. 46 и сл.

порте в указанное время стоила 0,05, то сухопутная доставка с пудо-версты обходилась 0,20—0,45 коп. К тому же состояние дорог было таково, что извозчики, иногда из-за невозможности вывезти обозы из грязи, складывали грузы по обочинам дороги и уезжали по своим деревням. Купцам нередко приходилось разыскивать свои товары, сложенные грудами вдоль дорог в деревнях или городах [1].

Общая маломощность и отсталость транспортных средств влияла, таким образом, на дальнейшее развитие товарооборота в стране, а значит на оборот и рост капиталов. Медлительность в обороте капиталов была типичным явлением в крепостной России. Случаи, когда капитал имел более одного оборота в год, были исключением. Такие условия мало подходили для развивавшегося в стране капитализма. Необходимо было изменить если не всю систему хозяйства, то хотя бы систему транспорта и сношений. В поисках выхода из этого положения предпринимаются: дополнения системы каналов, постройка шоссированных дорог и, наконец, открытие пароходства по Неве и Волге. Но этого было мало. Передовая группа российских предпринимателей-капиталистов мечтала о новинке в области транспорта — железных дорогах с паровою тягой. Удачный опыт с Царскосельской железной дорогою окончательно убедил их как в возможности эксплоатации их в климатических условиях России, так и в безусловной выгодности. В связи с этим правительство стало получать разнообразные предложения по устройству железных дорог в России. Эти предложения облекались в форму «всеподданнейших записок» Николаю I, который отправлял их на рассмотрение в главное управление путями сообщений и публичных зданий.

В 1938 г., 21 марта, московскому генерал-губернатору кн. Голицыну было передано первое из таких предложений — проект Аг. В. Абазы. Автор его имел в виду постройку железной дороги от Петербурга до Москвы на акционерных началах. Эта записка была рассмотрена в специально для этого созданном комитете, где было решено не спешить с этим делом и наблюдать за тем, «какой будут иметь успех предпринимаемые ныне или предполагаемые в разных местах (за границей) работы сего рода» и что «между тем и способ устройства железных дорог усовершенствуется». Нужно сказать, что из всех поданных тогда предложений это было наиболее разработанным. В нем находим ряд ценных сведений по экономическому состоянию России того времени, а также довольно полную картину о положении торговли в стране. По сравнению с этим проектом все последующие стояли много ниже и были значительно менее обоснованы.

Проект отставного поручика Антона Голиевского [2] рисует целую сеть первоначальных железных дорог, связанную с интересами внешней и внутренней торговли страны. Главною магистралью являлась прямая линия между Петербургом и Одессою (минуя Москву). Эта линия пересекалась другой, идущей от Москвы до Варшавы. Кроме этих двух основных линий автор проектировал еще одну — от Белой Церкви к австрийской границе [3]. Указывая на значение этих линий для торговых операций страны, Голиевский ставил на первое место, среди прочих выгод, быстрое передвижение войск «к пределам империи без малейшего изнурения сил». Одновременно автор предлагает и способы реализации своих проектов. Так, рабочую силу для строительства он предполагал создать из выставленных по 1 человеку с топором и лопатой от каждых 500 душ крестьянского населения 15 губерний, по которым должны были пройти намечае-

---

[1] Аксаков, Исследование о торговле на украинских ярмарках, стр. 15.

[2] См. фонд комитета министров, приложения к журналам комитета, 1839 г., апрель, ч. II, кн. № 1259. Этот документ как неимеющий непосредственного отношения к истории постройки железной дороги Петербург — Москва в публикуемых документах не приводим.

[3] «Через Умань, Балту и далее», — как говорится в проекте.

мые дороги. Продовольствие этих рабочих должны были обеспечить местные землевладельцы. Расход же по сооружению Голиевский считал возможным покрыть путем разложения его на все остальное население России, причем у него выходило, что каждые 500 душ облагались 72 рублями.

Этот проект, рассмотренный в главном управлении путей сообщения и публичных зданий, вызвал полное осуждение во всех своих частях. Девятилетний срок, в который по проекту предполагалось устроить эти дороги, был сочтен «ни с чем не сообразным», а расчет расходов, «не имеющим решительно никакого основания». «Наши пути сообщения, — говорил главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий граф Толь,— требуют улучшения, однако, это не значит, что необходимы железные дороги».

Почти одновременно с проектом Голиевского была подана и записка тайного советника Николая Назарьевича Муравьева. Его первое предложение сводилось к постройке на казенные средства железнодорожного пути между Петербургом и Москвой, а затем «и до Полангена и до Казани и до Моздока». На этой записке Муравьев не остановился; им было подано еще четыре, причем в последней он уже говорил о железной дороге до озера Байкала. Эти проекты были также оставлены «без последствий».

Отклонение всех проектов приняло определенную форму бойкота железных дорог в высших сферах правительства. Этот бойкот поддерживали все промышляющие в извозном и водном транспортах. Введение железных дорог грозило последним колоссальными убытками и даже разорением. «Первоначальное заведение дилижансов», возившее публику между столицами, должно было остаться без пассажиров, а между тем в процветании подобных компаний была близко заинтересована группа титулованных особ: князь Меньшиков, генерал-ад'ютант кн. Воронцов-Дашков, кн. Лобанов-Ростовский; графы же Гурьев, Татищев, Бутурлин и другие были их пайщиками. Годовой доход от извозного промысла был равен почти 100 миллионам рублей ассигнациями.

К противникам введения железных дорог примыкали реакционные хозяева-крепостники, иногда и крупных, но отсталых промышленных предприятий, базировавшихся на крепостном труде. Привыкшие к тепличным условиям протекционизма в тарифной политике [1], крепостные фабрики не были, да и не могли быть подготовлены к расширяющейся конкуренции — спутнице капиталистического производства. Владельцы ряда фабрик боялись железных дорог, благодаря которым на русские рынки начала бы внедряться иностранная продукция.

Неблагосклонно встречала железные дороги и часть российских помещиков-крепостников, предпочитавшая вести хозяйство по старинке — крепостным даровым работником.

Но капитализм развивался в России. Железные дороги были весьма важным оружием его дальнейшего наступления, и это предрешило их постройку.

В середине 1841 г. по приказанию Николая I была создана секретная комиссия, которой было поручено разработать проекты и сметы по постройке железной дороги от Петербурга до Москвы.

Ускорению вопроса о постройке дороги способствовало и то обстоятельство, что железная дорога позволила бы отказаться от необходимости строить промышленные предприятия около городов. В докладной записке комиссии по «устроению железной дороги между Петербургом и Москвой» мы читаем: «Железная дорога Московская даст средство предупредить излишнее в столицах сосредоточие фабричного населения. Сосредоточие это, вредное для нравственности народной, убыточно для фабрикантов по большей в столице дороговизне в жизненных потребностях и в содержании людей, но оно есть последствие необходимых частых взаимных сношений и сближения фабриканта с купцом, продающим его изделия; когда же учредится железная дорога, фабрики, возведенные

[1] Чем они были обязаны своему покровителю — министру финансов Канкрину.

вдоль линий оной, сохранят все выгоды удобного и быстрого сообщения, устраня между тем неудобства столичной дороговизны и безнравия».

Во время работ этой комиссии было получено еще одно предложение, исходившее уже из-за границы. Лейпцигские банкиры Дюфур и Гаркорт предложили построить железную дорогу между столицами путем образования акционерного общества. При этом они просили правительство гарантировать им 6% дохода на капиталы, которые будут расходоваться при постройке дороги. Слишком высокий процент послужил причиною отказа.

Секретная комиссия дала очень солидные доказательства возможных выгод от проектируемой дороги, но представленные министрам и главноуправляющему путей сообщения и публичных зданий материалы комиссии вызвали новые споры о предполагаемых доходах и общей пользе намеченной дороги.

Возможность использовать этот вид транспорта, удобного своей простотой и мощностью, на случай войны примирила штаб крепостной монархии с необходимостью железных дорог в России.

М. Крутиков.

№ 1. Записка главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями гр. К. Ф. Толя, 17 февраля 1835 г.*

Прибывший в Россию из Австрии иностранец Герстнер[1] в поданном 6 минувшего генваря письме на высочайшее имя его императорского величества из'яснил, что, по приезде его в августе прошлого 1834 г. в Петербург, он немедленно отправился во внутренность империи и, проехав даже за Казань, он нашел, что к числу заведений, кои бы могли принести России величайшую пользу в отношении к промышленности и торговле, принадлежит сооружение железных дорог. Для достижения сей же цели Англия, Франция, Германия и особливо Соединенные штаты Америки ввели у себя системы железных дорог и в продолжение последних десяти лет увидели такие от того последствия, кои за 30 лет пред сим почли бы невозможными. В Англии четыре года тому назад окончили дорогу на протяжении 45 верст, в прямом почти направлении, между Манчестером и Ливерпулем, стоящую 25 миллионов рублей. Сия железная дорога не только привлекла к себе всю перевозку, которая в течение 80 лет производилась по двум каналам и реке, между упомянутыми городами находящимися, но произвела в сей части королевства движение и промышленность, неизвестные дотоле в Англии, где, как известно, торговля находится в весьма цветущем состоянии. 15 миллионов пудов в год, доставляемые прежде водою, перевозятся теперь по сей железной дороге и, кроме того, более полумиллиона путешественников, которые проезжают в паровых экипажах со скоростью по 30 верст в час. По упомянутой дороге перевозится также в устроенных нарочно для того повозках и скот, доставляемый из Ирландии. Во время бывших в Ирландии беспокойств английское правительство часто пользовалось железными дорогами, перевезя из Манчестера в Ливерпуль в два часа времени, на расстоянии 45 верст, многие полки для отправления их в Ирландию. Все письменные почты идут по сей железной дороге, и правительство сберегло чрез то две трети издержек на сей предмет против

---

* Копия. Канцелярия комитета и строительной комиссии СПБ. — Моск. жел. дороги, д. «О бумагах после покойного графа Сперанского найденных о железных дорогах», 1839 г., лл. 4—24.

прежнего. Означенная железная дорога, хотя устроена совершенно на счет акционера, доставила однако же не только торговле, но и правительству столь много выгод, что составились многие новые общества, которые уже начали разные предприятия сего рода на сумму около 200 миллионов рублей. Во Франции также устроены уже весьма большие железные дороги и беспрестанно составляются новые проекты для оных. Бельгийское правительство разделило всю свою страну системою железных дорог, и государственный заем доставит великие капиталы для приведения сего предприятия в исполнение. Но подобные сооружения в Америке далеко превосходят все то, что в сем роде сделано в Европе. Там на многие тысячи верст железные дороги уже окончены и еще в большем числе продолжают строить оные.

Хотя часть железных дорог в Америке построена в климатах очень суровых, со всем тем однако ж противники сего нового изобретения не переставали беспрестанно утверждать, что оно неудобо исполнительно в климате весьма холодном, где бывает много снега.

Сии возражения были причиною, что с 1805 г., когда был сочинен проект, откладывали до 1824 г. исполнение сего проекта для сооружения железной дороги между Дунаем и Молдавою, долженствовавшей произвести сообщение в прямой линии между морями Черным и Немецким.

Но император австрийский даровал в 1824 г. вышеупомянутому Герстнеру привиллегию на 50 лет для сооружения сей железной дороги, которую он строил сначала на собственный свой счет, а потом в обществе с акционерами. Сия железная дорога лежит в смежности с большим Богемским лесом и простирается по высоким, составляющим границу между Богемиею и верхней Австриею, горам, коих самая высшая точка находится на 1 050 футов над поверхностью Молдавы и на 1 400 футов над поверхностью Дуная: страна сия от 5 до 6 месяцев в году покрыта снегом.

План и прилагаемое при сем отделение первой части сей железной дороги, построенной Герстнером, доказывает, сколь великие трудности надлежало превозмочь в грунте земли, чего, конечно, нигде не встретится на главных торговых дорогах в России, покрытой гораздо более равнинами. Означенная железная дорога окончена уже три года тому назад всего на протяжении 120 верст. Перевозка товаров производится беспрерывно зимою и летом, а это и доказывает самым убедительным образом, что железные дороги могут быть без затруднений делаемы в самых суровых климатах.

Естьли представляется возможность к таковому предприятию посредством частных людей, то для чего же в одной только России не употребить сего полезного способа сухопутного сообщения, тогда как во всех прочих образованных землях обращены уже сотни миллионов на сооружение железных дорог, которые почти все были предприняты частными людьми. Железная дорога, построенная с величайшим совершенством между Москвою и Петербургом, дала бы возможность в 20 и 24 часа доезжать от одной столицы к другой и с тою же удобностью перевозить войска и огромные с'естные запасы в продолжение двух или трех дней. Если же продолжить дорогу до Нижнего-Новгорода, или лучше до Казани, и завести правильное паровое судоходство по Волге и Каспийскому морю, тогда товары могли бы перевозиться из Петербурга даже к пристани Каспийского моря в 10 или 15 дней. Сим скорым, дешевым и надежным сообщением азиатская торговля была бы упрочена для России и удалила бы сильное совместничество Англии.

Кроме того, железная дорога из Петербурга чрез Москву до Казани много бы способствовала к ободрению земледелия, к распространению средств продажи и перевоза произведений земли; она была бы лучшим средством для снабжения столицы и войск припасами за самую сходную цену и могла бы одна, в отношении к главным предметам ввоза, упрочить выгодный для России торговый баланс.

Ни в какой стране света железные дороги не могут быть ни столь выгодны, ни столь необходимы, как в России, потому что они сближают отдаленные расстояния посредством скорости переезда. Благодеяния, изливаемые его императорским величеством на своих подданных, принесут всю желаемую его величеством пользу в такой неизмеримой стране, как Россия, тогда только, когда повеления государя императора посредством железных дорог будут достигать в три дня из Петербурга в Казань или Одессу.

Движимый мыслию, что подобное предприятие было бы полезно для выгод правительства и частных людей, Герстнер принял смелость представить его императорскому величеству проект исключительной привиллегии на 20 лет строить железные дороги во всей России, всеподданнейше прося о даровании ему сей привиллегии и представляя, что испрашиваемые им условия суть почти те же самые, кои ему дарованы императором австрийским 7 сентября 1824 г. Вместе с сим Герстнер, желая довести до высочайшего сведения все подробности сего предприятия, произведенного в Австрии, представил государю императору все документы, относящиеся к дарованной ему привиллегии, и изданную в 1824 г. в свет меморию о железных дорогах.

Главные пункты испрашиваемой привиллегии заключаются в следующем: в продолжение 20 лет никто другой не должен иметь права нигде в России предпринимать сооружение железных дорог ни для правительства, ни для частных людей; железным дорогам, построенным Герстнером, должны быть предоставлены те же права и преимущества, как и сооружениям правительства; в случае транспортов, отправляемых правительством, цена за оные по всем железным дорогам будет уменьшена до половины обыкновенной цены, платимой за провоз; каждая железная дорога между двумя губернскими городами должна быть в состоянии перевести, после предварительного за 24 часа об'явления, по крайней мере 5 000 человек пехоты, 500 конницы, со всею артиллерией, обозом и лошадьми, потребными для означенного числа войск, и притом чрез расстояние 200 верст в сутки; железные дороги останутся на всегда собственностью компании строителей, но по прошествии 20 лет исключительная привиллегия на сооружение упомянутых дорог прекращается.

Герстнер присовокупляет, что привиллегия уничтожается, если он в четыре года, считая со дня выдачи привиллегии, не построит железной дороги на 100 полные версты из полос английских, в случае разрешения на ввоз оных; или если он не построит дороги на означенном протяжении в шесть лет из полос русских. В сих отношениях введение в России железных дорог так, как и привиллегия испрашиваемая, не должны представлять ни малейшего затруднения, ибо казна не обязывается выдавать на сей предмет никакой суммы, а торговля между тем приобретет многие выгоды. Остается об'яснить, почему Герстнер испрашивает для одного себя исключительную привиллегию на такое предприятие, которое далеко превосходит способы одного человека; но причины на сие суть те же самые, которые побудили императора австрийского к выдаче привиллегии 7 сентября 1824 г.

Введению железных дорог в России должны предшествовать самые точные изыскания касательно местностей, а именно, где больше транспортов на малом расстоянии, и где грунт земли представляет меньше затруднений. Для сего должно об'ехать страну, обмерить и пронивеллировать места, благоприятствующие для такового предприятия, и составить смету потребным издержкам. Тогда только можно приступить к небольшому сначала сооружению дороги и, в случае совершенного успеха, можно начать сооружение железной дороги между С.-Петербургом и Москвою. Герстнер полагает все сии операции произвесть на свой счет при помощи искусных инженеров, так же как он сделал это же самое в Австрии, а к составлению большой компании акционеров приступить не прежде, как через два года, если практическая возможность строить в России железные дороги будет достаточно доказана.

Наконец, в доказательство своих способностей Гестнер представляет, что он в 1819 г. определен императором австрийским в профессоры геодезии, что оставил сие место, дабы заняться строением железной дороги между Молдавою и Дунаем, что в последние три года был профессором механики в Праге и в то же время занимался изданием большого сочинения о механике относительно к промышленности, в коем заключается все то, что он заметил о промышленности и механике во время трех своих путешествий в Англии и во Франции в 1822, 1827 и 1829 годах. Причем представил диплом на пожалование его императором австрийским в кавалеры и члены Богемских штатов. Письмо свое Герстнер заключает тем, что он познания свои, приобретенные долговременным опытом, свою деятельность и свое время приносит его императорскому величеству для выполнения такого предприятия, которое достойно славного царствования государя императора и которое может споспешествовать к благоденствию подданных его императорского величества.

Вышеизложенное письмо Герстнера с проектом привиллегии и прочими приложениями по высочайшему повелению доставлено было генерал-губернатором графом Бенкендорфом к главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями, которым все означенные бумаги подвергнуты были рассмотрению особой комиссии, составленной из генерал-лейтенанта Потье, генерал-майора Готмана и двух штабофицеров корпуса путей сообщения [2].

Означенная комиссия рассматривала сей предмет в двух отношениях: 1) в отношении искусственном и 2) в отношении государственном.

По первому вопросу комиссия нашла:

1) Пример железной дороги, устроенной Герстнером в Богемии, доказывает, что снега и большие морозы не могут быть значительными препятствиями в учреждении подобных дорог. Ровная же большею частью местность России благоприятствует расположению железных дорог, требующих вообще самых малых скатов по длине.

2) Определение изменений составных частей железной дороги и общего ее расположения зависит большею частью от назначения движителей по дороге, т. е. лошади или подвижной паровой машины, а выбор того или другого из сих движителей может быть, повидимому, следствием главной цели или частного назначения дороги, т. е. для транспорта произведений или для перевозки путешественников. Заключение сие основано на следующих соображениях. Движение паровых машин требует скатов не более $^1/_{90}$; машины сии уносятся со скоростью от 25 верст (средним числом) до наибольшей скорости 80 верст в час. Столь значительная скорость при большой тяжести машин производит самое разрушительное действие на железные полосы дороги, особенно

же в точках их упора и соединения; оказавшееся раз повреждение быстро усиливается действием соударений в испорченных местах, а потому начальное учреждение и ремонт дороги, назначаемой для паровых машин, стоят гораздо дороже тех дорог, где лошадь употреблена движителем, и которые могут иметь простейшее расположение и меньшие измерения в составных частях, так что по сие время признано выгоднейшим устраивать дороги для действия лошадьми во всех тех случаях, где можно ограничиваться наибольшею скоростью от 12 до 15 верст в час; но как сей случай есть довольно общий для перевозок произведений промышленности или товаров, то можно безошибочно допустить, что употребление подвижных паровых машин должно, вообще говоря, ограничиться перевозкою путешественников, а что торговые пути должны быть располагаемы для действия лошадьми. Некоторые писатели принимают отношение чисел 6, 84; 1, 77; 1, 13 для относительной ценности перевозок по дорогам обыкновенным, чугунным и каналам.

Второй вопрос, а именно о привиллегии, испрашиваемой Герстнером, приведен был к тому, что после многих взаимных между им и комиссиею возражений и об'яснений Герстнер согласился сделать в представленном им проекте изменения, но за всем тем комиссия не могла согласиться на следующие его предположения.

1) Дозволить ему исключительно строить железные дороги вообще во всей России, не ограничивая сего никакими частными случаями. По мнению комиссии, дать привиллегию Герстнеру можно только на устройство железной дороги между двумя известными, им избранными, пунктами и по известному, им избранному, направлению.

Испрашиваемое Герстнером право беспошлинного ввоза железных полос из Англии и других мест, хотя и не произведет помешательства в обработке железа в России, но как вещи сии, по удостоверению заводчика Берда, могут скоро и в надлежащем виде приготовляться и у нас, особливо в Сибири, то и нет причины думать, чтобы привоз дорожных железных полос из иностранных государств был так необходим, как полагает Герстнер.

2) Он требует также (2-м пунктом привиллегии), чтобы земли, где будет проходить железная дорога, были уступлены ему под оную и под заведения, при сем нужные, даром, естьли они окажутся принадлежащими казенным крестьянам, которых казна может взамен сего наделить другими землями, и чтобы право безденежного приобретения подобных земель было ему предоставлено и для устройства боковых железных дорог, примыкающих к главной дороге.

По мнению комиссии, сколь ни важны сии выгоды, но они могут быть дарованы Герстнеру с тем однако ж, чтобы для устройства и боковых дорог или ветвей главной дороги было, наперед для каждой из таковых ветвей, испрашиваемо особое дозволение правительства, причем обязанностию Герстнера будет означать, откуда и куда он предполагает ее направить.

3) Сверх сего, иностранец Герстнер требует права строить везде при сооружаемых им железных дорогах гостиницы, или трактиры, на расстоянии не более одной версты в сторону от дороги, испрашивая притом, чтобы для оных уступаема ему была на том же основании, как и для самой железной дороги, земля даром, естьли она принадлежит казенным крестьянам. Естьли же земля будет принадлежать частным лицам, застроенная или незастроенная, то он просит привиллегию приобретать землю в обоих случаях в свою собственность с уплатою по 20% сверх того, во что она будет оценена на законном основании

(законом постановлено: за имущества, отходящие от частных лиц для государственного благоустройства, выдавать немедленно владельцу не только деньги, определенные по соображению оценки, но, сверх того, пятую часть оных в вознаграждение убытков).

Комиссия, замечая, что безвозмездная уступка казенной земли для заведений Герстнера, необходимых даже для существования железной дороги, есть уже важное преимущество, находила совершенно несообразным его требование: а) чтобы подобная уступка земли также делаема была для трактирных его заведений, б) чтобы для сего же предмета он мог отбирать собственность у частных людей на предлагаемых им основаниях и в) чтобы ему дана была исключительная привиллегия строить упомянутые гостиницы, ибо сего не требует общая польза, между тем как это разрушило бы частные выгоды.

Наконец, комиссия находила несообразным и то условие, предлагаемое иностранцем Герстнером, чтобы в течение 12 лет, на которые дана будет ему привиллегия, воспрещено было всем, кто бы то ни был, строить во всей России железные дороги без дозволения его, Герстнера, и чтобы, в противном случае, устроенные таковые дороги обращались в его собственность. Комиссия полагала, что таковое воспрещение может иметь место относительно устройства кем-либо железной дороги только по линии, избранной Герстнером между двумя известными пунктами.

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями всеподданнейшим докладом его императорскому величеству от 3 сего февраля, доводя о последствии совещаний упомянутой комиссии с иностранцем Герстнером до высочайшего сведения, присовокупил, что он также вследствие высочайшего повеления входил лично с иностранцем Герстнером в рассуждение о всех подробностях настоящего предмета и находит:

1) Что по смыслу первого проекта привиллегии, который Герстнер принял смелость представить государю императору, он приобретал бы право, как замечает комиссия, под железные дороги и под заведения, к оным принадлежащие, обращать земли, на коих находятся весьма значительные казенные здания, как, например, Александровское мануфактурное заведение, Литейный завод и пр.

2) Что по второму проекту привиллегии, измененному иностранцем Герстнером в некоторых только пунктах, вследствие возражений комиссии, он, Герстнер, приобретал бы право во всей России, как в городах, так и вне оных, вынуждать себе уступку земли и строений там, где бы он вздумал производить свои железные дороги. А потому, естьли бы таковая дорога им была предпринята по какому-либо ошибочному соображению, то в сем случае, не принеся никакой пользы государству, он многим бы причинил расстройство, и закон за выданною Герстнеру привиллегиею не мог бы уже оказать им покровительства. Но предположив даже, что предпринятая Герстнером железная дорога и могла бы в общем виде быть полезна для государства, главноуправляющий находит однако ж, что предоставляемое им себе право не только заводить по сей дороге трактиры, но и отбирать для оных застроенные и незастроенные земли на расстоянии с каждой стороны дороги на одну версту имело бы вид явного нарушения прав собственности. Притом, это условие Герстнера о заведении гостиниц не имеет с устройством железных дорог никакого отношения.

3) Герстнер, испрашивая неограниченную, исключительную привиллегию строить железные дороги вообще во всей России, ссылается на привиллегии, данные заводчику Берду и страховому от огня обществу,

первому заводить в России на реках пароходы [3] вообще неограниченно, а последнему брать на страх все вообще здания в обеих столицах и других местах империи [4]. Но между сими двумя привиллегиями и тою, которую испрашивает Герстнер, представляется очевидная разница, ибо первые упомянутые две привиллегии не стесняли ничьих прав собственности: пароходы могли действовать на всех водах империи, и никто из владельцев земель, прилежащих к сим водам, не опасался вынужденно уступить свою собственность; страховое общество может брать на страх всякого рода здания в означенных городах, но и здесь никакая собственность не подвергается вынужденному отчуждению.

4) Естьли же можно дать Герстнеру привиллегию на устройство в России железных дорог, то не иначе, как под тем условием, чтобы он представил предварительно на рассмотрение правительства, между какими именно пунктами империи, по какому главному направлению и какого именно рода железную дорогу он предполагает устроить, дабы само правительство могло видеть ту пользу, какую она может принести государству, и стоит ли сия польза тех пожертвований, которые будут сделаны и казною и частными людьми, отчуждаемыми строителем дороги от собственности. Наконец,

5) данная привиллегия Герстнеру должна следовательно ограничиваться предоставлением ему исключительного права строить железные дороги, хотя в разных местах и направлениях, но только между двумя поименованными для каждой из сих дорог пунктами, а не распространяться неопределенно на сооружение таковых дорог во всей империи.

На сибирских наших заводах уже устроены некоторые железные дороги [5]. Коль же скоро была бы Герстнеру дана требуемая им неограниченная исключительная привиллегия на счет устройства железных дорог во всей России, то сие воспрепятствовало бы распространению и усовершенствованию сих дорог даже на вышеозначенных сибирских заводах.

Засим, не останавливаясь на требовании Герстнера касательно вывоза из Англии в Россию железных дорожных полос, так как сей предмет подлежит соображению министерства финансов, главноуправляющий остается в том мнении, что полосы сии в Сибири могут быть сделаны так же хорошо, как и в Англии. А потому, кажется, и следовало бы обработку полос предоставить нашим фабрикантам, дабы доставить им более способов к сбыту железа.

Независимо от вышесказанной исключительной привиллегии строить в продолжении 12 лет железные дороги, Герстнер просит права пользоваться в течение 50 лет без всяких податей, как землею, взятою под железные дороги, самыми дорогами и принадлежащими к оной заведениями, так и всеми доходами от его предприятия. По окончании же 50-летнего срока компания Герстнер предоставляет себе право располагать по произволу означенными дорогами и заведениями и, естьли она удержит за собою все упомянутые сооружения и общая польза от предприятия оной будет доказана, то компания требует, чтобы данная ей привиллегия была возобновлена.

Главноуправляющий полагает, что право не платить никаких податей с железной дороги и искусственных заведений, к ней принадлежащих, не может быть распространено на трактирные заведения, естьли таковые будут уже ему дозволены. Что же касается до возобновления привиллегий по прошествии 50 лет, т. е. спустя 38 лет по истечении первой 12-летней привиллегии, то он, главноуправляющий, полагает,

что таковое возобновление, могущее быть весьма стеснительным для успехов будущей внутренней промышленности, не может быть допущено, как обязательство правительства на столь отдаленное время, обстоятельства коего ныне ему вовсе неизвестны.

Таковые соображения главноуправляющий, представив на высочайшее государя императора благоусмотрение, испрашивал высочайшего повеления: дело о просимой Герстнером привиллегии рассмотреть в Государственном совете, так как сей предмет главнейше относится до внутреннего благоустройства империи.

В искусственном отношении устройство железных дорог иностранец Герстнер предоставляет исключительно себе, на праве акционера, и в сем отношении, т. е. как именно должно строить железную дорогу, главноуправляющий думает, можно положиться на Герстнера, известного, как по своим познаниям, так и по тем отличным работам, которые были уже произведены под его непосредственным руководством.

Государь император, удостоив рассмотрения сей всеподданнейший доклад главноуправляющего и проект привиллегии, представленный Герстнером, изволил собственноручно сделать на сем проекте высочайшие отметки, а вслед затем его императорскому величеству благоугодно было дать главноуправляющему изустные по сему предмету высочайшие наставления и повелеть, чтобы на основании упомянутых отметок и наставлений главноуправляющий составил проект привиллегии для Герстнера, войдя с ним о сей привиллегии в дальнейшие об'яснения [6].

Вследствие сего главноуправляющий приглашал к себе неоднократно Герстнера и после многих взаимных с ним об'яснений предложил ему к подписанию проект привиллегии, измененный согласно с высочайшею волею. В упомянутый проект не внесены некоторые из прежних требований Герстнера, от которых он согласился отказаться, и вставлены главноуправляющим некоторые прибавления, сообразные с выгодами России.

Таковой, вновь составленный и Герстнером подписанный проект привиллегии главноуправляющий имел счастие 12 сего февраля представлять государю императору.

Его императорское величество, удостоив оный высочайшего рассмотрения, повелеть изволил, чтобы привиллегия, о коей идет дело, не распространялась на княжество Финляндское, имеющее особые законы, с предоставлением впрочем Герстнеру просить на введение железных дорог в сем княжестве особую привиллегию.

Вместе с сим его величеству благоугодно было повелеть, чтобы вопрос об устройстве железных дорог в России, как предмет особенной важности, прежде окончательного решения на оный, был рассмотрен в особом Комитете, в коем присутствующими государь император изволил назначить председателя Государственного совета действительного тайного советника Новосильцева и членов сего совета министра императорского двора князя Волконского, главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями графа Толя, военного министра графа Чернышева, министра финансов графа Канкрина, генерал-ад'ютанта графа Бенкендорфа, действительного тайного советника Сперанского и министра внутренних дел тайного советника Блудова.

Заключение. Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, изложив весь ход дела об испрашиваемой иностранцем Герстнером привиллегии на сооружение в России железных дорог и прилагая присем перевод на русский язык окончательно исправленной и Герстнером подписанной привиллегии на упомянутое

сооружение, считает долгом присовокупить, что естьли в оной и допускаются в пользу Герстнера разные выгоды и преимущества, то это для того, чтобы ободрить его предприятие и чтоб чрез то, независимо от успеха и последствий оного, привлечь в Россию иностранные капиталы, оборот коих может иметь благоприятное влияние на нашу промышленность. Но, при допущении исключительного права в пользу Герстнера, приняты и предосторожности, какие только в настоящем положении предусмотреть было можно, для ограждения прав российских подданных и для соблюдения вообще в сем случае выгод России.

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями генерал-ад'ютант граф Толь.

№ 2. Комитет 1835 года о железной дороге.

Из современных записок статс-секретаря барона М. А. Корфа о заседании особого комитета по рассмотрению предложений и привиллегий Франца-Антона фон Герстнера*.

В исходе 1834 г. приехал в Петербург очень известный в то время в Европе и еще более сделавшийся известным впоследствии австрийский дворянин, или, как он называл себя по мальтийскому ордену, «кавалер» Герстнер, создатель первой железной дороги на европейском материке между Молдавою и Дунаем, от Будвейса до Линца. Многие не признавали в нем никакого достоинства и считали его за простого шарлатана,— участь, нередко постигающая пролагателей новых и смелых путей в области науки. Коротко с ним познакомясь, я никак не мог разделить этого мнения. Герстнер был человек с большим умом, с пылким воображением, с огромными теоретическими сведениями, но вместе — плохой счетовод. Порывы воображения часто увлекали его в область воздушных замков, а оттого на бумаге выходило одно, а на деле же совсем другое, а все оканчивалось дефицитами и начетами.

В то время железные дороги были в целой Европе предметом еще довольно новым, а в России даже совершенно неизвестным, как вдруг Герстнер, сильный своею репутациею, даром слова и всем могуществом глубокого убеждения, явился к нам с блестящим предложением: устроить железную дорогу между обеими столицами и покрыть потом сетью таких же дорог всю Россию. Мысль эта нашла тотчас жаркого поборника в главноуправляющем путями сообщения графе Толе[7] и столь же жаркого противника в министре финансов графе Канкрине[8]. Между тем Герстнеру, с помощью тогдашнего австрийского посла при нашем дворе, графа Финкельмона, особенно ему покровительствовавшего, вскоре удалось найти доступ к государю, а для императора Николая, в сочувствии его ко всему великому и полезному, довольно было увидеть и услышать Герстнера, чтобы обратить живое внимание на блестящие его замыслы и осуществление их признать предметом первостепенной важности. Но при оппозиции Канкрина и при сложности окружавших дело вопросов, государь почел нужным обсудить и разобрать их сперва со всею подробностию в личном своем присутствии. К этому совещанию призваны были, сверх Толя и Канкрина, тогдашний председатель Государственного совета граф Новосильцев, военный министр граф Чернышев, министр императорского двора князь Волконский, главноуправлявший II отделением собствен-

* «Император Николай в совещательных собраниях». Из современных записок статс-секретаря барона Корфа. Том 1, издано в «Сборнике имп. русского исторического общества», т. 98, СПБ., 1896 г., стр. 124—128.

ной канцелярии граф Сперанский, шеф жандармов граф Бенкендорф, министр внутренних дел Блудов (тогда еще не граф), и, в качестве производителя, я. Герстнер просил дозволения образовать компанию на акциях и дать ей привиллегию на 50 лет. Бумаги его и составленная о них графом Толем пространная записка[9] были разосланы ко всем упомянутым лицам, и когда они все прочитали, Комитет собрался вечером 28 февраля 1835 г. Государь изобразил в живой и увлекательной речи все выгоды, какие, по его мнению, принесло бы устроение у нас железных дорог в большом размере, особенно для внезапных, когда понадобится, передвижений войск, и заключил ее, в шуточном тоне, тем, как приятно ему было бы в какой-нибудь светлый день «прокатиться отсюда в Москву отобедать к князю Дмитрию Владимировичу (Голицыну) и потом вернуться опять к ночи назад». Предложив после сего к обсуждению Комитета два вопроса: 1) о пользе дороги и 2) об удобстве принять предлагаемые Герстнером условия, государь дал волю говорить всем и каждому. Суждения, происходившие по сим вопросам, не лишены интереса в настоящую эпоху. По новости предмета, тогда, слишком двадцать лет тому назад, рассуждаемо было о многих таких предметах, в которых последующий опыт давно уже уничтожил всякое сомнение и о которых теперь кажется странным и непонятным, как можно было даже минуту колебаться.

Первый вопрос — о пользе — по замечаниям членов разделился на два: о пользе учреждения вообще. и о пользе по отношению к возможности исполнения.

Вопрос о пользе железных дорог вообще все члены и тогда единогласно признали не подлежащим сомнению. Канкрин пытался, было, возражать, что от этого понесет значительные убытки и расстройство обширный крестьянский промысел извоза, а, может быть, и водяного сплава. Ему отвечали, что железные дороги устроятся не вдруг; следовательно, труду будет время разместиться по другим промыслам, а сверх того, впоследствии, скорость и дешевизна сообщений откроют новые источники занятий и новые пути сбыта, которых польза разольется на все население.

Вопрос о возможности исполнения в отношении техническом был признан также не подлежащим сомнению, по удостоверению о том особой ученой комиссии[10], которой граф Толь поручал рассмотреть предварительный проект Герстнера.

Но тот же вопрос, о возможности исполнения в отношении финансовом, т. е. о возможности собрать нужные огромные капиталы и потом, по устроении дороги, выручать движением транспортов и пассажиров достаточные суммы на ее содержание и на покрытие вкладов процентами, прошел не так легко. Во-первых, граф Канкрин и с ним князь Волконский заметили, что капиталы на это дело, без сомнения, употребляются иностранные, а, следовательно, и все доходы навсегда будут принадлежать иностранцам, и правительству не прежде, как через 50 лет, откроется возможность вступить с ними в некоторое участие посредством налогов. Возражение на сие прочих членов, предводимых Сперанским, государь привел к тому выводу, что и теперь во внешней нашей торговле обращаются большею частию капиталы иностранные, однако ими питается и усиливается наша внутренняя промышленность; что капиталы, употребленные на устроение дорог, останутся у нас в народе, ибо материалы и работа будут наши; что, обращаясь в России, эти капиталы сами собою будут приносить свои проценты и свои прибыли; что таким образом прибыль от капиталов,

рассеянных в народе, будет наша, а прибыль от дорог только частию пойдет в пользу иностранных акционеров, частию же также будет наша, ибо облегчит сообщения, и что, следовательно, здесь будет обмен прибылей, но обмен, очевидно, более выгодный нам, нежели иностранным капиталистам. Во-вторых, некоторые члены заметили, что по количеству тяжестей, двигающихся по дорогам в России, и по дешевизне у нас способов перевозки, едва ли можно с вероятностию ожидать, чтобы сборы дорожные покрыли издержки содержания и еще, сверх того, принесли доход вкладчикам. Граф Толь находил, что это дело самих вкладчиков, но государь, не выжидая мнения прочих членов, уже сам от себя отвечал, что если в частных предприятиях расчет выгод и убытков есть, конечно, дело участников, то однако же в предприятии таком огромном, об'емлющем целую Россию и столь тесно сопряженном общими выгодами государства, правительство должно быть дальновиднее и великодушнее частных людей и не допускать подобного предприятия, не удостоверясь сперва, что оно может совершиться не только с собственною его выгодою, но и без разорения вкладчиков. «Этого,— продолжал государь,— требует достоинство правительства и требуют также и материальные его интересы, потому что с разорением вкладчиков вся тягость содержания такого огромного предприятия легла бы на казну, а самим вкладчикам открылся бы весь повод жаловаться, что они были вовлечены в заблуждение моим словом и данною по моему приказанию привиллегиею. Оттого необходимо бы, кажется мне, войти сперва в личное об'яснение с Герстнером и вразумить его насчет предвидимых в проекте неудобств. Это скорее всего покажет, до какой степени справедлив его расчет, и можно ли полагать веру в его надежды».

Второй вопрос об условиях привиллегии также возбудил разные замечания уже не одного Канкрина, по которым государь в самом заседании отметил карандашем на проекте Герстнера разные перемены, представившиеся нужными для большей его ясности и определительности. Суждения по этим второстепенным предметам были продолжительны, но не спорны. «Одного только я непременно требую,— сказал государь,—Герстнеру, по всей вероятности, понадобятся для его дела знающие и опытные иностранцы, пусть он их и выписывает, только не иначе, как по предварительном сношении о каждом с Александром Христофоровичем [графом Бенкендорфом], да сверх того, чтобы отнюдь не было между ними ни одного французского подданного: этих господ мне не нужно. Но если Герстнеру понадобится кто-нибудь из чиновников австрийской службы, то об'явить ему, что они будут переведены в нашу теми же чинами».

Заседание этого комитета не имело, впрочем, положительного результата. Прежде окончательного решения, государь велел другому небольшому комитету, составленному из Новосильцева, Толя, Сперанского и меня, пригласив Герстнера и войдя с ним самим в подробные по всем вопросам об'яснения, представить отзывы его с своим заключением. Вместе с тем, по малоизвестности дела, приказано было графу Толю командировать офицера корпуса путей сообщения для обозрения устроенной Герстнером Молдаво-Дунайской дороги [11], а графу Канкрину собрать через агентов министерства финансов сведения о том, какие выгоды принесла эта дорога, на деле, для торговли и промышленности.

Но сии меры, как равно дальнейшие сношения с Герстнером, не имели желанного им последствия. Вместо осуществления исполинского плана, простиравшегося на всю Россию, или, по крайней мере, на сое-

динение обеих столиц, ему разрешено было по докладу нашего маленького комитета, без созвания уже вновь большого, построить только на первый раз, в виде опыта, Царскосельскую или, лучше сказать, Павловскую дорогу с увеселительным на ее оконечности вокзалом...»

№ 3. Проект ответа председателя особого комитета М. Сперанского Фр. фон Герстнеру, июль 1835 г.*

С тех пор, как опыт доказал пользу железных дорог, введение этого вида сообщения в России естественно привлекло внимание правительства. Много ранее того, как вы представили ваши записки по этому вопросу, правительству была указана вся польза, которую такая обширная страна, как Россия, могла бы извлечь из этих сооружений, но в то же время было отмечено, что предприятия такого рода принадлежат скорее к области частного предпринимательства, чем к непосредственным задачам государственного управления.

Руководствуясь этими принципами и будучи всегда расположен принимать с благожелательством и интересом всякую попытку нового развития промышленности, император, поручив рассмотреть ваши записки особому комитету, приказал мне сообщить вам, что его величество не откажется предоставить все льготы, которые будут совместимы с законами империи, если явилась бы компания капиталистов с капиталами и кредитом, достаточными для того, чтобы предпринять путем акционирования постройку железных дорог или между двумя столицами или на расстоянии более значительном. Разумеется, впрочем, что выбор строителя или инженера, а также и исчисление расходов и расчет возможных прибылей, все это войдет в компетенцию компании и будет зависеть от ее предварительных изысканий. Правительство, не беря на себя ни инициативы, ни ответственности, оставляет только за собой право координировать предложения, которые ему будут представлены, с общими интересами страны и поддерживать компанию в тех привиллегиях, которые ей будут предоставлены.

Имею честь быть и т. д.

[М. Сперанский]

№ 4. Письмо Фр. фон Герстнера председателю особого комитета М. Сперанскому **.

Ваше превосходительство.

Со времени получения письма от графа Новосильцева [12] от 21 декабря прошлого года я немедленно приступил к выполнению условий, предъявленных мне для получения привиллегии на две железные дороги в Царское Село и в Петергоф.

Принципиально я имел в виду два пункта:

1) Образовать общество из таких акционеров, чтобы по возможности избежать ажиотажа.

2) Поставить во главе предприятия в качестве директоров на время постройки железной дороги и первых трех лет ее эксплоатации таких

---

* Подлинник на франц. яз. Канцелярия комитета и строительной комиссии СПБ. — Моск. жел. дороги, д. «О бумагах после покойного графа Сперанского найденных о железных дорогах», 1839 г., лл. 116—117.

** Перевод с франц. Канцелярия комитета и строительной комиссии СПБ. — Моск. жел. дороги, д. «О бумагах после покойного графа Сперанского найденных о железных дорогах», 1839 г., лл. 133—134.

лиц, которые благодаря их влиянию пользуются полным доверием как в высшем обществе, так и в коммерческих кругах.

Наконец, я имел счастие достигнуть своей цели, представив сегодня вместе с графом Бобринским, Бенедиктом Крамером и Конрадом Плиттом председателю Государственного совета об'явления, копию которых имею честь при сем приложить [13]. Хотя граф Новосильцев нас уверил, что условие его императорского величества этим документом выполнено, и, следовательно, предприятие может быть начато без отсрочки, однако я позволяю себе просить ваше превосходительство оказать нам свое высокое покровительство в этом деле, позволив мне представить на ваше благоусмотрение следующие замечания:

Г. Бенедикт Крамер — русский подданный. Он является основателем и до сего времени состоит директором первого страхового от огня общества и общества пароходства; он был директором американской компании, состоит коммерции советником и пользуется самым выгодным доверием в России.

Г. Плитт — консул в Франкфурте. Он устраивает здесь очень важные дела и можно утверждать, что он пользуется во всех частях Европы очень почтенной репутацией как за свою честность, так и за свои знания. Поэтому я считаю себя вправе утверждать, что финансовая часть предприятия доверена в очень верные руки.

Граф Бобринский — молодой человек с большими связями, который ищет дела и, следовательно, будет весьма полезен. Нам не достает еще другого члена правления, принадлежащего к высшему обществу, однако мы надеемся найти его в скором времени.

Все акции на 3 миллиона рублей действительно расписаны, однако мы дали многим лицам менее акций, чем они желали и, таким образом, остается еще некоторое число их, которое назначено для членов Государственного совета и для других покровителей предприятия.

По этому случаю я позволяю себе спросить ваше превосходительство, не хотели бы вы взять несколько акций для себя или для своих родных. При этом я позволяю себе заметить, что сейчас платится только 20%, 1 мая — 40%, 1 июля — последние 40%; стоимость каждой акции составляет 200 рублей серебром. Прошу ваше превосходительство сообщить мне о своем решении в течение нескольких дней [14].

Я позволяю себе надеяться, что распределение акций между известными лицами получит одобрение вашего превосходительства. Если бы я устроил открытую подписку, без сомнения, было бы подписано в три или четыре раза более необходимой суммы. Но тогда можно было бы дать каждому лишь третью или четвертую часть желаемого количества акций, не принимая во внимание звание этих лиц. Таким образом и ваше превосходительство, если бы пожелало взять несколько акций, было бы поставлено на один уровень с биржевыми игроками, чего я ни в коем случае не мог допустить. Причем последствием этого была бы немедленная продажа этих акций на бирже, так как эти биржевые игроки, вероятно, заняли 20% лишь до того времени, когда они получат возможность продать эти акции. Наоборот, существующее общество состоит без сомнения из лиц, которые сберегут свои акции, по крайней мере, до дня открытия железной дороги, т. е. до 1 октября сего года.

Осмеливаюсь также просить ваше превосходительство разрешить мне явиться к вам в назначенный для этого день и час. Через несколько дней я уезжаю в Англию, чтобы заказать там необходимые предметы для нашей железной дороги, и не могу покинуть Петербурга,

не выразив вашему превосходительству, насколько я тронут вашим высоким покровительством.

Остаюсь с чувством благодарности, с которым буду пребывать всю жизнь,

Вашего превосходительства нижайший и покорный слуга Герстнер.

№ 5. Заявление председателю Гос. совета гр. Н. Новосильцеву гр. А. Бобринского, Бенедикта Крамера, Франца фон Герстнера и Ивана-Конрада Плитта на привиллегии для образования компании Царскосельской жел. дороги, 3 февраля 1836 г.*

Нижеподписавшиеся имеют честь покорнейше донести, что по прочтении и внимательном соображении почтеннейшего письма вашего сиятельства от 21 декабря 1835 г. к австрийскому дворянину г. Герстнеру касательно привиллегии на построение железных дорог в Царское Село и Петергоф, равномерно по зрелом обсуждении записки г. Герстнера о построении железной дороги в Царское Село, они убедились:

1) В том, что построение сей дороги во многих отношениях принесет жителям столицы большую пользу, сократив до 30 или 40 минут путь в Царское Село, отстоящее ныне на два часа езды, и доставив столичным жителям возможность проживать летом в селе, отличном по здоровому положению места;

2) Что успех сей дороги послужит наилучшим доказательством пользы, какой можно ожидать от введения железных дорог в России, и что, следственно, должно споспешествовать сему предприятию всеми мерами;

3) Что успех сего предприятия зависит преимущественно от открытия дороги 1 октября 1836 г. от Фонтанки до Царского Села и от беспрерывного проезда по ней пассажиров в продолжении всей зимы 1836 на 1837 год.

4) Что дорога может быть открыта 1 октября 1836 г. только в том случае, если г. Герстнер немедленно отправится в Англию, закажет там для дороги шины, паровые машины и другие предметы и пригласит нужных для построения дороги мастеров. Скорый от'езд г. Герстнера тем необходимее, что по газетным известиям цена железа в Англии возвышалась двумя фунт. ст. на тонну, по причине многих заказов для железных дорог, и что французское правительство намеревается дозволить ввоз английских железных шин. Следственно, при дальнейшем промедлении должно опасаться, что нужные для здешней дороги шины не будут поставлены во-время, и дорога не откроется ранее 1837 г.; таким образом и решение вопроса о возможности пользования железной дорогою зимою было бы отложено на целый год.

Удостоверившись в справедливости изложенного мнения, нижеподписавшиеся совещались с г. Герстнером обо всем, касающемся до построения железной дороги, и с общего согласия положили, чтобы построение произведено было на условиях по правилам, из'ясненным в записке г. Герстнера.

Так как выдача привиллегии, вследствие почтеннейшего письма вашего сиятельства, зависит единственно от условия, чтобы потребный на построение дороги капитал был собран по подписке, то нижеподп-

---

* Канцелярия комитета и строительной комиссии СПБ. — Моск. жел. дороги, д. «О бумагах после покойного графа Сперанского найденных о железных дорогах», 1839 г., лл. 135—136.

писавшиеся сим об'являют: что они берут для себя и для некоторых других лиц, от имени коих подписываются, все акции Царскосельской железной дороги суммою на три миллиона рублей ассигнациями, что они имеют в готовности пятую часть всей суммы на покрытие издержек и что они твердо решились вести построение таким образом, чтобы дорога от Фонтанки до Царского Села была открыта, если возможно, 1 октября 1836 г., если правительство окажет им с своей стороны содействие в сем предприятии.

Содействие, о котором нижеподписавшиеся сим ходатайствуют, состоит в следующем:

1) чтобы сие об'явление было признано достаточным для выдачи компании привиллегии,

2) чтобы дозволено было немедленно напечатать прилагаемое извещение в издаваемых в С.-Петербурге газетах.

В заключение нижеподписавшиеся имеют честь присовокупить, что немедленно по воспользовании благоприятного решения приступят к избранию пятого члена правления и представят на усмотрение и утверждение правительства устав компании[15].

Граф Алексей Алексеевич Бобринский, Бенедикт Крамер, Франц фон Герстнер, Иван-Конрад Плитт.

№ 6. Представление министра финансов гр. Е. Канкрина в комитет министров, 7 апреля 1836 г. *

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями при отношении от 23 марта сего года сообщил министру финансов положение об учреждении общества акционеров для сооружения железной дороги от С.-Петербурга до Царского Села с продолжением до Павловска, с надписью, что государь-император на приведение сего положения в исполнение изволил из'явить высочайшее соизволение.

В 61-м номере академических «Ведомостей» 15 марта сего года от составившейся по означенному случаю компании опубликовано в первый раз, что как по третьему пункту высочайшей резолюции на учреждение компании обязана она покупать потребное для построения дороги железо в России, если оно при надлежащем качестве и потребной форме обойдется не более 15% дороже английского, с поставкою последнего в С.-Петербург, то правление компании и об'являет, что имеет надобность в 110 тыс. пудах плющенных шин и 40 тыс. пудах чугунных подушек, и в 100 каретных ходах с чугунными колесами и ступицами и железными осями, с тем, что половинное количество сих вещей должно быть поставлено в С.-Петербурге не позже последнего числа майя, а остальные в половине августа, почему и приглашает желающих принять на себя поставку означенных вещей такого качества и формы, как они получаются из Англии, и в назначенные сроки явиться с предложениями в правление компании до 31 марта сего года.

Министру финансов неизвестно, явились ли желающие к поставке означенного железа и чугуна, но предполагать можно, что по отдаленности наших заводов от С.-Петербурга и по краткости срока, таковая поставка невозможна, ибо для сего надобно было бы сделать заказ за год вперед, а окончание дороги предназначено к 1 октября сего года. Впрочем, очевидно, что и сама компания не ожидала поставки

* Комитет министров. Приложения к журналам комитета, 1836 г. (апрель), № 1051, лл. 446–448.

железа из России, ибо в изданной учредителем оной иностранцем фон Герстнером брошюрке касательно сей дороги сказано, что он намеревался еще в феврале нынешнего года отправиться в Англию для необходимых заказов.

По таможенному уставу, собственноручно высочайше утвержденному, пошлина составляет за привозимое сухопутно железо, также чугун в деле 12 руб. серебром с берковца, морем же привоз того и другого запрещен, а за кузнечную работу, к которой надлежит причислить приготовленные плющенные шины, так как они прикрепляются к чугунным подушкам, привозная пошлина сухопутно назначена 36 р. серебром с берковца, морем же ввоз таковой равномерно воспрещен [16].

Из закона, собственноручно высочайше утвержденного, не может быть сделано изъятие по одному об'явленному высочайшему повелению.

До министра финансов еще не дошло требование компании о пропуске иностранного железа и чугуна, но частно известно, что фон Герстнер отправился уже отсюда за границу.

Соображение и заключение. Министр финансов, имея в виду одно об'явление и условное высочайшее разрешение о сем предмете и взяв в соображение, что, по всему вероятию, по близкому открытию навигации могут прибыть вскоре из Англии для означенной компании железные и чугунные изделия для избежания остановки и простоя, долгом считает благовременно испросить окончательное высочайшее повеление на беспошлинный пропуск выписываемого компаниею железа, чугуна и повозок в об'явленном оною при вызовах к торгам количестве, о чем имеет честь представить на разрешение комитета г.г. министров.

Министр финансов генерал-от-инфантерии граф Канкрин.

№ 7. Представление министра финансов гр. Е. Канкрина в комитет министров, 29 июля 1837 г.*

По высочайшему повелению вашего императорского величества статс-секретарь Лонгинов препроводил 27 сего июля к министру финансов всеподданнейшее прошение учредителей общества Царскосельской железной дороги графа Бобринского, Крамера, Плитта и Герстнера о ссуде обществу полтора миллиона рублей по примеру подобных ссуд на разные общеполезные постройки, на 37-летних правилах, без вычета премии, под залог железа, машин и строений, принадлежащих обществу.

В прошении сем изложено следующее:

На основании привиллегии капитал общества построения Царскосельской железной дороги определен в 3 500 000 р. Между тем со времени составления сметы на устройство дороги цены на железо в Англии возвысились; владельцы земель, отходящих под дорогу, потребовали значительных сумм; строения обошлись дороже сметного исчисления; перенесение заведений на Волковом поле и церкви лейб-гвардии Семеновского полка не были вовсе в виду, и, кроме сего, потребовались некоторые непредвиденные расходы. Таким образом капитал 3½ миллиона рублей оказался недостаточным для довершения всего предприятия, и хотя настоящие способы общества позволяют открыть дорогу от площади у полковой церкви лейб-гвардии Семеновского

* Комитет министров. Приложения к журналам комитета, 1837 г. (август), № 1121, лл. 94—102. На документе резолюция Николая I: «Согласен».

полка в течение будущего августа месяца, если погода будет благоприятствовать, но для продолжения оной и до пункта, назначенного в привиллегии, т. е. до Фонтанки, надлежит приобрести место, построить здание для сбора публики, завести полное число паровозов, экипажей и прочих принадлежностей, на что потребуется еще 1 500 000 р.

Учредители общества Царскосельской железной дороги, ревнуя вполне привести к окончанию предприятие, приемлют смелость всеподданнейше просить о всемилостивейшем соизволении ссудить капитал полтора миллиона рублей, по примеру подобных ссуд, произведенных на разные общеполезные постройки, на 36 *-летних правилах, без вычета премии, под залог железа, машин и строений, принадлежащих обществу, с тем, чтобы из собираемого дохода, прежде выдачи дивидента, 90 т. р. были ежегодно обращаемы на уплату процентов и капитала.

При поездке, бывшей в Павловске в минувшем июне месяце, в один день проезжало по железной дороге до 4 500 особ, посему можно предполагать, что по открытии дороги от С.-Петербурга несколько благоприятных дней могут покрыть весь годовой платеж на просимую сумму.

В доказательство, что ценность Царскосельской железной дороги, простирающаяся машинами и железом на 1 418 699 р., строениями на 486 022 р. и приобретенною землею на 102 428 р. всего же на 2 030 149 р., представляет достаточное обеспечение на ссуду 1½ миллиона р., учредители общества приводят письмо банкира Бетмана **, в котором он изъявляет намерение свое вступить в сношение с обществом относительно ссуды по прошествии некоторого времени, когда настоящие всем известные стесненные обстоятельства торговли переменятся.

Когда же дорога будет приведена к совершенному окончанию, то помянутое обеспечение увеличится до трех миллионов рублей.

Доверенность иностранцев к предприятию общества доказывается вполне тем, что они приняли в нем участие на сумму около полутора миллиона рублей, и учредители общества повергают на высочайшее воззрение полученное ими от саксонских акционеров мнение, в котором они, между прочим, изъявляют согласие на заключение займа для продолжения железной дороги от Царского Села до Ижоры.

Окончание всех железных дорог в чужих краях было произведено с помощью дополнительных займов под залог дороги. В Англии казначейство производит ссуды за 3 и 4 процента, под залог дороги, коль скоро две трети оной приведены к окончанию. Во Франции правительство не только расположено для устройства железных дорог производить ссуды, но даже предлагало капиталы безвозмездно; для дороги от Парижа до границ Бельгии было выдано 20 миллионов франков, а при построении дороги от Лиона до Марселя правительство поручилось за 4-процентный платеж на капитал в 70 миллионов франков.

В заключение учредители общества Царскосельской железной дороги представляют, что главная цель сего предприятия, состоявшая в разрешении сомнения относительно влияния климата на возможность существования железных дорог в России, вполне достигнута. Несмотря на общее мнение, что снег будет непреодолимым препят-

---

* Ошибка в тексте; надо: «37-летних». — *М. К.*

** Письма банкира в делах нет. — *М. К.*

ствием к зимнему сообщению по железной дороге, опыты, произведенные зимою на расстоянии 7½ верст от города Павловска до села Кузьмина, при всех изменениях погоды, без малейшего повреждения шин и насыпи, удовлетворительно разрешили все бывшие по сему предмету сомнения.

Таким образом Царскосельская железная дорога может почитаться началом всех будущих дорог от С.-Петербурга, и, если продолжить оную до Ижоры, то исполнение сие будет служить основанием Московской железной дороги и поощрит введение сего нового и полезного способа сообщения в других местах России.

Справка.— В последние годы по высочайшим указам произведены были из заемного банка, на счет земских сборов и городских доходов, некоторые ссуды на общественные постройки, как-то: на улучшение системы королевского канала*, на планирование и мощение улиц в городе Киеве и на устроение разных шоссе.

Заключение.— Сообразив сию просьбу, министр финансов находит:

1) С одной стороны, открывается, что если общество не будет иметь достаточного капитала, то, по крайней мере в нынешнем году, не может продолжить железной дороги до Фонтанки, устроить дом для сбора проезжающих и обзавестись достаточным числом локомотивов; заем же капитала в чужих краях не заключает определительного удостоверения.

2) С другой стороны, поставляется на вид:

а) что государственное казначейство не может сделать столь значительной ссуды; по правилам же банков, оная составила бы из'ятие, особливо относительно обеспечения;

б) что мнения людей на счет будущей пользы железных дорог, кои,— как писал и граф Сент-Альдегонд из Англии,— только там могут быть прибыльны, где весьма большое передвижение людей — раздельны;

в) стремление же к устройству таковых дорог с участием правительств, а еще более к ажиотажу акциями, есть явление времени, не представляющее доказательства успеха;

г) что о здешней именно железной дороге мнения также различны; что железные шины с оной, в случае неудачи по условиям привиллегий, не могут быть проданы в России;

е) что по сим уважениям нет ручательства в достаточности ни материального залога, ниже того, который бы мог произойти от успехов и дохода сего предприятия.

По всем сим доводам министр финансов, удерживаясь дать по сему делу решительное мнение и не присваивая частному своему убеждению преимущественной уважительности, приемлет долг представить на высочайшее благоусмотрение, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству разрешить внесение сей записки, с просьбою общества и всеми приложениями, на обсуждение комитета министров[17].

Генерал-от-инфантерии граф Канкрин.

№ 8. Письмо московского военного ген.-губернатора кн. Д. В. Голицына Николаю I, 21 марта 1838 г.**

Статский советник Абаза, известный мне и многим по хорошим его нравственным качествам и расчетливому уму во всех коммерческих

* Канал герцога Виртембергского.

** Соб. е. и. в. канцелярия, 1838 г., д. № 6241, л. 347.

делах, доставил ко мне составленный им проект об устройстве железной дороги от С.-Петербурга до Москвы, прося меня повергнуть оный на высочайшее благоусмотрение вашего императорского величества.

Всеподданнейше представляя при сем упомянутый проект в том виде, в каком оный мне представлен, с тремя приложениями, на всемилостивейшее вашего императорского величества усмотрение, я приемлю смелость при том доложить, что так как сооружение железной дороги между столицами есть предмет весьма важный, и мнение об оном требует вернейших доказательств на все представляемые Абазою выводы и расчеты, то не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству, ежели мысль об устройстве этой дороги удостоится высочайшего одобрения,— повелеть означенный проект по просьбе самого сочинителя рассмотреть в особом комитете и, для сокращения времени, приглашать в оный, когда надобность встретится, для личных об'яснений Абазу.

Московский военный генерал-губернатор князь Голицын.

№ 9. Проект учреждения акционерного общества устройства железной дороги от С.-Петербурга до Москвы, 21 марта 1838 г.*

Устройство дороги сей, по необыкновенному влиянию на торговлю, промышленность, земледелие и вообще государственное благосостояние, столь важно, и, по мнению нашему, столь необходимо, что для исполнения требует всех усилий и покровительства всемилостивейшего государя нашего и деятельного участия всех благомыслящих граждан и капиталистов.

Надеясь, что с сей точки зрения мысль наша или, лучше сказать, мысль народная, заслужит высочайшее одобрение, мы постараемся доказать, что она может быть исполнена в техническом отношении и доставит на употребленные капиталы 10% на рубль чистой прибыли, ежели на дороге сей устроятся двойные колеи: одни для быстрой почтовой езды самодвижными паровыми машинами, другие для дешевой перевозки тягостей лошадьми. Значительный барыш, который приобретется на сих последних колеях, поддержит расходы, требующиеся для содержания всего состава этой дороги.

Всем известны причины, почему мудрый преобразователь России основал С.-Петербург в столь отдаленном краю. Настоящее внутреннее и внешнее наше могущество доказало, что он не ошибся, сблизив русских через Петербург с просвещенною Европою. Но Великий Петр, предвидя в этой мысли зародыш будущего благоденствия любезной ему России, видел также и неудобства, сопряженные с отдалением своей резиденции от средины государства. Чтобы помочь этому, он устроил Вышневолоцкий канал и шлюзы, учредил ямские слободы между Москвою и С.-Петербургом для почтовой гоньбы и построил каменные и деревянные мостовые, стараясь чрез сии в то время лучшие удобства сообщений сократить сколь можно путь к новой своей столице. Великая Екатерина и в особенности незабвенный наш государь Александр Павлович также всемерно заботились усовершенствованием Вышневолоцкой судоходной системы, устройством Тихвинского и Мариинского каналов и, наконец, Московским шоссе приблизить свою прекрасную столицу к центру государства.

Теперь настало время подвинуть ее еще более к России посредством железной дороги и, следуя за прочими совершенствами промышлен-

* Соб. е. и. в. канцелярия, 1838 г., д. № 241, лл. 348—376.

ности, ознаменовать настоящее славное царствование исполнением такого предприятия, которое столь же быстро разовьет дальнейшее внутреннее благосостояние наше, как быстро несутся паровозы. Сила паров мощною рукою поставит Петербург в средине государства и, тесно соединив между собою две столицы, раскроет неисчислимое множество новых источников богатства и благоденствия между всеми сословиями.

Время есть драгоценнейшее достояние человечества. Железные дороги его сберегают и самую жизнь нашу делают длиннее, предоставляя нам пользоваться тем временем, которое мы бесполезно теряем на скучных наших дорогах. Удобство переезжать и перевозить скоро к С.-Петербургскому порту ценные товары, для заграничного отпуска требующиеся, умножит везде производительную деятельность и особенно откроет заводской, фабричной и торговой промышленности возможность употреблять гораздо менее денег для оборотов своих. Если же оборотный капитал уменьшится, то и цена на отпускные товары наши понизится в Петербурге, с чем вместе откроется более возможности сбывать оные за границу, не опасаясь соперничества иноземного. Железные дороги во всей Европе и наипаче в Северной Америке, производящей часть тех же самых сырых товаров, кои отпускаются из России, до такой степени понижают цену там на товары сии, что весьма скоро требование оных от нас может уменьшиться, ежели мы не возьмем в помощь того же оружия, которым иностранцы стараются победить нашу торговую промышленность.

Само правительство извлечет при устроении этой дороги многие удобства и экономию в государственных расходах. Не говоря уже о второстепенных выгодах: скором сообщении между двух столиц, дешевизне перевозки комиссариатских потребностей, обеспечении продовольствия С.-Петербурга в случае мелководья и прочее, мы упомянем, что, имея железную дорогу от Москвы чрез Тверь и Вышний Волочек до С.-Петербурга, можно всегда удовлетворять нашими произведениями экстренные требования иностранцев и доставить правительству возможность в несколько дней собрать в Петербург большую массу войск, расположенных в Московской и окрестных губерниях, где продовольствие их обойдется едва ли не вдвое дешевле, чем в северных губерниях, и откуда наши западные границы ближе чем от Петербурга. Наконец, что всего важнее, обожаемый нами монарх чрез быстрое сообщение получит более возможности наблюдать за скорым и точным исполнением священной, всегда справедливой его воли для благоденствия народного.

Назад тому 35-ть лет народонаселение С.-Петербурга не превышало 250 т. человек. Тогда одной Вышневолоцкой системы, доставлявшей всего 20 миллионов пудов разных тягостей, достаточно было для перевозки туда из внутренних губерний продовольствия жителям и российских произведений для заграничного отпуска. Ныне народонаселение возросло в С.-Петербурге до 500 т. человек и, хотя деятельность сей системы увеличилась перевозкою еще излишних 10 миллионов пудов, однако и два новые водяные пути доставляют в Петербург от 15 до 20 миллионов пудов ежегодно. В сей соразмерности умножилось и число проезжающих между двух столиц. Следовательно, ежели в течение прошедших 35 лет потребности новой столицы и проезды в ней более нежели удвоились, то весьма правдоподобно, что прибавляющееся там народонаселение, торговля и промышленность скоро потребуют туда из внутренних губерний чрез Нижний-Новгород, Москву

и Гжатские пристани ежегодно до весьмидесяти миллионов пудов тягостей и значительно увеличат число проезжающих *.

Конечно, нам на это скажут, что по мере надобности в сообщениях благодетельное правительство усилит и водяные пути; но для сего надобно вновь употребить безвозвратно огромные казенные капиталы, не достигнув ни малейше удобств железной дороги, по которой, кроме скорой и верной перевозки небольшого количества дорогих тягостей, требующихся за границу, водворится быстрое сообщение для проезжающих между двух столиц. Мудрено соорудить нам столько каналов, сколько вырыто оных в Англии, Франции и Голландии. На них употреблены неисчислимые суммы, и хотя они считались тогда совершеннейшими сообщениями, но великое открытие летучего пути по железным дорогам заставляет теперь всю Европу и Америку обращаться к сему способу сообщений, более сообразному с настоящими народными нуждами **. Раскрыв историю прошедших времян, мы удостоверимся, что ни одно из человеческих изобретений не распространилось столь быстро, несмотря на то, что ни одно не требовало столько капиталов. Англия, отечество железных дорог, начав первый опыт устроения Ливерпульской дороги в 1827 г., теперь покрыта уже во всех направлениях сетью оных. Америка, воспользуясь примером Англии и соединив железные дороги с пароходством по многочисленным своим рекам открыла скорое сообщение с самыми отдаленными странами и, быстро умножа чрез сие производительную деятельность малочисленного народонаселения, возвысила цену собственностей во всем государстве. Франция построила также несколько таких дорог, и в эту минуту предполагается там устроить оные по многим направлениям: от Парижа к Брюсселю, и чрез Страсбург к границам Германии; из Ормана в Бордо; из Лиона в Марсель и прочее. Бельгия покрывается также сими дорогами, от Брюсселя во все стороны. Пруссия устраивает железную дорогу из Берлина в Потсдам. Германия, несмотря на расчетливость свою и недостаточные средства, построила уже некоторые железные дороги и теперь строит из Лейпцига в Дрезден, из Франфурхта *** в Маянц ****; из Аусбурга в Мюнхен и из Вены в Боснию. Сия последняя дорога, на протяжении 425 верст, наипаче заслуживает наше внимание, сколько по близости своей к российским границам, столько и по расчетливому плану устроения. Она обойдется меньше 60 т. рублей верста в две колеи. Словом сказать, все постигли важность этого полезного изобретения и спешат им воспользоваться при помощи науки и опыта, открывающих ежедневно способы к дешевейшему устройству железных дорог.

Мы не станем оспаривать мнение многих, что вообще Россия, исключая столиц, еще не довольно заселена для железных дорог. По этой причине мы и предлагаем устроить нашу дорогу между С.-Петербургом и Москвою, и не с одними почтовыми колеями. Мысль наша соединить с ними, на одной насыпи, колеи для перевозки лошадьми дорогих тягостей, наиболее требующихся в С.-Петербург для заграничного отпуска, делает устроение этой железной дороги и у нас возможным. Расчет, нами представляемый,

---

* Теперь через Нижний-Новгород и Гжатские пристани доставляются туда от 50 до 60 миллионов пудов. (Примеч. в подлиннике.)

** Известно, что там теперь возят тягости только по тем каналам и рекам против течения, по коим могут ходить пароходы. Во всех же прочих случаях водяные пути заменяются железными дорогами. (Примеч. в подлиннике.)

*** Франкфурт на Майне. — *М. К.*

**** Майнц. — *М. К.*

о количестве денежного сбора с проезжающих и провоза товаров, равно и расходов, для содержания дороги сей потребных, ясно это доказывают. Да и может ли быть иначе? Дорога сия соединит 850 т. жителей двух столиц обширного и сильно возрастающего государства; соединит для быстрых сношений центр внутренней торговли с первым нашим портом и пособит главной линии нашего судоходства с тех пунктов, где природа представляет неудобства для водяного пути.

Итак, обнаружив, что потребности Петербурга и проезды к оному ежегодно увеличиваются, и что сближение сей новой столицы нашей к центру России принесет величайшую пользу всему государству, кажется нам, необходимо последовать примеру всех других промышленных народов и учреждать у себя между двух столиц железную дорогу. Если дороги сии устроили в чужих краях, где нет почти зимы, то как же нам не помогать ими водяным сообщениям, открытым у нас для судоходства только половину года, не помогать самому зимнему пути, который увеличивающееся между двух столиц сильное движение обозов делает неудобным и медленным, от бесконечных ухабов в средине зимы и от недостатку на шоссе снегу в начале и конце зимы?

Мы не мыслим, чтобы дешевые хлебные и продовольственные товары могли предпочтительно перевозиться по железной дороге, особенно если учредится пароходство завозами от Нижнего до Рыбинска, и когда увенчается счастливым успехом предпринятое умным и деятельным начальством путей сообщения улучшение судоходства по Волге от Рыбинска до Твери; но мы желаем доставлять в С.-Петербург, из числа 50 миллионов пудов, чрез Нижний-Новгород плывущих, с Моршанской, Орловской и других внутренних на Оке пристаней до 3 миллионов пудов: пшеницы, сала и прочих дорогих тягостей. Товары сии по окончании предназначенного правительством устройства на Москве-реке шлюзов и боковых плотин могут доставляться с сих пристаней прямо в Москву, дешевле чем в Рыбинск. Мы желаем также отправлять из Москвы вместо Гжатских пристаней, нередко осыхающих: сала, пеньки, конопляного масла и пр. до 4 миллионов пудов *; а всего от водяных путей мы не мыслим и не надеемся отделить для нашей дороги более 7 миллионов пудов ценных товаров, предпочтительно требующихся для заграничного отпуска. Остальные же чрез Нижний-Новгород и с Гжатских пристаней идущие до 53 миллионов пудов разных тягостей и все количество, которое в течение восьми лет, до устроения железной дороги, потребует прибавляющееся народонаселение в С.-Петербурге, доставляться будет, без сомнения, по прежнему дешевыми водяными путями, исключая экстренных требований, необыкновенного мелководья и ранней зимы. Тогда все товары, доплывшие только до Твери, могут считаться уже пришедшими в Петербург. Железная дорога никаких препятствий не боится и по ней, во всякое время года, от Твери до С.-Петербурга перевозиться могут все товары в несколько дней. Но всего полезнее и всего важнее есть то, что, отделив от судоходных сообщений помянутые семь миллионов пудов дорогих тягостей для перевозки оных в С.-Петербург,

* Товары сии перевозятся теперь зимою из Курска и Орла на Гжатские пристани, кои оттуда до 100 верст далее Москвы. Следовательно перевозка их на железную дорогу в Москву обойдется дешевле 15 коп. за пуд, которые, взамен того, торгующие охотно заплатят обществу, обязанному доставлять их товар во всякое время года в несколько дней из Москвы в Петербург, не дороже 50 коп. за пуд. (Примеч. в подлиннике.)

дешево на лошадях * по той же самой железной дороге, по которой с значительными издержками быстро летать будут на самодвижных паровых машинах проезжающие между двух столиц, мы откроем возможность к сооружению этой дороги не только для общего блага государства и для исполнения любимой народной мысли, но и с выгодою для капиталистов, кои в сем деле участвовать пожелают.

Устроение дороги сей в техническом отношении, равно и проезды зимою не представляют также затруднений. Опыты по Царскосельской железной дороге должны разрешить это общее сомнение удовлетворительно. Сверх того известно, что в Северной Америке, где зима тоже довольно сурова, устроены в некоторых местах железные дороги единственно для того, чтобы возить по ним товары и ездить зимою в течение четырех месяцев, когда судоходные реки замерзают. Там не мешает снег и мороз. Но если бы у нас, иногда, в лютую, снежную зиму, на короткое время, сообщение по железной дороге и могло бы прекратиться (чего мы не предполагаем), то это временное неудобство не может до такой степени быть убыточным, чтобы заставило потерять все выгоды, приобретаемые в течение целого года. На железной дороге не будет ходить обозов на санях, без подрезов, кои раскатами и беспрерывною ездою во время самых мятелей образуют ухабы. И ежели теперь, при этом неудобстве, 2 т. человек военно-рабочих с малою постороннею помощью содержат 675 верст Московского шоссе в порядке, то как же не оградить от снегу железную дорогу, где на каждых 125 саженях учреждена будет, оседлым образом, в четыре раза многочисленнейшая стража, обязанная чистить снег и лед беспрерывно. Мы еще повторяем, что на дороге сей не будет ухабов, а рыхлые сугробы очищать не трудно, когда на каждой версте будет для этого постоянно 16 человек рабочих.

Все сии статистические и на опытах основанные соображения обнаруживают, что устроение упомянутой железной дороги у нас возможно и принесет неисчислимую пользу России, Москве и С.-Петербургу. Теперь нам остается только доказать цифрами, что и самые капиталы, для сего употребленные, дадут достаточный доход акционерам, ежели всемилостивейшему государю нашему угодно будет утвердить это предприятие своим высочайшим покровительством.

Не определив линии железной дороги и не сделав нивеллировки местоположения, конечно, трудно, с точностию, назначить капитал, для сооружения оной потребный. Но приняв за основание, что по прямой линии от С.-Петербурга до Волочка и оттуда чрез Тверь до Москвы пространство не будет превышать 600 верст и что дорога сия проходить должна по местам довольно ровным, не требующим ни тонелей, ни слишком высоких насыпей, ни покупки дорогой собственности, можно приблизительно назначить и цену, во что она обойдется.

По сему соображению и по сведениям о настоящем сооружении железных дорог в чужих краях на устроение от С.-Петербурга до Москвы нашей дороги, с двойными колеями, для почтовых самодвижных паровых машин и для перевозки тягостей лошадьми, потребуется не более 120 миллионов рублей или со всеми посторонними издержками около 200 т. руб. на версту. Все железные дороги в иностранных государствах, в две колеи, по сложности за нашу версту, обошлись: в Англии, исключая Ливерпульской дороги, построенной с необыкновенною роскошью, 87 т. рублей; во Франции 160 т. руб.; в Бельгии

* По железным дорогам в иностранных государствах одна лошадь возит 10 тонн, или 630 пудов. Мы предполагаем возить 500 пудов по горизонтальной дороге. (Примеч. в подлиннике.)

66 т. руб.; в Германии до 60 т. руб.; в Америке еще дешевле. Если же для перевозки тягостей лошадьми сделать колеи деревянные, обогнутые листовым котельным железом, то нет сомнения, что наша дорога может быть сооружена с значительною экономиею против предварительной, слишком нами увеличенной, сметы. Сверх того, возможность ограничиться в расходах наших тем вероятнее, что мы не будем иметь нужды в таких поспешных распоряжениях, какие видели при постройке Царскосельской железной дороги, и обойдемся без иностранных инженеров. По мнению нашему, одним из первых хозяйственных распоряжений Общества должно быть приглашение г. Кокриля * или другого подобного ему лица, европейскою славою пользующегося, в число своих акционеров для учреждения вообще с ним в России собственного заведения, чтобы плющить рельсы и приготовлять машины. Хозяйство есть душа всякого торгового дела. Заведение сие должно быть в таком виде, чтобы сверх первоначального устройства предположенной дороги, оно могло впоследствии изготовлять для оной запасные машины, экипажи и вагоны, ремонтируя и исправляя все повреждения, а при дальнейшем устроении других железных дорог в России выполняло все для них требования. Это же заведение может быть, на счет Общества Московской железной дороги, устроено с таким планом, чтобы изготовлять и другие машины, в коих фабричная наша деятельность имеет постоянную нужду и получение коих теперь из чужих краев сопряжено с огромными издержками и затруднениями.

Таким образом, приняв за основание, что на сооружение этой дороги достаточно будет 120 миллионов руб., исчисленных в представляемой примерной смете, можно составить предлагаемое общество и собрать сей капитал, выпустив 200 т. акций в 600 руб. каждую, на следующем основании:

1) Сбор этого капитала разделить на шесть лет,— время, назначаемое для сооружения всей дороги,— так, чтобы в каждый год взносилось за акцию по 100 руб. Если же по учинении формальных смет, основанных на местных соображениях и изысканиях, равно и принятии способа устроения нашей дороги по дешевому австрийскому способу обнаружится, что на сооружение оной между Москвою и С.-Петербургом нужно будет меньше 120 миллионов руб., значительно из осторожности нами увеличенных, тогда и акции выпустить только на ту сумму, которая действительно потребуется.

2) Всеподданнейше просить его императорское величество, чтобы он осчастливил Общество личным своим участием в сем деле и соизволил взять некоторое количество акций на собственное имя.

3) Остальные затем акции разделить на две части: одну разослать для раздачи по губерниям, а на другую пригласить подписчиков в обеих столицах. Но ежели в течение одного года от высочайшего утверждения состава Общества все 200 т. акций не разберутся в России, тогда предложить участие в приобретении оных иностранным капиталистам. Мы не смеем, однако ж, думать, чтобы при рассмотрении дела этого со стороны общей пользы в числе 60 миллионов жителей нашего любезного отечества не было для сего желающих. Напротив того, мы надеемся, что, согласясь с мнением правительства и нашим, без сомнения найдется в России 200 т. человек, кои, устраня личные выгоды, возьмут по одной акции, хотя бы это было в виде пожертвования для государства. Надежды наши, сверх того, подкрепляются еще тем, что самый взнос по 100 рублей за акцию в течение шести лет доступен для всех сословий, и что ни один народ

* Джон Коккерилль (Cockerill).

в мире не любит столько свое отечество, не стремится столь пламенно к его желанию и славе с непоколебимым самоотвержением, как россияне.

4) Высочайше пожаловать Обществу привиллегию пользоваться доходами этой дороги с исключительным правом возить по оной пассажиров и всякие тягости, не только паровыми машинами и лошадьми, но и другими силами, ежели бы оные впоследствии наука приспособила употреблять с выгодою по дорогам. Такая привиллегия никакой монополии не представляет. У нас останутся для перевозки тягостей водяной путь и зимний полоз, а для приезжающих ямщики и шоссе. Соперничество между сими путями и нашею дорогою всегда достаточно обеспечит дешевизну проездов и провозов.

5) Благодетельное правительство в особенном внимании к составу этого полезного Общества и для облегчения сбора столь огромной суммы доставит дворянству, нуждающемуся более купечества ныне в капиталах, следующие преимущества: а) каждому владельцу недвижимого имения, заложенного в Опекунских советах, желающему вступить в число акционеров Общества, выдавать из тех советов, сверх нынешних займов, еще на каждую душу прибавочных по 50 руб. и отсылать все деньги сии в правление Общества железной дороги *. Прибавкою по 50 руб. на душу и новым залогом на сем основании незаложенных еще деревень, единственно для покупки помянутых акций, могут воспользоваться только те помещики, которых имения, по действительной ценности, утвержденной дворянским предводителем, стоят за душу сто рублей дороже банковой настоящей оценки. б) Так как Опекунские советы сделались почти исключительным кредитным установлением для дворянства, то сии прибавочные займы производить только из одних советов с.-петербургского и московского; а чтобы они не стеснены были в обороте капиталов, то отделить для сего только по пяти миллионов рублей ежегодно в течение шести лет. в) По получении уведомления из советов о таковых займах правление Общества железной дороги выдает помещикам то количество акций, которое на следующие из Опекунских советов деньги причитаться будет. г) Возвратное поступление в Опекунские советы таковых сумм, обеспеченных имением, распределить от самых владельцев, на общих правилах займов.

6) Чтобы вообще все акционеры Общества могли воспользоваться тотчас доходом на вложенные суммы, то уплачивать им с первого года по пяти процентов на весь капитал, который ими взноситься будет в правление Общества за акции, в назначенные сроки. Для этого потребуется до семи миллионов рублей из самого капитала в течение первых трех лет до устроения дороги от С.-Петербурга до Волочка **. В остальные же затем три года, пока окончится дорога до Москвы, доходы с пассажиров и провоза тягостей от Волочка до С.-Петербурга достаточны будут для платежа по пяти процентов на всю взнесенную по то время сумму. Это распоряжение, обеспечивая акционеров в получении пяти процентов на их капитал во время построения дороги, приохотит участвовать в сем деле тех, кои живут доходами с капиталов своих, в кредитных учреждениях обращающихся.

---

* Подобным пособием пользуются уже по милости государя некоторые фабриканты и заводчики для поддержания их промышленности. Как же не надеяться новому Обществу на высочайшее покровительство в этом государственном предприятии? (Примеч. в подлиннике.)

** Сумма сия отделена в смете расходов из 120 миллионов руб., назначенных для содержания дороги (Примеч. в подлиннике.)

7) В последующие затем годы Общество при полном действии устроенного сообщения станет разделять всю прибыль, исчисленную примерно в приложенном соображении, составленном из настоящего и ожидаемого движения торговли и проездов. По сему соображению за перевозку семи миллионов пудов ценных товаров, отделяемых от северных водяных путей, и семи миллионов пудов, сухопутно ныне перевозимых от Москвы до С.-Петербурга и обратно, разных для мануфактурной промышленности и торговли иностранных товаров и продовольственных припасов, поступит до 9 100 000 руб. и от проезда 80 т. пассажиров в С.-Петербург и обратно в Москву, такого же количества в экипажах и 30 т. рабочего народа из Московской и соседних губерний в открытых вагонах до 12 000 000 руб.; а всею от провоза тягостей и проездов по этой дороге может поступать ежегодно до 22 000 000 рублей *; за отделением же из сего количества 10 270 000 руб., исчисленных в представляемом соображении на расходы, остаться может чистой прибыли до 11 730 000 руб., или на 120 миллионов капитала около 10 процентов на рубль. Сих выгод слишком довольно для поощрения всех соотечественников наших принять участие в деле, столько пользу государству обещающем. Если же мы возьмем в соображение возрастающее в России и обеих столицах народонаселение и промышленность, равно и умножение взаимных сношений чрез быстрое и дешевое сообщение, то нет сомнения, что доходы Общества превзойдут настоящие расчеты и надежды. Мы должны далеко уйти от примеров целой Европы. Там с открытием железных дорог движение усиливается не меньше шести раз. Но там и расстояния не столь велики. Следовательно, там и до железных дорог движение было значительнее нашего, и ежели оно там умножилось в шесть раз, то, конечно, у нас оно умножится гораздо больше. Теперь 700 верст беспокойного четырехсуточного пути и беспечность ямщиков, подвергающих нас стольким несчастиям, редко кого заставят ехать из Москвы в Петербург без самой крайней необходимости. По железной же дороге кто не захочет покойно прокатиться 15 или 20 часов единственно для того, чтобы посмотреть с народною гордостью на лучшее украшение русского царства **.

8) Акции сего общества принимать в залог по всем казенным подрядам, поставкам и откупам в половину биржевого на них курса и не выше половины именовательной их цены.

9) Высочайше пожаловать Обществу право покупки недвижимой собственности для железной дороги у владельцев на основании узаконения приобретать в казну частные имения для общеполезных учреждений.

10) По вышеизъясненному плану перевозиться будут в Петербург до

---

* Цены за провозы и проезды назначены ниже настоящих сухопутных и с небольшим повышением против водяных путей. (Примеч. в подлиннике).

** В расчете нашем мы предположили, что движение умножится у нас против настоящего только в четыре раза. Теперь между Москвою и Петербургом проезжает 10 т. экипажей или до 40 т. человек. Если же судить по примеру прошедшего времени, то оно через 8 лет, и без железной дороги, может усилиться на одну пятую доли. Следовательно, движение это умножится только с небольшим в три раза против того, как оно должно быть в то время, когда железная дорога будет открыта. Известно также, что и самая перевозка тягостей по железным дорогам против обыкновенных дорог в чужих краях значительно увеличилась. Предлагаемая же нами дорога, сверх вышеисчисленных выгод, будет верным вспомогательным средством нашему судоходству в случае нужды от Твери до С.-Петербурга. Но мы не приняли сего в расчет наш, хотя надежда на это составляет весьма важный запас к усилению доходов с Московской железной дороги. (Примеч. в подлиннике.)

11 миллионов пудов тягостей из Москвы и из С.-Петербурга в Москву до 3 миллионов пудов разных товаров по железной дороге на лошадях *. На ней устроятся на каждых 25 верстах двойные раз'ездные колеи, где учреждены будут станции и сборные пункты для принятия на вагоны тягостей из прилегающих к дороге мест, а отправляемые на лошадях из Москвы товары ежедневно раз'езжать станут с идущими из Петербурга и порожними вагонами. Сим порядком все тягости могут доставляться из Москвы в Петербург на переменяемых в 6 дней, или на одних лошадях в 12 дней, не страшась ранней зимы, опасности водяных путей и боровицких порогов **. Что же принадлежит до второй линии особенных рельсов (колеи), которые на сей же дороге устроятся для почтовой езды на самодвижных паровых машинах, то, чтобы дать возможность пассажирам ежедневно отправляться из Москвы и Петербурга, сделаны будут в Вышнем-Волочке также двойные колеи для раз'езда экипажей. Там в это время переменят паровозы, а пассажиры отдохнут в обширной гостинице Общества. Распоряжение это совершенно обеспечит проезжающих от несчастных последствий при встрече экипажей. По сим же почтовым колеям могут доставляться из Москвы в Петербург и обратно в 15 или 20 часов и самые дорогие товары, фрукты, овощи и прочее. Это быстрое сообщение сделает Москву первым нашим портом, а Петербург центром государства, водворя там желаемую дешевизну.

11) Для надзора за исправностию дороги, очистки снегу и льду и передачи телеграфических сведений, по всему протяжению от С.-Петербурга до Москвы, учредить стражу из отставных военных чинов. Таким образом 8 т. человек наших заслуженных воинов получат покойное, новое занятие с хорошим жалованьем. Для помещения стражи сей устроить малые казармы или теплые будки, подобные полицейским в С.-Петербурге, по четыре на каждой версте, и учредить на них небольшие телеграфы для передачи в один час времени из С.-Петербурга в Москву не только всякого рода сведений и приказаний надзирателей за дорогою, но и воли самого правительства. В особенности же сии телеграфы полезны будут для предосторожности на случай неожидаемых в пути остановок при проезде с пассажирами самодвижных паровых машин и вагонов с товарами.

12) По составе Общества предоставить оному войти в сношение с учредителями Царскосельской железной дороги, и, ежели возможно будет, на обоюдно выгодных условиях присоединить сию дорогу к Московской.

В заключение сего нам остается только сказать, что ежели бы сей краткий проект о устроении железной дороги между С.-Петербургом и Москвою удостоился высочайшего внимания, то мы осмеливаемся просить сделать тогда следующие предварительные распоряжения: а) составить особенный комитет для рассмотрения сего проекта; б) еже-

---

* Таким образом взамен настоящей почтовой гоньбы и извозов ямщики Московской, Тверской, Новгородской и С.-Петербургской губерний заработают ежегодно на своих лошадях до двух миллионов рублей, исчисленных в представляемом соображении. Сверх того, занятия их умножаются от перевозки товаров на железную дорогу с боковых обыкновенных дорог. В нравственном отношении ямщики при этом также ничего не потерялют. Постоянное, определительное занятие на железной дороге приучит их к труду, точности, порядку и избавит от пороков и бедности, неразлучных спутников праздного ожидания работы у почтовых дворов. (Примеч. в подлиннике.)

** Опасность эта наипаче важна для пеньки и пшеницы, более ценным и гибели подверженным от воды товарам. (Примеч. в подлиннике.)

ли комитет сей найдет предположения наши основательными и устроение железной дороги между С.-Петербургом и Москвою за 120 миллионов руб. возможным, по примеру иностранных дорог, то сделает надлежащие распоряжения о производстве инженерных изысканий, необходимых для сооружения сей дороги от С.-Петербурга по прямой линии до Волочка и оттуда чрез Тверь до Москвы; в) чтобы выиграть время изыскания, таковые поручить раздельно нескольким лучшим офицерам с приказанием окончить работы сии непременно в два года; г) в это же время отправить в чужие края одного из самых отличных и опытных офицеров корпуса путей сообщения для собрания во всей Европе необходимых, на опыте основанных, сведений о сооружении железных дорог; д) все расходы сего вояжа, нивеллировки, смет и планов, сделанные правительством, Общество Московской железной дороги примет на свой счет; е) когда проект сей заслужит одобрения комитета, и он сделает все помянутые предварительные распоряжения, то дозволить нам на вышеизложенных основаниях составить подробный проект устава Общества Московской железной дороги и представить оный на высочайшее утверждение; ж) вместе с тем самый сей проект на счет наш напечатать для предварительного сведения публики и для приглашения желающих доставлять в комитет свои против проекта замечания. Дело это слишком важно, слишком большое имеет влияние на государственное и частное благосостояние, а потому и требует основательного со всех сторон обсуждения и расчета; з) тогда же дозволить учредителям собирать подписки на акции, частным образом, без взноса денег, для того только, чтобы выиграть время к скорейшему образованию Общества; и) первоначальным подписчикам предоставить преимущество в получении подписанного числа акций пред теми, кои из'явят желание участвовать в разборе оных после высочайшего утверждения устава Общества; і) так как чрез сооружения этой дороги выигрывает более всех Москва, где, кроме других выгод, ценность собственности должна значительно возвыситься, то мы считаем весьма полезным просить московского военного генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына принять на себя звание почетного учредителя Общества Московской железной дороги. Покровительство его доставит способы для раздачи большего количества акций московским капиталистам, всегда готовым разделять благодетельные виды правительства и своего любимого градоначальника.

Такие предварительные распоряжения, открыв вполне все основание, все данности, необходимые для сооружения этой общеполезной дороги, совершенно обеспечат правительство и акционеров в возможности оную устроить, и если бы в отечестве нашем не нашлось для этого довольно денег (чего мы не предполагаем), то положительность соображений, сими распоряжениями обнаруженных, без сомнения привлечет в Россию иностранные капиталы для дальнейшего развития внутренней нашей производительной деятельности. Наконец, и самые сии 120 миллионов руб., на устроение дороги требующиеся, мы не отдадим в чужие руки, а станем рассыпать их в течение шести лет между русским народом, которого руками эта драгоценная дорога, оберегающая время и уничтожающая расстояние, сооружиться должна к вечной славе ныне царствующего государя.

Статский советник Аггей Васильев сын Абаза[18].

№ 10. Замечания главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий гр. Толя на проект А. Абазы, апрель 1838 г. *

1) Число пассажиров по Московскому шоссе полагается в 40 т.— это преувеличено.

2) Предположение, что по устройстве железной дороги это число пассажиров учетверится, тогда как издержки проезда на одно лицо будут простираться до 75 р., также преувеличено, ибо эта цена равняется почти тому, что платят ныне средним числом за место в дилижансе, а по самым простым правилам политической экономии известно, что число людей, пользующихся за деньги удовлетворением какой-либо их надобности, возрастает только при уменьшении цены, платимой за таковое удовлетворение.

Одним словом, вычисления г. Абазы о доходе с пассажиров столь преувеличены, что они никоим образом не могут быть приняты в основание.

3) Предположение г. Абазы, что по устройстве железной дороги от судоходной клади отделится до 7 миллионов пудов, которые будут доставляться упомянутою дорогою, платя за проезд по 50 коп. с пуда, также неосновательно, ибо известно, что за перевоз клади даже из Рыбинска до С.-Петербурга, по Мариинской и Вышневолоцкой системам, платится от 30 до 40 коп. за пуд, а с Гжатских пристаней платится до С.-Петербурга еще менее. Следовательно, никто не повезет кладь по железной дороге, зная, что водяным путем можно доставлять ее дешевле. Соображения же, что по железной дороге эта кладь перевезется скорее, ни к чему не поведут, ибо товары, отправляемые в чужие края, в числе коих пенька и сало занимают первое место, приходят с Гжатских пристаней в С.-Петербург и ныне водою при самом начале лета, и именно к той поре, когда фрахт в Балтийском море самый дешевый. Затем платить излишние деньги за то, чтобы означенные товары привезти еще скорее, без всякой в том надобности, есть напрасная утрата капиталов.

4) С.-Петербург соединен с внутренними губерниями империи превосходнейшими водяными сообщениями, кои за всем тем могут еще быть значительно улучшены; если же судоходство по ним идет медленно, то это оттого, что судоотправители рассчитывают, как бы кладь доставить дешевле, а не как бы доставить ее скорее, ибо самые эти сообщения по ближайшей справке доставляют полную возможность доставить кладь в С.-Петербург в два с половиною или три месяца, даже с пристаней реки Чусовой, как отдаленнейших от Петербурга. Затем, когда из самого опыта оказывается, что главное условие, коему подчинена внутренняя торговля земледельческих произведений в России, есть дешевизна, а не поспешность перевозок, то, кажется, еще не время приступать к таким предприятиям, кои основаны на совершенно противном правиле и в пользу коих можно привести некоторые только случаи из'ятий, а не главную массу торговых сношений.

5) Из всего этого остается заключить, что доходы от железной дороги между С.-Петербургом и Москвою в настоящем положении промышленности далеко не вознаградят за употребление на это дело 120 миллиардов руб., а если предположить, как это весьма вероятно по опыту Царскосельской дороги, что расходы на устройство сей железной дороги превзойдут значительно этот капитал, то неизбежным послед-

* Управление Николаевской жел. дорогой. Канцелярия комитета и строительной комиссии С.-Петербурго-Московской жел. дор., св. № 174, арх. № 9/99, лл. 17—20.

ствием предприятия г. Абазы будет совершенная неудача оного, и неудача тем более чувствительная, что чрез нее устранится из оборотов предприимчивой промышленности более 120 миллионов руб., которые при нынешнем стремлении к улучшениям, будучи употреблены на другое полезное дело, могли бы значительно подвинуть вперед Россию в государственном ее хозяйстве.

№ 11. Замечания министра финансов гр. Е. Канкрина на проект А. Абазы, апрель 1838 г. *.

При прочтении проекта г. Абазы о железной дороге в Москву министру финансов встретились следующие примечания:

1) Хотя проект сей об'ясняется риторическим слогом о пользе железных дорог, но, повидимому, неизвестны были последние заключения знающих людей о том, в каких случаях действительно полезны железные дороги. Тут весьма важен рапорт бельгийского министра о мере пользы железных дорог в Бельгии; не должно смешивать истинных убеждений со страстью биржевой игры и принимать за оконченные дороги, которые только предположены на бумаге для биржевых спекуляций. Нынешний кризис в Северной Америке, между прочим, происходит и от того, что преждевременно положено излишнее множество капиталов на постройку дорог и каналов, не приносящих соразмерного дохода.

2) Последний результат, кажется, тот, что железные дороги на длинных дистанциях подвержены большим сомнениям.

3) Расчеты об издержках дороги не имеют никакого положительного основания.

4) Не упоминая о том, что вообще акции за срочными платежами не благонадежны, весьма сомневаться должно, чтобы в России собрать 120 миллионов руб., а если бы и были оные собраны, то должны бы быть истребованы из банков, где наиболее находятся частные капиталы. Обратиться к иностранным капиталам было бы вредно для России, если бы в самом деле они приносили 10%. Вообще же можно ли согласиться допустить, чтобы в настоящем положении нашего отечества употреблено было 120 миллионов на предприятие, совершенно рисковое и по опытам чужих краев и у нас, по всему вероятию, неудачное?

5) Исчисление доходов от предполагаемой дороги менее, нежели гадательно.

6) Прибавить акционерам по банковым займам по 50 руб. на душу с одной стороны доказывает, что сам г. Абаза не полагает довольно свободных капиталов в России, а с другой, не упоминая о риске, где возьмут банки капиталы, когда капиталисты потребуют своих вкладов, а акционеры-помещики потребуют увеличенных ссуд?

7) Трудно разрешить Обществу право владеть крепостными людьми.

8) Полагается учредить стражу 8 т. человек отставных солдат, а как одна сия издержка, полагая по 250 р. на человека, станет 2 миллиона рублей в год, то легко можно судить, как дорого обойдется содержание дороги вообще.

№ 12. Мнение комитета по предложению А. Абазы, 5 апреля 1838 г. *.

Его императорское величество высочайше повелеть соизволил для рассмотрения всеподданнейше представленных его величеству москов-

* Управление Николаевской ж. д. Канц. комитета и строительной комиссии СПБ-Московской жел. дор., св. № 174, арх. № 9/99, лл. 17—20.

** Соб. е. и. в. канцелярия, д. 6241, лл. 377—386.

ским военным генерал-губернатором предложений статского советника Абазы об учреждении Общества на акциях для сооружения железной дороги от С.-Петербурга чрез Вышний-Волочек и Тверь до Москвы, составить комитет из генерала-от-инфантерии Ермолова, главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями, министра финансов, генерал-ад'ютанта графа Бенкендорфа и министра внутренних дел с тем, чтобы комитет окончил сие дело и представил свое заключение его императорскому величеству непременно к 10 числу сего апреля месяца.

Сия высочайшая его императорского величества воля об'явлена членам комитета статс-секретарем Танеевым 25 минувшего марта, причем препровожден к генералу-от-инфантерии Ермолову для внесения в комитет проект статского советника Абазы с следующими к оному расчетами и письмом его к московскому военному генерал-губернатору... *

Комитет, исполняя высочайшую его императорского величества волю, имел совещания по сему предмету 28 и 30 минувшего марта и 5 сего апреля. Рассмотрев с вниманием и во всей подробности предположения статского советника Абазы и приняв в уважение словесные в присутствии комитета 5 сего апреля об'яснения его, а равно и особенные замечания, некоторыми членами представленные, комитет признал единогласно, что, не отвергая пользы, которую могла бы принести железная дорога чрез облегчение способов перевозки во всякое время и в оба пути товаров, особенно тяжеловесных, ибо по всей вероятности сие имело бы немаловажное влияние на ход нашей внутренней, а частию и внешней торговли, нельзя однако ж согласиться, чтоб должно было ожидать больших выгод от умножения быстроты переездов частных между двумя столицами проезжающих, которые и теперь уже при нынешнем устройстве шоссе довольно быстры и удобны, а доселе, как из всех собранных комитетом сведений о железных дорогах в других землях видно, главнейшие доходы на оных получаются от проезжающих. Посему, едва ли можно надеяться всех обещаемых от железной между Москвою и С.-Петербургом дороги выгод. Сверх того, комитет находил, что проект статского советника Абазы в том виде, в коем он представлен его императорскому величеству и потом подвергнут рассмотрению комитета, не содержит в себе достаточных удостоверений и ручательства, чтоб сие важное, хотя и частному обществу предоставляемое, но по обширности его и огромности потребных капиталов, государственное предприятие действительно могло быть с успехом приведено в действо и доставило с одной стороны — государству, а с другой — акционерам те выгоды, которые исчисляет статский советник Абаза. Как из проекта, так равно и из личных об'яснений сочинителя оного видно, что представленная им смета издержек на устроение железной дороги составлена примерно и гадательно, что таким же примерным и гадательным образом определены им и издержки содержания оной и доходы, от проезда пассажиров и перевозки тяжестей ожидаемые. Следственно, не без основания опасаться можно, что первоначальная постройка и ежегодное содержание сей дороги превзойдут предположенный им размер и что доходы не только будут поступать в том количестве, в каком статский советник Абаза ожидает их, но даже не сравняются и с теми, коих в коммерческом, соединенном с опасностью, предприятии по всей справедливости можно требовать. В том и другом случае Общество неминуемо подвергнется более или менее важным убыткам, а, может быть, сделается и вовсе не в со-

* Далее опущено изложение проекта Абазы. — *М. К.*

стоянии окончить и поддержать свое предприятие. По отзыву главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями определяемое двухгодичное для изысканий время едва ли достаточно на столь большом пространстве; если же предположить (а сие весьма вероятно), что Общество и вообще не успеет совершить сего устроения согласно с предположением в течение шести лет, то сие одно обстоятельство повлечет уже за собою значительные для акционеров потери, может быть и совершенное расстройство Общества, ибо замедления и какие-нибудь неожиданные, важные затруднения в исполнении могут встретиться и сделаться известными прежде шестилетнего срока, то есть, прежде, нежели Общество получит сполна все свои капиталы, некоторые акционеры или по несостоятельности, или по опасению могут отказаться от дальнейших взносов, и сим Общество лишить не малой части сумм, необходимых для продолжения своих работ и действий. Как не было изысканий на предполагаемой линии железной дороги и не составлены правильные сметы расходам для устроения оной, то и никакое исчисление по сему предмету не может быть признано верным или даже достаточно вероятным, а с другой стороны, и количество сбора с проезжающих и товаров может определить только время и опыт; но уже и одно сомнение в успехе столь огромного, требующего столь значительных расходов предприятия, кажется, должно остановить всякое предположение об оказании оному правительством особенного покровительства и содействия, коего испрашивает статский советник Абаза. Правительство, дозволяя учреждение какого-либо Общества, не ручается за успех его, но, принимая открытое деятельное участие в предприятии особенно важном, оно до некоторой степени примером своим ободряет других к такому же участию и, в случае неудачи, сопряженной с значительными для акционеров убытками, дает повод к жалобам, не совсем неосновательным.

По сим соображениям комитет не осмеливается из'явить с своей стороны согласия на предположения статского советника Абазы, тем более, что устройство железных дорог и в Европе и в Америке есть дело весьма еще новое; что слишком кратковременные в том опыты еще не сильны убедить, соразмерны ли употребляемым на них суммам как польза их, так и прибыли акционеров, и что кажется лучше и благоразумнее ожидать, чем окончатся и какой будут иметь успех предпринимаемые ныне или предполагаемые в разных местах работы сего рода; сие будет иметь еще и ту важную выгоду, что между тем, без сомнения, и способ устройства железных дорог усовершенствуется и, может быть, найдены будут средства уменьшить требующиеся на сие расходы. Во всяком случае комитет признает неудобным и небезопасным допустить, как желает статский советник Абаза, и прием акций Общества в залог по казенным откупам, подрядам и поставкам, хотя и в половину биржевой им цены и не выше половины цены именовательной, и еще более выдачу дворянам для покупки акций прибавочных на заложенные уже и не заложенные в Опекунских советах имения 50 руб. на душу сверх обыкновенной банковой оценки. Сия мера имела бы уже решительно вид особенного желания правительства привлечь частные лица к участию в предприятии Общества, и, в случае неуспеха сего предприятия, повлекла бы к новому почти непомерному обременению имений дворянства, и без того уже едва ли не повсюду отягощенных долгами.

Сии мысли и рассуждения комитет положил повергнуть на высочайшее его императорского величества усмотрение с приложением и

подлинного проекта статского советника Абазы и письма его к московскому военному генерал-губернатору.

Алексей Ермолов, граф. Карл Толь, граф. Е. Канкрин, Граф Бенкендорф, Д. Блудов.

№ 13. Письмо и первая записка Н. Муравьева Николаю I, 5 декабря 1838 г.*.

Всемилостивейший государь!

В то время, когда у нас всюду думают, говорят, рассуждают, пишут и печатают о чугунных путях сообщения, я, в моем благодарнейшем чувстве верноподданного вашего императорского величества, упадаю к освященным стопам вашим с малою картиною этого предмета, начертанною от многолетнего опыта и разумения моего русского. Может быть, должностные лица в их бесчисленных заботах, в их особенных видах не представляют ее одинаково с лицом частным, свободного размышления и опыта.

Благословенный августейший предшественник ваш оставил вам, великий государь, еще недоконченную насыпную дорогу (шоссе) между Петербурга и Москвы. А в ваши 12 лет эти насыпные пути уже где не пролегли в России по благодетельному мановению вашего величества!

Отсюда в 30 лет Россия ваша, всемилостивейший государь, будет иметь 90 000 000 жителей, и эти насыпные пути будут ей недостаточны. Итак, с путями чугунными надобно итти навстречу к этим 90 миллионам жителей и их надобности.

Первая игрушка чугунной дороги на 25 верстах между Петербурга и Павловска отверзла очи смышления каждого русского. Тут цель, как игрушки праздных: скорое и гладкое катанье, воксал, пляска и песни цыган, потешные огни, роскошные явства и пития. В целой России она другая, полезнейшая, не роскоши, но дела надобного 100 млн., 250 млн. жителей, наступающему государству русскому великому чаду великого русского царя.

Бог даст, ваше императорское величество, еще более 40 лет будете здравствовать и от великого опыта и разума своего будете повелевать в России. Тогда изволите увидеть, как Московская государственная чугунная дорога сама от себя родит подобные ей дороги: и до Паланцена, и до Ковно и до Варшавы, и Калиша, и до Одессы и до Моздока, и до Казани, удовлетворяя явной потребе надобностей увеличившегося народонаселения. К собственным домашним способам устроения этих путей следует благовременно изготовиться. 36 лет назад тому я был свидетель первых опытов, в окрестностях Лондона, и судов пароходных и дорог чугуноколейных. А ныне, как уже усеяна ими Европа и ее моря, как уже перерезывается она ими! Но огромные чугунные государственные дороги нигде столь не нужны, как в России. И здесь они ни под каким видом не должны быть собственностью частных обществ. Это кроме того, что дух торташества малыми паями, очевидно, подкапывает драгоценное свойство трудолюбия и делает его картежно-корыстолюбивым, сводя его в то же время в пристрастные общества единомыслия и предрассуды, никогда и нигде благоприятные существующему порядку государства.

---

* На письме Муравьева резолюция Николая I: «Г. Толю на рассмотрение» Комитет министров, приложения к журналам комитета, 1839 г. (январь), ч. I, д. № 1249, лл. 433—438.

Великий государь! Следует очень благовременно начать итти навстречу надобностям нашего великого потомства, чтоб не остаться в нем, с нашим делом, позади. С коликим верноподданническим сокрушением предусматривать сие провидение неба судит мне у ног вашего императорского величества, моего августейшего благодетеля!..

Николай Муравьев, тайный советник.

Село Покровское.

Записка Н. Муравьева Николаю I.

Замечу здесь о постепенностях путей сообщения в населениях человеческого общества *.

В малочисленности, а следовательно и рассеянности этого общества указатель этих путей была сама природа, течение вод, высоты гор, их покатости, их логи. По ним образовались орудия этого сообщения: плоты, челны, ладьи, пешеходство человек и животного, дровни, влачуги, телеги о двух, о четырех колесах. Размножилось общество человека, и надобности его сообщения умножились. Начали расчищать течения рек, начали расширять дороги, начали их мостить. С уменьшением лесов начали мостить дороги камнем. С умножением человеческого общества начали придумывать уравнивать, облегчать эти пути сообщения. Родились каналы, их плотины, соединяющие между собою реки, озера, моря, родились гладкие насыпные дороги (шоссе).

Далее размножается человеческое общество, далее размножаются его образованные надобности: домоводства, торговли. Далее стали вымышлять удобства его путей сообщения, и в последние 40 лет времени воды земли усеялись пароходами и пути сухопутные полегли чугунными, гладкими, ровными колеями.

В России благодетельные ее государи помышления свои прилагали к путям ее сообщения. Их государственные доходы доставляли им тут способы. Так быстро идет у нас устроение сплавных каналов и сухопутных насыпных дорог.

Умножение рода человеческого в его образованных обществах, народах, государствах идет ускорительно, неравномерно. Россия этому пример. Насыпная дорога (шоссе) между С.-Петербурга и Москвы в 1818 г. казалась государственною роскошью; теперь эти пути сообщения почитаются народною, необходимою надобностию. Так началась железная дорога между С.-Петербурга и Павловска на 25 верстах протяжения. Тут искали вознаграждения за издержку ее построения, тут ищут себе ее местных выгод, мало думая о всей России.

Но игрушка эта убеждает, что, имея в мыслях очевидное быстрое умножение населения России, надобно браться за устроение чугунных дорог всюду в ней, и на том же основании, на котором в ней устроялись дороги деревянные, каменные, насыпные (шоссе). За эти — вознаграждения были и народу и государственной сокровищнице в образовании промышленностей. То же будет и за чугунные.

Посмотрите, как вознаграждают каналы: Мариинской, Тихвинской и насыпь Московской дороги, в первой четверти XIX столетия сделанные, и другие улучшения путей на пространстве Российской империи. В начале этого столетия правительство имело государственного годового дохода 100 милл. руб., а теперь этого государственного годового более 550 милл. руб. Пусть те 100 милл. руб. стоили 250 милл. нынешних. Следовательно в 35 лет они более чем удвоились. Что же будет

* Записка никакого заголовка не имеет и начинается прямо с этой фразы. — *М. К.*

с быстротою чугунных дорог. Богатство власти от богатства подвластных.

Признаюсь, я не вижу добра для России в торговых (мелочных) пайствах. Они приучают необдуманность человека к беструдному, к бессмысленному рублю, во всех жизни акциях. Русских замашка есть и должна быть другая. Это идет от замашки их отечества.

Пути сообщения народа, государства должны быть всевозможно свободные, независимые от частных замыслов и, конечно, собственность народа, государства. С ними в России должно итти во сретение ускоряющемуся размножению русского народа на всех направлениях. Но в это же время надобно начать дома приготовлять и шины, и паровозы. Улучшения их дома же пойдут за этим быстро.

Железная дорога от С.-Петербурга до Москвы обещает годового чистого дохода не 9 милл. руб., а 100 милл. руб. Безопасно можно издержать для нее 300 милл. руб. из источника Ассигнационного банка, от которого Россия давно уже желает поизобильнее настоящего. Все драгоценные грузы наших сплавов Вышневолоцкой и Тихвинской системы пойдут по этой дороге. Каждой их пуд от Твери до С.-Петербурга и отсюда до Твери будет стоить не более шести копеек. Хозяева этих товаров миллионах пудов готовы будут платить за них по 26 коп., лишь бы только поставить их оттуда или туда летом дней в шесть вместо шести недель сплава. Так пошла бы и крупичатая мука, и пенька, и сало, и масло, и поташ, и медь, и сахар, и кофе и пр. и пр. Так что 20 коп. с пуда пришло бы в доход дороги. И как неопределимо от этого удобства чугунной дороги, сбыт этих русских товаров распространится за границу. И как ход по ней неопределимо увеличится, и в своей мере увеличит доход от нее.

Дорогу эту следует устроить на русской розмах, то есть три пути конных и три пути паровозных, чтоб один из них шел в одну сторону, другой в другую встречную, и чтоб третий был запасный, для исправлений. Это дело потребует конечно не менее 15 лет, разумеется, из своего русского чугуна и с паровозами, в России построенными.

От этой дороги в 40 лет времени отсюда пролягут пути до всех границ России полуденных и западных и возьмут свое прочное начало в ее восточные области. И возвеличенная жизнь России будет в них быстро течь, как до того она двигалась в ее путях обыкновенных и насыпных.

Внутренние пути сообщения народа, государства, так как народ самый, государство самое, не должны быть собственностью иного, как народа, государства, государя: они — сосуды кровотечения народа, государства, в них — течение, движение их жизни, которая составляет цель ее ангела-хранителя — государя. Нет частного ни лица, ни общества, которое бы от неба было предпоставлено сюда. Нигде на земле это не столь решительно не столь очевидно, ощутительно, как в нашей дрожайшей и благословенной России.

Господи, вседержитель, сохрани ее так на веки!

Николай Муравьев[19].

№ 14. Доклад главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями гр. К. Толя Николаю I, 25 декабря 1838 г.*.

По высочайшему повелению вашего императорского величества стать секретарь Танеев препроводил ко мне на рассмотрение предположения тайного советника Муравьева об устройстве в России железных дорог.

* Соб. е. и. в. канцелярия, № 6241, лл. 439—441.

Основываясь на том, что настоящее благосостояние России обещает ей быстрое увеличение народонаселения и быстрое развитие народной промышленности, тайный советник Муравьев находит, что железные дороги будут необходимостью для этого будущего периода российского государства, в особенности железная дорога от С.-Петербурга к Москве, на устройство коей, по его соображениям, можно даже ныне издержать безопасно до 300 милл. руб.

Это совершенно справедливо, что умножение народонаселения, развитие промышленности в государстве и умножение чрез то взаимных в народе сношений соделывают тут необходимым улучшение внутренних путей сообщения, но вопрос, как улучшить эти сообщения, не так прост, чтобы в каждом случае и во всякой местности было разрешить его ответом: построить железную дорогу.

Опыт доказывает, что есть случаи и местности, где надобность промышленности удовлетворяется вполне чрез устройство самой простой дороги, а также и такие, где открытие водяного сообщения представляет несравненно большие выгоды, нежели устройство какой бы то ни было железной дороги.

Железные дороги наиболее выгодны в мануфактурной стороне, где есть деятельный сбыт фабричных изделий.

Запрос на эти изделия увеличивается или уменьшается, смотря по ходу торговли, в которой нет ничего постоянного, в особенности в заграничной.

Затем, чтобы при всяком неожиданном изменении в количестве запроса можно было удовлетворить всем надобностям торговли, необходимо: или иметь огромные запасы фабричных изделий в пунктах сбыта, или соединить сии последние пункты с фабричными заведениями самыми быстрыми и постоянными сообщениями.

Второй случай есть самой выгодной, ибо он дозволяет: а) не иметь мертвого капитала в запасах, б) не издерживать излишних сумм на устройство фабрик, так как барыши зависят тут более от беспрестанного и скорого сбыта изделий, нежели от первоначального огромного заведения этих фабрик, и в) сохранить некоторую постоянность в продажных ценах на изделия.

Этот случай применяется во всех отношениях к положению Ливерпуля и Манчестера, и вот почему первая железная дорога в Европе, стоившая больших денег, устроена была между сими городами; но в России, обладающей самыми удобными водяными сообщениями и довольно продолжительным зимним путем, я не вижу еще местности, где бы подобное применение железной дороги могло быть сделано с верным успехом.

Россия есть еще земледельческое государство, и все почти продукты, составляющие главнейший предмет нашей внутренней и заграничной торговли, суть сырые произведения земли, для коих скорая и срочная доставка по большей части не нужна.

На фабрике, при скорой выручке денег, изделия вырабатываются несколько раз в год на один и тот же капитал, но в земледельческой промышленности, где земля производит только один раз в год, эта скорая выручка денег, сопряженная всегда с излишними издержками, не есть еще необходимый элемент успеха.

Вот и причина, ваше императорское величество, по которой нахожу неосновательным мнение тайного советника Муравьева, якобы в России огромные железные государственные дороги более нужны, нежели где-либо в других государствах.

Засим, что касается собственно до железной дороги от С.-Петербурга к Москве, то я признаюсь вашему императорскому величеству, что есть некоторые умозрения в пользу сей дороги, но эти умозрения в статистическом отношении еще столь неопределенны и столь неверны, что на них нет возможности основать такого огромного предприятия, каково есть устройство упомянутой дороги.

Притом я не вижу особенной надобности в этом предприятии, так как Петербург соединен с Волжским бассейном тремя удобными водяными путями, где главное управление для ускорения судоходства имеет еще в виду сделать весьма важные улучшения.

Эти улучшения состоят: для Мариинской системы — в устройстве канала около Белого озера, а по Вышневолоцкой системе — в устройстве на верховье Волги запасных водохранилищ, кои бы дозволили во время хода караванов от Рыбинска до Твери снабжать Волгу водою, независимо от вышневолоцких резервуаров, и затем привести в шлюзную систему реку Тверцу.

Этим улучшениям, по моему распоряжению, уже оканчиваются проекты, и на все это потребуются самые незначительные издержки в сравнении с тем, что нужно для железной дороги, между тем этим удовлетворятся все надобности торговли к С.-Петербургу и на будущее время, сколько о будущем предоставлено судить человеку, основываясь на положительных расчетах.

Таковые соображения мои касательно устройства железных дорог в России приемлю смелость всеподданнейше повергнуть на высочайшее благоусмотрение вашего императорского величества.

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями генерал-адъютант граф Толь [20].

№ 15. Отношение управляющего III отделения гр. А. Бенкендорфа к главуправляющему путей сообщения и публичными зданиями гр. Толю 8 марта 1841 г. *

М. г. граф Карл Федорович.

Государю императору благоугодно, чтобы ныне же учрежден был комитет для предварительного составления и рассмотрения проекта о железной дороге от С.-Петербурга до Москвы в отношении техническом и расчетах коммерческих, в которые должны входить все предметы торговли, перевозимые из одной столицы в другую и обратно, начиная с предметов продовольствия. Комитет сей должен быть составлен, под моим председательством, из членов: свиты его величества генерал-майора Чевкина, инженер-полковников Крафта и Мельникова, бывших в Америке, и шталмейстера графа Бобринского [21]. Его величеству благоугодно, чтобы в комитет сей были приглашены депутаты со стороны с.-петербургского и московского купечества. Для предупреждения же всяких толков и суждений действия комитета должны быть, сколько возможно, негласны. По окончании своих занятий комитет обязан будет соображения свои представить государю императору, а после его величество передает оные вашему сиятельству и министру финансов и потом в комитет министров.

Сообщая сию высочайшую волю вашему сиятельству, имею честь покорнейше просить вас дозволить г.г. Крафту и Мельникову явиться ко мне для предварительного словесного совещания.

Граф Бенкендорф.

* Главное управление путей сообщения и публ. зданий. Особ. канцел. главноуправл. 1 ст., арх. № 28. лл. 1—2.

№ 16. Донесение Николаю I комиссии [22] по устройству железной дороги между Петербургом и Москвой, 15 сентября 1841 г. *

Ваше императорское величество высочайше повелеть нам соизволили составить соображение об устроении железной дороги между С.-Петербургом и Москвою.

По значительности предприятия сего мы сочли долгом войти в самое обстоятельное рассмотрение оного, тем более, что за непроизводством еще надлежащих с'емок и изысканий, требующих много времени и издержек, представилась токмо возможность сделать соображения примерные.

Соображения эти, подносимые при сем на благоусмотрение вашего величества в 48-ми отдельных приложениях, об'емлют с возможною обстоятельностью все предметы, относящиеся до сооружения, обзаведения и движения Московской железной дороги, а сходно с сим в них исчислены: 1) расходы первоначальные, для полного устройства дороги потребные, 2) расходы ежегодные, для движения и содержания оной нужные, и 3) доход, от нее ожидаемый.

При исчислениях сих имелось постоянно в виду, что главная их цель — определить, в какой мере возведение Московской железной дороги может представиться выгодным или безвыгодным; поэтому издержки расчитаны с избытком доходы же, напротив того, исчислены с умеренностью. Впрочем везде приняты в основание или данности официальные, коль скоро представлялась возможность их собрать, или сведения, из источников уважительных почерпнутые и опытом подтвержденные.

Таким образом подносимые соображения, хотя суть примерные, могущие в частности подлежать изменениям, но в сущности и совокупности своей они могут быть признаны близкими к истине и достаточными для раз'яснения степени выгодности предприятия.

Приемлем долгом изложить здесь главные черты оных.

РАСХОДЫ ЕДИНОВРЕМЕННЫЕ

О б щ и е п о л о ж е н и я. Московскую железную дорогу предполагается устроить паровозную, а не конную, потому что возка лошадьми была бы впятеро медленнее и втрое дороже паровой, как видно из подробных расчетов, в отдельном соображении № 12 изложенных.

Путь предполагается двойной, т. е. двуходный, по причине значительности ожидаемого на нем движения, для вящей безопасности коего предназначены еще с каждой стороны, через всякие 7½ верст, раз'езды в сто сажен длины.

Дорогу полагается вести по кратчайшему направлению, минуя Новгород и Торжок, чрез что путь вместо 675 верстного протяжения по шоссе сократится до 590 верст и пересечет Валдайский хребет в месте, повидимому, более удобном, чем при шоссе.

Вместо этих 590 верст принято, однако, в расчет при исчислении строительных расходов 620 верст и таким образом прибавлено 30 верст, на извилины пути, раз'езды оного и отрасли его по станциям.

З е м л я н ы е р а б о т ы. Для определения с возможною вероподобностию земляных работ, составляющих главнейшую статью расходов по-

* На подлинном написано: «Один из деятельнейших сотрудников наших инженер-подполковник Мельников находится ныне в отсутствии по делам службы. (П р и м е ч. в п о д л и н н и к е.)

Копия. Мин-во внутренних дел. Канцелярия министра, 1841 г., арх. № 218 «Б», лл. 421—465.

строения дороги, взяты были в основание планы и нивеллировки Московского шоссе, в главном управлении путей сообщения имеющиеся. По них составлены надлежащие для железной дороги продольный и поперечный разрез, по коим исчислена, согласно урочному положению, выемка, насыпка, возка, и утрамбовка земли. В той части, где линия железного пути отклоняется от шоссе, именно на прямом протяжении от Чудова до Волочка, так как, за неимением никаких нивеллировок, нельзя было составить и примерного даже разреза, сделано по топографическим тех мест с'емкам сличение с частями Московского шоссе, наиболее по виду сходствующими, и сообразно сему выведен надлежащий по числу верст расчет.

При составлении примерного для железной дороги продольного разреза все под'емы от Москвы, т. е. с той стороны, откуда ожидается $^4/_5$ всего движения, срезаны до такой степени, что не превышают нормального восстания $^1/_{400}$, за исключением немногих в горах Валдайских точек, на коих, однако, под'ем нигде не превосходит $^1/_{100}$. Условие малых под'емов для дорог железных весьма важное, ибо машина, перевозящая по горизонтальному железному пути 10 000 пуд., может при под'еме этого пути на $^1/_{400}$ часть основания перевезти токмо 6 000 пуд., а при под'еме в $^1/_{100}$ менее 3 000 пуд. Поэтому, когда под'емы на железной дороге неизбежны, то стараются делать их сколь можно отлогими, а в этом отношении хотя покатости, допущенные на примерном разрезе Московской дороги, по сравнении со многими существующими путями сего рода, уже довольно выгодны, но нет сомнения, что при надлежащих на месте изысканиях найдется возможность обойти почти все под'емы крутые и, вообще, избрать линию еще более выгодную, чем шоссейная, определенная при условиях, гораздо менее строгих, чем для железной дороги нужно.

Таким образом сделано с возможною приблизительностью полное исчисление земляных работ всего пути по направлению в виду для него имеющемуся, и по исчислению сему причитается: 10 437 900 руб. серебром за 5 163 708 куб. сажен выемок и насыпей, для коих потребны 31 626 096 рабочих дней.

Для усмотрения, с каким избытком сделано это исчисление, достаточно сказать, что по оному количеству земляных работ, причитающееся в сложности на каждую версту, более одною т р е т ь ю,— з н а ч и т е л ь н е й ш е й ч а с т и английских дорог и слишком втрое более дорог бельгийских. Цены же оного противу сложных цен последних лет на Динабургском, Бобруйском и Нижегородском шоссе выше 63% для выемки земли, 17% для отвозки и 22% для утрамбовки, как видно из особой сравнительной ведомости, при соображении № 4 приложенной. Несмотря однако на это, прибавлено еще с общей для земляных работ суммы 10% на непредвидимые расходы.

М о с т ы и в о д о о т в о д н ы е т р у б ы. Подобно земляным работам исчислен примерный расход на мосты и водоотводные трубы; он составляет 3 467 000 руб. сер., включая один миллион рублей серебром на мосты: Волховский, Мстинский и Волгский. Мосты предположены на каменных устоях деревянные; впрочем цены столь избыточны, что по ним значительная часть может быть возведена и каменная. Трубы водоотводные положены все каменные и размеров больших, чем на шоссе. Поверх земляного полотна назначена насыпь в три фута вышины из щебня или иного материала, удобно пропускающего воду и могущего чрез то предохранить путь от порчи, влаги и мороза. На большей части иностранных дорог железных и даже в Северной Америке, где стужа не менее нашей, щебенный слой насыпан токмо около двух

фут или менее; на Московской же путь положено для вящей полноты и прочности три фута и на это исчислено 3 624 300 руб. сер.

Верхнее устроение. На верхний насыпной слой установлены будут дорожные шины на досчатых лежнях и деревянных поперечинах, к коим они прикрепятся чугунными подушками и железными костылями по одному из способов, признаваемых ныне наиболее удобными. Расход на эту статью исчислен в 9 046 900 руб. сер., в том числе 6 867 500 руб. за 4 807 000 пуд. железных дорожных шин, полагая их по 5 руб. ассигнациями пуд, т. е. слишком в полтора раза дороже, чем можно получить их ныне из Англии. Это допущено с тою главнейшею целью, чтобы преподать нашим горным заводчикам средство к поставке возможно большего количества рельсов; впрочем заметить должно, что при слишком высокой для рельсов доброте и цене нашего уральского железа, при неимении у нас еще вовсе надлежащих для приготовления их устройства и по самому даже свойству поставки, требующей большой поспешности и особых усилий на немногие лишь годы, нельзя полагать, чтобы мы могли обойтись без железа иностранного, тем более, что общее количество этого металла, для Московского пути требующееся, равняется почти полной годичной производимости оного во всей империи, и потребование столь огромного количества в течение немногих лет неминуемо бы возвысило в весьма значительной мере цену железа к ощутительному ущербу всей прочей промышленности народной; между тем, как самые заводчики горные извлекли бы из этого лишь соразмерно малую пользу по причине экстренности поставки.

Здания. На здания, для станций, для надзора, для управления и для прочих потребностей железной дороги нужные и предполагаемые главнейшие деревянные, но прочной на каменном фундаменте постройки, исчислено по расчету вообще избыточному и по сему достаточному во многих случаях для зданий каменных — 2 915 200 руб. сер., в том числе на две столичные станции 1 милл. руб. сер., на дом главного управления 150 т. руб. сер., на особое в С.-Петербурге механическое заведение для постройки паровозов и прочих до движения по железной дороге принадлежностей 300 т. руб. серебром, на два других заведения в Москве и Волочке для починки паровозов и вагонов по 100 т. руб. сер., на 4 товарных, 12 пассажирских и 39 водяных станций, на 79 рабочих казарм и 264 караульных изб 1 265 200 руб. сер.

Паровозы. Число паровозов расчитано сообразно предполагаемому движению пассажиров и товаров и соразмерно принятому для московского железного пути нормальному восстанию $^1/_{400}$. К этому числу, для вящей полноты и на случай неравномерного прихода к дороге товаров, прибавлено на каждые сто действующих машин по 59 запасных, прибавлено еще надлежащее число машин для пособия при подъемах круче чем $^1/_{400}$ и для очистки снега и, таким образом, получено общее число 362 паровозов, для коих назначено 3 984 900 руб. сер.

Экипажи и вагоны. Пассажирские экипажи и товарные вагоны исчислены с большим еще избытком: на первые назначено запаса 100%, а на последние — почти 200% против предположенного числа пассажиров и количества груза. Это допущено, как для полноты исчисления, так и на случай неравномерного прибытия к дороге пассажиров и груза. Экипажи предположены восьмиколесные, представляющие более вместимости и безопасности; на приобретение их и 9 100 вагонов исчислено всего 3 827 100 руб. сер.

Разные другие расходы. Сверх означенных главных издержек, исчислены еще подробно в отдельных статьях надлежащие расходы: на технические изыскания, на приобретение земли, на очистку

оной от леса и пней, на устройство переездов чрез железную дорогу или под оную, на засев откосов, насыпей и выемок, на устройство вдоль пути заборов и на управление во время постройки пути. На все эти статьи положено 2 112 200 руб. сер., и таким образом весь единовременный расход на сооружение и обзаведение Московской железной дороги сочтен в 39 114 500 руб. серебром.

Проценты во время постройки. Но к сумме сей представилось справедливым причислить и проценты, причитающиеся на оную за то время, в продолжение коего каниталы будут оставаться в оборотах строительных, а равно и те расходы, которые в случае возведения дороги частными лицами причтется уплатить за банкирскую комиссию. При невозможности определить с точностью эти статьи осталось ограничиться примерным положением 10 процентов со всего исчисленного на устроение и обзаведение дороги капитала. Положение это по сравнению с некоторыми иностранными дорогами, именно венскими, на несколько сот верст уже построенными и строящимися, можно считать достаточным; там уплата акционерам процентов на внесенные ими деньги обошлась за все время построения от 3 до 7½, следовательно в сложности 5½ процентов полного израсходованного капитала; если прибавить к сему 1½% на комиссию, то и тут оказывается, что исчисленные 10% можно, по всему вероятию, считать достаточными, коль скоро сроки денежных взносов будут надлежаще соображены с выгоднейшим распределением и ходом работ. Впрочем в дополнение к исчисленным выше 10% должно принять еще в расчет доход с тех участков железной дороги, которые будут открыты до полного окончания всего пути.

Общая сумма единовременных расходов. Таким образом, общая сумма, на полное содержание и обзаведение Московской железной дороги нужная, может простираться, со включением комиссии и процентов на потребные капиталы, до 43 026 000 руб. сер., что составляет на каждую из 600 верст протяжения, между столицами предполагаемого, 71 666 руб. сер.

Исчисление это, основанное на возможно обстоятельных и избыточных расчетах, может быть признано в общем виде своем сполна достаточным, как удостоверяет пример нескольких тысяч верст, построенных уже в Англии, Бельгии и Германии дорог железных, по коим верста обошлась в сложности около 61½ тыс. руб. сер., т. е. слишком на 16% дешевле, чем исчислено для Московской дороги.

РАСХОДЫ ЕЖЕГОДНЫЕ

Общие положения. Подобно расходам единовременным, исчислены с возможною достоверностью и полнотою расходы ежегодные. Для них взяты в сравнение примеры многих действующих дорог и приняты в основание следующие положения.

Число пассажиров ограничено 270 т., но на случай неравномерности прибытия их расчет сделан достаточный и для 300 т. пассажиров.

Количество товаров, включая в то число и рогатый скот, принято сообразно торговым соображениям в 25 милл. руб., из коих 21 милл. от Москвы до С.-Петербурга, а 4 милл. от С. Петербурга в Москву и небольшою частью в Тверь.

Распределение этого груза, по времени прибытия его к дороге, предположено не равномерное, так что вместо общей для московской клади месячной сложности 1 750 000 пуд. взято 2 800 000 пуд. Число рабочих дней в году положено токмо 350; прочие же 15 дней оставлены в запасе на случай остановок, хотя впрочем расход исчислен на полный год.

Груз клади, поднимаемый каждым паровозом, допущен лишь в 5 640 пуд., а там, где под'емы круче 1/400, положены еще для всех полных поездов вспомогательные машины; между тем, машины американские, образец коих имеется в виду для товарной возки на дороге Московской, поднимают уже, судя по новейшим сведениям, до 10 т. пуд., при условиях, одинаковых с теми, кои нами приняты.

Скорость езды определена для пассажиров 35 верст, а для товаров 15 верст в час.

Топливо. Для топлива предположены дрова, как собственное нашего края произведение, в пособие коему может впрочем служить при необходимости и каменный уголь иностранный, при дешевизне его в С.-Петербурге и удобстве доставлять оный по всему железному пути, на коем 3/4 вагонов должны возвращаться отсюда порожними в Москву. Топливо положено количеством почти на 15% более, чем на Царскосельской дороге, а ценою около 10% выше с.-петербургских, между тем большая половина пути Московского пролегать будет через лесистые места Новгородской и Тверской губерний, где дрова втрое дешевле здешнего и могут быть доставляемы до самой Москвы почти без расхода на обратных вагонах. При столь широких положениях статья эта, главнейшая из расходных статей годичных, исчислена в 565 700 руб. сер.

Содержание паровозов. При исчислении годичного на починку паровозов расхода взята с избытком сложность многих дорог Америки и Англии и дороги Царскосельской, и, сверх того, прибавлено 10% стоимости самого паровоза, на возобновление его. Между тем предназначенное учреждение механических заведений даст средства к значительным сбережениям по сей важной статье, исчисленной в 447 900 руб. сер. в год.

Сверх починки паровозов, исчислено еще для них, сообразно опыту английских, американских и Царскосельской дорог, на снабжение водою, мазью, инструментами и другими мелкими принадлежностями 56 600 руб. сер.

Машинисты. Машинистов и кочегаров или помощников их положено 724, по числу паровозов, и им определено содержание в полтора раза более производимого ныне иностранцам на Царскосельской дороге; но и эта существенная статья, составляющая в год 382 700 руб. сер., может быть значительно сокращена, когда приготовятся исподволь к сим должностям русские, для чего особенно полезны могли бы быть горные кантонисты или заводские мастеровые.

Содержание экипажей и вагонов. Для починки и возобновления экипажей и вагонов положено, согласно примеру многих дорог, особенно американских, по 3 1/2 процента в год с начальной цены, при следовании порожнем, и по 20% при следовании с полным грузом; поэтому пришлось в год 216 900 руб. сер., а с присовокуплением полагаемых на мазь и мелкие потребности 177 200 руб. сер., всего исчислено годичного расхода на экипажи и вагоны 394 100 руб. сер.

Кондукторы при поездах. Кондукторов и их помощников при поездах пассажирских и товарных положено 696, так что по числу 8 904 поездов, в году быть имеющих, и считая по 4 человека на каждый поезд, вся сложность работы их в течение целого года будет токмо от 104 до 120 суток. Оклады же им назначены сообразно Царскосельской дороге от 500 до 1 600 руб. ассигнациями в год, так что на эту статью исчислено всего расхода годового 130 300 руб. сер.

Грузка товарных вагонов. Сверх людей, назначенных предпочтительно для сопровождения поездов пассажирских и товарных,

положено еще особою статьею на выгрузку и нагрузку вагонов товарных, при пособии под'емных кранов и других вспомогательных устройств, 120 000 руб. сер. в год.

Содержание пути. Расход на материалы для ремонта железного пути исчислен, сообразно опыту других дорог, и на полное протяжение 620 верст в 194 700 руб. сер. ежегодно.

Кроме сего на досыпку земляного полотна и содержание засевов по откосам оного исчислено 110 т. руб. сер. также ежегодно, хотя расход этот по роду своему должен потребоваться не долее первых десяти лет.

На содержание переездов, мостов, водоотводных труб, поворотных кругов и кюветов на очистку снега (кроме особо положенных паровозов), на поземельную плату, на содержание, страхование, отопление и освещение зданий и на разные мелочные расходы исчислено отдельными статьями, надлежаще раз'ясненными, 254 700 руб. сер. в год.

Рабочие и сторожа. Независимо от работ, исчисленных выше, положено иметь для сооружения пути и станций, для караула оного и для сигналов по всей дороге 2 320 человек с окладами, равными производимым на Царскосельской дороге, где содержание по близости столицы гораздо дороже, чем на московском пути. На эту статью исчислено в год 241 900 руб. сер.

Управление. Наконец, на управление, как частное, так и общее, и на непредвидимые расходы положено 250 500 руб. сер., и, таким образом, полная сумма, на годичное содержание, возобновление и движение Московской железной дороги потребная, простирается до 3 150 000 руб. сер.

Совокупность расходов ежегодных. Сумма сия составит в сложности на каждую из 600 верст московского пути 5 260 руб. сер., т. е. 13% более, чем действительно израсходовано в минувшем году на Царскосельской железной дороге, коей положение гораздо невыгоднее, по соседству и дороговизне столицы, по краткости протяжения, при коем все вообще расходы падают на 25½ верст и, наконец, по причине возки одних токмо пассажиров.

Если же вместо общего поверстного сличения сравнить расходы, причитающиеся на каждую версту, пройденную всяким поездом, то оказывается, что на каждую версту всякого поезда Московской дороги причитается по допущенному для годичных расходов той дороги исчислению 59 коп. сер.; по последним же отчетам нижеследующих более пространных дорог заграничных причитается: на бельгийских — 66 коп., на дрезденских — 61 коп., на северной венской 50 коп., в сложности же 59 коп., как и на Московской. Но должно заметить, что на путях, в пример приведенных, перевозятся поныне предпочтительно пассажиры, коих возка дороже товарной, и что на дрезденской и венской дорогах топливо по чрезмерной дороговизне его поглощает 40% всех расходов, тогда как на московском пути статья эта, при всей избыточности расчисления ее, составляет едва 18%.

Выводы эти приводят к тому заключению, что исчисления, для ежегодных расходов московского железного пути принятые, представляются, особенно в их совокупности, весьма достаточными.

ДОХОДЫ

Общие положения. Исчисление доходов Московской железной дороги представило для вывода определительного более еще трудностей, чем расходы. Оно однако до возможности основано на данностях официальных и предпочтительно главного управления путей сообще-

ния; только при неимении сих данностей прибегнуто к соображениям частным и сведениям торговли.

Доход расчитан: 1) с проезжих, коих предположено от одной столицы до другой в один путь 270 т.; 2) со скота, коего предположено от Москвы до С.-Петербурга 80 т. голов, весом до 2 милл. пуд., и 3) с товаров, коих предположено: от Москвы и частию от Твери до С.-Петербурга 18½ милл. пуд., а от С.-Петербурга до Москвы и малою частию до Твери 4 милл. пуд., вообще 22½ милл. пуд.

Цены положены: 1) с проезжих: первого разряда 15 руб. сер., второго разряда 10 руб. и третьего разряда 3 руб. сер. за полное от одной столицы до другой расстояние; 2) скота по 5 руб. сер. с каждой головы или около 20 коп. сер. с пуда за полное же от Москвы до С.-Петербурга расстояние и 3) с товаров: первого разряда по 16 коп. сер. с пуда между столицами или по 14 коп. с пуда между С.-Петербургом и Тверью, а второго разряда по 12 коп. между столицами или по 10 коп. от Твери до С.-Петербурга.

Таким образом, общий годовой доход предположен в следующем виде:

От С.-Петербурга до Москвы или обратно	проезжих первого разряда 50 т. по 15 руб. сер. с каждого	750 000 р.
	проезжих второго разряда 100 т. по 10 руб. сер. с каждого	1 000 000 р.
	проезжих третьего разряда 120 т. по 3 руб.	360 000 р.
От Москвы до С.-Петербурга	скота 80 т. голов по 5 руб. серебром каждая, весом всего до 2 милл. пуд. по 20 коп. серебром	400 000 р.
От С.-Петербурга до Твери	товаров первого разряда 1 милл. пудов по 14 коп. сер.	140 000 р.
От С.-Петербурга до Москвы	товаров первого разряда 3 милл. пуд. по 16 к. сер.	480 000 р.
От Москвы до С.-Петербурга	товаров первого разряда 9½ милл. пуд. по 16 коп. сер.	1 520 000 р.
	товаров второго разряда 5 милл. пуд. по 12 к. сер.	600 000 р.
От Твери до С.-Петербурга	товаров первого разряда 2 милл. пуд. по 14 к. сер.	280 000 р.
	товаров второго разряда 2 милл. пуд. по 10 к. сер.	200 000 р.
	Итого	5 730 000 р. с.

Исчисление это основано на нижеизложенных основаниях.

Проезжие. Число проезжающих, за неимением вовсе официальных о нынешнем их движении данностей, определено по следующим соображениям. По отчетам шоссейного на Московской дороге сбора за 1839 и 1840 годы проехало в год лошадей почтовых и дилижансовых, платящих и неплатящих, 52 348; полагая кругом по одному человеку на лошадь, это составит более 50 т. проезжих почтовых и дилижансовых; принимая же, что движение от учреждения Московской дороги увеличится не в шесть или семь раз, как было на большей части прочих железных дорог, а токмо в три раза, получится свыше 150 т. пассажиров, из коих положено 50 т. в первый разряд с платою 15 руб. сер. и 100 т. во второй разряд с платою 10 руб. сер., т. е. по ценам в половину или одною третью дешевейшим нынешних почтовых и дилижансовых переездов. Но, кроме пассажиров почтовых и дилижансовых, имеются проезжие на ямских и при обозах, да, сверх того, значительное число простолюдин, приходит пешком в С.-Петербург весною для заработок и возвращается в свои селения в начале зимы. Подобных ра-

бочих приходит ежегодно в С.-Петербург, по донесению обер-полицеймиейстера, около 70 т. человек, и по сему представилось возможным предположить, что всех этих людей обратиться на железную дорогу до 60 т. в год, так что, считая ход в оба пути, получится даже без увеличения движения 120 т. проезжих третьего разряда, с коих плата предполагается токмо по 3 руб. сер. за суточный переезд из одной столицы в другую, т. е. за перевозку чрез такое протяжение, для коего пешие должны употребить до трех недель и в это время, кроме потери времени и заработка, должны издержать на пищу и ночлег не менее полагаемых за провоз трех рублей.

По сим уважениям принятое для Московского железного пути число 270 т. проезжих нельзя не признать умеренным, и умеренность эта еще более явствует, если взять во внимание: 1) что везде, где был учрежден дешевый по железным дорогам провоз, число пассажиров увеличивалось вшестеро, всемеро, местами вдесятеро и даже более; 2) что у нас в одних столицах народонаселение до 850 т. душ; движение же по железным дорогам между значительными городами досель большею частью равнялось их народонаселению, если не превосходило оное; 3) что расположение Московской железной дороги между двумя многолюдными столицами представляет в этом отношении особо выгодное условие, на ней самый даже проезд с промежуточных мест не столь мало уважителен, как бы с первого взгляда казаться могло, ибо дорога пересечет несколько раз главный из водяных путей столицы и пролегать будет чрез уезды довольно населенные, где, за исключением столичных уездов, числится жителей обоего пола до 700 т. душ; 4) наконец, что чрез Москву лежит дорога к С.-Петербургу для 40 слишком милл. русских подданных; в какой же степени значительны сношения обеих столиц с внутренностию государства, показывают, между прочим, отчеты почтового ведомства. По ним видно, что в 1839 г. из общего числа 7 086 000 писем частных, отправленных через почтовые конторы всей империи, было по одним губерниям С.-Петербургской и Московской 1 982 000, т. е. 28%; посылок же частных из 219 500 были по столичным губерниям 95 500, т. е. 44%. Следовательно, одна треть всего почтового движения частных сношений целой империи сосредоточена в столичных губерниях. О казенных пакетах здесь не упоминается, ибо естественно, что там, где средоточие правительства, сношения должны быть самые деятельные.

Провоз скота. Крупного рогатого скота пригоняется ежегодно в С.-Петербург, как видно из отчета обер-полицеймейстера, свыше 125 т. голов и в том числе около 90 т. быков, так называемых черкасских, т. е. из южной России. Скот этот, по мере поступления его на с.-петербургский скотопригонный двор, два раза в неделю продается в тот же день мясникам и обращается немедля на продовольствие; поэтому в пригоне его весьма важна точность и постепенность, соразмерная действительной потребности и возможному оного потреблению; но, напротив того, пригон до крайности различествует по временам года, как видно из ведомости за 1840 г. здешнего скотопригонного двора, на коем поступило в марте месяце лишь 1 117 быков, а в сентябре 23 300, да, сверх того, еще 1 070 баранов, в пять же месяцев с июня по ноябрь поступило 83 076 быков и 28 920 баранов, а в остальные семь месяцев 28 922 быка и 1 213 баранов. Столь чрезмерная разница ясно показывает, что, кроме постов и соленого и мерзлого мяс, имеет весьма значительное влияние на пригон и потребление в столице скота неудобство и дороговизна прогона его в течение семи месяцев в году. Это явствует также из об'яснений некоторых из главных здешних ско-

топромышленников, по коим оказывается: 1) что самая дешевая летняя доставка в С.-Петербург скота обходится от Москвы, включая путевую утрату веса, не менее 18 руб.; зимою же и осенью иногда вчетверо дороже; 2) что при удешевлении зимнего пригона скота потребление оного должно возвыситься в мере, более соответственной потреблению летнему; 3) что если на московском пути установится привоз скота по железной дороге, то путь этот по своей определительности и быстроте представит гуртовщикам во всякое время уважительное удобство, а в течение почти двух третей года, где нет достаточного на полном пути корма подножного, представит он им сбережение в расходах, иногда весьма значительное; 4) что поэтому гурты черкасского скота, обращаемые ныне мимо Москвы во избежание излишнего накопления на Московскую скотопригонную дорогу, или для обращения их на винокурные Западных и Остзейских губерний, найдут более удобства воспользоваться железным путем в Твери и Москве, прокармливая скот на близших винокурнях или пастбищах в Верхней Волги и Оки; 5) что с открытием привоза скота по Московской железной дороге откроется удобство учредить вновь или усилить пригон оного с таких мест, откуда доставка в С.-Петербург была досель невыгодна, напр. из Астраханской и Оренбургской губерний; 6) что перевозка по железной дороге в течение двух с половиной или трех дней скота нашего, даже и степного, не может представить особых неудобств ни в отношении корма, для коего можно всегда иметь сено или даже овес, ни в отношении дикости его, ибо он большею частью езжалый и вообще ручной; и 7) наконец, что, кроме 140 т. быков, пригоняется еще в С.-Петербург ежегодно до 15 т. коров, до 30 т. баранов да несколько тысяч лошадей, идущих главнейше Московским трактом и коих доставка по железному пути за умеренную плату будет во многих отношениях выгодна хозяевам.

Соображения эти показывают, что предположение, что на Московской железной дороге будет провозимо ежегодно до 80 т. голов разного крупного скота по средней цене 5 руб. сер. может быть признано умеренным и правдоподобным. Самая умеренность провозной платы этой выказывается еще из сличения цен на говядину о обеих столицах: по именному указу, последовавшему в сем году на имя военного министра, цены на 1841 г. назначены за пуд мяса в С.-Петербурге — 2 р. 36 коп. сер., а в Москве — 1 руб. 73 коп. — разница 63 коп. сер. на пуд, что составило бы на каждую скотину, полагая в ней по сложности токмо 14 пуд., 8 руб. 82 коп. сер.; провозная же плата полагается лишь в пять рублей.

Провоз товаров. Главная часть доходов Московской железной дороги предполагается от возки товаров. Из числа таковых товаров, в С.-Петербург прибывающих или из оного отпускаемых, могут иметь отношение к железной дороге Московской те, кои отправляются: 1) по Московскому шоссе, 2) по Тихвинскому водяному пути из С.-Петербурга на Волгу, 3) с пристаней Гжатских и Верхневолгских в С.-Петербург, 4) с Средней Волги, т. е. с пристаней, между Тверью и Рыбинском лежащих, 5) с Рыбинска и низовых мест, 6) с Оки и впадающих в нее рек Цны и Мокши и 7) с Тверцы, Мсты, Ловати и верхней части Волхова. Взгляд на прилагаемую карту всем этим сообщениям укажет ближе соотношения их к Московскому железному пути. Рассмотрим в отдельности каждую из сих статей.

Гужевая по шоссе перевозка. По официальному отчету о денежном на Московском шоссе сборе за минувший 1840 г. значится, что

лошадей собственно обозных * проехало в том году 445 121 и за них поступило сбору 117 189¼ руб. сер., в том числе 49 т. руб. с небольшим в зимние месяцы и 68 т. руб. в летние, но как сбор установлен зимою по 2, а летом по 4 коп. ассигнациями с лошади за каждые десять верст, то вся поступившая сумма соответствует проезду 216 т. лошадей на полное от одной столицы до другой протяжение. Если взять в расчет, что на Московском шоссе сложный груз, возимый обозною лошадью, принимается обыкновенно в 35 пуд., то исчисленные выше 216 т. лошадей представят совокупную кладь в 7 560 т. пуд., за которые ныне платится свыше 30 коп. сер. с пуда за 16-дневную доставку и вдвое более за десятидневную перевозку. На железной же Московской дороге высшая провозная цена товарам полагается лишь 16 коп. сер. с пуда за доставку от одной столицы до другой в три дни. При столь значительной выгоде во времени и в цене можно бы с достаточным правдоподобием считать, что вся нынешняя по шоссе гужевая перевозка обратится на железную дорогу, однако для большей умеренности принято токмо 6 милл. пуд.

Провоз из С.-Петербурга на Волгу. В течение лета отправляется ныне из С.-Петербурга Тихвинскою водяною системою на Волгу, особенно для Нижегородской ярмарки, разных товаров до миллиона пуд. в год, ценою от 12 до 15 милл. руб. ассигнациями, и за доставку этой клади до Нижнего платят ныне, как видно из последних (за 1838 и 39 годы) официальных видов внутреннего судоходства, от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 50 коп., следовательно в сложности 1 руб. 65 коп. ассигнациями за пуд. По железной дороге полагается взимать за доставку товарную от С.-Петербурга до Твери по 14 коп. сер., или 49 коп. ассигнациями с пуда, а на дальнейшую вниз по Волге доставку до Нижнего нужно с небольшим 30 коп., так что сбережется с пуда почти рубль ассигнациями, независимо от значительного выиграния во времени. Поэтому можно было допустить с полною вероятностию, что миллион пуд. ценных товаров, ныне отправляемых из С.-Петербурга на Волгу водою, обратится до Твери или Шоши по железной дороге.

Провоз с Верхневолгских пристаней. Третья статья о товарах, ныне с верховья Волги отправляемых, заслуживает особое внимание. Тут, как и во всех вообще соображениях о водяных провозках, приняты главнейше в основание последние изданные главным управлением путей сообщения за 1838 и 1839 годы виды внутреннего судоходства, но как в издании этом, составляющем впрочем лучший для подобных соображений источник, возникает иногда сомнение, что в число общего груза, показанного отправленным с какой-либо пристани, вошел немалою частию и проходной чрез эту пристань товар, лишь случайно или временно на оной остановившийся, то для большей достоверности в расчетах составлены особые ведомости об отправленных с каждой судоходной дистанции товарах, за из'ятием тех, которые можно было предполагать проходными, и для сего из показанного по видам судоходства отпуска везде вычитаемо было все то количество однородных предметов, которое значилось в привозе по той же дистанции.

Товаров отправлено с Гжатских и Верхневолгских пристаней по сложности последних двух лет и почти все в С.-Петербург свыше 7 милл. пуд. в год ценою на 36½ милл. руб. ассигнациями. Товары эти состоят

---

* Т. е. независимо от дилижансовых, почтовых, неупряжных и всех не уплативших на заставах шоссейных по причине следования по казенной надобности или взятия пропускных ярлыков в столицах. (Примеч. в подлиннике).

частью из хлебных и других жизненных избытков ближайших уездов Тверской и Смоленской губерний всего миллиона на два рублей, а затем предпочтительно из пеньки, сала, масла и разных других ценных произведений, привозимых гужем зимою на Гжатскую и более еще на Зубцовскую пристань с таких главнейше мест губерний: Орловской, Курской, Тульской и соседственных, откуда по открытии железной дороги доставка может скорее и сходнее совершиться в Москву, особенно водою по Оке и Москве реке. Ныне сухопутная, с тех губерний доставка до Верхневолгских пристаней стоит в сложности с пуда не менее 80 коп. (из Курска до 1 руб. 20 коп.) ассигнациями; средняя цена водяной доставки от Верхней Волги до С.-Петербурга показана 37 коп., следовательно в совокупности доставку до С.-Петербурга можно считать теперь в 1 руб. 17 коп., но с верховья Оки цена водяной доставки пуда до Москвы значится от 14 до 40 коп.; в сложности же около 27 коп., присовокупя к этому высшую провозную по железной дороге плату 16 коп. сер. или 56 коп. ассигнациями за пуд, то до С.-Петербурга всего обойдется с пуда по 83 коп. ассигнациями, т. е. дешевле на 29%. Буде же предположить отправку с места гужем в Москву, то, полагая оную в сложности по 60 коп. с пуда (что при удобстве получить в Москве обратную кладь можно считать ценою достаточною), вся перевозка обойдется хотя и мало ниже нынешних чрез Гжать цен, но за то доставится гораздо вернее и поспешнее, что для этого рода товаров, к заграничному отпуску главнейше предназначаемых, существеннее еще небольшого сбережения на провозные платы, тем более, что чрез раннюю к С.-Петербургскому порту доставку может представиться для них значительнейшее сбережение в морском фрахте и застраховании. По сим уважениям оказалось возможным допустить с достаточною вероятностью, что из числа семи милл. пуд. ценою на 36½ милл. руб., отправляемых ежегодно в С.-Петербург с Гжатской и Верхневолгских пристаней, обратится до 4 миллионов пуд. наиболее ценных товаров на Московскую железную дорогу.

Провоз с Средней Волги. Товаров, отправляемых в С.-Петербург с пристаней, лежащих на Средней Волге от Рыбинска до Твери, было в год, по сложности последних двух лет 1838 и 1839, около 4½ милл. пуд. ценою на 15 милл. руб.; товары эти состоят значительною частью из сала, крупчатки, разных круп, семени, полотен и других ценных произведений, кои могут с большею выгодою быть обращены в Твери или Шоше на железную дорогу. Этим путем они выиграют значительно во времени и безопасности, без ощутительного возвышения цены провозной, ибо от Шоши и Твери до С.-Петербурга плата по железной дороге полагается с пуда: первого разряда по 14 коп., а второго разряда по 10 токмо коп. сер.; до Шоши же доставка обойдется около 8 коп. ассигнациями. Между тем из видов внутреннего судоходства последних лет усматривается, что водяная доставка в С.-Петербург с пристаней, от Рыбинска до Твери лежащих, обошлась по 40 коп. ассигнациями, а при экстренных отправлениях до 80 коп. и даже до 1 руб. 50 коп. Поэтому положить можно было с достаточным правдоподобием, что из помянутых 4½ милл. пуд., на 15 милл. руб. отправляемых ныне ежегодно с пристаней, лежащих между Рыбинском и Тверью, обратится на железный путь в сем последнем городе или в Шоше, до 2 милл. пуд. товаров более ценных, для коих провоз по всему пути будет частью дешевле и, во всяком случае, гораздо быстрее, вернее и удобнее.

Провоз с Оки, Цны и Мсты. С Верхней Оки, от Орла до Рязани, отправляется в год свыше 12 милл. пуд., на 18 милл. руб., из коих

менее двух третей идет в Москву, а прочее к Нижнему и далее на Рыбинск. Цены провозные с этой части Оки до Нижнего были от 24 до 45 коп., в сложности 34½, да от Нижнего до С.-Петербурга не менее 60 коп., всего 94½ к. ассигнациями с пуда. Сложная цена из Орла, Калуги, Рязани с промежуточных пристаней до Москвы менее 24 коп., к коим, если присовокупить высшую даже плату железной дороги 56 коп. ассигнациями, составится всего до С.-Петербурга 80 коп. с пуда, т. е. слишком 15% дешевле нынешнего. Расстояние раздельной точки сих двух путей от гор. Коломны составляет до С.-Петербурга водою чрез Рыбинск и Тверь 2 600 верст, а по Москве реке и по железной дороге с небольшим 760; первый путь требует четыре месяца, последний потребует неделю. Те же самые соображения имеют полное применение и к товарам мокшанским и моршанским; их бывает в год около 15 милл. пуд. на 23 милл. руб., из коих малая лишь часть (по видам судоходства за 1838 г.— на 8 000, а за 1839 г.— на 227 000 руб. ассигнациями) идет в Москву, а прочее обращается на Волгу к Рыбинскому. От впадения Цны в Оку расстояние до С.-Петербурга водою чрез Нижний и Тверь около 2 300 верст, а по Оке, Москве и железной дороге с небольшим 1 060 верст. Цены провозные значатся от Мокшанска до Рыбинска 42 к., да оттоль до С.-Петербурга 40 к., всего 82 коп. ассигнациями с пуда; до Москвы же от Мокшанска цена показана от 5 до 34 коп., в сложности 29½, да прибавя среднюю по железной дороге плату 49 коп., выйдет всего 78½ коп., т. е. 6% дешевле нынешнего, кроме значительного выигрыша во времени. Все это показывает, что за надлежащим снабжением Москвы идет с Оки и Цны на Волгу почти 20 милл. пуд. на сумму около 30 милл. рублей, что для следования этого груза нынешний водяной путь чрез Нижний и Тверь, протяжением с лишком в 2½ раза длиннее, времени требует вдесятеро более, а ценою от 6 до 15% дороже; поэтому можно было предположить без преувеличения, что из помянутых выше 20 милл. пуд., идущих ныне с Оки и Цны на Рыбинск, обратится в Москву на железный путь до 6 млн. пуд. товаров более ценных.

Провоз с Нижней Волги. От Нижнего-Новгорода или, точнее сказать, чрез Нижний значится (по сложности 1838 и 1839 годов) отправляемых ежегодно товаров на 4 800 судах, ценою свыше 70 милл. руб., из коих токмо на 6 милл. руб. обращается в Москву; остальное количество идет главнейше в С.-Петербург чрез Рыбинск. Расстояние от Нижнего до С.-Петербурга водою чрез Рыбинск и Тверь более 1 900 верст, а по Оке, Москве и железной дороге токмо 1 430 верст. Привоз по первому пути требует до 3½ месяцев, а по второму потребуется около одного месяца. Цены от Нижнего чрез Рыбинск в С.-Петербург — низшие 60 коп. ассигнациями, но при срочных доставках до 90 и 1 руб. 20 коп. с пуда. Цены из Нижнего в Москву бывают от 29 до 32, в сложности 30½ коп.; присовокупя же среднюю по железной дороге плату 49 коп., будет всего 79½ коп. Но когда предназначенное улучшение судоходства на Москве реке придет в действие, то плата эта уменьшится, по крайней мере, до 70 коп., и тогда уже много товаров ценных и биржевых найдут, конечно, выгоду обратиться к ближайшему через Москву пути. Подобным образом для всех ценных и срочных товаров, идущих из Рыбинска и с пристаней, между Нижним и Рыбинском лежащих и с коих отправляется в год более 1 милл. пуд., слишним на 7 милл. руб., может представиться выгода в отправлении чрез Шошу или Тверь по железной дороге. Протяжение от Твери до С.-Петербурга водою 1 060 верст, а по железной дороге менее 450; первый путь требует около шести недель, последний же — три дня. Цена от Ры-

бинской пристани до Шоши около 11 коп. (в 17 дней), а присовокупя среднюю предполагаемую на железной дороге плату 42 коп. ассигнациями, будет всего 53 коп. за доставку одного пуда из Рыбинска до С.-Петербурга в 20 дней: сложные же цены последних лет значатся за перевозку из Рыбинска в С.-Петербург по Вышневолоцкой системе (в 2 месяца) 40¾ коп., по Мариинской системе (в 2 месяца) 42½ коп., по Тихвинской системе (в один месяц) 69 коп. ассигнациями с пуда. Средняя цена этих трех путей составляет 51 коп. ассигнациями, т. е. почти равняется цене провоза по железному пути. Если засим вспомнить, что ежедневно из Рыбинска отправляется на север товаров до 37 милл. пуд., на 93 милл. руб., из коих более двух третей приходит в С.-Петербург, то можно без преувеличения допустить, что из этого последнего количества, т. е. из 25 милл. пуд., обратится на Московскую железную дорогу, кроме отчисленных выше с Оки 6 милл., еще 3½ милл. пуд. товаров срочных и ценных, которые пойдут либо из Нижнего в Москву, либо из Рыбинска в Шошу или Тверь.

Количество товаров, отделяемых от водных путей. Таким образом общее количество товаров, кои могут с выгодою отделиться с водяных путей для следования в С.-Петербург по железной дороге, есть следующее:

Из 7 милл. пуд. на 36½ милл. руб. нынешних Гжатских караванов	4	милл.	пудов
Из 4½ милл. пуд. на 15 милл руб., отправляемых ныне с пристаней, выше Рыбинска до Твери лежащих	2	»	»
Из 20 милл. пуд. на 30 милл. рублей, идущих ныне с Оки и Цны чрез Нижний	6	»	»
Из 9 милл. пуд. ценою около 55 милл. руб., проходящих ныне чрез Нижний и Рыбинск в С.-Петербург	3½	»	»
Итого	15½	милл.	пудов

Провоз с Тверцы, Мсты и части Волхова. Кроме сего, могут обратиться с выгодою на железную дорогу многие товары, отправляемые по судоходным дистанциям, лежащим между Тверью и Сосницкою близь Чудова пристанью, которые во многих местах подходят и даже пересекают железную дорогу. На этих дистанциях и на смежной с ними дистанции Холмской, за озером Ильменем лежащей, отправляется ежегодно свыше 9 милл. пуд., ценою до 20 милл. руб. В какой же мере может быть им выгодно предпочесть железную дорогу водяному пути, показывают следующие данности: до С.-Петербурга расстояние по железной пути от Твери 437 верст вместо 1 060 верст водяного пути; от Волочка оно составляет 324 версты вместо 890; от пересечения Мсты повыше Устволенской пристани 176 верст вместо 490; от Соснинской пристани в 50 верстах ниже Новгорода 118 верст вместо 292; цены же за водяную доставку с этих дистанций до С.-Петербурга значатся в сложности около 27 коп. ассигнациями с пуда, что по соразмерности расстояния превышает плату, для железной дороги предполагаемую, составляющую менее одной копейки меди на каждые 10 верст. Статья эта однако при исчислении дохода с провоза товаров вовсе в расчет не принята.

Второстепенные статьи дохода. Подобным образом не включены в исчисленном выше доходе и некоторые второстепенные статьи, как-то: за провоз экипажей путешественников, за излишнюю против установленной меры поклажу их, за перевозку небольших посылок и мелкой спешной клади. Статьи эти могут со временем быть весьма уважительными и на некоторых дорогах они составляют уже до 10% всего дохода, требуя между тем лишь самого малого дополнитель-

ного расхода. Наконец, заметить еще должно, что при исчислении расходов товар полагался идущим не от Твери, как считано в доходе, а от самой Москвы; вес же скота принят был для расхода в 2½ милл. пуд., а при доходе токмо в 2 милл. Все это показывает, с какою вообще умеренностью исчислен доход и с каким избытком допущен расход.

Рассмотрев в отдельности каждую из статей дохода Московской железной дороги, обязываемся присовокупить, что вышеизложенные соображения представляются не в виде безусловном, но токмо как правдоподобные выводы, основанные на тех данностях официальных, кои возможно было собрать. Тем не менее общее количество 15½ милл. пуд., отделяемое для железной дороги от путей водяных, едва ли может подлежать сомнению, ибо совокупность груза товаров, провозимых ежегодно в С.-Петербург по внутренним водяным сообщениям, можно принять положительно в пятьдесят слишком милл. пуд., ценою до 170 милл. руб., а из них более двух третей приходит с таких мест или чрез такие места, где и по цене и по времени и по верности доставки они могут с удобством и выгодою воспользоваться железным путем. Взирая на предмет с этой точки, предположение, что 15½ милл. пуд. обратятся от водяных путей на железную дорогу, можно, конечно, признать и правдоподобным, и умеренным.

Весь доход. Таким образом годовой доход Московской железной дороги может быть принят, как означено выше, в 5 730 000 руб. сер. Сумма же эта равняется той, которая потребна на покрытие всех исчисленных годовых расходов и, сверх того, на уплату 6% с основного капитала 43 милл. руб. сер., на сооружение и обзаведение пути сосчитанного.

Таким образом соображения, выведенные со всевозможною обстоятельностью и верноподобностью, показывают, что при самом даже исчислении расходов с избытком, а доходов с умеренностью, московской железной путь может сам себя выкупить в течение не свыше 37 лет, если считать проценты по 5 на сто.

Представив вашему императорскому величеству выводы подробных соображений наших о расходах и доходах Московской железной дороги и поднося при сем для удобнейшего обзора совокупности их краткую ведомость или общий вид всех этих расходов и доходов, приемлем долг из'яснить еще некоторые суждения, к коим мы приведены были при исследовании сего важного и многостороннего предмета.

О пользе железных дорог. Железные дороги, по недавности своей, были доселе столь малоизучены, что об них встречаются поныне самые противоположные суждения; противники их полагают, что они для перевозки тяжестей неспособны, что вообще относятся более к роскоши, чем к пользе, и что поглощают огромные капиталы образом, бесплодным для края. Лучшим против сего возражением пример Северной Америки и почти всех государств европейских, где более 2 т. милл. руб. употреблены едва в пятнадцать лет на возведение свыше десяти тысяч верст железных путей, и где предприятия сего рода беспрестанно еще размножаются. Столь разительное единство действия со стороны народов и правительств, совершенно разнствующих по духу, по местности и по обычаям, можно ли приписать увлечению, тогда как дело идет о расчете денежном, доведенном ныне до высшей степени. Не справедливее ли признать, что железные дороги обязаны своим изумительным развитием тому токмо, что они удовлетворяют одной из главных потребностей нынешнего века: быстроте, точности и удобству сношений, важных для сбережения ценного времени, для облегчения оборотов и размножений капиталов.

В начале железные дороги, особенно более видные, обратились к возке одних пассажиров, но вскоре принялись мало-по-малу и за товары. Лучшим же доказательством всей пользы их для сего последнего рода возки служат многие каменноугольные округи английские, особенно близь Ньюкастля; там железные дороги до того удешевили каменный уголь, что он, несмотря на удаление копей от моря, может продаваться в С.-Петербурге с небольшим по 20 коп. ассигнациями пуд. На всех пассажирных железных дорогах, где токмо учрежден был провоз товарный, статья эта составила в немногие годы значительную часть дохода; на многих даже из них возка товаров увеличилась столь быстро, что доход товарный превзошел пассажирный; так, например, дорога из Ньюкастля в Карлеиль в 89 верст получила в 1839 г. за пассажиров около 30 т. фунтов стерлингов, а за товары почти 52 т., в 1837 же году товары принесли ей лишь 25½ т., следовательно, в два года доход товарный удвоился. В самой Америке на некоторых дорогах товарный доход считается главным и основным; там возятся по многим железным путям даже малоценные, сырые произведения, и движение сие было бы, конечно, гораздо значительнее, если б все пути эти были в устройстве своем лучше приспособлены к возке тяжестей, ныне затруднительной на многих из них по допущенным крутостям под'емов и поворотов. В Пенсильвании однако, где (при населении менее 2 милл.) имеется до полуторы тысячи верст окончательных каналов и около 800 верст железных дорог, в последнее лишь десятилетие возведенных, движение товаров по сим двум родам путей столь значительно увеличилось, что в 1839 г. общий товарный груз был слишком вдвое более, чем в 1834 г.

В Северной Америке развитие железных дорог произошло и продолжается, несмотря на значительность числа протяжения и движения каналов сей страны. Так напр., на канале Ерие, длиною в 500 верст, проходит в год около 40 т. судов с грузом до 100 милл. пуд., а между тем параллельно его направлению построено по частям несколько железных дорог на такое же протяжение и, сверх того, строится еще железная дорога в 700 верст, для скорейшего сообщения Нью-Йорка с озером Ерие. Огромные эти работы предприняты одними средствами небольшого владения Нью-Йорского, имеющего едва 2½ милл. жителей, но сообщения обогатили его: официальные донесения показывают, что частное в нем имущество с 1825 г. по 1835 г., т. е. с открытия Ерийского канала и за ним несколько железных дорог, удвоилось, тогда как в предшествовавшем десятилетии приращение составило едва 6%. Таковы были плоды улучшения сообщений, а между тем пред учреждением оных было множество противников; особенно канал Ерие, при 500-верстной длине его, называли предприятием бедственным; ныне канал этот, начатый в 1817 г. и конченный в 1825 г., прямыми доходами своими с избытком уже окупился и дал средство устроить другие улучшенные сообщения; косвенным же влиянием он удвоил богатство целой страны. Вот разительный пример всей производительной пользы приличного улучшения сообщения. Другое доказательство почерпнуть можно из актов английского парламента, где при обсуждении некоторых предположений о железных дорогах люди, известнейшие по своим знаниям в политической экономии, признали, что дороги эти и каналы, в Англии возведенные, принесли народному достоянию приращение, конечно, в десять раз превосходящее сумму, на постройку их употребленную; сумма же эта исчисляется до 2 500 мил. руб. ассигнациями.

В производительной пользе улучшенных сообщений нельзя сомневаться, коль скоро сообщения эти надлежаще устроены и приноров-

лены к местным обстоятельствам. В последнем этом отношении Северная Америка представляет поучительное явление: в 1817 г. владение Нью-Йоркское начало свой 500-верстный канал Ерийский (в то время паровозные дороги почти не существовали); в 1835 г. оно приступило к расширению сего канала, коего движение далеко превзошло ожидания; ныне же, когда постепенное улучшение железных дорог, а особенно паровозов, поставило эти пути на настоящую степень совершенства, строится уже в том же, почти как и Ерийский канал, направлении железная дорога в 700 верст длины. Подобные сооружения железных дорог, по направлению или взамен каналов, видны и в других владениях Северного Американского союза; они допускаются для того, чтобы избегнуть неудобств, сопряженных с остановкою судоходства от замерзания. Не показывает ли это, что в климатах суровых дороги железные представляют сообщение более постоянное, определительное, быстрое и следовательно, удобное, чем каналы и шоссе. Истина эта особенно применена быть может в России.

Климатическое преимущество железных дорог. В Англии, во Франции и в других умеренных климатах водяные сообщения судоходны слишком 11 месяцев; в Америке 7½, у нас едва 5; и в это еще время судоходство самое неравномерное. Официальные донесения показывают, что к главной из внутренних пристаней наших, к Рыбинску, приходит в мае 10½ милл. пуд., в июне 8½, в июле 11, в августе же токмо 4, а в сентябре лишь 1 милл. пуд. Весь водяной из внутренности империи привоз к С.-Петербургу, составил в 1838 г. 60 милл. пуд. на 143 милл. руб. ассигнациями, а в 1839 г.— 81 милл. пуд. на 197 милл. руб.; разница от одного года до другого слишком на 35%. Самым даже количеством привоз С.-Петербургской сравнительно менее, чем в других больших столицах; в Париже, например, привозится водою ежегодно свыше ста милл. пуд и почти столько же сухопутно. Причиною этому — наиболее естественные трудности наших водных, главнейше речных, сообщений, допускающих лишь медленный, большею частью в одну токмо сторону, ход, подвергнутый, сверх того, разным случайностям и самой зимовке. Подобная же медленность и неопределительность не могут не препятствовать развитию промышленности.

Шоссейные дороги в северном климате нашем теряют тоже большую часть их преимущества; зимою они под снегом уподобляются простым путям, осенью же, а особенно весною, они требуют значительных исправлений и по несколько недель с трудом лишь доступны для тяжестей, затем остается едва шесть месяцев летних, но это время по причине сельских полевых работ и по обычаям нашего извозного промысла, у нас малоудобно для гужевых подвозов, большею частию через крестьян производимых, а по сему самые лучшие шоссе, далеко не приносит у нас, особенно для торговли, той пользы, что за границею. В этом удостоверяет пример Московского шоссе, где в лучшем для сего рода путей месяце, в августе, проехало (прошлого года) 19 т. лошадей, а в декабре 76 т.; вообще же в четыре зимние месяца, с ноября по март, проехало 225 т. лошадей, а в остальные восемь месяцев только 220 т. В противоположность столь значительных, но естественных неудобств шоссейных и водяных сообщений в нашем климате, достаточно сказать, что опыт Царскосельской железной дороги оказал, сколь пути сего рода совместны с нашими зимами, ибо в течение четырех лет не было ни одного дня остановки; то же показал и многолетний опыт множества американских железных дорог, которые, как видно из нарочно произведенного исследования, были по сложности

в остановке не свыше двух дней в году, хотя многие пути проведены в местах гористых и сильным мятелям подверженных.

Суждения эти приводят к тому заключению, что по климатическим свойствам северной особенно части России железные дороги должны иметь ощутительное преимущество не токмо над речным сообщением, но и над каналами, а равно над шоссеями, особенно для сношений торговых. Это относится сполна и к Московской железной дороге.

Но от дороги сей предстоят еще многие прямые выгоды, особенно в отношении торговом и промышленном.

Облегчение торговых оборотов. Продукты плодородных и низовых губерний наших редко доставляются в С.-Петербург прежде десяти месяцев, считая от времени покупки, и медленность эта, происходящая от образа сообщений наших, заставляет терять в торговых оборотах время значительное и тем более ценное, что у нас при недостатке частного кредита капиталы гораздо дороже, чем за границею. В Москве, центре нашей промышленности, и почти повсеместно в России векселя лучших купеческих домов учитываются от 10 до 12% в год, а потому при задержке на руках товаров тягостные проценты сии ложатся на их цену и ощутительно возвышают ее. Иностранцы, рассчитывающие обыкновенно свои капиталы только по 4% или 5% в год, употребили однако особое усилие в течение последних 25 лет для сбережения в торговых оборотах времени чрез учреждение каналов, пароходства и железных дорог; средства эти доставили им возможность передавать в самый короткий срок товары из рук производителей в руки потребителей. Скорость эта признается теперь первою торговою необходимостью, ибо способствует удешевлению и сбыту товаров. Московская железная дорога и речное пароходство могут привести и нас к тем же последствиям. Тогда купец наш, учитывающий деньги по одному проценту в месяц и употребляющий теперь для перевозки своих товаров на продажу нередко более полугода, будет в возможности при удобстве скорой доставки отдать их по цене умереннейшей, обратит свой капитал на другое полезное предприятие; скорость сообщений облегчит и умножит торговые обороты и значительные капиталы, ныне втуне лежащие во время медленных перевозок и зимовок, обратятся на другие полезные отрасли народной промышленности.

Внутренний торг хлебом. Учреждением Московской железной дороги главный рынок С.-Петербурга Рыбинск получит верное вспомогательное средство для скорой и срочной торговли, ибо привезенные оттуда до Шошы или Твери товары могут считаться уже поступившими в С.-Петербург, находясь от оного лишь в двухдневном расстоянии; с другой стороны, Москва сделается вторым рынком с.-петербургским, и, в случае неурожая в низовых местах, доставляющих свои произведения в Рыбинск, губернии замосковные, через Москву и железную дорогу, станут удобно продовольствовать С.-Петербург. Тогда уже не может случиться того, чему мы были свидетелями в прошлом году, что обратно из С.-Петербурга и из чужих краев привозился хлеб и спирт в Москву, Рязань, Тулу и Орел. Скорость и верность перевозки откроет возможность иметь значительные запасы хлеба в Москве, откуда они не только в С.-Петербург по железной дороге, но и во все стороны могут по мере требования передвигаться с полною удобностию.

Торговля хлебом за границу. Московская железная дорога может оживить и нашу заграничную через С.-Петербург торговлю хлебом, составляющим одну из главных отраслей нашей производительности. Настоящая медленность сообщений лишает нас возможности пользоваться случайным возвышением цен на хлеб в Северной Евро-

пе. Неурожай там обнаруживается в июне месяце, а как доставка с внутренних пристаней наших не может совершиться до С.-Петербурга прежде августа следующего года, когда уже новый хлеб в чужих краях родился, то мы с этой стороны почти исключены из европейских рынков, именно по такому продукту, который составляет одну из самых важных частей нашего народного богатства. Когда же от Москвы до С.-Петербурга будет существовать железная дорога, тогда замосковные хлебородные наши губернии, Рязанская, Тульская, Тамбовская, Воронежская, Орловская и Курская, могут по мере требования дешево и скоро доставлять через Москву в С.-Петербург свой хлеб для отправления за границу в надлежащее время.

Сбережения казенных расходов. Соперничество двух хлебных рынков, рыбинского и московского, должно представивь при казенных заготовлениях ощутительную выгоду; сверх того, казенные расходы за разные перевозки и отправления для флота и войск, в столицах и округ их расположенных, должны с открытием Московской ж. д. значительно сократиться, а расходы за возку между столицами почт, составляющие ныне до ½ млн. рублей в год. почти вовсе прекратиться.

Сбережения барочного леса. С обращением на Московскую железную дорогу значительной части нынешней водяной клади сберегутся леса, для построения барок употребляемые, особенно на Гжатских и Верхневолгских пристанях, где постепенное убавление лесов едва ли не содействует к сокращению важного для судоходства срока стояния высоких весенних вод на Волге, и где цены баркам ежегодно возвышаются.

Предупреждение вредного средоточия фабричного населения. Железная дорога Московская даст средство предупредить излишнее в столицах сосредоточение фабричного населения. Сосредоточие это, вредное для нравственности народной, убыточно для фабрикантов, по большей в столицах дороговизне в жизненных потребностях и в содержании людей, но оно есть последствие необходимых частых взаимных сношений и сближения фабриканта с купцом, продающим его изделия; когда же учредится железная дорога, фабрики, возведенные вдоль линии оной, сохранят все выгоды удобного и быстрого сообщения, устраня между тем неудобства столичной дороговизны и безнравия.

Сближение С.-Петербурга с центром России. Но одною из главных польз Московской железной дороги будет особенно сближение С.-Петербурга с недрами России: Волгою, Москвою, Окою, через которые откроются ему удобные и скорые торговые пути к значительнейшей части внутренних губерний. При настоящем же положении сообщений и движения С.-Петербургской столицы с внутренностью государства нельзя не признать, что движение это ограничивается лишь приливом в оную, обратно же от нее ничего почти не разливается, и это главнейше, конечно, по недостатку нынешних сообщений, ибо можно ли сомневаться, что из столицы, представляющей средоточие правления, просвещения и торговли, так сказать почти всей государственной жизни России, не было более случаев, более надобности к частому и быстрому размену сношений. Но преградою к удобству и быстроте сих внутренних сношений — самое естественное положение С.-Петербурга, удаленного на одном из пределов государства, удобно лишь к сношениям внешним. В нынешнем состоянии С.-Петербург может быть токмо главою России; когда же он соединится железным путем с Москвою, он вместе с нею будет и сердцем русским.

Граф Бенкендорф, Константин Чевкин, граф А. Бобринский, Агей Абаза, Николай Крафт.

№ 17. Заключение комитета при главном управлении путей сообщения и публичных зданий, 10 октября 1841 г.*

Управляющий министерством внутренних дел генерал-ад'ютант граф Строганов при отношении от 19 сентября препроводил к его превосходительству господину товарищу главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями всеподданнейшее государю императору донесение об устройстве железной дороги между С.-Петербургом и Москвою с следующими к тому донесению приложениями, а г. генерал-ад'ютант граф Бенкендорф отношением от 16 сенятября об'явил господину товарищу главноуправляющего высочайшее его императорского величества повеление, чтобы он по рассмотрении сих бумаг, доставил к нему, генерал-ад'ютанту графу Бенкендорфу, не позже как к 15 октября для представления государю-императору заключение главного управления о выгодности или безвыгодности вышеозначенного предприятия.

Г. товарищ главноуправляющего, находя необходимым рассмотреть этот многосложный предмет во всей его подробности и основать заключение главного управления по сему делу на самых фактах, признал нужным для раз'яснения всех обстоятельств, заключающихся в настоящем деле, составить под председательством управляющего комиссиею проектов и смет корпуса инженеров путей сообщения генерал-лейтенанта Дестрема I, особый комитет, членами коего назначены: директор первого департамента главного управления путей сообщения и публичных зданий генерал-майор Рокасовской и корпуса инженеров путей сообщения майор Кебердз, а со стороны министерства внутренних дел, по сношению г. товарища главноуправляющего с генерал-ад'ютантом графом Строгановым, член совета помянутого министерства, действительный статский советник Переверзев.

Впоследствии, именно 27 сентября, назначен в члены сего же комитета корпуса инженеров путей сообщения полковник Головинский.

Главную обязанность комитета (как сказано в отношении г. товарища главноуправляющего к председателю комитета от 20 сентября за № 171) долженствовала составлять поверка в техническом и статистическом отношениях всех данных и всех выводов, заключающихся в соображениях комиссии, составлявшей предположения об устройстве железной дороги от С.-Петербурга к Москве.

На случай же, если бы комитет признал нужным иметь точнейшие и подробнейшие об'яснения от самого купечества о торговле к С.-Петербургу от Рыбинских и Верхневолжских пристаней, дано знать комитету о находившихся здесь некоторых лицах, занимающихся главнейшею торговлею с помянутых пристаней, и предоставлен войти с сими лицами в сношение по настоящему делу, буде в том встретится надобность.

Комитет 22 сентября приступил к возложенным на него занятиям и немедленно занялся поверкою всех технических и статистических данных, заключающихся во всеподданнейшем донесении комиссии, составлявшей предположения об устройстве железной дороги между С.-Петербургом и Москвою, причем, по встретившейся надобности в некоторых ближайших сведениях и пояснениях о торговле к С.-Петербургу от Верхневолжских и Рыбинских пристаней, сии сведения и пояснения сообщены Комитету приглашенными в заседании оного 27 сентября главнейшими торговцами: коммерции советником Харички-

* Мин. внутр. дел, канцелярия министра, 1841 г., д. № 218 «Б», лл. 55—62.

ным и почетными гражданами: Кемиловым, Тюменевым, Полежаевым и Кирилловым.

Затем, постепенное подробное рассмотрение и поверка представленных комиссиею для устройства дороги технических данных указали необходимость в некоторых по сему предмету изменениях, о коих прилагается здесь особая пояснительная записка с следующим к ней определением данных для исчислений и три общие свода, заключающие в себе исчисление расходов на первоначальное устройство и обзаведение железной дороги, также на содержание ее и движение по ней во-первых, в том виде, как предполагала комиссия с изменениями токмо в техническом отношении по принятым комитетом нормам, а во-вторых, в той степени движения по железной дороге, какое ожидается на основании выведенных по сему предмету статистических соображений, согласно с коими ожидаемое движение по железной дороге и доход от сего движения представляются в следующем виде...

По предложениям комиссии		По соображениям комитета	
1) От С.-Петербурга до Москвы или обратно:		1) От С.-Петербурга до Москвы или обратно:	
Пассажиров первого разряда 50 т. по 15 руб. сер. с каждого	750 000 р.	Пассажиров первого разряда 40 т. по 15 руб. сер. с каждого	600 000 р.
Пассажиров второго разряда до 100 т. по 10 руб. сер. с каждого	1 000 000 р.	Пассажиров второго разряда 80 т. по 10 руб. серебром с каждого	800 000 р.
Пассажиров третьего разряда до 120 т. по 3 руб. сер. с каждого	360 000 р.	Пассажиров третьего разряда 60 т. по 3 руб. сер. с каждого	180 000 р.
2) От Москвы до С.-Петербурга за провоз 80 т. голов рогатого скота по 5 р. .	400 000 р.	2) От Москвы до С.-Петербурга за провоз 30 т. голов рогатого скота по 5 р. .	150 000 р.
3) От С.-Петербурга до Твери взамен отправления Тихвинским водяным путем на Волгу в Нижний-Новгород 1 милл. пуд. товаров первого разряда по 14 коп.	140 000 р.	3) От С.-Петербурга до Твери взамен отправления Тихвинским водяным путем товаров первого разряда 800 т. пуд. по 14 коп. . . .	112 000 р.
4) От С.-Петербурга до Москвы взамен части гужевой перевозки по шоссе товаров первого разряда 3 милл. пудов по 16 коп. .	480 000 р.	4) От С.-Петербурга до Москвы взамен части гужевой перевозки по шоссе товаров первого разряда 3 милл. пуд. по 16 коп. . .	480 000 р.
5) От Москвы до С.-Петербурга	9½ милл. р.	5) От Москвы до С.-Петербурга:	
а) 3 милл. пуд. взамен гужевой по шоссе перевозки по 16 коп.	1 разр. по 16 к.	а) 3 милл. пуд. взамен гужевой перевозки	—
б) 4 милл. пуд., отделяемых от пристаней Гжатских и Верхневолжских	1 520 000 р. и 5 милл. пуд.	и б) 1 милл. пуд. сала, всего 4 милл. по 14 коп. . .	640 000 р.
в) 6 милл. с Оки и Цны и	2 разр.		
г) 1½ милл. пуд. с низовых пристаней чрез Рыбинск	по 14 коп.— 600 000 руб.		
и 6) От Твери или Шоши до С.-Петербурга взамен:			
а) 2 милл. пуд., отправляемых с средней Волги по 14 коп. с пуда	280 000 р.		
б) 2 милл. пуд. второго разряда, идущих чрез Рыбинск с низовых мест по 10 коп.	200 000 р.		
Итого . .	5 730 000 р. с.	Итого . .	2 962 000 р. с.

Взгляд на сей доход и на издержки, потребные как для первоначального устройства и обзаведения железной дороги, так равно на содержание ее и движение по ней, приводит к следующим результатам:

1) По техническим нормам, принятым комитетом, и при статистических предположениях комиссии полное устройство и обзаведение железной дороги со включением 10% на издержки до окончания работ обошлось бы в 44 655 871 руб. сер.

Ежегодный расход на содержание дороги и движение по ней составлял бы 3 808 147 руб.

Ожидаемый комиссиею доход простирается до 5 730 000 руб.

За исключением из коих ежегодного расхода оставалось бы чистой прибыли 1921 853 руб., т. е. до 4% на капитал долженствовавший употребляться на устройство и обзаведение дороги и

2) по тем же техническим нормам с изменениями сообразно статистическим данным, выведенным комитетом, полное устройство и обзаведение железной дороги может обойтись в 37 474 755 руб. сер.

Ежегодный расход на содержание дороги и движение по ней составит 2 172 702 руб. сер.

Ожидаемый доход от проезда пассажиров да от провоза рогатого скота и товаров простирается до 2 962 000 руб. сер.

За исключением из коих ежегодно расхода останется чистой прибыли 789 298 руб. сер., т. е. до $2^{11}/_{100}$% на капитал, долженствующий употребиться на устройство и обзаведение железной дороги.

К сему комитет считает долгом присовокупить, что по вниманию к обширности и самому свойству работ, потребных к производству для устроения железной дороги от С.-Петербурга к Москве, он вполне разделяет изложенное во всеподданнейшем донесении комиссии мнение о том, что за непроизводством еще надлежащих с'емок и изысканий, представилась токмо возможность сделать соображения примерные о стоимости сего предприятия.

В заключение комитет положил: предоставить председателю своему сообщить его превосходительству г. товарищу главноуправляющего настоящий журнал и при особой описи следующие к нему приложения, равно бумаги, препровожденные его превосходительством к председателю комитета при отношении от 20 сентября за № 171; копию же с настоящего журнала и со всех к оному приложений выдать члену комитета действ. ст. сов. Переверзеву для представления г. министру внутренних дел.

Генерал-лейтенант Дестрем, генерал-майор Рокасовский, действительный статский советник Переверзев, полковник Головинской, майор Кербедз*.

№ 18. Журнал особого совещания комитета министров 13 января 1842 г.**.

13 января сего 1842 года, в присутствии государя-императора, собраны были для обсуждения предположения о Московской железной дороге нижепоименованные лица, ознакомившиеся уже предварительно со всеми бумагами, к предмету относящимися.

Государь наследник цесаревич, председатель государственного совета генерал-ад'ютант князь Васильчиков, министр императорского двора генерал-ад'ютант князь Болконский, главноуправляющий путями сообщения генерал-ад'ютант граф Толь, военный министр генерал-адъ-

* Между двумя верхними подписями рукою генерал-лейтенанта Дестрема приписано: «при особом мнении» (в подлиннике отметка).

** Фонд статс-секретаря по делам Царства польского, Н. Милютин. 1842 г., л. 1

ютант граф Чернышев, министр финансов генерал от инфантерии граф Канкрин, генерал-ад'ютант граф Бенкендорф, председатель департамента экономии государственного совета генерал-ад'ютант граф Левашев, начальник главного морского штаба генерал-ад'ютант князь Меншиков, министр государственных имуществ генерал-ад'ютант граф Киселев, министр внутренних дел гофмейстер Перовский, корпуса инженеров путей сообщения генерал-лейтенант Дестрем, товарищ министра финансов тайный советник Вронченко, начальник штаба корпуса горных инженеров генерал-майор Чевкин и состоящий в должности шталмейстера граф Бобринский.

Государь император изволил предложить к постепенному обсуждению следующие вопросы: 1) Полезно ли для России проведение железной дороги от С.-Петербурга до Москвы, особенно в видах соединения северной столицы с недром России. 2) Какие могут быть препятствия к учреждению сей дороги. 3) Строить ли оную через частное общество или от правительства и 4) Какие к сему выгоднейшие финансовые меры.

По выслушании многосторонних по сим предметам об'яснений положено было и повелено е. и. в.: железную дорогу между С.-Петербургом и Москвою необходимо устроить на счет казны; для этого ныне же сделать сперва обозрение удобнейших местностей для пути сего предполагаемых, а потом подробные по оным технические изыскания; между тем для покрытия потребных денежных расходов обратиться к займу или к иным выгоднейшим мерам, о коих поручить министру финансов внести свои предположения в финансовый комитет. За сим частные замечания, к исполнению настоящего проекта относящиеся, представить лицам в суждении участвовавшим, сообщить по принадлежности для приобщения их к общему делу и для принятия их на вид при дальнейшем выполнении проекта [23].

[Подписи всех участвовавших.] *

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прибывший в Россию по приглашению начальника штаба корпуса горных инженеров К. В. Чевкина Франц-Антон Герстнер (Rittr von Gerstner, 1795—1840), — был сыном пражского профессора Франца-Иосифа фон Герстнера, специалиста по прикладной механике, основавшего чешский политехнический институт в Праге и являвшегося автором проекта соединения рек Молдавы и Дуная колейною дорогою.

Уже в 1818 г. Франц-Антон фон Герстнер был известен, как профессор геометрии и землемерного искусства в Венском политехникуме, а в 1819 г. он напечатал свое первое сочинение «Lehrgegenstände der praktischen Geometrie» (Wien).

В 1822 г. Герстнер, увлеченный проектом отца по соединению Молдавы с Дунаем, предпринял поездку в Англию для изучения развивавшегося там железнодорожного дела. По возвращении, бросив профессуру, Герстнер приступил к организации акционерного общества и постройке на собранные этим обществом капиталы деревянно-железной дороги между Будвейсом и Линцом. Капиталов хватило только на половину пути и, в связи с тем, что акционеры признали нужным продолжать постройку дороги на более дешевых началах, Герстнер вышел из общества, и дорога достраивалась уже без него. В этот период деятельности Герстнера им напечатано: «Uber die Vortheile der Aulage einer Eisenbahn zwischen der Moldau und Donau» (Wien, 1825), «Sammlung der Aktenstüke in Betriff der Ausführung der ersten österreich Eisenbahn zwischen der Moldau und Donau» (Wien. 1827), «Uber die Vortheile der Unternehmûng einer Eisenbahn zwischen der Moldau und Donau im Febrûar 1829» (Wien, 1829,). За это же время Герстнер успел побывать еще два раза в Англии (в 1826 и 1829 гг.), где тогда паровая тяга на железных дорогах сменяла конную. Поездки в Англию дали ему возможность пополнить

* Журнал этот, по поручению императора Николая I, составлен был генералом Чевкиным. На нем написано рукою государя: «Исполнить» и сделана пометка графа Бенкендорфа: «16 января 1842 г.» (Отметка в подлиннике).

новыми данными труд его отца, который он переиздал в 1832—1834 гг. в трех томах под названием «Handbuch der Mechanic, mit Beiträgen von neuen englichen Constructionen» (Leipzig). В этой работе, между прочим, изложены наблюдения Герстнера-сына над постройкой Ливерпуль-Манчестерской железной дороги.

После выхода из общества по постройке вышеупомянутой будвейской железной дороги, Герстнер безуспешно старался организовать акционерную компанию по использованию силы шлюзов на канале между Миланом и Павией.

В 1834 г. Герстнер, по приглашению К. В. Чевкина, приехал в Россию для обозрения уральских горных заводов. Ознакомившись с колоссальной территорией страны, Герстнер, хорошо уяснил себе то значение, которое могут иметь в России железные дороги. В связи с этим, Герстнер, на собственный счет, произвел нивеллировку Московского шоссе, а через австрийского посла графа Финкельмона и шефа жандармов Бенкендорфа подал на имя Николая I записку о сооружении железных дорог в России с просьбой о выдаче ему на это привиллегии. Спустя некоторое время Герстнер пишет еще одну — «Mémoire sur l'avartage de l'introduction des chemins de fer en Russie». Но все эти записки с проектами крупных железнодорожных магистралей завершились предположением о постройке, в качестве опыта, железной дороги от Петербурга до Павловска, на что, после образования акционерного общества, Герстнер получил разрешение. Дорога строилась с 1 мая 1836 г. по 30 октября 1837 г. За это время, в связи с нуждами строительства дороги, Герстнер ездил в Германию, Бельгию, Францию и Англию, заказывая там рельсы, «ходы», паровозы и пр. Техническим руководителем стройки был также сам Герстнер, и он же был машинистом на первых пробных поездах. Об этой дороге им напечатан ряд книжек: 1) «О выгодах построения железной дороги из С.-Петербруга в Царское Село и Павловск. высочайше привилегированною е. в. компанию» (СПБ, 1836), 2) «Uber die Vortheile der Aulage einer Eisenbahn von St.-Petersburg nach Zarskoe Selo und Pawlowsk, (St. Pbg, 1836), 3) «Berichtüber den Stand der Unternehmung der Eisenbahn von St.-Petersburg nach Zarskoe Selo und Pawlowsk (Leipzig, 1838), а также отчеты о постройке этой дороги (на французском и английском языках).

В 1836 г. Герстнер просит разрешить ему произвести на его счет нивеллировку для предполагаемой железной дороги из Москвы на Коломну и тогда же публикует в газетах об устройстве железной дороги из Петербурга в Ораниенбаум. По поводу просьбы о нивеллировке пути из Москвы в Коломну состоялось совещание в комитете министров, на журнале которого (11 августа 1836 г.) Николай I пометил: «Сим делом нечего торопиться, а подождать возвращения кн. Голицына». [Д. В. Голицын был московским генерал-губернатором]. Кроме [того], г. Герстнер публиковал в газетах об устройстве им железной дороги через Петергоф в Ораниенбаум, о чем тамошние помещики ничего и знают и вряд ли дадут сво согласие, ежели вздумаем проводить дорогу через сады Петергофские».

Ни Коломенская, ни Ораниенбаумская дорога, ни тем более крупные, предложенные Герстнером, железные дороги не были утверждены, и Герстнер в 1838 г. уезжает из России в Америку, где в 1840 г. он умер.

2. В делах никаких материалов по работе этой комиссии не найдено. Можно предположить, что упоминаемые, как члены этой комиссии, два штаб-офицера — это, бывшие в то время инженер-подполковниками, П. П. Мельников и Н. О. Крафт.

3. Привиллегия «первому заводить в России на реках пароходы» была выдана Берду в 1817 г.

Шотландец Чарльз Берд прибыл в Россию в 1786 г. вместе с инженером Гаскойном, приглашенным для усовершенствования пушечного производства на Александровском заводе (г. Петрозаводск). Берд был помощником Гаскойна и до 1789 г. работал с ним на заводе.

В 1792 г. Чарльз Берд вступил в товарищество с мелким петербургским заводчиком французом Морганом. Предприимчивый, хорошо вооруженный техническими знаниями, используя заказы морского, военного и др. департаментов, Берд скоро преобразовал небольшое заведение Моргана в большой литейный и механический завод с корабельными верфями. С этих верфей в 1815 г. впервые был спущен на Неву колесный пароход. Балансирная машина Уатта в четыре силы, поставленная Бердом на простую тихвинскую лодку, оказалась вполне пригодной для передвижения этой лодки по воде. 3 ноября 1815 г. этот первый в России пароход от пристани на р. Неве в 2¾ часа совершил путь до Кронштадта, делая по 5 морских миль в час. (Пароход Берда описан в статье «Стимбот на Неве», в № 38 газеты «Сын отечества» за 1815 г., а первое плавание парохода — в статье адмирала Рикорд «Первая поездка на пароходе из Петербурга в Кронштадт и обратно в 1815 г.», в той же газете, в № 46.)

В 1820 г. между Петербургом и Кронштадтом ходило уже четыре парохода Берда, причем один из них имел машину в 32 силы. После получения привиллегии Берд образовал компанию, в числе участников которой был ярославский помещик

Д. П. Евреинов, приобревший впоследствии от Берда права на учреждение пароходства по Волге. На р. Мологе в 1820 г. был спущен первый пароход Евреинова, предназначенный для рейсов между Нижним-Новгородом и Астраханью. Развитие пароходства на Волге тормозилось одновременным ростом числа коноводных машин, способных проходить по мелкой воде, что было недоступно для глубокосидящих пароходов Евреинова.

4. В России страхование имущества от огня началось производиться по распоряжению Екатерины II Государственным заемным банком с 28 июля 1786 г. Банк этот «в обоих столицах и во всех городах состоящие каменные дома принимал на свой страх также каменные заводы и фабрики от всех хозяев». Для этого при банке была учреждена «страховая экспедиция». 18 декабря 1797 г. распоряжением Павла I страховая контора была открыта также и при Ассигнационном банке, но оба страховых учреждения развивались весьма слабо.

Страхование имущества от огня стало расти в России сравнительно быстрее с открытием около 1800 г. в Петербурге агентства английского страхового общества «Феникс». Развивающееся страховое дело английского агентства побудило и русских капиталистов вложить капиталы в подобное предприятие. 22 июня 1827 г. было утверждено частное общество — под названием «Первое русское страховое от огня общество», одним из основателей которого являлись банкир барон Штиглиц и Б. Б. Крамер. Общество пользовалось 20-летнею привиллегиею на производство страхования в губерниях: Петербургской, Московской, Эстляндской, Курляндской, Лифляндской и в г. Одессе. Кроме того, общество было освобождено от всяких налогов за исключением страховой пошлины.

В 1835 г. было организовано «Второе российское страховое от огня общество», пользовавшееся подобными же льготами и занимавшееся страховым делом в 40 губерниях, не входящих в привиллегию первого общества.

5. Из упоминаемых здесь железных дорог на «сибирских» заводах нам известна только одна — под'ездная с конной тягой — функционировавшая в 1801 г. на заводе в Колыванском горном округе. Может быть, к «сибирским» железным дорогам причислялась и построенная в 1833 г. «чугунная» дорога с «сухопутными пароходами» на Нижне-Тагильском заводе Демидовых.

6. Сделанные Николаем I пометы на записке Герстнера неизвестны, так как ни самой записки, ни ее копии, где были бы повторены пометы Николая I, в делах не сохранилось.

7. М. А. Корф совершенно ошибочно приписывает главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями графу К. Ф. Толю эпитет «поборника» железных дорог. Вся дальнейшая политика Толя по отношению к железным дорогам говорит о совершенно противоположном. В ней можно усмотреть, что Толь был больше сторонником развития водных путей сообщения, чем железнодорожных. Так в характеристике Толя, данной В. В. Саловым, высказывается предположение, что он находился под влиянием взглядов весьма авторитетного в то время инженера Мориса Дестрема, ярого противника железных дорог. 14 января 1835 г. на докладе Николаю I Толь отвечал, что вопрос о выгодах железных дорог был предметом обсуждения в комитете при главном управлении путями сообщения и публичными зданиями уже несколько лет раньше, но в виду существования в России удобных водяных путей и неподходящего климата страны, вопрос этот был решен не в пользу железных дорог (В. В. Салов, Начало железнодорожного дела в России, «Вестник Европы» 1899 г., кн. 3, стр. 229. Кроме того, подобную же характеристику взглядов Толя можно вывести непосредственно из приводимых нами документов, как например, его мнения по проектам А. В. Абазы и Н. Н. Муравьева).

8. Характеристика отношения министра финансов графа Е. Ф. Канкрина к железным дорогам, приводимая М. А. Корфом, совершенно справедлива. Канкрин являлся сторонником протекционистской политики и в данном случае, протестуя против железных дорог, защищал интересы промышленников, боявшихся с введением железных дорог усиления конкуренции со стороны импортеров на внутренних рынках страны.

О постройке Петербургско-Московской жел. дороги Канкрин говорит: «Все разумные люди за границею того мнения, что она не будет приносить никакого дохода, испортит нравственность и убьет непроизводительно капиталы, которые могли бы быть употреблены с большею пользою. На вопрос, почему же иностранные правительства строят также железные дороги, отвечают, что необходимость заставляет сделать уступку этой современной болезни и подражать соседям, чтобы они не могли присвоить себе преимуществ в промышленном отношении. Так смотрят на это в Пруссии и в Австрии». (Божерянов, Граф Е. Канкрин, СПБ, 1897, стр. 233; В. В. Салов, op. cit., стр. 229.).

9. Документ № 1 и является этой, упоминаемой Корфом, запиской.

10. Ученая комиссия — комиссия, упомянутая в записке Толя (см. док. № 1), состоявшая из четырех членов: директора института инженеров путей сообщения

генерал-лейтенанта К. И. Потье, профессора этого же института генерал-майора А. Д. Готмана и двух штаб-офицеров корпуса путей сообщения.

11. В 1835 г. для обозрения железной дороги, устроенной Герстнером на границе Богемии и Верхней Австрии между реками Дунаем и Молдавою, был послан подполковник корпуса инженеров путей сообщения Н. О. Крафт. Перед своей командировкой он получил инструкцию, по которой он должен был провести это обозрение. В инструкции первым параграфом стоит вопрос: «Получила ли фабричная или мануфактурная промышленность более движения и торговые обороты более распространения от сооружения означенной дороги, и в какой именно степени». Далее спрашивается, действительно ли уменьшилась цена товара, провозимого по дороге, и на какую сумму его вообще провозится по ней. Неуверенность в пригодности железных дорог в северном климате заставила особо обратить внимание «не бывает ли во время зимы помешательств и затруднений от вьюг и мятелей», и сколько требуется рабочих на зимнее время, чтобы содержать «колеи и самую дорогу» в исправном для проезда состоянии. Крафту же поручалось согласно инструкции, выяснить, какой доход приносит дорога акционерам, и сколько этот доход составляет процентов с капитала, затраченного на ее постройку. Дальше в инструкции идет ряд вопросов технического порядка: какую тяжесть может везти по этой дороге лошадь, как уложены шпалы, каково «действие трения над железными полосами», как скреплены эти полосы (рельсы) и т. д. и т. п. К сожалению, в делах комитета и строительной комиссии СПБ.-Моск. жел. дороги, где была найдена эта инструкция, не нашлось отчета Крафта по этой командировке.

Документ этот находится в деле «О бумагах после покойного графа Сперанского, найденных о железных дорогах», 1839 г., лл. 83—86. (Фонд комитета и строительной комиссии СПБ-Моск. жел. дороги.)

12. Ни упоминаемого в тексте письма графа Новосильцева Герстнеру, ни его отпуска в делах не сохранилось.

Предпринимая строительство такой дороги, Герстнер надеялся убедить, с одной стороны, правительство в возможности при климатических условиях России заводить железнодорожный транспорт, с другой — держателей капиталов в доходности таких предприятий и тем подвинуть дело создания крупного акционерного общества с большими капиталами, необходимыми для сооружения больших запроектированных им железнодорожных магистралей.

13. Упоминаемые в тексте «об'явления» приведены в документах под № 5.

14. По существу предложение, сделанное Герстнером Новосильцеву «взять несколько акций для себя или для своих родных», несмотря на то, что тут же указывается цена этих акций, очень близко к замаскированной взятке, так как распределение акций было закрытым и проходило в исключительно тесном кругу лиц.

15. Решение было благоприятным для общества, и устав 23 марта 1836 г. был утвержден. Устав, или положение общества, был напечатан Герстнером в его книге «О выгодах построения железной дороги из Петербурга в Царское Село и Павловск»; СПБ, 1836 г., стр. 69—72.

16. Приводимая в документе, предусмотренная таможенным уставом, мера ограждения интересов русской металлургической промышленности вызывалась значительным падением ее продукции. В деле «О бумагах после покойного графа Сперанского найденных о железных дорогах» (л. 60) мы находим таблицу, наглядно рисующую это падение.

Выполнено чугуна в России:

В 1830 году	11 170 000	пудов
» 1831 »	11 000 000	»
» 1832 »	9 900 000	»
» 1833 »	9 700 000	»

Итого в 1833 г. менее против 1830 г.— почти на полтора миллиона пудов.

15%, которые обязаны были приплачивать строители дороги при заказах русским заводчикам, об'ясняются сложностью и дороговизной транспортировки с Уральских заводов, значительно превышавших перевозку из Англии.

17. Просимая акционерами ссуда, после обследования финансового положения общества чиновниками министерства финансов и главного управления путей сообщений и публичными зданиями, была утверждена комитетом министров и выдана.

Чиновники, обследовавшие финансовые операции общества, между прочим, доносили:

«.....с) Общество имеет на себе долга 242 387 р. и, сверх того, предстоящих расходов для совершенного окончания всех частей дороги с принадлежностями на 1 163 585 р. 57 к. Из сих двух сумм требуется на окончание строений 375 т. руб. и большая часть сей последней суммы на предметы, так сказать, прихотливые, но как наибольшие выгоды ожидаются не от перевоза тяжестей, а от пассажиров,

которые будут предпринимать поездки для удовольствия, то в сем отношении предметы прихоти в постройках могут войти в категорию вещей необходимых, тем более, что сии строения начаты уже в том виде, прочие же статьи предстоящего расхода признаются существенно необходимыми». (Комитет министров, журналы комитета, октябрь 1837 г., кн. № 1124, лл. 529—544.)

18. «Записка», или проект Аг. В. Абазы была представлена им кн. Голицыну при письме, в котором он указывал на то, что этот вопрос о постройке железной дороги от Петербурга до Москвы является не новым, и что до него представляли подобные проекты Герстнер, де-Ригель и др.

К сожалению нам не удалось найти каких-либо материалов по предложениям «де-Ригель и др.». Даже упоминаний о них не встречалось ни в одном из ранних просмотренных архивных документов.

Из письма Абазы узнаем, что эти проекты намечали различные дороги: от Петербурга до Москвы, до Рыбинска и даже до Одессы. Но здесь же автор оговаривает, что эти проекты, разобранные «особым комитетом», «нашлись недостаточными».

Заканчивает автор письмо просьбой довериться его «опытным сведениям о русской промышленности и государственном хозяйстве» и представить его проект на рассмотрение Николаю I.

О работе Абазы над этим проектом мы находим некоторые сведения у А. И. Дельвига в его записках. Вот что он пишет об этом: «Аг. В. Абаза... был человек очень большого ума, хорошо образован, весьма тонкий и ловкий. Его ум был постоянно занят большими предприятиями. Последнее время его пребывания в Москве он был очень занят мыслью об устройстве железной дороги между Москвою и Петербургом и часто говорил со мною об этом предмете. Я не имел понятия о железных дорогах, так как в начале 30-х годов в строительном курсе института инженеров путей сообщения только упоминалось в общих выражениях о постройке железной дороги между Ливерпулем и Манчестером, но познания мои в механике достаточны были для того, чтобы делать Абазе замечания о несообразности некоторых из его исчислений. Вследствие моих замечаний он мне отдал для исправления этих неточностей составленную им записку, которую по приезде в Петербург напечатал под заголовком «Мысли московского жителя о соединении столиц железным путем» и вместе с графом А. А. Бобринским начал хлопотать об осуществлении этого проекта. Эти хлопоты были главною побудительною причиною к устройству железной дороги между столицами, которую правительство решило строить на свои средства, тогда как Царскосельская железная дорога была устроена акционерным обществом» (А. И. Дельвиг, Мои воспоминания, т. I, гл. III, стр. 240—141).

Относительно самого проекта необходимо указать, что нами опущены несколько листов, посвященных Абазою «краткой смете о расходах, потребных на устроение дороги» и «примерное соображение о ежегодном сборе» по железной дороге. Эти листы ничего нового, отличающегося от текста проекта, не дают и являются только сведением всех цифр в одно целое, в «смету» доходов и расходов. Указанные опущенные нами листы являются теми приложениями, о которых упоминал кн. Д. В. Голицын в своем письме царю, препровождавшем проект Аг. В. Абазы на рассмотрение Николаю I.

19. В течение 1839 г. тайный советник Н. Н. Муравьев написал еще четыре докладные записки царю.

Муравьев очень советовал завернуть дорогу к Ильмень-озеру, с заливных лугов вокруг него он намечал поставку в Петербург ежегодно нескольких миллионов пудов сена. Между прочим, здесь же выясняется, что у него об этих местах самые точные сведения, — «я их знаю от опыта хозяина Новгородской губернии (он был одно время новгородским губернатором.— *М. К.*) и от опыта хозяина на моих землях, там лежащих».

Комиссия проектов и смет при главном управлении путей сообщения и публичных зданий, изучавшая проекты Муравьева, замечает, что ей приходится рассматривать «одни только об'яснения и предположения», основанные на «умозрениях и мечтаниях».

(Все пять записок Муравьева были «оставлены без последствий». Все записки Муравьева находятся в делах канцелярии комитета и строительной комиссии СПБ. Московской жел. дороги, 1842 г., связка № 174, арх. № 9/99.)

20. Доклад царю главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями графа К. Ф. Толя был представлен вместе с запиской Н. Н. Муравьева в комитет министров, который присоединился в своем заключении к мнению Толя. На журнале заседания комитета по этому вопросу (10 января 1839 г., № 84) — резолюция Николая I: «Не лишне будет однако поручить г. Толю ныне же заняться всеми нужными соображениями для устройства железной дороги от Рыбинска в СПБ, ибо выгоды сей дороги, кажется, были бы неоспоримы». Графом Толем в ответ на эту резолюцию был представлен Николаю I доклад, где Толь приходит к следующим выводам: «Отсюда истекает заключение, что главные выгоды и цель железных дорог — есть пере-

возка пассажиров, коих значительного числа никак нельзя ожидать между Рыбинском и С.-Петербургом. Тут рабочий народ отправляется по Тихвинской системе в так называемых народных лодках, участвуя в гребле и в тяге судна и следовательно почти без всякой платы.

Один из новейших писателей Мишель Шевалье, наблюдая в Европе и в Североамериканских штатах влияние железных дорог на благосостояние и просвещение государств, замечает, что перевоз пассажиров по означенным дорогам, есть самое демократическое учреждение, какое только можно было бы придумать для преобразования государства.

Признаюсь вашему императорскому величеству, что это замечание сего писателя мне кажется совершенно справедливым, впрочем в этой части я могу и ошибаться.

В России же желательно бы было видеть повсюду усовершенствование водяных сообщений; эти сообщения не разольют в государстве демократических идей и наклонностей, но при гидрографическом положении империи они будут споспешествовать развитию промышленности и распространению материального в народе благосостояния несравненно более, нежели какие-либо железные дороги». (Канцелярия комитета и строительной комиссии СПБ.-Моск. жел. дороги, 1842 г., св. № 174, арх. № 9/99, лл. 131—145.)

Угроза, распространения «демократических идей и наклонностей», повидимому, помогла Толю: вопрос о Рыбинской дороге более не поднимался.

21. Согласно секретного отношения Бенкендорфа к Толю от 29 марта 1841 г., по распоряжению Николая I в число членов этого комитета был назначен и Ал. В. Абаза. (Гл. упр. пут. сообщ. публ. здан., особ. канц., 1841 г., арх. № 28, л. 9.)

Представленная последним 30 мая этого же года записка или, как он называл «Соображение», и позаимствования из этого «Соображения», внесенные во «всеподданнейшее донесение об устроении железной дороги между Петербургом и Москвою», говорят о том, что Абаза сыграл весьма большую и активную роль в вопросе о постройке этой дороги.

22. «Комиссия о возведении железной дороги между Петербургом и Москвою» то же самое, что и «комитет для составления и рассмотрения проекта о железной дороге от С.-Петербурга до Москвы».

23. 1 февраля 1842 г. был издан указ Николая I о сооружении Петербурго-Московской железной дороги и одновременно учреждены: 1) Комитет Петербурго-Московской железной дороги и 2) Строительная комиссия, в конце 1842 г. перешедшая в созданный при главном управлении путей сообщения и публичных зданий департамент железных дорог, который и занимался строительством дороги.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

АБАЗА, Аггей Васильевич (1782—1852), автор одного из проектов сооружения железной дороги от Петербурга до Москвы, член особого комитета, разрабатывавшего по заданию Николая I проект этой дороги. В 1842 г. А. В. Абаза — член учрежденной Николаем I комиссии «для обсуждения предмета о сооружении железной дороги от Москвы к р. Оке», собиравшейся под председательством Московского военного ген.-губ. кн. Д. В. Голицына.

БЕНКЕНДОРФ, Александр Христофорович (1783—1844), граф генерал-от-кавалерии. С 1826 г. шеф жандармов и начальник III отделения.

БЕРД, Чарльз (ум. 1843 г.), шотландец, прибыл в Россию в 1786 г. вместе с инженером Гаскойном, приглашенным для усовершенствования пушечного дела на Александровском заводе. В 1794 г. Берд приступил к основанию собственного завода, который впоследствии вырос в огромный литейный и механический завод с корабельными верфями при нем. С этих верфей Бердом были спущены первые в России пароходы.

БЕТМАН (Bethman), банкирская фамилия во Франкфурте на Майне. Из числа членов этой фамилии особенно известен Симон Мориц Бетман (1763—1826) своими торговыми и банкирскими операциями; Александром I он был назначен русским генеральным консулом во Франкфурте на Майне.

Кто именно из его наследников предлагал ссуду обществу Царскосельской железной дороги, установить не удалось.

БЛУДОВ, Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф, с 1839 г. главноуправляющий II отделением соб. е. и. в. канцелярии. В последние годы своей жизни был председателем Государственного совета.

БОБРИНСКИЙ, Алексей Алексеевич (1800—1868), граф, член совета министерства финансов. Крепостник-миллионер, крупнейший землевладелец-предприниматель Тульской и Киевской губерний. В Тульской губ. имел 40 000 десятин земли с 12 000 душ крепостных крестьян. В Киевской губ. имел несколько свеклосахарных заводов, в числе которых крупнейший рафинадный завод в м. Смеле. Как на этих заводах, так и в сельском хозяйстве вообще вводил в употребление машины и новые технические приемы производства.

Будучи одним из членов-учредителей общества железной дороги от Петербурга до Царского Села, вложил в акции этого общества 250 000 рублей. В дальнейшем Бобринский являлся активнейшим сторонником развития железнодорожного транспорта в России. В 1842 г. был назначен членом комитета Петербурго-Московской железной дороги. В этом комитете им была представлена записка об устройстве порта на Гутуевском острове с проведением до него ветки Петербурго-Московской жел. дороги.

ВОЛКОНСКИЙ, Петр Михайлович (1776—1852), светл. кн., генерал-фельдмаршал, с 1825 г. министр имп. двора и уделов.

ВРОНЧЕНКО, Федор Павлович (род. 1780). С 1844 г. министр финансов.

ГЕРСТНЕР фон, Франц-Антон (1795—1840), профессор геометрии и землемерного искусства Венского политехникума, строитель и концессионер железной дороги между реками Дунаем и Молдавою в Австрии, строитель и концессионер первой в России железной дороги от Петербурга до Царского Села.

ГОЛИЦЫН, Дмитрий Владимирович (1771—1844), светл. кн., генерал-от-кавалерии. С 1820 г. ген.-губ. Москвы.

ГОТМАН, Андрей Данилович (1781—1865), инженер-генерал, первый русский директор Института инженеров путей сообщения. За время своей долголетней деятельности Готман принимал участие в огромном количестве строительных работ ведомства путей сообщений и публичных зданий по всей стране. В одном только Петербурге он принял широкое участие в ряде гидротехнических сооружений, как например в устройстве Обводного канала, канала на Каменном острове и др.

ЕРМОЛОВ, Алексей Петрович (1772—1861), генерал-от-инфантерии. Как член гос. совета Ермолов по назначению Николая I принимал участие в работах комитета

ДЕСТРЕМ Морис Гуго (в России — иногда Морис Гугонович, иногда Гуго Морисович), (1787—1855), генерал-лейтенант, инженер.

В России Дестрем выполнял разные работы, связанные со строительством портов. Им проектировались Евпаторийский порт и гидротехнические здания в Одесском порту.

Позже Дестрем был назначен директором департамента проектов и смет при главном управлении путей сообщения и публичных зданий. К этому же времени относятся выступления Дестрема против введения железных дорог в России. Будучи специалистом по водным сообщениям, Дестрем недооценивал значения железных дорог, предпочитая водный транспорт всем видам сухопутного.

На эту тему им написан ряд статей: 1) «Considérations générales sur les avantages relatifs de canaux et de chemins á ornieres et application etc» (Ж.П.С 1831 г., в. XXI, перевод Васильева), 2) «Sur le mode de transport le plus avantageux pour la Russie. » (Ж.П.С. 1831, в. XXI, перевод Васильева) и др.

КАНКРИН, Егор Францевич (1774—1845). граф, министр финансов (1823—1844).

КИСЕЛЕВ, Павел Дмитриевич (1788—1872), граф, генерал-ад'ютант, генерал-от-инфантерии, министр государственных имуществ, посол в Париже.

Назначенный в 1842 г. как министр государственных имуществ в члены комитета Петербурго-Московской железной дороги, Киселев принимал участие в решении вопроса о направлении железной дороги от Петербурга до Москвы. Об его участии в работах комитета см. «Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно», вып. 1, СПБ. 1898 г., стр. 60—61).

КОККЕРИЛЛЬ (Cockerill) Джон (1790—1840), англичанин, крупнейший промышленник своего времени, владелец знаменитого машиностроительного завода в г. Серен. Всего предприятий у Коккерилля было до 60. В 1839 г. Коккерилль, для новых предприятий, отправился в Россию, но развернуть свою деятельность не успел,— в 1840 г. Коккерилль умер.

КОРФ, Модест Андреевич (1800—1876), граф. Присутствовал на совещании как статс-секретарь; непосредственного отношения к железнодорожному делу не имел.

КРАМЕР, Бенедикт Бенедиктович (1768—1849), коммерции советник, учредитель акционерного общества по сооружению железной дороги от Петербурга в Павловск, директор Русско-Американской компании, один из учредителей «Первого страхового от огня общества».

КРАФТ, Николай Осипович (1798—1857), генерал-майор, инженер путей сообщения.

В 1835 г. Крафт был командирован в Австрию на обследование железной дороги между реками Молдавою и Дунаем (от Будвейса до Линца), а в 1839 г. вместе с инженером П. П. Мельниковым был послан в США для ознакомления с теорией и практикой значительно развитого там уже в то время железнодорожного строительства. По возвращении в Россию оба эти инженера привлекаются к работе в комиссии по проектированию железной дороги между Петербургом и Москвою, а с 1842 г. в комитете по сооружению этой дороги.

ЛЕВАШЕВ, Василий Васильевич (1783—1848), граф, генерал-ад'ютант, генерал-от-кавалерии.

В 1842 г. Левашев как председатель департамента экономии Государственного совета, был назначен в члены комитета Петербурго-Московской железной дороги.

ЛОНГИНОВ, Николай Михайлович (1798—1853), сенатор, член Гос. совета, статс-секретарь, заведующий всеми благотворительными и учебными заведениями ведомства Александры Федоровны.

МЕЛЬНИКОВ, Павел Петрович (1804—1880), инженер, генерал-лейтенант, министр путей сообщения (1862—1869).

В 1839 г. он был командирован вместе с инженером Крафтом в США для изучения железнодорожного транспорта. По возвращению, в 1840—1841 гг., он участвовал в комиссии по разработке Петербурго-Московской железной дороги.

В «Журнале путей сообщения» за время с 1832—1860 гг. им написан ряд статей, а в 1856 г. была выпущена его книга о железных дорогах.

МЕНЬШИКОВ, Александр Сергеевич (1787—1869), светл. князь, генерал-ад'ютант, адмирал. Принимал участие в совещании как начальник главного морского штаба. Принадлежал к противникам железнодорожного транспорта, защищая личные интересы как акционер общества дилижансов, которому с введением железных дорог грозило разорение.

МУРАВЬЕВ, Николай Назарович (1775—1845), новгородский губернатор, статс-секретарь (при Николае I), сенатор.

Записки о необходимости постройки в России железных дорог Муравьев писал, уже будучи не у дел, проживая в своем имении Покровское в Новгородской губернии. Этим, между прочим, об'ясняются настойчивые предложения его провести железную дорогу по линии Петербург — Новгород — Тверь — Москва, а не по прямой Петербург — Тверь — Москва.

НОВОСИЛЬЦЕВ, Николай Николаевич (1761—1836), граф. С 1832 г. председатель Гос. совета и комитета министров.

ПЕРЕВЕРЗЕВ, Федор Лукич (179...—1861), присутствовал в комитете как представитель от министерства внутренних дел, где был членом совета.

ПЕРОВСКИЙ, Лев Алексеевич (1792—1856), граф, с 1841 г. министр внутренних дел и одновременно товарищ министра уделов.

ПЛИТТ, Иван Конрад. консул во Франкфурте.

ПОТЬЕ, Карл Иванович (1786 (1790)—1855). Инженер, генерал-лейтенант. Француз, воспитанник Парижской школы мостов и дорог, был прислан по просьбе инспектора Института инженеров путей сообщения А. А. Бетанкура для преподавания в Институте. С 1824 по 1836 г. был членом совета главного управления путями сообщения и публичных зданий и одновременно (до 1834 г.) управляющим комиссией проектов и смет. С 1834 по 1836 г. был директором Института инженеров путей сообщения.

СПЕРАНСКИЙ, Михаил Михайлович (1772—1839), граф, член Госуд. совета 1821—1839).

СТРОГАНОВ, Александр Григорьевич (1795—1891), граф, генерал-ад'ютант, член Госуд. совета. В обсуждении вопроса о постройке Петербурго-Московской железной дороги Строганов принял самое активное участие. Будучи управляющим министерством внутренних дел (1839—1841), он получил для ознакомления сводные материалы комиссии, разрабатывавшей «предположения» по устройству дороги. Рассмотрев их, Строганов старался доказать невыгодность железнодорожного транспорта для России, критикуя все выкладки и наметки комиссии, и приводя свои цифры, которые должны были иллюстрировать неминуемый, с его точки зрения, крах всех расчетов комиссии. Критикуя со всех сторон предположения об устройстве железной дороги между двумя столицами, Строганов всеми путями вел дело к тому, чтобы железным дорогам в России был бы предпочтен дешевый водный транспорт. Указ Николая I о постройке Петербурго-Московской железной дороги прекратил дальнейшие нападки на нее Строганова (См. д. канцелярии министра вн. дел. 1841—1842 гг., д. № 218 «Б».)

ТОЛЬ, Карл Федорович (1777—1842), граф, генерал-ад'ютант, генерал-от-инфантерии, член Госуд. совета. С 1833 по 1842 г. главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями.

ЧЕВКИН, Константин Владимирович (1802—1875), генерал-лейтенант, главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями. В 1834 г. назначен начальником штаба корпуса горных инженеров. В 1835 г. пригласил из Австрии в Россию в качестве консультанта по горному делу Франца Антона фон-Герстнера, а в 1836 г. сам поехал за границу, где ознакомился с новыми достижениями в горном деле. В 1840 г. ездил опять за границу с целью осмотра иностранных железных дорог. По возвращении принял самое горячее участие в разработке проекта Петербурго-Московской железной дороги. С 1853 г. по 1862 г., был главноуправляющим путями сообщений и публичными зданиями.

ЧЕРНЫШЕВ, Александр Иванович (1786—1857), светл. князь, генерал-ад'ютант, генерал-от-кавалерии. С 1827 г. по 1852 г. военный министр, с 1848 г. председатель Гос. совета.

К истории Бурятии в XVII в.

«История бурят-монгольского народа полна кошмарных страниц, писанных кровью» [1].

Уже с первых годов XVII в., с того момента как Московское государство «проведало», что «братцкая земля богаче и людей в ней много», Бурято-Монголия превращается в арену для кровопролитных боев между бурятами и царскими колонизаторами.

Рост экспорта русских товаров и в частности сибирской пушнины, особенно усилившийся с развитием торговых связей с Голландией, толкал Московское государство на дальнейшие колониальные захваты, в частности на захват бассейна «великой реки Лены», где находились «лутшие соболиные места».

Движению на восток способствовали и слухи о полном сказочных богаств Богдойском царстве, т. е. о Китае. В это время Московское государство всячески стремилость стать единственным посредником между рынками Европы и азиатского востока.

«Что касается персидских и восточных товаров,— писал в 1629 г. Михаил Федорович Людовику XII, — то мы будем так дешево продавать их вашим поданным, что им не будет нужды ехать за ними куда либо» [2].

Китайские товары сулили колоссальные барыши. Кроме того, на востоке от Енисея, по слухам, имелись богатые залежи серебра, столь необходимого Московскому государству, переживавшему острый дефицит в драгоценных металлах. «Еще в 1935 г., — указывает К. В. Базилевич, — пониженная денежная стопа была установлена в 3 рубля из гривенки серебра в 48 золотников. Дальнейшее понижение веса монет произошло, повидимому, в конце царствования Василия Шуйского. При Михаиле Федоровиче, в 1613 г. и позже, была принята стопа в 4 руб. из гривенки серебра. После 1616 г., но не позже 1626 г., вес монеты был еще понижен и стопа была доведена до 4½ р.» [3].

Кризис 40-х годов XVII в. усилил стремление Московского государства к дальнейшим захватам Сибири. Войны на юге России требовали больших расходов, Их должна была компенсировать сибирская пушнина. И кризис денежной системы, вынудивший прибегнуть к выпуску медной монеты, требовал усиленной компенсации драгоценными металлами.

Дальнейшее продвижение на восток рисовалось как разрешение всех противоречий, сулило такие же богатства, как в свое время завоевание Сибирского царства. Недаром енисейский воевода Пашков, предлагая проект построения военных острогов в Забайкалье и по Амуру, писал царю о том, что в этих районах можно привесть под «государеву царскую высокую руку многих земель людей» и что «в тех... новоприводных землях будет другое Сибирское царство» [4].

Опорными пунктами, откуда началось продвижение против бурят, были Енисейский и Красноярский остроги, основанные в 1618 и 1628 гг.

Из Енисейского острога шли по Ангаре, а из Красноярского — вверх по Кане.

Уже в первых сведениях, полученных русскими о бурятах, они вырисовыва-

---

[1] Из речи т. Ербанова на приеме делегатов Бурято-Монгольской АССР руководителями партии и правительства.

[2] «Торговля и торговый капитал в Московском государстве», Л., 1926 г., стр. 121.

[3] К. В. Базилевич, Денежная реформа Алексея Михайловича, «Известия Академии наук», 1935 г., № 3, стр. 201.

[4] ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1655 г., столб. № 6388/344, лл. 571—589.

ются не только как скотоводы, но и как земледельцы. Сеяли буряты по преимуществу просо. Часть проса они обменивали у тунгусов на пушнину, в частности на соболей, которые шли «в Мугалы». В составленной в 1640—1641 гг. росписи рек точно отмечается, что «серебро в браты идет из Мугал, а покупают братцкие люди то серебро у Мугал на соболи» [1].

К Бурятам из Мугал шло не только серебро, но и другие товары в частности очевидно, бухарские и китайские. Уже в 1627 г. Максим Перфирьев сообщал о том, что у бурят «соболи и лисицы и бобры и бухарских товаров дорогов и киндяков и зенделей и шелков и белья много» [2].

Часто буряты после сильных поражений, нанесенных им русскими казаками, сразу не уплачивали ясак, а «упрашиваются в ясаке до осени». Это является показателем активного обмена, который велся бурятами с соседними племенами. С балаганских бурят в 1655 г. Дмитрию Фирсову не удалось получить ясака именно по этой причине. Как сообщал Фирсов, бурятские князцы просили в «ясаке дать сроку до осени 163 году, а ныне де, государь, ясака дать тебе, государю, им нечево: которые де, государь, у них были соболи и с весны де, государь, рано до поставки твоего государства нового Балаганского острогу торговали они с мугальскими людьми и соболи свои все променили им на их мугальские товары» [3].

Буряты оказывали стойкое сопротивление завоеванию их Московским государством. Оно проявилось сперва в длительной активной борьбе с казачьими отрядами, затем в бесчисленных восстаниях и нападениях на укрепившихся в острогах и севших на пашню колонизаторов, и наконец, приняло форму массовых откочевок в Монголию.

«Опрично де, государь, тех брацких воинских людей,— доносили казаки,— во всей Ленской земле таких воинских людей тебе непослушных нет» [4].

Бурятские воины, судя по казачьим отпискам, были храбрыми, хорошо вооруженными всадниками. «А приходят де брацкие люди,— сообщали служилые Верхоленского острожка,— под острог войною на конях, сбруйно в куяках и в шишаках, а бой у них лучной и копейной и сабельной».

По словам казаков, размер бурятских отрядов достигал иногда «боевого люду человек тысячи с две и больше».

Вооружение бурят, а порою даже превосходство вооружения бурятских отрядов по сравнению с царскими (особенно в том случае, когда у последних нехватало «огненного боя»), неоднократно подчеркиваются местными документами. «А те государь брацкие люди, — доносил ленский воевода, — с ними, служилыми людьми, на боях бьются с броны в куяках и в наручах и в шеломах, а они де, служилые люди, из своих худых пищаленок ничего оным не учиняют и их куяков мало пробивают» [5].

Бурятские воины, эхириты и булагаты, очевидно, были хорошо снабжены металлическими доспехами, ибо после каждого удачного с ними сражения мы имеем указания о том, что захвачены куяки, шеломы и пр.

Для самозащиты бурятские воины, кроме того, имели щиты, под прикрытием которых и производилось нападение.

Бои, как правило, были продолжительны и упорны. Сын боярский Алексей Бедарев встретился выше реки Орленги 31 октября 1646 г. с отрядом бурят. «Дрались с ними, — писали казаки, — с полдни до вечера». В ходе боя со стороны бурят было «три выпуска», т. е. три атаки. В результате боя число убитых русских превышало число убитых бурят. Произошло это потому, как об'ясняли впослед-

---

[1] «Дополнения к актам историческим», т. II, стр. 248.
[2] ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1627 г., столб. № 605/12, стр. 87—89.
[3] Там же. 1655 г., столб. № 6399/344, лл. 633—642.
[4] Там же, 1647 г., столб. № 274, лл. 338—352.
[5] Там же

ствии казаки, что «те служилые и охочие люди были безодежны, пансырей и куяков ни у ково не было».

Упорное сопротивление бурят привело местную администрацию к выводу, что существовавший до того времени метод посылки отдельных, не всегда хорошо вооруженных и немногочисленных карательных отрядов против бурят ни к каким результатам не приводит.

Действительно, опыт борьбы говорил о том, что после самого сильного разгрома с уходом карательного отряда буряты вновь оказывали упорное сопротивление сборщикам.

«И только де тех братцких людей войною не смирить»,— писал в 1647 г. ленский воевода Пушкин в Сибирский приказ, понимая под войною эпизодическую посылку вооруженных отрядов.

В Верхоленском остроге Пушкин предлагал сформировать отряд в 200 человек конных, снабдив их из Москвы панцырями и ружьями. Кроме того, предполагалось прислать в Верхоленский острог из Москвы же 300 мушкетов для «охочих» людей, которые пойдут воевать с бурятами не из-за жалованья, а из-за военной добычи.

Вербовка торговых, промышленных и прочих «охочих» людей для борьбы с бурятами проходила на Илимском волоке весьма успешно. Участие в подобной военной экспедиции сулило бо́льшие барыши, чем торговые операции, ибо «охочие» получали не только «погром», как предлагал Пушкин, но и жалованье.

По сведениям конца 20-х годов XVII в., буряты даже в ближайших к русским поселениям районах оставались еще независимыми и «ясаку с них не имывали».

В росписи «рекам, и новым землицам, и князцом, с которых государев ясак сбирается в Енисейский острог» [1], датируемый серединой 1630 г., упоминаются лишь буряты, живущие «на вершине Тассевы реки» у устья Уды и по р. Оке.

С 1641 г. по 1650 г., как сообщал Курбат Иванов, были им «об'ясачены братцких князцей и улусных людей человек тысячи полторы». И хотя, по его словам, «те братцкие люди и тунгусы учинились ныне под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве и ясак учали давать», рассматривать захваченные районы как районы ясачные не приходится.

Казаки недаром писали, что «тот государев ясак с тех новых людей с тунгусов и с братов по вся годы имали за саблею и за кровью» [2].

Размеры взыскиваемого ясака определялись в конечном счете соотношением сил туземцев и сборщиков.

За отдельные годы удается собрать полностью ясак, сообщить в Сибирский приказ о полной замиренности бурят, о их желании «повсягодно ясак давать», но из тех же районов в следующем году казаки сообщают о резком сопротивлении туземцев и о полной невозможности собрать с них пушнину.

Победа над бурятами и возможность их эксплоатации были достигнуты не только при помощи военных отрядов, но и при помощи заселения бурятских земель пашенными крестьянами.

Закрепление захваченной территории было одной из существенных задач, которую должны были выполнить русские поселения, создав местную продовольственную базу и тем самым удешевив содержание войск и стоимость администрации в новой колонии. Посаженный на экспроприированную у туземцев пашню, наделенный отнятым у них скотом, будучи постоянно в окружении враждебно настроенного местного населения, подобный крестьянин должен был явиться не только «пахарем», но и «легионером», охраняющим захваченные территории, углубляющимся и осваивающим такие районы, куда вооруженные казаки порою и не заходили.

---

[1] ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1627 г., столб. № 605ϵ/12, лл. 475, 478—481.
[2] Там же, столб. № 6446/402, лл. 182—195.

Выбирая место для острога, царские колонизаторы, в первую очередь, руководствовались наличием в этом районе «пашенных мест» и «сенных покосов». Были случаи переноса острога с места на место в виду недостаточности в выбранном для острога месте годных для земледелия участков.

По представленной Курбатом Ивановым в начале 40-х годов XVII в. «росписи пашенным местам и сенным покосам», имеющимся вокруг предполагаемого устройства у устья реки Куленги острога, можно судить, какой размер предполагалось придать поселениям пашенных крестьян, и какое количество наиболее плодородных земель было экспроприировано у бурят уже в первые годы колонизации.

На расстоянии от усть Куленги до усть Куты было зарегистрировано 2 270 десятин пахоты и сенокоса на 13 950 копен сена [1].

Исходя из предполагаемой нормы надела «в 30 десятин человеку в пахоту и под двор и под скотину тут же, да сенных покосов по 200 копен» [2], следует сделать вывод, что уже в 40-х годах в этом районе предполагалось посадить 70 слишним человек. При этом следует иметь в виду, что часть пашенных крестьян пользовалась наемной рабочей силой в несколько человек.

Таким образом, вместе с семьей и работниками получалась солидная по тем временами и по условиям того района армия. Эти хозяйства, отстоявшие на некотором расстоянии друг от друга, являлись укрепленными крепостями, способными выдержать довольно длительную осаду бурят.

Государева пашня в целом себя не оправдала. Наблюдался колоссальный отсев «саженных» на пашню крестьян, который вызывался главным образом злоупотреблениями местной администрации, жестоко эксплоатировавшей присланных крестьян, но все же из среды пашенных крестьян вырастал ростовщик, державший в экономической кабале туземцев, а в случае надобности и с оружием в руках выступавший на борьбу с ними. Этот слой поселенцев и должен был гарантировать московскому правительству возможность систематической эксплоатации колонии и возможности дальнейших колониальных захватов.

Буряты в допросе в Иркутском остроге говорили: «Илимского уезду каменские и олонские служилые и посацкие люди и пашенные крестьяне нас бьют и увечат и с островов Иркутского острогу, на которых островах преж сего кочевали деды и отцы наши, зжили и кочевать нам по тем островам не дают и по тем островам они, каменские и олонские, илимские сено косят, да они ж де, каменские и олонские, вина сидят и по нас братцких мужиках ездят и продают и нас они бьют и увечат беспрестанно и нас они згонили с островов два годы» [3].

Процесс земельной экспроприации, начавшийся с первого момента проникновения царизма в Бурятию, к началу XIX в. принял особенно циничные формы.

Непрерывный процесс вытеснения бурят с «угожих» мест переселенцами из России в начале XIX в. завершился знаменитым «обменом» между хоринцами и царским правительством, по которому буряты лишились свыше ста тысяч десятин наиболее плодородных земель, «взамен» которых им были предоставлены голые степи, вдобавок им же и прежде принадлежавшие. Как доносил землемер, производивший обмежевание, «принятые хоринцами земли суть степи, годные единственно для скотоводства подле тунгуских кочевьев и между хоринских стойбищ находящиеся, которые зимними жилищами хоринцы и те прежде беспрепятственно запимали» [4].

Дальнейшее наступление на земельные угодья бурят не прекращалось вплоть до падения самодержавия.

Прямой грабеж, характерный для периода активной борьбы царизма с буря-

---

[1] ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1647 г., столб. № 274, лл. 287—289.
[2] Там же.
[3] Там же, 1686 г., столб. № 6791/747, лл. 52—55.
[4] ЛОЦИА, ф. 977, 1807 г., д. № 323, лл. 30—39.

тами, постепенно сменяется замаскированным грабежом — как со стороны чиновников из туземной верхушки, так и министерских чиновников.

Один лишь гражданский губернатор Трескин успел под видом подарков себе и своей «супруге» получить с бурят в течение девяти лет (с 1811 г. по 1819 г.) мехами, наличными деньгами и прочим на 85 650 рублей — сумма по тем временам колоссальная. Не отставали от чиновников и туземные верхи, которые быстро превращались в царских прислужников.

Жалобы на притеснения тайшей следственными властями, как правило, «не подтверждались», наоборот, туземная верхушка получала всяческие награды и поощрения, за активную помощь в эксплоатации своего народа, за активное участие в насильственном крещении и т. д.

Обреченную на вымирание в условиях царизма страну преобразила Великая социалистическая революция. Из отсталой царской колонии Бурято-Монголия превращается в передовую республику Страны советов.

Плодороднейшие земли и тучные пастбища, которые столько лет были об'ектом грабежа царских чиновников, отныне принадлежат трудящимся Бурято-Монголии. «Окончательно закреплена вековая мечта нашего народа — получил он земли и богатые пастбища в вечное пользование»,— заявил секретарь обкома Бурято-Монгольской республики на приеме в Кремле.

Народ, который столько лет был об'ектом чудовищной эксплоатации, стал в первые ряды борцов за построение нового бесклассового общества, являющегося единой братской семьей равноправных народов. «Бурято-Монголия,— говорил т. Молотов,— по своей настойчивости в создании новой социалистической жизни, по работе колхозов и развитию культурных начинаний относится к передовым советским республикам».

Созданная по инициативе товарища Сталина Бурято-Монгольская автономная республика достигла под руководством коммунистической партии и ее гениального вождя, небывалого расцвета и имеет крупнейшие достижения, как в экономическом, так и в культурном отношениях.

Государственный план по животноводству — ведущей отрасли народного хозяйства в Бурятии — в 1935 г. не только выполнен, но и перевыполнен. Страна индустриализируется: вырастает ряд крупных промышленных предприятий, заканчивается строительство паровозо-ремонтного завода-гиганта.

В республике, где до пролетарской революции не было ни одной национальной школы, ныне имеется 283 учебных заведения. В республике, где число грамотных едва достигало 8%,— ныне грамотных 70,2% всего населения.

«Бурято-Монголия находилась под гнетом царизма в течение 300 лет, и только лишь Октябрьская революция, наша славная коммунистическая партия во главе с великими Лениным и Сталиным освободила Бурято-Монголию от векового гнета и дала возможность образовать свою Автономную Советскую Социалистическую Республику» [1].

Настоящая публикация является частью подготовленного к печати Ленинградским отделением Центрального исторического архива сборника документов по истории Бурято-Монгольской АССР.

С. Окунь

1. Выписка, составленная в Сибирском приказе, о походах стрелецкого сотника Петра Бекетова в «братцкую землю» и о количестве собранного в 1629—1633 гг. с бурят ясака *

В прошлом во 137 году писал блаженные памяти к великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии из

[1] Из речи т. Ербанова на приеме делегатов Бурято-Монгольской АССР руководителями партии и правительства.

* Гос. архив феодально-крепостной эпохи (ГАФКЭ), Сибирский приказ, столб. № 6446/402, лл. 120, 119, 118, 117, 116, 115, 114.

Сибири из Енисейского острогу воевода Василей Аргамаков. В прошлом де во 136 году посылал он служилых людей сбирать государева ясаку в Енисейской уезд по ясачным книгам на 136 год да, сверх того ясачного сбору, посылал он для государева ясачного сбору, чтоб государю перед прежними учинити прибыль, в дальние новые землицы и по Тунгуске вверх на рыбную ловлю, где сбираются ясачные люди, Петра Бекетова с служилыми людьми, потому, что тунгуские люди под государевою царскою высокою рукою еще не укрепились и ясаку с себя дают мало и то с подарки, а не окладом, а иные ничево не дают и служилых людей побивают, и убили служилых людей да целовальника 3 человек[1]. И велел ему тут острожек поставить. И Петр Бекетов с служилыми и с промышленными людьми острожек поставили и, призвав в острожек тунгуских людей и аманатов, у них и под тех аманатов ясак взяли перед прежним с прибылью, а что с них государева ясаку собрано и то писано в ясачных книгах подлинно.

А в енисейских ясачных книгах [за]прошлой 137 год, каковы присланы ко государю из Сибири из Енисейского острогу за рукою воеводы Василия Аргамакова написано. Взял государева ясаку вновь, ездя в Тунгуску острожку ставить на рыбной ловле, Петр Бекетов с служилыми людьми с князцы Ирканья с товарыщи 2 сорока[2] 36 соболей да 10 пластин собольих да 2 шубы собольи.

Да в прошлом же во 138 году писал к государю из Сибири из Енисейского острогу воевода Василий же Аргамаков. В прошлом де во 137 году посылал он из Енисейского острогу для государева ясаку под Брацкой порог енисейских служилых людей Петра Бекетова, а с ним енисейских казаков 19 человек. И Петр Бекетов с служилыми людьми в Тунгуске под Брацким порогом собрал государева ясаку 15 сороков 2 соболя, а из под Брацкого порогу ходил он, Петр, с служилыми людьми для государева ясачного сбору в Брацкую землю 7 недель, чтоб государю в ясачном сборе учинити прибыль, и уговаривал брацких людей, чтоб они, брацкие люди, были под государевою царскою высокою рукою и ясак с себя давали[3]. И ходя в Брацкой земле терпели голод, ели траву и коренья и, уговоря брацких людей, привели под государеву, царскую высокую руку князцей Кодогоня, да Кулзаза, да Алдая с товарыщи на том, что им, князцем и брацким людем, быть под государевою царскою высокою рукою вперед неоступным и ясак с себя платить в Енисейской острог, и взяли с брацких людей государева ясаку на 137 год 2 сорока 3 соболей.

А в енисейских ясачных книгах прошлого 137 году, каковы присланы ко государю из Сибири из Енисейского острогу за рукою воеводы Василия Аргамакова написано. Взято государева ясаку с новых землиц под Брацким порогом с тунгусов и с брацких людей на 137 год сбору Петра Бекетова с служилыми людьми 17 сороков 9 соболей, да пластина лисья, да 2 подволоки лыжные бобровые.

А что той мяхкой рухледи обоих сборов Петра Бакетова 136 и 137 году сибирская и московская цена, того выписать не из чево, потому что в ценовной сибирской росписи енисейская ясачная мягкая рухледь с старых и с новоприискных ясачных людей списана ценою вместе, а не порознь.

Да в прошлом же во 140 году писал к государю из Енисейского острогу воевода Ждан Кондырев. В прошлом де во 139 году послан* на государеву службу из Енисейского острогу на великую реку Лену для государева ясачного збору и приписку новых землиц Петр Бекетов, а с ним енисейских служилых людей 30 человек.

* В оригинале «послал».

И в прошлом во 143 году писал к государю из Енисейского ж острогу воевода Ондрей Племянников и прислал под отпискою своею Петра Бекетова и служилых людей новоприисканым землицам и непослушным ясачным людем и ясачному сбору послушной список. А в послушном списку написано: Петр Бекетов с служилыми людьми ходил в Брацкую землю вверх Лены реки, на усть Ону реку, к брацким и к тунгуским людем для государева ясаку, которые преж того государева ясаку не оплачивали, и те де брацкие и тунгуские люди государю учинились непослушны и хотели их служилых людей побить, и они де, Петр с товарыщи, от тех брацких людей сидели в осаде 3 дни и божиею милостию и государевым счастием он Петр с служилыми людьми тех брацких людей побили и убили их на розных боех и на приступах 90 человек брацких и якуцких и тунгуских людей, а брацкие люди на тех боях ранили служилых людей 3 человек да 2 тунгусов, которые у них были в вожах. И после того те брацкие и тунгуские ясачные люди учинились под государевою царскою высокою рукою на веки неотступны. И взяли с тех, с новых ясачных людей, государева ясаку на 140 да на 141 год 23 сорока 31 соболь, да лисицу красную, да в аманаты князца.

2. Челобитная ленского воеводы Пушкина и других, поданная в Сибирский приказ, 1645—1646 гг. *

Государю, ...(т)... холопи твои Васка Пушкин, Кирилко Супонев, Петрушка Стешшин челом бьют.

В нынешнем, государь, во 154 году сентября в 18 день писали к тебе государю, ...(т)... к Москве мы, холопи твои, с ленскими служилыми людьми с Трофимком Федоровым с товарищи по отписке из Верхоленского братцкого острожку пятидесятника Курбатка Иванова, что в прошлом государь во 153 году братцкие люди, которые были под твоею государевою царскою высокою рукою, от розгрому атамана Васки Колесникова с товарищи, тебе, государю, изменили и ясаку с себя платить не учали[4]. И преж того твоих государевых служилых людей, выманя из острожку в свои улусы, а иных, которые посыланы были для твоего государева ясачного збору, и на Ламе Семенку Скороходова с товарыщи побили. И под Верхоленской острожек не по одно время войною приходили, и кони и коровы у служилых людей отгоняли, и пашенного крестьянина Оверку Елизарьева раззоряли, и работников ево руских пяти человек побили, и сена прижгли, и хлеб розсыпали, и пашенной завод розвезли.

И после, государь, того, как мы, холопи твои, о тех брацких людей измене писали к тебе, государю, к Москве, пришед под тот же Верхоленский братцкой острожек со многим собраньем, и служилых людей в острожке осадили, и достальной скот, кони и коровы отгонили, и сена прижгли, а оборонитца де государь было в Верхоленском брацком острожке им служилым людем от тех брацких людей за безлюдством некем, потому что в том брацком острожке их служилых людей было всего и с целовалником 27 человек. А нам, государь, холопем твоим, с Ленского Илимского волоку на прибавку к тем служилым людем в Верхоленской брацкой острожек вскоре послать было неково ж, потому, которые, государь, служилые люди из Тобольска 50 человек с нами, холопи твоими, на твою государеву службу на Лену посланы, и в Енисейском остроге для твоего государева сыскного дела 20 человек взяты, и те, государь, все служилые люди шли с хлебными

* ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1647 г., столб. № 274, лл. 338—352.

запасы, их же тобольских служилых людей оклады и пашенных черкас дву годовые месечные кормы, которые из Енисейского острогу отпущены, и на Илиме реке у верхнево порогу с теми запасы и замерзли. А мы, государь, холопи твои в своих судах людишками своими шли на Ленской волок для поспешеня поскорее.

И писал, государь, к нам, холопем твоим, на Илимской ленской волок из Верхоленского брацкого острожку тот же пятидесятник Курбатка Иванов, что брацкие де люди, видя их безлюдство, идут на низ Лены реки на Орленгу, где было поселился вновь пашенной Офонка Долгой, и на усть Куты реки, где твои государевы служилые люди пашут на тебя, государя, пятнадцать десятин, и соляная варница, в которой на тебя государя соль варят, их роззорять и с Илимского Ленского волоку дорогу отымать и нас, холопей твоих, на Лену не пропустить. И мы, государь, холопи твои, на ленском Илимском волоку на твою государеву службу в Верхоленской брацкой острожек на брацких людей войною в поход велели сыну боярскому Олексею Бедареву прибирать к себе в полк из промышленных и из гулящих людей. И собралось, государь, на ленском Илимском волоку на твою государеву службу на брацких людей с сыном боярским с Олексеем Бедаревым приезжих сибирских городов и промышленых гулящих людей по росписи 82 человека, да к тем же к новоприборным людем в прибавку дал к тому сыну боярскому Олексею Бедареву ленских и тобольских служилых людей, которые немногие люди с нами пришли, а иные, государь, к нам холопем твоим с отписками встречю, из Якутского острогу пришли всего 31 человека. Да мы ж, государь, холопи твои, для безлюдства ж дали своих людишек: я, Кирилко, 4 человек, а я, Петрушка, 5 человек. И всего, государь, служилых и наших, холопей твоих, Кирилковых и Петрушкиных людишек и гулящих охочих людей было с сыном боярским 123 человека. И, дав им для твоей государевы службы из твоей государевы казны по фунту зелья, свинцу тож, да вперед на запас дали сыну боярскому Олексею Бедареву на иных новоприборных охочих людей, которые приберутся вновь на усть Куты и на Орленге, полпуда зелья, свинцу тож, потому что, государь, у тех гулящих людей своево зелья и свинцу не было, и за тем было на твою государеву службу иттить не хотели, в том числе было служилых и наших людишек и охочих человек с 50 ссыльных. И тому сыну боярскому Олексею Бедареву, дав наказную память, отпустили мы, холопи твои, к ним тех твоих государевых служилых и гулящих охочих людей на твою государеву службу по первому зимнему пути октября в 6 день нынешнего 154 году.

А велели, государь, по той наказной памяти тому сыну боярскому Олексею Бедареву с теми служилыми людьми в Верхоленской брацкой острожек на прибавку к верхоленским брацким служилым людем итить с Ленского волоку с великим поспешением днем и ночью, не мешкая нигде ни часу, с великим бережением, учиня перед собою яртаул и дневные и ночные крепкие караулы, чтоб над ними брацкие люди на переходе, пришод безвесно, какова дурно не учинили. А из Верхоленского, государь, брацкого острожку тому сыну боярскому Олексею Бедареву да с ним пятидесятнику Курбатку Иванову, взяв из твоей государевой казны, которые тут есть куяки с наручни, шеломы, и с теми со всеми служилыми и с новоприборными охочими людьми, оставя в Верхоленском острожке для сбереженья от брацких людей немногих людей, сколько мочно, велели им, прося у бога милости, итить войною на тех твоих государевых изменников на брацких людей и над ними промышлять, сколько милосердый бог помочи подаст.

И как, государь, сын боярской Олексей Бедарев с служилыми и с новоприборными людьми пришли на усть Куты реки и октября де в 20 день встретились с ним и с служилыми и новоприборными людьми ленские служилые люди, которые, государь, посланы были из Якуцкого остропу в провожатых за твоею государевою ленскою соболиною казною до Ленского волоку 49 человек, и сказали им, что де твоя государева ленская соболиная казна до усть Куты замерзла, не дошед за десять ден, а до ленского Илимского волоку за пол трети недели против Чичюйского волоку, на займище пашенного крестьянина Панфилка Яковлева. И встретясь, государь, они с теми служилыми людьми того ж числа и розошлися: сын боярской Олексей Бедарев с служилыми и с новоприборными охочими людьми пошли на твою государеву службу в Верхоленской брацкой острожек, а те ленские служилые люди пошли на ленской Илимской волок к нам, холопем твоим.

И в нынешнем же, государь, во 154 году ноября в 29 день на ленской Илимской волок писал к нам, холопем твоим, из походу сын боярской Олексей Бедарев, что октября ж де в 31 день, с усть Куты к Верхоленскому острожку на полудороге, в урочищах выше Орленги речек...* в тесных местах встретили их воинские брацкие многие люди человек с пять сот и больши, и у них с ними бой был, дрались с ними с полдни до вечера и, божиею милостию и твоим государским счастием от тех брацких многих людей они, служилые малые люди, устояли, а на том бою убили у них брацких людей 3 челавек добрых брацких мужиков, в том числе брацкого ондово и лутчево мужика убили Котогорского роду наезника, которой к ним в наезде напущал с людьми все 3 напуска, князца Магахчюкова, брата Баатура, и, убив ево, у них взяли со всем в куяке с наручи и в шишаке и с саадаком. А иных де, государь, многих брацких людей и под ними коней испе[ре]ранили, а у них де, государь, служилых людей на том бою из охочих вольных людей убито пять человек да два человека ранено. Потому что де, государь, те служилые и охочие люди были безодежны, панцырей и куяков ни у ково не было. И с того де, государь, бою те брацкие люди, как у них того наезника мужика убили, побежали. А сказывали де, государь, им сыну боярскому и служилым людем тунгусы, с которыми пришли к ним на встречю после того бою на другой день, Чидчулко да Дорыга,— бежали де мимо их, тунгусов, брацкие люди и сказывали, что пошли де было они на Орленгу и на усть Куты к соли твоих государевых всяких руских людей побивать, и пашенных крестьян раззорять, и деревни пустошить, и хлеб и сена жечь — Колготорского роду князец Мукунчак, а с ним многих родов люди Болоцкого роду князца Тонлоя дети, которой взят был в аманаты и сидел в Верхоленском брацком острожке да тут и пропал. Да с Укичи и с Осы князец Балул, да Дюгуд с людьми своими, да букушурские люди с верх Уды да с Оки реки икинятские люди, а было де, государь, тех брацких людей в собранье больше пятисот человек И только б, государь, мы, холопи твои, на Илиме реке, собрав охочих новоприборных людей, с сыном боярским с Олексеем Бедаревым в нынешнем во 154 году по первому зимнему пути в Верхоленской брацкой острожек не послали, и твои, государевы, служилые люди с теми брацкими людьми не встретились, и те, государь, брацкие люди на Орленге промышленых людей всех, которые в те поры тут были, а на промыслы не розошлись, человек с сорок и больши, и на усть Куты твоих, государевых, служилых и пашенных, которые на тебя, государя, пять человек с работными людьми твою, государеву, пашню

* Слово не разобрано.

пятнадцать десятин пахали, и варничного усолья целовальника и служилых людей, которым тут трем человеком приказано, и работных людей—соловара и подварка и дроворубов и промышленых же людей, которые в то время тут были, всех бы побили и деревни раззорили и твой бы, государев, хлеб пожгли. И над твоею, государевою, соболиною казною, которая к тебе государю из Якуцкого послана ниже той усть Куты за десять днищей замерзла, от тех же брацких людей чаять было дурна большого, потому что от усть Куты вниз по Лене, где твоя, государева, соболиная казна была в заморозе недалече и обойти было с тою твоею, государевою, соболиною казною мимо того усть Куцкого места к нам на Ленской волок иною дорогою отнюдь некуду и негде. А у той, твоей, государевы, соболиной казны служилых людей, которые за тою твоею, государевою, соболиною казною из Якуцкого острогу посланы в провожатых до Москвы, с Миткою Вяткою с товарыщи и с целовальники, всего было человек с сорок. А как, государь, с тою твоею, государевою, соболиною казною тот Митка Вятка с служилыми людьми пришли к нам, холопем твоим, на ленской Илимской волок, и мы, государь, холопы твои, того Митку Вятку роспрашивали, для чего он Митка от твоей государевы соболиной казны служилых людей, которые с ним из Якуцкого острогу посланы были до Ленского волоку в провожатых, их от себя отпустил и к нам на Илим за Ленской волок наперед себя задолго прислал, и кем было ему от тех твоих государевых изменников от брацких людей в остереганье быть. И тот Митка Вятка нам, холопем твоим, в роспросе сказал, что де ему в Якуцком остроге стольник и воевода Петр Головин в наказной памяти велел написать, будет где их на Лене реке с тою твоею, государевою, соболиною казною замороз застанет, и ему Митке велел за хлебною скудостью тех провожатых служилых людей, которые посланы до Ленского волоку, отпустить наперед себя на ленской Илимской волок. А у них де, служилых людей, с собою зелья и свинцу было мало, а у иных и не было, потому что де им в Якуцком остроге твоево государева зелья и свинцу не дано. А как, государь, на твою государеву службу после того брацкого бою сын боярской Олексей Бедарев с служилыми людьми в Верхоленской брацкой острожек пришли ноября в 8 день и из Верхоленского ж, государь, острожку на твоих государевых изменников на брацких людей войною ходили два похода, и всего, государь, они в Верхоленском брацком острожке жили и в походы на брацких людей войною ходили и как и из Верхоленского брацкого острожку назад к нам на Илимской ленской волок марта по 19 число осмнадцать недель. И о тех, государь, они свои походех писали к нам, холопем твоим. И как тот сын боярской и пятидесятник Курбатко Иванов с служилыми людьми на Илимской ленской волок пришли и в послушном в походном де своем списку и в роспросе перед нами, холопи твоими, сказали, как де, государь, они служилые люди, сын боярской Олексей Бедарев и пятидесятник Курбатко Иванов, со всеми служилыми с новоприборными охочими людьми, оприч тех, которые оставлены были в острожке, подшод на брацкие улусы, которые тебе государю изменили, в твоем государеве ясаке отказали и войною под острог приходили Икирежского роду, и в тех де, государь, икирежских юртах и первом походе взяли тридцать баб, в том числе Икирежского князца Бурина жена, а осмнадцать робенков, да одиннадцать куяков, восемь шеломов, семеро наручи, да твоей государевы казны пансырь, да лоскутье пансырное, что побиты на Ламе твои государевы служилые люди Семенка Скороходов с товарыщи. Да в тех же, государь, юртах нашли пищальную натруску казачью, да

киот образовую, да пашенного Оверки Елизарьева ральник, да рубашку холщевую и многой де, государь, отгонной скот у тех брацких людей Верхоленского брацкого острожку служилые люди опознавали.

И декабря, государь, в 31 день приехали от того Икирежского роду от Буры князца в Верхоленской острожек ясачные два тунгуса да с ними брацкой мужик и били челом тебе, государю, чтоб ты, государь, их пожаловал — велел жену ево Бурину и иной ясырь * отдать на выкуп. И привезли тебе, великому государю, от него, Буры, и того ж Икирежского роду с иных брацких людей с Булгуя да с дорогая и с их улусных людей, которых они служилые люди громили, твоево государева ясаку десять сороков соболей, ожерелье брацкое соболье шито, в нем четыре пластины, лисиченко красная.

Да как они, служилые ж люди из Верхоленского ж брацкого острожку, ходили в другой поход на брацких людей Сипугайского роду, и божиею милостию и твоим государским счастьем в том другом походе того Сипугайского роду брацких людей погромили и многих на бою побили, и после, государь, того погрому тех брацких людей князца Челгодона и с ево улусных людей взяли на тебя, государя, ясаку семдесят семь соболей, два недособоля да четыре ожерелья брацких. И февраля де, государь, в 20 день приехали в острожек Икирежского роду Булуй, Бурин брат, да Кунчюк, да Булгадайского роду Торымовых улусов меншово брата сын Цоронхай, а с собою привез тебе, государю, ясаку тридцать три соболи, два кошлочишка да Булгадайского роду Содок прислал тебе государю ясаку с своих улусных людей тридцать соболей да одирок лисичейка красного. И они де, государь, сын боярской Олексей Бедарев да пятидесятник Курбатко Иванов, икирежского князца Буры жену ево к нему отпустили без выкупу, а иной ясырь давали на выкуп на лошади и на скот, а тех мужиков взяли всех в аманаты, а к нам, холопем твоим, на Илим привезли дву аманатов [5] Икирежского князца Буры брата ево, Булуя, да сипугайского мужика, которого взяли на погроме Чекора, а в Верхоленском де, государь, в брацком острожке оставили в аманатех Икирежского роду Бунчюка, да Сипугайского роду Цонгодонова сына Уртегу да Булгадайского роду Цоронхоя.

А тот, государь, они ясак, что с брацких людей погромя и с них на тебя, государя, взяли тринатцать сороков, двадцать соболей, два недособоли, пять ожерелей брацких собольих, два кошлочишка, лисенко красное с лапы без хвоста да одирок лисиченка красного привезли к нам же на волок, и пришлем к тебе, государю, мы, холопи твои, из Иркуцкого острогу с ыным твоим государевым нынешнего 154 году ясачным сбором вместе.

И марта ж, государь, в 22 день писал к нам, холопем твоим, из Верхоленского брацкого острожку казачей десятник Васка Бугор: как де сын боярской с служилыми людьми и с аманаты из Верхоленского брацкого острожку пошли к нам на Илимской волок и февраля в 28 день, пришод под острог ночною порою, брацкие люди те же икирежские и сипугайские Булгадайского роду человек с 70 и их погромной кони и скот, что были у них на погроме взяты и на ясырь выкупу взяли, отогнали весь к себе назад. И мы, государь, холопи твои, тем брацким мужиком, которые привезены в аманатех Икирежского роду Булуя да Сипугайского роду Чекору, выписав из прежних верхоленских отписок пятидесятника Курбатка Иванова и ево Курбатка и иных служилых людей, про их измены роспрося и тому учиня письмо, в с'езжей избе перед собою те их все измены выговорили, как по твоему

* Ясырь — пленник.

государеву указу стольник и воевода Петр Головин с товарыщи во 149 году посылал на них брацких людей твоих государевых ратных людей и у них брацких людей в улусех лутчево их брацкого мужика Куржума на бою взяли, и он Куржум тебе, государю, перед Петром Головиным с товарыщи шерть дал, что ему Куржуму быть с своими икирежскими роды с улусными людьми под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве на веки неотступным и ясак с себя тебе, государю, давать и иных брацких князцей и улусных людей под твою государеву царскую высокую руку приводить и во всем тебе, государю, он Куржум хотел служить и прямит и радеть. И как после того тот Куржум дал в аманаты сына своего Чевдока, тебе, государю, изменил, приехав от Петра Головина в Верхоленской брацкой острожек твоих государевых служилых людей Максимка Кислокваса да толмача Гаврилка с товарыщи шти человек, выманя из острожку для того, что будто ево улусных людей для твоего государева ясаку переписать, приведчи в свой улус, побил до смерти и [от] того сына своево в аманатех отступился. И как, государь, приходили ево Куржума уговаривать из Верхоленского острожку твои государевы служилые люди, толмач Федка Степанов да Данилко Скробыкин, и тот Куржум того Федку да Данилка хотел до смерти побить же. И тот Федка да Данилка, видя над собою от того Куржума смертное убивство. как их учали уже вязать, и они того Куржума да другово мужика Шугожуна в их юртах от себя ножи зарезали, и то он Куржум пропал за свою неправду. И после того, как на Ангару реку посыланы твои государевы служилые и промышленые люди Семенка Скороходов с товарыщи, и они своровали же, из тех служилых из промышленных людей, осмнатцать человек до смерти побили ж.

А того, государь, побою у них Икирежей в улусе в нынешнем погроме сыскал твой государев пансырь.

И после того во 152 году, тому ныне два года, как твои государевы служилые люди, пятидесятник Курбатко Иванов с служилыми людьми, на твоих государевых непослушных брацких людей на мужика на Гонлоя, и после того погрому они, Булуй, да Бунчук, да Онгоев брат, да Ильчин, да Булгадайского роду мужик Торым с братом своим с Наерхем, приехав в Верхоленской острожек, тебе, государю, шерть свою дали на том, что было им брацким людем с своими улусными людьми быть под твоею государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве без измены навеки неотступным и ясак с себя и со всего роду своего улусных мужиков платить полной по вся годы беспереводно. И он, Булуй и брат ево Бура, и их улусные брацкие мужики после той своей шерти своровали ж, тебе, государю, изменили, ясак по немногу даючи по своей воли, и во 153 году под Брацкой острожек приходили зимою войною двожды: в октябре месяце о Дмитриевской суботе да генваря в 1 число, а в третей летом июня в 9 число, и что было у служилых коней и коров и иного скоту, то все отогнали без остатку ж и сена пожгли, и того отгонного скоту в их улусех в нынешнем же погроме служилые люди опознали много, и то их воровство ж. Да они ж, брацкие люди, приходили в урочище на Тугуру реку и пашенного, которой был тут поселился вновь, Оверку Елизарьева, разоряли, и русских у него работных людей пяти человек до смерти побили, и кони и скот отогнали, и пашенной завод розвезли, и хлебные запасы розсыпали, и сена прижгли.

Да в прошлом же государь во 153 году все они, брацкие люди Икережи, тебе великому государю изменя, и в ясаке отказали и ясаку с себя платить не учали. И за то по твоему государеву указу мы, холопи твои, пришод на Илимской волок, посылали на них сына бояр-

ского Олексея Бедарева с небольшими служилыми людьми, а велено их за измену войною пострастить с пощадою, чтоб они вперед в своих винах тебе, государю, добили челом, вину свою принесли и были бы под твоею государевою царскою высокою рукою попрежнему в прямом холопстве на веки неотступны и покорны и не до конца раззорены.

И того сына боярского с служилыми людьми они ж, брацкие люди, пошод на твою государеву землю на Орленгу и на усть Куты на пашенных войною большими своими людьми, на твоей государеве земле на Лене реке, в урочищах повыше Орленги у речек Ботод встретясь, дрались и твоих государевых служилых людей пять человек убили, и как после того из Верхоленского острожку сын боярской Олексей Бедарев с служилыми людьми на их улусы ходили и их икирежские улусы громили с пощадою и людей до смерти не побивали, а которых их жон и детей и брата ево Бурину жену взяли и тот ясырь служилые люди на выкуп им отдали, а брата ево Бурину жену отдали им и без выкупу. Да он же, Булуй, как в Верхоленской брацкой острожек приехали, о которые было, с собою привел коней добрых выкупать достальной ясырь, и он те лошади назад отослал, а после их из под острожка кони и скот весь, за ним же аманатом пришед, их же брацкие люди весь отогнали, и то их измена ж. И довелись было они по твоему государеву указу за ту их за многую измену раззоренья большово, а он Булуй и брат ево Бура довелись и смертной казни повесить, для того что тому всему дурному делу в измене заводчики и иных брацких людей научали он, Булуй, и брат его Бура.

И как, государь, мы, холопи твои, тем аманатом ту измену выговорили, и те аманаты икирежской мужик Булуй и сипугайской мужик Чекор били челом тебе государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Росии, чтобы ты государь их пожаловал, те их вины велел им отдать и казнить их смертною казнью не велел и своим государевым служилым людям их улусы воевать и роззорять не велел же, и пожаловал бы ты, государь, их, велел отпустить в Верхоленской брацкой острожек, а они де, брацкие мужики, с своими улусными людьми под твою государеву царскую высокую руку быть рады и ясак с себя тебе, великому государю, платить учнут по вся годы, и чтоб ты, государь, их и в том пожаловал, которого году они соболей в твой государев ясак на свой скот купить не добудут, и за тот их ясак велел бы ты государь у них имать коньми и скотом, потому что они люди степные и сами собольми не промышляют, а покупают соболи [на] свой скот у тунгусов. А которые де буде иных улусов и родов брацкие люди учинятся тебе государю непослушны, и они де с твоими государевы служилыми людьми на тех непослушных брацких людей учнут стоять за один и под твоих государевых служилых людей с своих улусов кони и вожей давать учнут и отгонные кони и скот, что без них будет их улусов брацкие люди отогнали, сыскать весь велят, отдать, пригнав, в Верхоленском брацком острожке служилым людем. И мы, государь, холопи твои, аманатом Булую и Чекору твое государево великое слово сказали, только будет они в прямом тебе государю в тех своих винах своими улусными людьми добьют челом и ныне на том дадут тебе великому государю свою прямую шерть что им вперед быть под твоею государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве без измены на веки неотступным и ясак с себя полной платить учнут беспереводно, и ты, государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии их пожалуешь, прежние их изменные вины отдать им велишь и казнить их ныне смертною казнью не велишь, и на том тебе великому государю перед нами, холопи твоими, те аманаты и шерть свою дали.

Да били челом тебе, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, твои государевы служилые люди, которые ходили на тех брацких людей войною в поход, сын боярской Олексей Бедарев, да Верхоленского брацкого острожку пятидесятник Курбатко Иванов, да десятник и рядовые Павлик Малафеев и во всех товарищев своих Верхоленского брацкого острожку служилых людей место, а нам, государь, холопем твоим, в с'езжей избе подал челобитную, а в челобитной их написано. По твоему де, государеву указу, ходили они на твоих государевых изменников и непослушников, на брацких людей войною в два похода, и божиею милостию и твоим государевым счастием тех твоих государевых изменников погромили, и ясак на тебя государя с них и аманатов взяли, и те де брацкие люди за своими аманаты, дав свою шерть, в правде своей не стоят и аманатов своих преже сего отступались, и их служилых людей, выманя к себе в улусы за аманаты побивали, и ныне де своих аманатов выдают же. После де, государь, того, как они из Верхоленского брацкого острожку с теми их аманаты пошли на Илимской волок к нам, холопем твоим, без них под острожек те же брацкие люди изгоном приходили и их погромной кони и скот опять назад отогнали. И только де тех брацких людей войною не смирить, и от них в том твоем государеве в Верхоленском брацком острожке за безлюдством от них брацких людей отнюдь быть не уметь, и чтоб ты, государь, их пожаловал, велел своих государевых служилых людей в тот Верхоленской брацкой острожек послать с прибавкою да из охочих и гулящих людей, что будет приберется, чтоб на тех твоих государевых непослушных брацких людей опрично тех, которые тебе государю в винах своих добьют челом и будут посланы на иных изменников и непослушников, весною итти и их войною смирить и под твою государеву царскую высокую руку привесть и укрепить и от таково их воровства от измены унять. И пожаловал бы ты, государь, их служилых людей, велел в том в Верхоленском брацком острожке устроить их братьи служилых людей против Красноярского острогу конных двести человек да на тех же служилых людей прислать с Москвы своего государева ружья двести карабинов да двести пансырей да на пеших из охочих гулящих людей, которые вперед учнут прибиратся, триста мушкетов. А на тех твоих государевых служилых людей, которых ты, государь, пожалуешь, велишь в конную службу в том острожке устроить, кони мошно им взять войною у тех же непослушных брацких людей, потому что те брацкие люди конные и многоскотные. А как де, государь, то твое государево ружье, мушкеты, на Лену присланы будут и к тому ружью учнут из гулящих охочих людей прибиратца люди и многие без твоего государева жалованья из одного их погрому, потому которые, государь, с Руси ис сибирских городов на Лену гулящие охочие люди приходят, и они за ружьеми, за зельем и за свинцом на тех твоих государевых непослушных брацких людей не прибираютца, для того что у них ружья и зелья и свинцу нет. А те де, государь, брацкие люди с ними служилыми людьми на боях бьются с броны в куяках и в наручах и в шеломах, и они де служилые люди из своих худых пищаленок ничево оным не учиняют и их куяков мало пробивают.

А тот де, государь, Верхоленской брацкой острожек тебе, государю, вперед годен, как в нем твои государевы служилые немалые люди будут и тех твоих государевых непослушных брацких людей, которые близко того острожку живут, войною смирят и под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве укрепить мощно. А живут де, государь, те брацкие люди около того Верхоленского брацкого

острожку блиско, днищей в трех и в четырех и в пяти и шести а и[х] дальние улусы и Лама озеро всего в семи днищех, и в ясачном зборе с тех брацких людей тебе, государю, прибыль будет многая и вперед де, государь, будет твоей государеве соболиной казне, которая из Якуцкого острогу через ленской Илимской волок учнет посылатца, твоим государевым служилым людем проводить и с Илима за волок твоим государевым воеводам и служилым и торговым и промышленым людем с своими торги и на лишне свои промыслы для своих промыслов и на ленском Илимском волоку и на Муке и на усть Куты реки соболиною мяхкою рухлядью торговать и на тебя, государя, десятую сбирать и назад им торговым и промышленным людем в сибирские и в руские города ходить будет и под тем Верхоленским брацким острожком пашенных устроить и от острожку вниз Лены до усть Куты реки в урочищах на Тугуре и на Орленге, где пашенные для пашни заняли заимки и у соляной варницы целовальником и работным людем за теми служилыми людьми, которые в том Верхоленском брацком острожке устроены будут, за их остереганьем жить будет бестрашно мошно ж. И твоя де государева жалованья вотчина, Ленская земля, только тех воинских брацких людей по твоему государеву указу теми твоими государевыми служилыми людьми войною умирить, распространится, потому что опрично де, государь, тех брацких воинских людей во всей Ленской земле таких воинских людей тебе, государю, непослушных нет.

И мы, государь, холопи твои, велели в тот Верхоленской брацкой острожек к тем, которые в том Верхоленском острожке оставлены были с сыном боярским с Олексеем Бедаревым да с пятидесятником с Курбатком Ивановым, послать и в том Верхоленском брацком острожке для оберегания учинить всех пятьдесят человек.

Да тому ж сыну боярскому Олексею Бедареву да пятидесятнику Курбатку Иванову ныне на усть Муки реки из гулящих охочих людей на брацких непослушных людей велели прибрать гулящих и охочих людей, а сколько будет, государь, человек приберетца и того сына боярского Олексея Бедарева да пятидесятника Курбатка Иванова с теми брацкими аманаты да с ними ж служилых и из гулящих охочих новоприборных людей нынешние весны 154 году с усть Куты реки пошлем, государь, мы, холопи твои, их в Верхоленской брацкой острожек тотчию и над непослушными твоими государевыми изменники брацкими людьми, опрично тех, которые будут под твоею государевою царскою высокою рукою, прося у бога милости, велим промышлять и войною их смирять, сколько милосердный бог помочи подаст. А опрично, государь, тех служилых пятидесят человек в прибавку послать было, государь, нам, холопем твоим, иных неково, потому что по роспросу тех же твоих государевых служилых людей немного, и по твоим государевым службам для ясачного сбору вперед розсылать будет неково, которые де в дальние места посылались человек по тритцати и в тех ныне местах всего 10, а в иных и в самых дальних местах человек по пятнадцати и по двадцати, а в иные, государь, места за безлюдством и ленских воевод Петра Головина с товарыщи меж ими рознью и непосланы. А иные служилые люди тебе, государю, били челом, а к нам, холопем твоим, приносили челобитные, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел их отпустить на свою государеву службу в иные дальние места на Собачью и на море в дальние сторонные реки для приписку и приводу под твою государеву царскую высокую руку и ясачного сбору иных новых немирных землиц. И тех твоих государевых служилых людей, что ныне на Лене и в Якуцком остроге, вперед будет мало для новых немирных землиц

иноземцов, где ныне проведаны и вперед проведаются для прииску и под твою государеву царскую высокую руку приводу и для ясачного сбору, россылать будет неково, а которые, государь, гулящие охочие люди на твоих государевых непослушных людей и без твоево государева жалованья прибираются из погрому, а бьют челом тебе государю о ружье и о зелье и о свинцу, и нам, государь, холопем твоим, твоего государева ружья им давать нечево, потому что и твоево государева запасного... анного* ружья и карабинов и мушкетов на Лене в Якуцком остроге и в Верхоленском брацком острожке и на Илимском Ленском волоку в твоей государеве казне нет, и о том ружье к тебе, государю, мы, холопи твои, наперед сего писали ж и о том что ты, государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии нам холопем своим укажешь.

На обороте документа пометы: «Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси 155 г. сентября в 26 день подал козак Юрья Лукьянов, в Сибирской приказ».

«Выписать, что добыто и взято в полон брацких людей и что с них ясаку взято и сколько побито государевых людей и распроси[ть], а после и спросить, сколько и где на Лене служилых всяких людей наперечень. А к ленским воеводам писать, то учинили они добро, что государеву ленскую казну оберегли, посылали по нее, и привезли на Ленской волок до приходу брацких людей, и на брацких людей посылали и поиски над ними учинили, а вперед малыми людьми на брацких людей в посылку посылать не велеть и за в ...** с брацкими людьми не всчинять, только оберегать себя в Верхоленском острожке, и будет придут под Верхоленской острожек, и в ту пору над ними промышлять, чтоб над ними поиск учинить, а себя уберечь и воеводам ясачных людей, которые государю послушны и ясак платят, не дать».

3. «Роспись службам» пятидесятника Курбата Иванова с описанием борьбы бурят и тунгусов с русскими и количества взысканного с бурят и тунгусов ясаку с 1641—1649 гг. ***

В прошлом 147 году по указу блаженныя памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси послан я был на ево государеву дальную службу на великую реку Лену с стольники и воеводы с Петром Петровичем Головиным с товарыщи. И в прошлом же во 149 году стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи сентября в 5 день послали меня на государеву службу с пятидесятником с Василием Витезевым да тунгуским толмачем с Федкою Степановым десятью человеки с Ленсково волоку в верх по Лене реке под братцкие неясашные улусы к тунгуским ясашным князцом и к их улусным людем для того что те тунгуские князцы и их улусные люди государеву ясаку не платили по два годы во 147 и во 148 годех. Да мне же было велено писать тунгуские распросные речи про ленские вершины, и про Байкал, и про новые земли, и про братцких людей, и чертежи чертить с усть Куты реки и до Ленских вершин, и Байкалу и в них падучим сторонним рекам, и по Лене реке пашенным местам и сенным покосам смету и роспись против чертежу, где и в котором месте сколько мочно посадить пашенных крестьян.

И мы шли в верх реки, не дошед Куленги реки за пять дней, поставили зимовье на усть Ильги реки, потому что учал быть замороз. И осе-

---

* Начало слова оборвано.
** Слово не разобрано.
*** ГАФКЭ, Сибирский приказ, ст. № 6446/402, лл. 182—195.

нью по первому пути четыре человеки, поделав лыжи и нарти, пошли в верх по Лене реке до устьев Куленги реки к тунгусом и под брацкие неясашные люди, ходили пять недель и нужу и голод терпели и с тех вер[хо]ленских тунгусов государева ясаку собрали девяносто четыре соболи с Няляцкого роду. И с братцкими людьми сходилися и братцким людем говорили, что, они, братцкие люди, пришли под государеву царскую высокую руку и были бы под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве на веки неотступно и ясак бы с себя давали с своих улусных людей по вся годы беспереводно. И они, братцкие люди, в ясаке государю отказали и нас тунгусом велели побить, и мы от тех тунгусов откупились своими товаришки и от тех братцких людей отошли в зимовье здорово. И из зимовья пришли на Илимской волок к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарыщи и, отдав государев ясак, подал в с'езжей избе чертеж и против чертежу роспись с усть Куты реки до вершины Лены реки и Байкалу самого ж и в них падучим рекам и пашенным местам и сенным покосам сметной список и роспросные речи тунгусково князца Мажоуля про Мугалин и про Китайское государство и про братцких людей за своею рукою. И тот чертеж и роспросные речи и роспись за моею, Курбатковою, рукою стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи послали блаженныя памяти к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии к Москве.

Да я же с пятидесятником и рядовыми служилыми людьми били челом блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси на Илимском волоку, в с'езжей избе стольником и воеводам Петру Петровичю Головину с товарыщи подали челобитную, чтоб нас те государевы стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи послали нас на твоих государевых ослушников и непокорных братцких войною, чтоб тех братцких людей смирить и привесть под государеву царскую высокую руку, чтобы те братские люди государю были покорны и послушны и ясак бы с себя давали во веки беспереводно и в верх великие реки Лены на усть Куленги реки серед братские земли поставить острог, потому что прилегли многие пашенные места и всякие угодья рыбные и звериные, и впредь та государева земля была пространна и прочна и стоятельна.

И стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи послали сына боярсково Василия Власьева и меня, Ивашка, а с нами сто человек служилых людей, велели итти на тех государевых ослушников и непокорных братцких людей и смирить тех братцких людей войною. И мне, Ивашку, велено итти перед войским в переднем яртауле во днище и в двух для языков десятью человеки. Изговев великого поста неделю, пошли в поход с Илимсково волоку в верх по Лене реке, и я, Ивашко, на усть Тугуры реки пришед десятью человеки, поимали пять человек тунгусов в языки и с тех тунгусов выбрали в вожи лутчево мужика. Да в другом месте поимали тунгусов же на усть Куленги реки да в третьем месте, не дошед братцких людей за полднища, поимали тунгусов же и взяли с собою в вожи и, дождався войска, прося у бога милости, пошли ночью на удар на пятой неделе великого поста на четверг, на утреной ранней зоре, и божиею милостию и государевым счастием, братцкого князца и ево улусных людей погромили. И тот князец Чепчюгай сел в юртех в осаде, и многих служилых людей из юртов переранили и ево. Чепчюгая в юртах убили и многих братцких людей на улусах побили и ясырь жен их и детей и скот взяли и пошли на отход. И братцкие люди, собрався многим людьми, и на отходе приступали и служилых людей человек з десять переранили, а их братцких

людей на тех приступех мы многих побили и переранили и, укрепяся накрепко на кошеве сновали, жили шесть недель и подозвали братково князца Куржума, Чепчугуева брата, и взяли его в аманаты и служилыми людьми весною, поделав плоты, по полой воде и сплыли на усть Куты к стольником и воеводам Петру Петровичу Головину с товарыщи все здоровы и тово аманата Куржума отдали стольником и воеводам Петру Петровичю Головину с товарыщи.

И он, стольник и воевода, послали с тем братцким аманатом с Куржумом вверх Лены реки до усть Куленги реки Березового города пятидесятника Мартына Васильева да с ним 50 человек служилых тобольских и березовских и енисейских и велел им, Мартыну с товарыщи, поставить на усть Куленги реки острог и, поставя острог, збирать государев ясак с братцких и тунгуских князцов и с их улусных людей, и, собрав ясак, того аманата выпустить, а в его место посадить сына его. И он, Мартын, не дошед до усть Куленги, поставил острог и ясак государев собрал с братских людей с икиреж и с тунгусов 25 сороков соболей и того аманата Куржума выпустил, а в ево место взял сына ево в аманаты, да с ним же Куржумом отпустил во братские улусы шесть человек служилых людей. И тот князец Куржум и с улусными людьми блаженные памяти великому государю, (...т...) тех служилых людей убили и прочь отложились и ясак отказали.

Да в прошлом же во 149 году по указу блаженныя памяти великого государя (...т...) стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи велели мне, Ивашку, из Якутцково острога вниз по Лене реке в Жиганское и в Молотцкое зимовье к якутцким и к тунгуским князцом и к их улусным людем для государева ясашнова сбору и прииску новых неясашных людей. И я, Ивашко, в Жиганском и в Молотцком зимовью собрал государева ясаку на 150 год со жиганских, и с молотцких, и с якутов, и с тунгусов против прошлого 149 году с прибылью, прибрал 3 сорока 20 соболей. Да я ж, Ивашко, призвал неясашных тунгусов вилюских Калтакухсково роду князца Селючу с ево улусными людьми под государеву, царскую высокую руку и взял с нево, князца, и с его улусных людей вновь государева ясаку 20 соболей да шубу соболью, и те тунгусы почали государю ясак платить по вся годы. Да, я ж, Ивашко, по государеву указу и по наказной памяти стольников и воевод Петра Петровича Головина с товарыщи чертил чертеж великую реку Лену с вершины и до устья и в нее падучим рекам от Витим, и Киренку, и Алдан, и Вилюй, и в них падучим рекам, и по Лене реке пашенным местам и всяким угодьям и сторонным рекам Анге реке и на Собачье рекам на Лене и по Мае реке на Ламу и на Мо реку не ходили служилые люди Дмитрея Копылова и Байкал и в Байкал падучим рекам. И в прошлым же во 150 году июня в 24 день, приехав из Жиган в Якутцкой острог, я, Ивашко, с государевою соболиною казною и тут государеву соболиную казну отдал в государеву казну и ясашные книги и чертеж великой реке Лене и сторонным рекам и в них падучим рекам и против чертежу роспись за моею рукою подал в Якутцком остроге в с'езжей избе стольником и воеводам Петру Петровичу Головину, с товарыщи. Да в прошлом же во 150 году августа в 24 день стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи велели мне, Ивашку, ехать из Якутцкого острогу в Верхоленской братцкой острожек на перемену к пятидесятнику Мартыну Васильеву и, приехав, взять у нево, Мартына, острог, и острожные ключи и снаряд пушешной, и зелье и ядра, и служилых людей, и аманат, и хлебные запасы, и всякие государевы дела. И велено мне, Ивашку, с тунгуских и с братцких князцов и с их улусных лю-

дей государев ясак сбирать на 150 год и впредь их тунгуских и братцких князцов и их улусных людей, которые государю ясаку не дают, призывать под государеву, царскую высокую руку и с них государев ясак имать по прежнему, а которые тунгусы и братцкие люди учинятся сильны и непокорны и ясаку с себя и с своих улусных людей не учнут давать, и на тех непокорных братцких неясашных людей велено мне, Ивашку, ходить войною с служилыми людьми. А которые братцкие люди, во 149 году ясак дав государю, и после того служилых людей побили, и их велено войною смирить и привесть под государеву царскую высокую руку.

И в прошлом во 151 году марта в 24 день с Ленсково волоку в Братцкой острог прислан пятидесятник Василей Горемыкин с служилыми и с охочими людьми с 30 человеки, и я, Ивашко, с ним, Васильем, и с служилыми и с охочими людьми, прося у бога милости, на государевых изменников Икирежского роду на братцких людей в поход пошли с 94 человеки на лыжах и нартах с великою нужею, и апреля в 2 день на самое светлое воскресенье, на утреной заре, божиею милостию и государским счастием, тех государевых изменников погромили и князца Болбока взяли на бою ранена и ясырю скота взяли и с тех юртов сошли версты з две здорово и засеки засекли, укрепяся накрепко. Почали те братцкие люди приезжать и ясаку сулить обманом, и мы их почали с ясаком ждать и в одиннацатой день на утряной зоре, рано собрався, те братцкие люди, икережи и булгадай, войною сот с шесть подняли щиты и обошли щитами кругом, почали на нас стрелять из-за щитов. И мы, прося у бога милости, и с теми братцкими людьми поставили с ними бой, и братцкие люди скотишко у нас в засеке переранили, и я, Ивашко, с служилыми людьми вышол на выласку, у братцких людей щиты отбили, и тех братцких людей на приступе на побеге многих побили и переранили, и копья и луки и саадаки и шоломы у многих с голов отбили, и на том бою меня, Ивашка, в левую руку ранили. И они, братцкие люди, с бою побежали, друг друга не взведали, и после того бою со всеми служилыми людьми пошли в отход и в острожек дошли все здоровы.

Да в прошлом же во 151 году послал я, Ивашко, из Верхоленского братцково острошку на усть Куты для государевых хлебных запасов служилых людей Семенку Скороходова да Семенку Черкашенина с товарыщи и велел им на усть Куты прибрать охочих промышленых и гулящих людей на государеву службу на Байкал и на Ламу. И те служилые люди, Семенка Скороходов с товарыщи, на усть Куты кликали охочих служилых промышленых и гулящих людей и прибрали сорок восемь человек, и я, Ивашко, тех промышленных и гулящих людей охочих поднимал на государеву службу своими крошишками, и всего моего под'ему на ту государеву службу пошло на двесте на семьдесят на один рубль на дватцать на один алтын на две денги. И пошол на ту государеву службу из Верхоленского острошку братцкого июня в 21 день, а служилых людей со мною 26 человек да охочих промышленых и гулящих людей 48 человек и всех со мною служилых и промышленных и гулящих людей пошло на государеву службу на Байкал 74 человека. Июля в 2 день пришли мы край Ламы со всеми ратными людьми здорово и велел делать край Ламы суды и к братцким людем к ясашным и коринцом и батулинцом посылал с тунгусом служилого человека Федку Мещерякова, чтоб те братцкие люди пришли под государеву царскую высокую руку и принесли бы государю ясак с себя и с своих улусных людей. И те братцкие люди князцы Обугалгдей сказал: я де принесу

государю ясак в осень с себя и с своих улусных людей. И я, Ивашко, тех братцких людей и не воевал, но, делав струги, перевезся с ратными людьми на Олхой остров и на острову многие братцкие люди собрався и поставили с нами бой и учали с нами дратца и сели о крепких местах в каменных городках, а со мною, Ивашком, на острову было ратных людей только 40 человек, а 30 человек оставили на коше. И божиею милостию и государевым счастием, тех братцких людей из городков выгнали, и братцкие люди побежали на побег, и мы их побили и переранили, а иных живых поймали и ясырь и скотишко у них поймали. И после того те братцкие люди почали с нами миритца и государев ясак сулить, и которых взяли живых, и тех братцких людей многих больши душ 50 отпустили и больше тово их не воевали, а в аманаты от равново человека не поймали, потому, что лутчие люди розбежались. Да я ж, Ивашко, оставил край Ламы служилых людей 6 человек, десятника Семенку Скороходова с товарыщи, да 30 человек охочих и промышленных и гулящих людей и дали им в аманаты в вожи тунгусково князца Канвигирского роду, именем Юногу, и велел им итти в верх по Ламе на усть Ангары и поставить зимовье, иматъ на государя ясак с тех тунгусов на 152 год, а я, Ивашко, з достальными людьми пошол в Верхоленской острог и пришли в Верхоленской острог и Байкалу написан чертеж и роспись и падучим рекам в Байкалу и землям, роспросные речи и послал в Якутцкой острог к стольникам и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарыщи. А пришел я, Ивашко, к Байкалу во 152 году сентября 4 день, а государева хлебнова и денежново жалованья на 152 год нам не дано, служили мы без государева хлебнова и денежнова жалованья 9 месяцов и голод и нужу терпели, что скотинишка бог подаровал на государеве службе на Байкале, душу свою скверними, опричь великого поста, мясо ели по вся дни, а в великой пост ели сосну, а государев ясак собрал против прошлого 151 году.

Да в прошлом же во 152 году посылал я, Ивашко, из Верхоленсково острожку для государева ясаку сбору в верх по Куленге реке к тунгусом служилых людей трех человек Мишку Сорокина с товарыщи и велел им, Мишке Сорокину, послать к братцким людем неясашным Готелского роду князцу Тоглою, чтоб те братцкие люди, князец Тоглой с своими улусными людьми, пришли под государеву, царскую высокую руку и ясак государю с себя и со своих улусных людей дали, и оне братцкие люди служилым людем отказали, ясаку де мы не дадим, а придут де служилые люди к нам по ясак, мы де служилых людей побьем, а вас де тунгусов в котле сварим. И я, Ивашко, на тех братцких неясашных людей велел на Илимском волоку прибрать охочих и гулящих и промышленых людей, и прибрали на Илимском волоку человек с 30 и на тех братцких людей ходило со мною служилых людей 21 человек да охочих промышленых и гулящих 27 человек. И как мы на тех братцких неясашных людей, князца Тоглоя с улусными людьми, пришли, и тех братцких людей человек с 200 поставили с нами бой, и милостию божиею и государским счастием, мы тех братцких людей многих на бою побили и переранили и князца Тоглоя поймали неранена и ясырю взяли душ за 70, а громили 40 юртов и, розгромя, их же братцкими юртами и арбами, мы задернули городок и жили два дня. И братцкие люди почали к нам копитца, и на третей день укрепяся мы в острог пошли, и братцкие люди на дороге скопяся к нам приступали, и мы от тех братцких людей отошли здорово. И после тово те братцкие люди иных розных родов князцы булгудай и икирежи, слыша ту победу, в острог приезжали и блаженныя памяти великому государю, царю и ве-

ликому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси по своей вере шертовали, что впредь им братцким людем быть под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве неотступно и ясак государев давать по вся годы бесперебодно.

Да в прошлом во 153 году октября в 23 день приходили под острог многих родов братцкие люди, Готели и Конготоры, и коней у служилых людей отогнали и у меня, у Ивашка, в то время отогнали 14 лошадей, и я в той на государеве службе одолжал великими долги, а те кони мы добывали своими головами, а иные покупали дорогою ценою рублей по 30 и с 5 и по 20 рублев для государевых служеб. Да те же братцкие люди в другой поем пришли под острог многими людьми сот с пять генваря в 1 день и острог осадили, а в остроге со мною, Ивашком, служилых людей всего 27 человек и против тех государевых ослушников братцких людей выехать было не с кем, и сена около острогу обожгли и сидели мы в осаде 10 дней. И как братцкие люди с острогу прочь отходили, и я, Ивашка, писал на Илимской волок к сыну боярскому к Олексею Бедареву, чтоб прислал в Верхоленской братцкой острожек на прибавку служилых людей на тех братцких людей войною, для того послал я двух человек служилых людей. И сын боярской Алексей Бедарев прибрал на Илимском волоку из гулящих и с промышленых людей 100 человек и прислал в Верхоленской братцкой острог с служилым человеком с Олексеем Оленем. И я, Ивашко, с служилыми и промышленными людьми ходил на тех государевых изменников в два похода и тех братцких людей сойти не могли безвесно, потому что братцкие люди остереглися, а ходили пехотою, у охочих и промышленых людей коней не было, а у служилых лошаденки были и те нужны, и на государевых службах нужу и голод терпели и одолжали великими долгами. И служивой человек Алексей Олень, с промышленными людьми пришед в Верхоленской острог, сплыл на Илим, и я, Ивашко, остался в братцком острожке невеликими людьми.

Да в прошлом же по 153 году все братцкие люди, которые государю и ясак давали, икирежи и булгадай и иных многих розных родов блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и государю, царю и великому князю Алексею Михаиловичю всеа Руси изменили, скопясь под острог пришли, и что было у служилых людей скота, коней, коров отгонили, сена прижгли. И в другой поем генваря в 1 день те ж братцких людей ста с два ходило на Тугуру и пашенново крестьянина Оверку Елизарьева розорили пять человек руских убили и скот и живот и хлеб розвезли, и стояли братцкие люди десять дней под острогом, а вытти было против их не с кем из острогу, всего нас сидело в остроге в осаде 25 человек.

И в прошлом же во 154 году, как пришли на Ленской волок государевы воеводы Василей Никитич Пушкин, да Кирило Осипович Суронев, да дьяк Петр Стешнин, и я, Ивашко, из Братцково острошка писал на Ленский волок к государевым воеводам к Василью Никитичю Пушкину с товарыщи, что я сижу от братцких людей и с невеликими людьми в Верхоленском остроге в осаде, а братцкие люди всею землею в скопе хотят итти вниз по Лене реке на пашенных крестьян на Орленгу и на усть Куты реки, а в то время приходит на усть Куты реки из Якутцково острогу государева соболиная ленская казна. И в том же во 154 году октября в 6 день по моим Ивашковым отпискам воевода Василей Никитич Пушкин с товарыщи прибрал на Ленском волоку охочих служилых и промышленных людей 130 человек и послал ко мне, Ивашку, в Верхоленской братцкой острог с теми ратными людьми сына

боярского Алексея Бедарева и велено ему Алексею, пришед ко мне Ивашку в Верхоленской острожек, и мне с ним Алексеем с верхоленскими служилыми людьми, взяв в Верхоленском острожке из государевы казны куяки с наручми и шеломы и пансыри на служилых людей, итти на тех государевых изменников на немирных братцких людей, которые государю изменили и ясаку платить не учали. И сын боярской Алексей Бедарев с ратными служилыми людьми пошел с усть Куты реки в верх по Лене реке, и как будет выше Орленги реки на другом днище с ратными людьми, и с ним Алексеем стретились многие братцкие воинские люди, а шли те братцкие люди до усть Куты, а в то время усть Куты была государева четверогодная соболиная казна, и поставили с ними бой, и братцкие люди убили на бою руских людей 5 человек, а иных служилых людей многих переранили, а их братцких людей государевы противу служилые люди убили лутчево братцково князца Мугулчюкова брата и иных братцких людей убили и переранили. И после тово бою сын боярской Алексей Бедарев, укрепяся накрепко, с ратными людьми пошол в острог, а братцкие люди с тогож бою воротились в свои улусы. И ноября в 8 день сын боярской Алексей Бедарев с ратными людьми в Верхоленской острог пришол, и я, Ивашко, с ним, Алексеем, с верхоленскими служилыми и со всеми ратными людьми, взяв из государевы казны куяки с наручми и шеломы и пансыри на служилых людей и укрепяся накрепко с крепкими сторожами, пошли на тех государевых изменников на Икиреж на Сипугат и ходили два похода зимою и те братцкие улусы погромили и взяли скота и ясыря. И после тово братцкие люди почали миритца и государев ясак на 154 год принесли весь сполна. Да мы взяли в аманаты двух человек Икирежского роду князца Булуйка да Осибугатского роду Чекорка.

И изговев великою поста неделю, сын боярской Алексей Бедарев да я, Ивашко, с государевою соболиною казною и с аманаты и братцкими людьми пошли на Ленской волок к государевым воеводам к Василью Никитичю Пушкину с товарыщи, а в Верхоленском остроге оставили казачья десятника Василья Буграда, с ним служилых и охочих гулящих людей 70 человек. И после нас те братцкие люди скопясь пришед под Верхоленской острожек, и что было у служилых людей скота коней и коров, и все отгонили. И воевода Василей Никитич Пушкин с товарыщи велел мне, Ивашку, на Ленском волоку прибрать на государеву службу в Верхоленской братцкой острог промышленых и гулящих людей полтораста человек. И воевода Василий Никитич Пушкин с товарыщи послали с теми ратными людьми в Верхоленской братцкой острог на тех государевых изменников братцких людей воеводы Кирила Осиповича Супонева племянника ево Козму Супонева да сына боярского Алексея Бедарева да меня Ивашка с ними в товарыщах. И мы ходили из Верхоленского братцкого острожку в поход на тех государевых изменников братцких людей Осишугатцкого роду 170 человек и их братцкие улусы погромили, на бою человек с 30 братцких людей убили и на отходе на юртах ясырю скота коней и коров взяли и в Верхоленской острог со всеми ратными людми пришли здорово. Да мы ж ходили в другой поход за теми ж государевыми изменники за братцкими людьми и за Ангарою братцких людей сошли, князца братцково Содока улусы погромили, на бою человек с 20 братцких людей убили, а у нас братцкие люди против убили служилово человека, и ясырю и скота и коней и коров взяли и с тех улусов назад отошли и за Ангару реку перевезлись с ясырем и скотом с коньми

и с коровами и пошли в острог. И идучи дорогою, скопясь брацкие многие люди с куяшнова тысечи с две, и пришли на нас безвестно, и мы с ними бились сильным боем накрепо и убили у нас братцкие люди 17 человек да человек с 10 переранили, а мы у них братцких людей против убили человек с 40, а у иных многих братцких людей коней переранили. А что у нас было погромново скота, коней, коров и овец, то у нас те братцкие люди отбили и отогнали к себе. И после того бою и отошли мы с ратными людьми в Верхоленской острог, и Козма Супонев и сын боярской Алексей Бедарев с новоприборными ратными людьми поплыли вниз по Лене реке в Якутцкой острог, а я, Ивашко, остался в Верхоленском братцком острожке, а велено было мне быть для государева ясашново сбору на 155 год весною, и я, Ивашко, на 155 год государев ясак собрал против прежних годов весь сполна.

Да в прошлом же во 155 году весною прибрал я, Ивашко, на усть Куты реки гулящих и промышленых людей 100 человек из Верхоленского братцкого острогу с служилыми людьми и с охочими и промышленными и гулящими людьми 100 с 30 человеки ходил на государеву службу к Ангаре реке на государевых непослушников братцких людей, которые государю преж сего братцкие люди ясаку не плачивали, Булгудайсково роду на князца на Кумайка. И те братцкие улусные князцы Кумайка погромили и ево, Кумайка, взяли жива и посадили в аманаты и на бою человек с 20 братцких людей убили и ясырю душ с 40 взяли и скота, коней и коров, взяли же, а у нас против тово братцкие люди человек с пять ранили, и я, Ивашко, с тех улусов пришол в Верхоленской острог со всеми ратными людьми здорово. Да мне же воевода Василей Никитич Пушкин с товарыщи велели поставить Верхоленской братцкой острог на новом месте выше старово острогу на усть Куленги реки, потому что старой острог поставлен не на угожем месте, а на усть Куленги реки место к острогу угоже пашенными местами и сенными покосы и рыбными и звериными угодьи. И я, Ивашко, с верхоленскими служилыми и с новоприборными охочими людьми из походу пришел, на усть Куленги реки в новом месте острог поставил и бани и амонатцкой двор и круг острогу надолбы устроил.

Да в прошлом во 156 году в октябре собрався ясашные братцкие люди, Готея и Комготоры, ста с три под острог приходили и скот кони и коровы у служилых людей отгонили. И я, Ивашко, собрався невеликими людьми 64 человеки, генваря с тридесятого числа середь зимы в лютые морозы за теми братцкими людьми в поход ходил и тех братцких людей, Готел, на улусах сошли и те братцкие улусы погромили, на бою мужиков с десять братцких людей убили, а иные братцкие мужики розбежались. И ясырю душ с 30 взяли и скота коней и коров взяли и отошли в острог со всеми ратными людьми здорово.

Да в прошлом же во 157 году братцкие люди, которые государю давали ясак Булгудайсково роду и Саган князец Содок и Сипугат и Конготоры, скопясь со многими воинскими людьми, в осень пришед под Верхоленской острог, служилых 3 человек убили, 12 человек ранили и под острогом сена и хлеб обожгли. Да те ж братцкие люди на Тугуру приходили и на Тугуре государев хлеб пожгли и пашенных крестьян хлеб и сена пожгли и служивого человека и пашенного крестьянина с женою и с детьми убили, а иных служилых людей переранили. И как пришел на Ленский волок воевода Дмитрей Ондреевич Фрязбеков да дьяк Осип Стефанов и велели мне прибирать на Илимском волоку охочих служилых и промышленых и гулящих людей, и прибралось служилых человек с 50 да охочих и промышленых людей человек с 50 же, и служилые люди покупали кони дорогою ценою, должася рублей

по 15 и по 17 и по 18. И с теми ратными людьми послал воевода Дмитрей Ондреевич Фрязбеков государева жильца Василья Нефедьева и меня Ивашка с ним в товарыщах и велели итти с Илимского волоку в Верхоленской братцкой острог, а из Верхоленского братцкого острогу на тех государевых изменников братцких людей и смирить их войною. И мы, пришед в Верхоленской братцкой острог из Верхоленского острогу, за теми государевыми изменниками ходили и их братцких людей сойти не могли, потому что им братцким людем весть пала преже, и оне, братцкие люди остереглись и розбежались и мы отошли назад, в острог, и те братцкие люди с собя и с своих улусных людей на 156 год государева ясаку не дали. И Василей Нефедьев с ратными людьми из Верхоленского острогу с государевою казною пошол на Илимской волок зимою, а мне, Ивашку, велено быть до перемены в Верхоленском остроге с служилыми людьми.

А которые прошлом во 157 году братцкие люди Бухгадайсково роду князцы Тором и Содок и с своими улусными людьми отложились, дав ясак, государю изменили и под острог в два пойма проходили и служилых людей 3 человек убили да 12 человек ранили и скот кони и коровы отогнали и хлеб и сена пожгли и на Тугуру пришед служивого человека и пашенново с женою убили и государев хлеб пожгли и у пашенных крестьян хлеб и сена пожгли, и я, Ивашко, будучи в Верхоленском остроге, и тех государевых изменников братцких людей Булгадайсково роду князцей Торома и Содока и с их улусными людьми призвал под государеву царскую высокую руку государскою грозою и ласкою, и государев ясак с тех братцких людей и князцех с Торома и Содока и с их улусных людей на 157 год по сту соболей против прошлого 156 году сполна.

И служил я, Ивашко, блаженныя памяти в Илимском государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и государю царю и великому князю Алексею Михаиловичю всеа Русии при их государевых стольниках и воеводах при Петре Петровиче Головине, да при Матвее Богдановиче Глебове, да при дьяке Еуфимье Филатове, да при воеводах при Василье Никитиче Пушкине, да при Кириле Осиповиче Супоневе, да при дьяке Петре Стеншине, да при Дмитрие Ондреевиче Фрязебекове, да при дьяке Осипе Степанове в верх великие реки Лены во братцкой новой землице восемь лет и в верх великие реки Лены серед братцкие землицы, на усть Куленги реки, государев острог поставил на угожем месте и пашенным местам и рыбным и звериным промыслом и вниз по Лене реке от острогу в полутуторе днище на усть Тугуры реки поселили ссыльных пашенных черкас десять семей в государеву пашню блаженныя памяти великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси. Во 149 году и по 158 год моею, Ивашковою, службишкою в те годы государева ясаку в сборе с новых людей с тунгусов и с братцких людей с розных родов 260 сороков соболей, а тот государев ясак с тех новых людей с тунгусов и с братов по вся годы имали за саблею и за кровью. И привел я, Ивашко, под государеву царскую высокую руку новых неясашных людей тунгусов с 300 человек да братцких князцей и улусных людей человек с тысечи с полторы, и те братцкие люди и тунгусы учинились ныне под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве и ясак учали давать. Да те же братцкие и тунгуские князцы и их улусные люди в те годы для государского величества сносили мне 2 сорока соболей да ожерелье сольбьи пластинные лисицу бурую, и я, Ивашко, те соболи и ожерелья и лисицу поло-

жил в государеву казну, и писаны те соболи и ожерелье и лисица в ясашных книгах по годам порознь статьями, кто что принес. Да моею же ко государю службишкою и с походов божиею милостию и государским счастьем скотом, коньми и коровы, пашенные крестьяне и всяких чинов люди наполнились, а в прежние годы которые кони были по 40 и по 50 рублев, а нынче те кони рублев по 10 и менши, а коровы, которые были рублев по 30, а нынче рублев по 6, и тем скотом, коньми и коровы, завелись многие пашенные крестьяне по великой реке Лене. И хлеб почал быть дешев, в прежние годы при стольниках и воеводах при Петре Петровиче Головине с товарыщи в Якутцком остроге пуд муки по 5 рублев покупали, а нынче в Якутцком остроге пуд муки по 10 алтын и по полуполтине.

А те наши службишка писаны ко государю к Москве в послужных списках, а те послужные списки и челобитные в Сибирском столе у боярина у князя Алексея Никитича Трубетцково. А которые служилые люди охочие промышленые служили со мною, Ивашком, государевы службы, вверх великой реки Лены острог ставили и в походы ходили по вся годы на государевых изменников и непослушных братцких людей войною, и тем служилым людем имяна в послужных списках, а тех охочих и гулящих промышленых людей подымали мы коньми и ружьем и порохом и свинцом и хлебными запасы своими крошишками. И служил я, Ивашко, вверх великие реки Лены 8 лет, а всей моей службы с Тобольска 12 лет.

4. Челобитная сына боярского И. Похабова, поданная в Сибирский приказ, с описанием походов против бурят в 1644—1647 гг. *

Царю, государю... (т)... бьет челом холоп твой Енисейского острогу сынишко боярской Ивашко Похабов. В прошлом, государь, во 152 году по указу отца твоего государева блаженные памяти великого государя... (т)... посылал меня холопа твоего из Енисейского острогу воевода Осип Аничков на вашу государеву службу в Братцкой острог для твоего государева ясачного збору и для приписку новых землиц.

И я, холоп твой, в том Братцком остроге собрал твой государев ясак с братцких людей с тынгусов против прошлых годов и с прибылью и круг старого острошку новый острог поставил и надолобы круг острогу поза рву зделал и, оставя в том остроге служилых людей для береженья 8 человек ходил я, холоп твой, вверх по Ангаре реке до Осы и до Беленя и до Куданской и до Иркута рек и на Байкало озеро для прииску новых землиц, а со мною, холопом твоим, было служилых людей 30 человек и с охочими людьми. И перешедчи я, холоп твой, Байкало озеро и шел по Селенге реке вверх два дни и на Ангаре и на Байкале озере и на Селенге и по всем тем рекам находил многих неясачных людей и тех людей под твою государеву высокую руку призывал, чтоб они под твою государевою рукою были послушны и ясак с себя тебе государю давали. И они иноземцы с нами, холопы твоими, бились, и мы, холопи твои, божиею милостию и твоим государевым счастием, многих у них людей побили и ясырю, женок и робят, живых поймали болше 40 человек, и после бою те иноземцы говорили: ныне де летом дать ясаку нечево, а дадим ясак зимою.

И пришел ко мне, холопу твоему, того ж лета во 153 году на перемену из Енисейского острогу в Братцкой острог енисейской сотник стрелецкой Максим Перфирьев.

---

* ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1644 г., ст. №№ 226—228, лл. 259—261.

А что я, холоп твой, собрал твоего государева ясаку в Братцком остроге з братцких людей и с тынгусов, и тот ясак послал я, холоп твой, в Енисейский острог с енисейскими служилыми людьми с Фомкой Кириловым с товарыщи. А с новоприискных людей, что я, холоп твой, собрал твоего государева ясаку, и тот ясак привез в Енисейской острог и отдал воеводе Федору Уварову да подьячему Василью Шпилкину. И про те, государь, новые землицы я, холоп твой, воеводе Федору Уварову и подьячему Василию Шпилкину в с'езжей избе сказывал, а преже, государь, меня, холопа твоего, на той Селенге реке пихто не бывал, проведал тое реку я, холоп твой.

И в прошлом, государь, во 154 году писал из Братцкого острогу Максим Перфирьев в Енисейской острог к воеводе к Федору Уварову и к подьячему к Василью Шпилкину, что братцкие люди почали быть непослушны и государев ясак почали давать несполна. И воевода Федор Уваров да подьячей Василий Шпилкин посылали меня, холопа твоего, на тех ослушников братцких людей и приискивать новых землиц и серебряные руды и проведать Китайския государства. А со мною, холопом твоим, посылано служилых людей 64 человека, да собою я, холоп твой, поднимал 6 человек, да охочих было 26 человек. И пришел я, холоп твой, в Братцкую землю на Ангаре на Осинском острову острог поставил выше братцких ясачных людей осмью дни, и те новоприискные люди аманатов и ясаку с себя тебе, государь, давать не учали, и я, холоп твой, с теми людьми бился и многих людей у них по Осе реке побили, а люди, государь, многие и учинились сильны, жить стали в скопе, а братцкого, государь, острогу ясачные люди твой государев ясак почали давать сполна потому, что им от Осинского острогу стало опасно.

И во 155-м, как лед скрылся, и я, холоп твой, оставя в том Осинском остроге служилых людей Федку Мешенина с товарыщи 17 человек, ходил по Ангаре реке и на Байкало озеро и на Селенгу и на Уду реки с служилыми людьми 14 недель, и бои с иноземцы у нас, холопей твоих, по тем рекам и на Байкале озере были многие и на тех боях мы, холопи твои, многих людей били и ясырю у них поймали женок и робят болше 70 человек, и под твою государеву высокую руку тех людей привести и чтоб они тебе государю ясак с себя давали, нашие мочи столко не стало, потому что люди многие и конны, а живут в скопе и от рек откочевали. И мы, холопи твои, идучи назад Селенгою рекою и Байкалом озером, и на Байкале озере в Култуке я, холоп твой, поставил острог и ходил войною в зиме на Иркут реку на братцких людей и на тынгусов, которые тебе государю ясаку не давали, и божиею милостию и твоим государевым счастьем, взял на бою иркутцкого князца Нарея и из за того князца взял с тех людей тебе государю ясаку пять сороков шестнадцать соболей да лисицу бурую.

Да посылал я, холоп твой, служилых людей Федку Годарина с товарыщи 14 человек приискивать людей, которые тебе государю ясаку не платят, по Байкалу озеру к Селенге реке, и нашли они на Погромной речке людей и с теми людьми у них бой был и взяли у них на том бою мужика да 7 человек женок и робят да мяхкой рухляди взяли у них 34 соболя и тот они ясырь и соболи в Култутцкий острог ко мне привезли.

И пришел ко мне, холопу твоему, от черных мунгал от царева зятя от Табуная тобольской служилой человек Якунка Кулаков, которого послал Енисейского острогу атаман Василей Колесников к царю к Цысану для проведыванья серебряной руды, а с ним, Якункою, пришли братцких людей два человека, чтоб под того Якунку Кулакова и под

товарищев ево под двух человек, которые оставлены у Табуная — Ганка толмач да Васка Власов тот ясырь и соболи, которые на бою взяли служилые люди Федка Годарин с товарыщи, отдал, а сказал Якунка Кулаков: только де того ясырю я холоп твой не отдам и тех де людей, которые у Табуная, не выпустят и убьют. И я, холоп твой, с служилыми людьми 14 человек ходил к Табунаю на лыжах, шел 15 дней и под того Якунку и под товарыщев ево Табуная тот ясырь и соболи отдал, и того Якунку с товарыщи мне холопу твоему он Табунай отдал. И дал я, холоп твой, тому Табунаю пять пар соболей да два аршина с четью сукна красного, а сказал ему, что твоего государева жалованья. И ходил я, холоп твой, к мунгальскому царю к Цысану для проведыванья серебяные руды и Китайского государства, а ехал я, холоп твой, до царя Цысана два месяца и поднес к нему царю в подарках два сорока соболей да пять аршин сукна аглинского красного да аршин сукна кармазину вишневого да кутухте шесть пар соболей да два аршина с четью сукна аглинского красного. А давал я, холоп твой, им царю и кутухте то свое, а сказывал им, что твое государево жалованье, и против того царь Цысан и кутухта и Турукой Табунай послали к тебе к государю к Москве со мною, холопом твоим, а что послали, к тому от воеводы роспись под отпискою. А про серебряную руду царь Цысан сказал мне, холопу твоему, серебряные де руды у него нет, и в Китайское государство меня, холопа твоего, не пропустил и дал мне холопу твоему своих послов чеырех человек и отпустил к тебе, ко государю, к Москве. И тех мунгальских послов я, холоп твой, поил и кормил, до Енисейского идучи, своим. И из Култуцкого острогу иркутцкого князца Нарея взял я, холоп твой, с собою ж, и сподчись на Тунгуске реке Енисейского острогу с сыном боярским с Иваном Галкиным, и того князца Нарея я, холоп твой, ему Ивану Галкину отдал.

А идучи я, холоп твой, к мунгальскому царю к Цысану нужду великую и голод терпел и пихту и сосну ел и душу свою в постные дни сквернил, и в иных в улусех хотели меня, холопа твоего, и служилых людей побить и с голоду поморить и живот отнимали. И будучи я, холоп твой, на той твоей государевой службе и что поднимал собою 6 человек, обнищал и одолжал великим неокупным долгом. Милосердный государь... (т)...пожалуй меня холопа своего за тое мою холопа твоего службу и за великую нужду и терпение своим государевым прибавочным денежным и хлебным жалованьем к прежнему моему окладу, как тебе милосердому государю обо мне бедном бог известит. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте документа помета: «157 г. февраля в 9 день выписать службы и роспросить служилых людей, которые с ним были, чьи он соболи и сукно и оную рухлядь в подарках давал».

5. Челобитная пятидесятника П. Задубина, поданная в Илимской с'езжей избе, со сведениями о походах против бурят с 1651 по 1653 гг. 7 июля 1654 г. *

Царю, государю (...т..) бьет челом холоп твой дальной твоей государевы Сибирской украины Верхоленского братцкого острошку пятидесятник Пронка Задубин.

В прошлом, государь, во 159-м году при воеводе Тимофее Шушерине в Верхоленском братцком острошке ясашные братцкие люди Булгуданскова роду князцы Чедок да Дарбай с своими улусными людьми

* ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1655 г., ст. № 6388/344, лл. 250—253.

от твоей царской милости отложились и на 159-й год твоего государева ясаку не дали и тебе, праведному государю, изменили. И по твоему государеву, ...(т)... указу и по наказной памяти твоего государева воеводы Богдана Денисьевича Оладина послан был я холоп твой, из Илимского острогу в Верхоленской братцкой острожек, а из Верхоленского братцкого острошку велено мне, холопу твоему, ходить с войсками с Верхоленскими с служилыми людьми войною с огнянным оружием в брацкие немирные землицы. И велено мне, холопу твоему, тое братцкие немирные землицы князцей и их улусных людей приводить и призывать под твою царскую высокую руку немирных братцких людей, кои тебе государю непокорны и непослушны и ясаку с себя не дают, а приходят по многие годы под твой государев Верхоленской братцкой острожек и на Тугуру и под Верхоленским братцким острошком служилых людей и побивают и скот отганивают и сена жгут и ясачных братцких людей от твоей царской милости отгоняют и разоряют и на Тугуре твоих государевых пашенных крестьян побивают и десятинную пашню разоряют и на пашнях хлеб жгут и коньми топчут и во всем тебе, праведному государю, чинятца силны.

И в прошлом, государь, во 160-м году из Верхоленского братцкого острошку ходил я, холоп твой, с Верхоленскими с служилыми людьми с войною с огнянным оружьем в братцкую немирную землицу за Ангару реку на немирных на братцких князцей и на их улусных и на братцких людей, которые тебе, государю, непослушны и непокорны и ясаку с себя тебе, государю, не дают. И божиею милостию и твоим царским счастием, а раденьем и промыслом твоего государева воеводы Богдана Денисьевича Оладина и нашею к тебе, государю, службишкою я, холоп твой, тех братцких князцей Чедока и Дарбая с их улусными людьми, кои князцы от тебя, государя, отложились, во 159-м году под твою царскую высокую руку привел в вечное холопство и ясак с них на тебя, праведного государя, на прошлые на 159 и на 160 годы взял полной 200 соболей и тех братцких князцей Чедока и Дарбая с их улусными людьми к шерте привел и в вечное холопство тебе, праведному государю, их братцких людей учинил.

И в прошлом же, государь, во 161-м году по твоему ж государеву ...(т)... указу и по наказной памяти воеводы Богдана Денисьевича Оладина ходил я, холоп твой, из Верхоленского братцкого острошку с Верхоленскими служилыми людьми с войною с огнянным оружьем в братцкую немирную землицу за Ангару реку на немирных и не на ясачных на братцких людей, кои тебе государю непокорны и непослушны и ясаку с себя не дают, и ходечи в поход, божиею милостию и твоим царским счастием, а раденьем и промыслом твоего государева воеводы Богдана Денисьевича Оладина и нашею к тебе государю службишкою, призвал я, холоп твой, тех батрацких неясачных людей Цаганского роду князца Багуна с ево улусными людьми 100 человек под твою царскую высокую руку в вечное холопство. И тот князец Багун с своими улусными людьми ясак дал на 161 год 50 соболей да на нынешней на 162 год 90 соболей и впредь, государь, тот князец Багун с своими улусными людьми ясак тебе, государю, хочет давать по 100 соболей на год.

Да я ж, холоп твой, с служилыми людьми призвал вновь же неясачных же братцких людей Куркутцково роду князца Мохона с ево улусными людьми 20 человек и под твою царскую высокую руку привел в вечное холопство и ясак с него тебе государю взял на 161 год 20 соболей, да на нынешней на 162 год 20 же соболей. Милосердый государь... (т)... пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, в Илимском

остроге в с'езжей избе сю мою челобитную принять воеводе Богдану Денисьевичу Оладину и, приняв подклея под отписку, послать к тебе к государю ...(т)... к Москве, что те мои службишка тебе государю были вестимы. Царь, государь, смилуйся.

6. Челобитная ясачных бурят, поданная в Енисейской с'езжей избе о насилиях, производимых сыном боярским И. Похабовым *.

Государю, царю (...т...) бьют челом сироты твои иноземцы ясачные людишки князцы брацкие Бахайко з братом своим Толтохаем да с сынишком Дунайком, да Лунка Дахаева улусу, да Конко Акалкан Каканчей, да Шадра Гоголев да Даркейко с женишком Кудукою, да князец же Абачейко, да Лукайко, да князец же Даху, да улусной мужик Хабарко, князец Турундугайко и вместо всех иноземцов достальных ясашных людишек жалоба, государь, нам Енисейсково острогу на сына боярсково из Брацково острогу на приказново человека, на Ивана Похабова.

В нынешнем, государь, во 166 году, будучи на твоей государеве службе в Брацком Нижнем остроге, тот Иван Похабов чинил нам великие обиды и всякие насильства и во всем изгоняет и утесняет, и жен наших и детей емлет к себе на постелю сильно для блуда и нас ясачных иноземцов бьет и мучит и животы наши грабит, и всякими ж страстьми угрожает, а как мы с тое боязни принесем к нему Ивану в Брацкой острог соболи и бобры и лисицы добрые и черные, и тот Иван те соболи и бобры и лисицы, похватя у нас нечесно мечет под порог, а говорит нам: с чем де вы ко мне пришли на поклон и кому те соболи и лисицы годны? Приезжайте де вы ко мне с женами своими и везите де соболей по десяти, а перед де сего наша братья приезжали к вам хуже меня и вы де им приносили на поклон соболей по сороку и больше, а соболей де вы преже меня отнюдь никому служилым и иным никаким людем не продавайте. А которые лисицы мы иноземцы приносили платить в твою государеву казну ясаком и тех Иван, приметався к нам бездельным умыслом, и те лисицы у нас имал к себе в корысть, а не в твою государеву казну **... он же Иван у меня Бахая три бобра да три лисицы, а мучил меня и сынишка моего Дунайка в колоде и угрожал кнутом напрасно и вымучил коня доброво куяшново. Да у меня Лунка Дахиева улусу вымучил он же Иван коня доброво и впредь угрожает мне большею мукою, хочет вымучить другово доброво коня, и от такие от ево смертные угрозы нам и женам нашим и детям житья не стало и ездить с ясаком в Брацкой острог не смеем. И только, государь, тому Ивану Похабову вскоре перемены не будет, и нам бедным по нуже отступить в иные улусы от ево насильства быть не мощно, что он поругаетца на постеле женам нашим, их обида стала великая. Милосердый государь (...т...) пожалуй нас сирот своих ясачных людишек всех иноземцев, вели, государь, из Брацково острогу тово приказново человека Ивана Похабова переменить и про те ево всякое насильство и про многие обиды и про грабеж обыскать всяких чинов людьми и по тому обыску вели государь с ним Иваном милостивой свой государев царской указ и оборон учинить, чтоб нам твоего государева ясачново платежу не отстать и от брацково острогу не отбыть в ясачном недоборе в твоей государеве пене и в жестоком наказанье не быть и до конца не пропасть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

---

* ГАФКЭ, Сибирский приказ, ст. № 589, лл. 86, 85.

** Строки внизу челобитной оборваны.

7. Выписка из допросов ясачных бурят о грабежах и убойствах, причиняемых им служилыми и пашенными крестьянами, 1680 г. *

В допросе Иркуцкого острогу ясашные брацкие люди Адайко Борчи и все улусные ево люди по своей вере по шерте сказали. Илимского де уезду в Олонской деревне пашенные крестьяне Кирюшка Минин, Алешка Красноярь, Сенька, прозванием Молодой, ныне и преж того вино беспрестанно курят, а кому де они то вино продают, про то сказали не ведают. А они де, Адайко с товарищы, у них олонских пашенных крестьян вина ни на што не купливали, и грабежу и убойства никакова им Адайку с товарыщи от них не бывало. А в иных де деревнях Илимского уезду, где вино курят ли и кому продают или кому какие насильства и грабежи и убойства чинят, про то сказали не ведают же. А толмачил те их допросные речи иркуцкой толмач казак Мишка Епифанов. Того ж числа Иркуцкого острогу брацкие мужики Онкитей, Онбокой, Борки, Зилбуга, Бужай, Мухор, Хаарай, Соско, Бозинту допрашиваны, а в допросе сказали по своей вере вправду. Илимского уезду каменские и олонеские служилые и посацкие люди и пашенные крестьяне нас бьют и увечат и с островов Иркуцкого острогу, на которых островах преж сего кочевали деды и отцы наши, зжили и кочевать нам по тем островам не дают и по тем островам они, каменские и олонские илимские, сена косят, да они ж де, каменские и олонские, вина сидят и по нас брацких мужиках ездят и продают и нас они бьют и увечат беспрестанно и нас они згонили с островов два годы. А на Каменке и на Олонке был приказной человек Оникей Волов, и нас Оникей бил батоги неведомо за что и в тюрьму садил, и мы ныне от них живем в нужных местах, и ныне у нас скотишко падет для их изгони.

Того же числа иркуцкой брацкой мужик Аласа Конколой допрашиван по своей вере вправду, а в допросе сказал. На Олонках и на Каменке всякие люди курят де вино и продают беспрестанно и возят по нас брацких мужиках и меняют на кони и нас грабят они олонские и каменские служилые люди и лошадей у нас они отымают и с кочевок наших, где наши отцы жили, они каменские зжили, и ныне у нас скот припропал для их изгони.

Тогож числа илимские верхоленские брацкие мужики Бабуга, Нохончей, Сяга допрашиваны по своей их вере в вправду и в допросе сказали, Илимского уезду на Олонках и на Каменке жители вино де курят и по нас брацких мужиках возят и продают беспрестанно и у нас они олонские пашенной Алексей да Семен, нас бьют и увечат, а вино де возят по нас зимою и летом беспрестанно, на мягкую рухлядь и на скот меняют,

8. Челобитная ясашных «Братских иноземцев», поданная на енисейского письменного голову Х. Кафтырева, 1695—1696 гг. **

Великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцам, бьют челом, извещают холопи ваши Брацкого острогу ясашные иноземцы Асихибайко Дердиев, Аткуйко Комколов, Андрюшка Азигидаев, Осейко Дахуев, Оболтуйко Грошев, Болдойко да Моколдойко да Бозейко Кадаевы, Касамайко Тарчиев, Санкирко Букучин Боглойко Барсаев, Заректуйко Борчиев, Даганко Баранов, Забурко

---

* ГАФКЭ. Сибирский приказ, 1686 г., ст. № 6791/747, лл. 52—55.
** ГАФКЭ, Сибирский приказ. 1689 г., ст. 1254, л. 717.

Ириндиев, Хагайко Илкиев, Колочейко Табеев, Максимко Камнаев, Урмакейко Наирев, Дочиканко да Ханзик Мумуеговы, Садойко Нарежаев, Сегдейко Сундукуев, Тебендейко Кусылев, Мусыкейко Кылтуев, Умудыкейко Уныгенов, Кекуйко Ланцаев, Бодолчейко Никонов жалобы, великие государи, нам, холопям вашим, Брацкого острогу на приказного енисейского письмянного голову на Христофора Юрьевича Кафтырева.

В прошлом, великие государи, в 203 и в нынешнем в 204 годах посылал он, Христофор, для покупки себе соболей и всякой мяхкой рухляди в ясашное время на наших, холопей ваших, подводах в Удинский острог, и в тех подводах конишка наши, холопей ваших, пали две лошади. Да он же, Христофор, посылал и нас, холопей ваших, на Варлуцкую заставу с енисейскими казаками с Тихонком Кирилловым, с Косткой Борисовым 9 человек на наших же, холопей ваших, конех и [бы]ли мы на той Барлуцкой заставе 4 недели, помирали голодной смертью.

Да он же, Христофор, в нынешнем в 204 году выкосил наши, холопей ваших, сенные покосы и то сено велел он, Христофор, метать в стоги нам же, холопям, на нашех же конях, и скотишко наше, холопей ваших, вовсе выпало с голоду.

Да он же, Христофор, в нынешнем в 204 году выкосил наши, холопадками корову, а мы, холопи ваши, Урмакейко, Сегдейко, Бедендейко, Мусыкейко, Умыдыкейко ставили ему, Христофору, из-за мученья полтораста копен. Да взял он же, Христофор, с нас, холопей ваших, быка большово, а у нас, холопей ваших, Гозейки и Ханзика взял четыре быка больших. Да он же, Христофор, взял у меня, холопа вашего, Содойка Нареканова жеребца доброво, а у меня, холопа вашего, Какуйка жеребца ж шерстью пегово. И теми своими он, Христофор, нападками и мученьем разорил нас, холопей ваших, в конец и впредь нам, холопям вашим, вашего великих государей ясаку промышлять будет не на чем и купить нечем. Милосердые великие государи, (...т...) пожалуйте нас, холопей своих, велите, великие государи, сию нашу, холопей ваших, изветную челобитную в Брацком в приказной избе енисейским десятнику казачью Дмитрею Кирилову да казаку Данилу Терентьеву принять и велите, великие государи, им Дмитрею и Данилу писать в Енисейск к стольнику и воеводе Михайлу Игнатьевичю Римскому Корсакову и челобитную нашу холопей ваших, послать (под) [от]пискою, чтоб нам, холопям вашим, от нево, Христофора, и впредь от иных приказных людей в конец не разоритца и вашего великих государей ясаку не отбыть и в рознь не разобресть. Великие государи, цари смилуйтеся, пожалуйста.

9. Челобитная братских людей, поданная в Сибирский приказ по поводу захвата принадлежавших им земель и «обид», причиняемых им русскими: 1703 г.*

Великому государю, царю и великому князю Петру Алексеевичу, (...т...) бьют челом холопи твои нерчинские, ясашных брацких людей разных родов: Ганзуцкого роду зайсан Баданко Чуракин, да Карагаиацкого роду зайсан Дакийка Водороев, да Бодогуцкого роду зайсан Ачихайко Сахдаев, да разных родов и улусов шуленги Шаракинко, Гозейка, Кондохойко, Басутайко, Баендайко, Тацурко, Абундайко, Окинко, Учирко, да ясаулы Баданова улусу Болтурийко, Дасеева улусу Адайко, Ачихаева улусу Атарайко, Кондоехова улусу Номойко, Басу-

* ГАФКЭ, Сибирский приказ, № 1372, лл. 168—171.

таева улусу Ногшикойко, Баендуева улусу Кемзейко, Тацурова улусу Сорийко, Уенгуева улусу Далайко, Шуптурова улусу Атарайко, Абундаева улусу Харандайко, Окинеева улусу Танкайко, Учирова улусу Ногочийко и все рядовые ясашные брацкие люди. Жалоба, великий государь, нам, холопем и сиротам твоим, Иркуцкого присуду на Селенгинских удинских служилых и на всяких чинов людей.

В прошлых, великий государь, годех деды и отцы наши жили за мунгальскими тайшами, и не похотя за ними жить, и со всеми своими родами вышли под твою великого государя высокую самодержавную руку в Нерчинской при батюшке твоем блаженные памяти при великом государе, (..т...) и били челом мы, холопи и сироты твои, в Нерчинском при бывшем прикащике Павле Шульгине на порожные свои земли кочевать, где жили прадеды и деды и отцы наши, и жить под твоею великого государя державою в вечном холопстве и в ясашном платеже. И после нас и иные роды наши вышли под твою великого государя высокую руку в вечное ж холопство и в ясашной платеж, а породные наши земли, кочевные места вниз по Селенге, по Уде, по Курбе реках, на тех наших кочевных местах удинские казаки многие заимками поселились по правую сторону и ниже Чикою реки, по Хинку, по Темную, по Уде, по Итанце, подле Байкала моря, по правую ж сторону Селенги реки Кудуринская степь. И против челобитья нашего прикащык вышеписанной из Нерчинска отпустил нас на порожные свои кочевные места близ Селенги реки и в Ытонцинское зимовье, и служим мы, холопи твои, тебе великому государю в Ытонцинском зимовье многие непрестанные службы радетельно и ясак в твою великого государя казну платим по вся годы без недобору с прибылию. А ныне, великий государь, ту нашу породную Кудуринскую степь Иркуцкого присуду селенгинские, и удинские служилые и всяких чинов люди отняли у нас холопей и сирот твоих наши породные Кудуринские степи, лутчие кочевные места наши, зимныя и летния стойбища и всякие угодья и звериные промыслы, кормовые теплые места подле лесами, простроили себе заимки для хлебной пахоты. А горожба у них около пашен плохая и около сена горожба плохая ж, и в их хлебных и сенных протравах были нам от них разорения, обиды и налоги большие, брали у нас холопей твоих головщины непомерные насильством, своими руками разоряют нас в конец. И от тех их головщын мы, холопи и сироты твои, жен и детей своих испродали и в заклады иззакладывали и сами меж дворы скитаемся и от твоего великого государя ясаку отстали.

И в прошлом, великий государь, 204 году послали мы, холопи твои, к тебе великому государю к Москве с нерчинским сыном боярским с Микитою Варламовым в тех их налогах и обидах и в разорениях на селенгинских и удинских служилых и всяких чинов людей челобитную, и по твоему великому государя указу и грамоте велено их с той Кудуринской степи с наших породных кочевных мест свесть, а те заимки и ныне у них не сведены, и облыжным они челобитьем тебе великому государю били челобитьем, чтоб быть нам холопем твоим в Ыркуцком присуде под Удинском городом, а из Нерчинского зимовья аманатов детей наших и братей взять в Удинск, а Ытонцинское зимовье свесть. А мы, холопи твои, в Нерчинском уезде в Ытонцинском зимовье многие годы служим с Нерчинскими старыми казаками тебе великому государю за едино радительно без пороку и против неприятельских воинских людей бьемся, нещадя голов своих, тако ж и ясак в твою великого государя казну платим по вся годы без недобою с прибылью. А под Иркуцким при[с]удом нам, холопем твоим, быть невозможно ни-

которыми делы, потому что за Байкалом морем и нам много дале Нерченского.

Да в прошлых де, великий государь, годех полномочный посол боярин и воевода Федор Алексеевич Головин с товарищы будучи на Селенге по твоему великому государя указу призвал многих мунгальских тайшей, тайшу Бинтухая с товарищы во многолюдстве и из сих тайшей многих со всеми родами их во многолюдстве под Селенгинской город и под Удинской в ясашной платеж. И боярин Федор Алексеевич Головин с товарищы принял тех вышеописанных тайшей, твоим великого государя жалованьем их пожаловал, и оне тайши детей своих и братей в Селенгинской город отдали в аманатство и твой великого государя ясак они платили во вся годы. И селенгинские и удинские служилые люди тех тайшей и с родами их со всеми улусы отогнали своими обидами и налогами, и они тайши, не мога их обид и налог терпеть, покиня детей и братей своих в аманатстве, приклонились к китайскому хану, а после того, которые от них тайшей останцы в Селенгинском и Удинском и в Ильинском и в Кабанском и по заимкам, всех их прибилы и бросали в Селенгу реку, а жен и детей и живот их по себе раздуванили и распродали, а которые из тех останцов с побою пришли к нам холопем твоим под Нерчинской присуд и до ныне с нами тебе великому государю ясак по вся годы платят с нами. А они селенгинцы и удинцы тех вышеписанных аманатов отпустили в их земли к вышеписанным же тайшам и нас, холопей твоих, також разорить хотят в конец и от твоего великого государя ясашного платежу и с породные нашей земли отлучить. А как мы, холопи и сироты твои, с нерчинскими с ытонцинскими казаками боярина и воеводы Федора Алексеевича Головина в полку служили тебе великому государю радетельно и твоею великого государя милостию пожалованы были золотыми, а и ныне мы, холопи и сироты твои, служим тебе великому государю всякие твои великого государя в Ытонцинску многие непрестанные службы радетельно и твой великого государя ясак платим без недобору сполна в Нерчинск. Милосердый великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великая и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуй нас, холопей и сирот своих, вели, великий государь, за наши радетельные многие непрестанные службы и ясачной платеж быть под Нерчинском по прежнему в наших породных землях и кочевных вышеписанных местах по правую сторону Селенги реки, а с Кудуринские степи их селенгинских и удинских служилых всяких чинов людей с заимками свесть по другую сторону Селенги реки, чтоб нам холопем и сиротам твоим от их налог и обид в конец не раззоритца и твоей великого государя службы и ясаку не отбыть а быть бы под Нерчинском присудом в Ытонцинском зимовье в вечном платеже и под твоею великого государя самодержавною высокою рукою в вечном холопстве под Нерчинском городом в Ытонцинском зимовье. Великий государь, смилуйся.

10. Челобитная приказных письменных голов И. Синявина и И. Ипатьева, поданная в Сибирский приказ о количестве собранного ясака и прочих сборов с тунгусов и бурят за 1704 и 1705 гг. *

Великому государю, царю и великому князю Петру Алексевичю, (...т...) холопи твои Ларион Синявин да Иван Ипатьев челом бьют.

В нынешнем, государь, 1705 году по твоему великого государя указу собрано в Иркуцку и из острогов твоей великого государя ясачной и

* ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1705 г., д. № 1423, лл. 135—136.

поминочной казны по окладным и по сборным книгам и неокладного доходу и выменных иркуцкого, идинского, селенгинского, баргузинского, баунтовского, кучинского, ангарского, верхоленского сборов с тунгусов и с улусных брацких людей и с мунгальских выходцов и с соетов на нынешней 1705 год и из доимки на прошлой 1704 год 67 сороков 21 соболь с хвосты, в том числе 3 пары 3 соболя вешних, одна пара битых, 9 соболей из доимки на прошлой 1704 год, 12 соболей выменных в острогах на скот, 12 соболей выменных на муку, а что за те вышеписанные соболи скота и муки дано, о том из острогов прикащики в Ыркуцк к нам холопам твоим не писали.

В том же числе 57 соболей взято у промышленных людей, которые промышляли по речкам без твоего великого государя указу и отпуску, да от вышеписанных, государь, соболей пупков собольих то ж вышеписанное число.

А которые, государь, ясачные люди за немочью и за скудостию соболей не промыслили, и с тех вместо соболей собрано 105 рысей в козках с лапы, в том числе 2 рыси пороты, одна рысь без передних лап, 305 лисиц красных, в том числе 3 лисицы черночеревых, 5 лисиц сиводушчатых с лапы и с хвосты да одна лисица чернобурая, вымененая на муку; а дано 4 пуда; 100 розсомак в козках с лапы, в том числе одна поротая, в том же числе одна розсомака из доимки на прошлой 1704 год, 15 выдр в козках, 19 волков, в том числе 4 волка поротых, 5549 белок серых.

И тое твою великого государя сборную ясачную вышеписанную казну, в Ыркуцку разобрав, ыркуцкими служилыми и посадцкими и разных городов служилыми ж и торговыми людьми оценили и по разбору написали ценовную роспись, а по оценке, государь, вышеписанных разного чина людей, той твоей великого государя сборной ясачной соболиной казны и иной мяхкой рухляди на 10 251 рубль на 5 алтын. Да к тому, государь, с ыноземцев же с тунгусов и с брацких людей и с мунгальских выходцов и с мехачин, которые за немочью и за скудостью соболей и вместо соболей и иных зверей не упромышляли, по самой нужде собрано за ясак за соболиное число и принято к плохим соболям и к иным зверям в придачю деньгами 2162 рубли 5 алтын.

Да за 56 соболей взято в Ыркутском, в Ыдинском, в Верхоленском вместо денег 112 рублев, 28 быков по 7 и по 6 лет, да 62 соболя взято вместо денег же 124 рублев, 62 быка по 5 и 4 лета, которые быки посылаютца на смену соболей в Баргузинские остроги, 14 концов китайки нюцкой за 3 рубли за 18 алтын за 2 деньги.

И всего, государь, в Ыркуцком с остроги ясачные и сборные соболиные казны и всякой мяхкой рухляди и быков и китаек по цене и за ясак денег приказного сбору нынешнего 1705 году на 12.652 рубли на 28 алтын на 2 деньги. А вместо, государь, соболей собрано всего вышеписанных рысей и лисиц и розсомак и выдр и волков 544 зверя, 5549 белок, 14 концов китаек, а за сколько, государь, числом соболей той мяхкой рухляди и китаек и быков взято и денег принято порознь, и о том, государь, ведомо будет впредь по сборным ыркуцким с остроги ясачных книгам в сметных списках.

Да по письму, государь, ыркуцкого таможенного головы Петра Соловарова покупных соболей нынешнего 1705 году 16 пар без пупков, а за те соболи дано из таможни из продажи товарной казны 100 рублев да из продажи ж карт 72 рубли 16 алтын 4 деньги.

И по твоему великого государя указу и по грамоте из Сибирского приказу, которая прислана в прошлом 204 году августа в 8 день, оставили мы холопи твои из вышеписанной твоей великого государя ясач-

ной казны сбору нынешнего 1705 году в Ыркуцку в твоей великой государя казне в посылку для продажи и мены в Китайское государство с купчиною по вышеписанной ценовной росписи ыркуцкого сбору с остроги 105 рысей в козках, в том числе 2 пороты, одна рысь без передних лап, 5549 белок, 14 концов китайки по выписанной оценке на 392 рубли 9 алтын на 1 деньгу да ясачных же для соболиные мены 90 быков за 236 рублев да прошлых лет 5 быков без цены.

А вышеписанную ж, государь, сборную ыркуцкую с остроги ясачную и выменную и взятую у промышленных людей соболиную казну 67 сороков 21 соболь с хвосты и от тех соболей то ж число пупки, 305 лисиц, 100 розсомак с лапы, 15 выдр, 19 волков, по ыркуцкой розборной цене на 9.862 рубли на 14 алтын с деньгою да таможенных покупных 16 пар соболей по покупной цене на 172 рубли на 16 алтын на 4 деньги и взятые за ясак 2162 рубли 5 алтын... деньги и твоей великого государя ясачной казне выше писанную ценовную роспись за своими и разного чину ценовщиков руками послали к тебе, (...т...) к Москве мы, холопи твои, августа в 12 день нынешнего 1705 году с ыркуцкими выборными служилыми людьми с селенгинским отставным сыном боярским Иваном Корытовым да с ыркуцкими с конным с Андреем с Терховым, с пешим с Васильем Клюкиным за их приемом. Соболи в 7 ящиках, обшиты кожами, а пупки, и лисицы, и розсомаки, и выдры, и волки в 5 мешках холщевых, запечатав твоею, великого государя, ыркуцкую печатью с ярлыками, а деньги в 4 ящиках окованных, обшиты кожами ж с твоею великого государя остаточною 1704 году денежною казною за твоею ж великого государя ыркуцкою печатью, а таможенные покупные соболи со ярлыками и за твоею великого государя ыркуцкою ж таможенною печатью. А сю, государь, отписку и ценовную роспись велели подать и вышеписанную твою великого государя, казну об'явить в **Сибирском приказе** дьяком Ивану Чепелеву, Афонасью Гарасимову.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Взимание ясака «не-окладом», т. е. несистематически и не в определенном размере, а «с подарки», т. е. в обмен на различные нужные туземцам предметы (железные ножи, иглы и пр.), или на привлекавшие их безделушки, говорит о том, что в данном случае туземцы еще не были полностью покорены.

2. Соболи, подбираемые по качеству, связывались пачками по 40 штук и назывались «сороками».

3. Более или менее точные сведения о бурятах, о многочисленности и богатстве которых ходили легендарные слухи, были впервые получены русскими, очевидно, от тюркских племен, живших в районе Каны и зависевших от бурят.

В 1623 г. в бурятскую землю снаряжается первая экспедиция, о которой мы не имеем никаких сведений.

В 1627 г. вверх по Ангаре отправляется отряд казаков во главе с М. Перфирьевым, которому однако ясак с бурят получить не удалось.

Систематические походы против бурят начинаются с 1628 г.

4. В 1644 г. атаман В. Колесников, шедший из Енисейска, поставил у устья р. Осы укрепленный острожек, где и остался на зимовку. Несмотря на то, что с находившихся поблизости острога бурят ясак был уже взыскан казаками Верхоленского острожка, Колесников грабил бурятские улусы и требовал вторичной уплаты ясачного сбора. В 1645 г. Колесников дошел до Байкала, грабя по пути бурят.

Ответом на безудержную эксплоатацию и в частности на действия Колесникова явилось начавшееся в 1645 г. восстание бурят.

5. Аманаты — заложники, бравшиеся с туземцев как гарантия покорности и своевременности внесения ясака. Взятие аманатов считалось одним из самых надежных способов для предотвращения восстаний и для гарантии безопасности отправляемых в туземные селения сборщиков. Однако в процессе продвижения на восток царские чиновники очень скоро убедились, что мера эта применима не ко всем народам, и что некоторые из них аманатов своих «не держатся» и, несмотря на взятие с них заложников, не прекращают активного сопротивления. С подобным явлением пришлось столкнуться и у прибайкальских бурят. Как сообщает ниже в настоящей челобитной ленский воевода Пушкин: «те де бращкие люди за своими аманаты, дав свою шерсть, в правде своей не стоят и аманатов своих прежде всего отступались и их служилых людей, выманя к себе в улусы, за аманаты побивали и ныне де своих аманатов выдают же». Однако, судя по тому, что и в дальнейшем практиковался захват аманатов, следует сделать вывод, что явление это было эпизодическим.

Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII и XVIII вв. [1]

Окончание

Отписка в приказ Большой казны П. Моложенинова, допросные сказки, распросные речи и очные ставки старост и крестьян Белозерского уезда волостей: Андопольской, Комоневской, Крайской, Куйской, Кьямской, Ножемской, Пандольской, Судской и Чужбойской, август 7188 — март 7189 (1680—1681) гг.

(л. 277) И по указу великого государя и по наказу из приказу ево великого государя Болшие казны Петр Елисеевич Моложенинов для сыску серебряные руды с племянником своим с Ондреем Моложенининовым и с подьячими приказу Болшого дворца с Васильем Берестовым да Белозерские приказные избы с Ываном Тимоховым и серебреники з Дмитреем часовником да с Ываном Глазуновым да с Еремеем колмогорцом да з белозерцы з Григорьем Позняковым, с Семеном Чмутовым и с приставы и с салдаты и с стрелцы з Бела озера поехал в Белозерской уезд августа в 10 день.

И Заозерского стану в Куйскую волость приехали августа в 15 день и в той волости у церкви Николая чюдотворца помещику Григорью Федорову сыну Раткову и розных поместей и вотчин старостам и крестьяном о сыску серебряные руды великого государя указ Петр Елисеевич Моложенинов сказать велел и наказ вычесть всем вслух и, выслушав великого государя указ, той волости старосты и крестьяне подали скаску за рукою и та скаска подклеена ниже сего, а помещик Григорей Федоров сын Ратков сказал словесно, что де он Григорей о серебряной руде принесет скаску особую.

(л. 278) 188 году августа в 15 день Петру Елисеевичю Моложенинову Белозерского уезда Заозерского стану Куйские волости Никольского приходу розных поместей старосты и крестьяне [далее следует перечень лиц] сказали — по святей непорочьной евангельской заповеди господни еже ей ей — в Белозерском уезде в Заозерском стану в Куйской волости золотая и серебряная руда естьли или нет, того мы не ведаем, а Колашемская и Ножемская волости и Старая Пустая слобода в Судцком стану от нас удалело, и в тех волостях золотая и серебряная руда естьли или нет, того мы не ведаем же и про сторожевую избу меж Колашемскою и Слободцкою волостми мы не слыхали, ведают ли про то тех волостей старосты и крестьяне. А про то мы слыхали издавна от старых крестьян, что на реке на Иводе, на устье у Великие реки меж озерами Шолским и Левинским живали немцы и серебро делывали, а где серебряную руду имали, на реке ли Иводе или где инде, про те места ни от кого не слыхали...

...(л. 283). И противо скаски своей волосные люди Пондальские выставки крестьяне Андрею Моложенинову с товарыщи места указывали, где руда есть, и те руды для опыту взяли за рекою Иводою на горе за деревнею Слободою да в другом месте за деревнею Киндяевою да за деревнею Аксеновою по Каргозерской дороге, да в третьем месте по Сяргозерской дороге на князь Борисове земле Вадбальского под

[1] См. «Красный архив», № 2 (75).

хоневым болотом на ручью подле нивы; всего в трех местех руды взяли с четверик и привезли к Куйскую волость к Петру Елисеевичю Моложенинову, и в тех местах руда тем же подобием, что и на Иводе реке внизу против Куйской волости. И Григорьева крестьянина Ратькова Дениска Яковлева выслали к Петру Елисеевичю Моложенинову, а князь Борисова крестьянина Вадбальского Ивашка Савельева в доме не сказали.

(л. 284) И Петр Елисеевич Моложенинов в Куйской волости в деревне Каине велел зделать горн и в горну те руды плавить серебреником Дмитрею Максимову, Еремею Денисову, Ивану Глазунову и Григорью Познякову; и ис тех руд осарки вышли видением таковы ж, каков опыт принес изветчик белозерец Григорей Позняков, и те осарки клали в горшки и плавили и заметы заметывали и в горшках те осарки растопилось, и ходило подобно серебру, а как учнут лить из горшка в излоиницу, и все пойдет розно на мелкие зерна, а которые сольетца и больше, и то в дело в тягу нейдет.

Петр Елисеевич Моложенинов с подячими и с серебреники ис Куйской волости поехали в Кьямскую волость августа в 20 день, а племянника своего Андрея Моложенинова да салдата Спирку Назарова послал в Каргополь з государевою грамотою и с отпискою к воеводе к Борису Степанову сыну Карсакову о лодье и о работниках и о запасе.

И в Кьямской волости великого государя указ о сыску серебряной руды старостам и крестьяном розных поместей сказан, и они подали скаску за рукою, а в скаске их написано: один человек староста, четырнатцать человек крестьян (л. 285) сказали, в их Кьямской волости и в ыных волостях золотая и серебряная руды есть ли или нет, того де они не знают. А Колошемская де и Ножемская волости Старая пустая слобода от них удалели и в тех волостях золотая и серебряная или нет, того де они не знают и меж де Колошемскою и Слободцкою волостми про серебряную руду и про сторожевую избу они ни от кого не слыхали и сами не ведают.

(л. 286) 188-го года августа в 22 день перед Петром Елисеевичем Моложениновым Белозерского уезда Судцкого стану Судцкие волости Васильев крестьянин Григорева сына Смолнянинова деревни Пекина Ларка Антонов в допросе сказал.

В прошлых де годех тому лет з десять Белозерского уезда Судцкого стану Комоневские волости Лаврентьев крестьянин Канустина деревни Саутина Васка Карпов принес де к нему Ларке в деревню на Пекино в кошеле руды, чтоб де ему Ларке тое руду переплавить, не серебряная ли де та руда будет, и он де Ларка с тем крестьянином Васкою у себя в деревне Пекине в кузнице в горне, где плавят железную руду, тое руду плавили и выплавили де ис той руды с фунт, вышло де бело подобно серебру, толко де жестоко, а слилось де в розные куски и те де слитки того де году он Ларка снес в Новозерской монастырь на ярманку и на той де ярманке показал серебренику белозерцу посадцкому человеку Сергею Иванову сыну Реутову и спрашивал, что тот слиток серебряной ли, или иной какой руды. И на ярманку де понес он Ларка те слитки по совету с тем крестьянином Васкою, и Сергей де Реутов велел ево Ларку отвести на государев Рыбной двор на Бело озеро и про то де он Ларка на Рыбном дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым распрашиван и с Рыбного де двора отпущен он Ларка за порукою, а где де тое руду крестьянин Васка Карпов взял, того де ему Ларке не сказал.

И после де того, как он Ларка с Рыбного двора отпущен, приходил де он Ларка в Кьямскую волость к церковному дьячку к Григорью

Познякову и принес де ему Григорью той же де остаточной руды неплавленной, которую к нему, Ларке, принес Васка Карпов, и велел де ему, Григорью, той руды испытать, не серебряная ль та руда есть. И Григорей де тое руду плавил ли или нет, того де он Ларка не знает, толко де ему Ларке говорил он Григорей, что та руда не серебряная де, а принес де он Ларка той неплавленной руды к Григорью фунта с полтора.

А в Старой де в пустой слободе серебряные руды (л. 287) он Ларка не знает де и место де в Пустой слободе он Ларка не знает и Григорью де того не говаривал, что ему место серебряные руды в слободе укажет.

А ныне де крестьянин Васка Карпов з женою своею и з детьми живет в Судцкой волости в деревне Афонине у Дмитреевых крестьян Товаркова на подворье и где де он Васка руду взял, про то де он Васка сам скажет, а ему де Ларке про то место не сказал, и он де Ларка у него Васки про то место не спрашивал.

Августа в 22 день Комоневские волости Лаврентьевского поместья Капустина деревни Саутина Васка Карпов — живет де он Васка ныне в Судцкой волости в Дмитрееве поместье Товаркова в деревне Афонине у крестьянина у Игнашки Андреева на подворье з женою своею и з детми для того: после де Лаврентья Капустина сын его Семен Лаврентьев сын Капустин отдал де ево Васку за сестрою своею в приданые Алексею Богданову сыну Палицыну без земли, и для де того он Васка и живет в деревне Афонине у Дмитреева крестьянина Товаркова у Игнашки Андреева, что деревни Саутины земля променена иному помещику, а в прошлых де годех, тому лет с восемь иль болши, как де он Васка жил в Комоневской волости за прежним своим помещиком за Семеном Капустиным в деревне Саутине и косил де он Васка сено на государеве оброчной земле Комоневские волости на пустоше Пыреме и на пожнях по рекам по Иводе и нашел де он Васка на той реке Иводе на берегу руду, подобна де зженому-камню, лежит кусками, иные красные, а иные де куски черные, и набрал де он Васка той руды в кошель гривенок с пять и принес де он Васка тое руду в Судцкую волость в деревню Пекино к Васильеву крестьянину Смолнянинова к Ларке Антонову того же де году осенью и плавил де тот Ларка тое руду с ним Васкою в деревне Пекине в ево Ларкине кузнице в железном горну и выплавили де ис той руды мелкие куски белые, находят де на серебро, толко де жестоки, а сколко де весом выплавили, того де он Васка не знает, потому что де они не весили, и розделили де он Васка с ним Ларкою те куски пополам и ему де Ларке он (л. 288) Васка сказывал, что взял тое руду он Васка на реке на Иводе, а болши де того он Васка тое руды не имывал и к нему Ларке и к иному ни х кому не принашивал и от него де Васки тое руды у того Ларки не осталось, а какую де руду тот Ларка Григорью Познякову давал и где ее имал, того де он Васка не знает и о том де он Васка с ним Ларкою не советовал, что слитки нести на ярманку в Новозерской монастырь для продажи, а на Новозеро де на ярманку тот Ларка какие слитки носил ивоцкие ли де руды, которую с ним Васкою жег или иные какие руды, того де он Васка не знает. А как де про него Васку в тех же прошлых годах была присылка з Бела озера з государева Рыбного двора по роспросным речам того ж крестьянина Ларки в том же деле, и ево де Васки дома не было, бродил де в мир кормитца христовым имянем. А куски, которые де ему Васке достались ис той руды ево Васкины половины, у него Васки неведомо де где пропали в то время как де его Васку из

деревни Саутины перевозили в деревню Якутинскую старую, что на долгом. А никому де он Васка тех кусков не отдал и не продал.

А в Старой де пустой слободе и в ыных местах он Васка серебряные руды не знает нигде и не от кого де про серебряную руду не слыхал.

И противо роспросных речей Алексеева крестьянина Палицына Васьки Карпова Васильев крестьянин Смолянинова Ларка Антонов роспрашиван, а в роспросе сказал, которую де руду к нему Ларке принес в прошлых годах Васька Карпов, и тое де руду всю они сплавили, а у него де Ларки той руды не осталось, а сказывал де ему Ларке тот Васка, что де имал он Васка тое руду в Комоневской волости на реке на Иводе, а в котором месте, того де ему не сказал, и места де того он Ларка не знает, а что де ис той руды выплавили белых кусков и половину де взял Васка Карпов к себе, а другая де половина осталась у него Ларки, и то де говорили меж себя, что те слитки нести на ярманку к серебряником для испытания, а что де он Ларка дал в прошлых годех руды белозерецу Григорью Познякову, и тое де руду взял де он Ларка в Ножемской волости в Старой пустой слободе блиско пустоши Климовские в острову, а в том де острову лес березник да ельник. А ходил де он Ларка в Старую слободу серебряные руды сы[скать] (л. 289) потому, что де слыхал про серебряную руду, что в Старой пустой слободе серебряная руда есть. А Григорей Позняков тое руду плавил ли или нет, того де он Ларка не знает, толко де ему Ларке Григорий Позняков говорил беспрестанно, чтоб ему Григорью то место в Старой пустой слободе указать, и для того дал де ему Ларке он Григорей соли, чтоб то место ему указать, и по се де число он Ларка ему Григорью того места не указывал.

Да ему же де Ларке сказывал Иевлев крестьянин Данилова сына Бутурлина Ножемские волости Старые пустые слободы Рождественского приходу Лучка Мокеев, что в Ножемской волости в Старой пустой слободе серебряная руда есть, и то де ему Ларке тот Лучка сказывал же, что де он Лучка тое серебряную руду имал и носил де к белозерцу к Григорью Познякову, и Григорей де тое руды у него Лучки не плавил для того, что де он Лучка ему Григорью того места, где лежит серебряная руда, не указал, и тот де Лучка тое серебряную руду снес в Колошемскую волость к серебрянику прозвище Хренчаку, и тот де серебряник, прозвищем Хренчак, ис той руды выплавил де ему Лучке чистое серебро, а как де тому серебрянику Хренчаку имя и чей крестьянин и в которой деревне живет, того де он Ларка не знает, скажет де про него серебряника Хренчака Иевлев крестьянин Бутурлина Лучка Мокеев, который ему Ларке про серебряную руду и про серебро сказывал, а в первом де роспросе он Ларка про то не сказал для того, чтобы ему Ларке от того не быть в разорении и домишку своего не отбыть, а про серебряную де руду, что в Слободцкой волости есть, сказывал де ему Ларке крестьянин Лучка Мокеев при отце ево Ларкине при Антонке Митрофанове. А Григорей де Позняков серги ему Ларке делал и починивал, а деньги взял ли или безденежно, того не упомнит.

(л. 290) Петр Елисеевичь Моложенинов с подьячими и с серебряники и с приставы для сыску серебряные руды ис Кьямские волости поехал в Ножемскую волость в Старую пустую слободу августа в 24 день и крестьян Ларку Антонова, Ваську Карпова приставом и салдатом велел взять с собою для указыванья мест серебряные руды. И как приехали Комоневскую дорогу до перечневой дороги, и Ларка Антонов сказал та де дорога из Крайской волости на пустошь Ондрю-

шино, и пошел он Ларка с пустоши Ондрюшины на пустошь Климовскую и походил около той пустоши и искал серебряные руды и пустоши Кулней и говорил он Ларка, что де он то место, где имана прежде сего руда забыл, чтоб на то место взять Иевлева крестьянина Данилова сына Бутурлина ис Старой пустой слободы Ножемской волости Лучку Мокеева, он Лучка то место знает и укажет. А в то время были понятые люди Кьямские волости Матфеев крестьянин Бердяева Ивашко Григорьев, Максимко Тиханов Федоров, крестьянин Бердяева Карпушка Кирилов Иванов, крестьянин Варсобина Ивашко Антипин Осипов, крестьянин Бердяева Никитка Иванов Дмитреев, крестьянин Моложенинова Ипатко Иванов.

(л. 291) И Иевлев крестьянин Данилова сына Бутурлина Лучка Мокеев в роспросе сказал: к белозерцу де к посадцкому человеку, которой живет в Кьямской волости у церкви пророка Ильи в дьячках к Григорью Познякову руды серебряные он Лучка не нашивал и серебряные де руды в Старой пустой слободе и нигде не знает и в Колошемскую де волость к серебряннику, прозвище Хренчаку, серебряные руды он Лучка не нашивал и серебра де ему Лучке серебряник Хренчак не плавливал и Васильеву де крестьянину Смолянинова (л. 292) Ларке Антонову он Лучка про то не сказывал, то де на него Лучку Григорей Позняков и крестьянин Ларка Антонов говорят напрасно. А в Колашемской де волости серебряника Хренчака он Лучка знает, Никиткою де ево зовут, живет в деревне Суровцеве горе во крестьянех за Иваном Григорьевым сыном Япанчиным. Да он же Лучка, постояв немного, сказал в прошлых де годах, как де он Лучка жил за прежним помещиком, за Дмитреем Товарковым в Белозерском уезде в Судцкой волости в деревне Новинке и тому де лет з десять дал де ему Лучке Судцкие ж волости Великие Березы Ивана Иванова сына Юрлова и брат... ево крестья...[1] Петрушка Евсеев прозвище Кука осарков в плату завязано с фунт, чтоб де ему Лучке те осарки нести в Кьямскую волость к дьячку к Григорью Познякову и испытать, не серебро ли де будет. А те де осарки были белы. И того ж де году, как де он Лучка жил в деревне Новинке, в Кьямскую волость к Григорью Познякову приходил и те осарки приносил, и Григорей де Позняков осарков у него Лучки имал немного и при нем Лучке у себя в дому в горне плавил и не вышло де из тех осарков ничего. И говорил де ему Лучке он Григорей, что де те осарки не серебряные, и ничего де из них нет, и он де Лучка досталные осарки, вышед от него из двора, бросил на улице в Попове деревне в снег. А где де те осарки крестьянин Петрушка взял, того де ему Лучке не сказал. А в Старой де пустой слободе серебряные руды он Лучка не знает.

И Григорей Позняков противо роспросных речей крестьянина Лучки Мокеева сказал, что де приносил к нему Григорью тот крестьянич Лучка осарки белые, подобны де серебру, тому лет с пять из Слободцкой волости, а не из деревни Новинки и говорил де он Лучка, что де тое руду взял он Лучка в Старой пустой слободе, а места де ему Григорью не сказал, и он де Григорей у него Лучки тех осарков не взял и не плавил, что ему места не сказал.

И крестьянин Лучка Мокеев противо Григорьевых речей Познякова сказал, что де он Григорей тех осарков плавил или нет, того он Лучка не упомнит, потому то время давное, а помнитца ему Лучке, что де он носил из деревни Новинки, как жил за Дмитреем Товарковым.

---

[1] Недописано.

(л. 293) Августа в 25-й день Петр Елисеевичь Моложенинов Васильева крестьянина Смолнянинова Ларку Онтонова из деревни Федоровские для сыску серебряные руды в Ножемскую Пустую слободу послал с салдаты с Ывашком Киприановым да с стрельцом с Оскою Митрофановым да с ним же послан серебряник Иван Глазунов, и где тот крестьянин Ларка серебряную руду укажет, и им тое руду велено взять и принесть и ево Ларку с собою привесть к Петру Елисеевичю Моложенинову в деревню Федоровскую.

И того ж числа к вечеру в деревню Федоровскую серебряник Иван Глазунов с товарыщи пришли и крестьянина Ларку Онтонова привезли и сказали, что де он Ларка водил их по лесу и места серебряные и иные никакие руды не указал.

И Ларка Онтонов роспрашиван, для чего он серебрянику Ивану Глазунову с товарыщи серебряные руды не указал. И он Ларка сказал, где де он хотел то место серебряные руды указать, и ныне де запаметовал и не упомнит и сыскать того места не мог...

(л. 296) Васильев крестьянин Смолнянинова Антонко Митрофанов противо речей сына ево Ларки роспрашиван, а в роспросе сказал.

У сына де ево у Ларки с Ыевлевым крестьянином Бутурлина с Лучкою Мокеевым познать была, Лучка де к сыну ево прихаживал и прашивал мехов для дутья железные руды, а про серебреную де руду речей никаких у них Лучки и у Ларки он Антонко не слыхал. И Иванов крестьянин Юрлова Петрушка, прозвище Кука, серебреные руды сыну ево Ларке давал ли или нет, того де он Антонко не знает, и как де сын ево Ларка Лаврентьевского поместья Капустина с крестьянином с Васкою Карповым руду плавили, того де он Антонко не знает и у сына де ево у Ларки той руды, что де дал ему Петрушка Кука есть ли в землю положено или нет, того де он Антонко не знает и не слыхал.

Иевлев крестьянин Данилова сына Бутурлина Комоневские волости деревни Окатовские Евсевейко Семенов в роспросе сказал: в прошлых де годех, а колко тому лет, того не упомнит, взял де он Евсевейко руды меж Комоневскою и Куйскою волостми на реке на Иводе блиско Пыремских сенных покосов немного кусков для того: слыхал от старых людей, что де на той реке Иводе есть серебреная руда и, взяв де, он Евсевейко тое руду и разговорился де Судцкие волости деревни Великие березы с Ывановым крестьянином Юрлова с Петрушкою Евтифеевым, прозвище Кукою, что у него Евсевейка иводцкая руда есть и Петрушка де ему Евсевейку за тое руду посулил чюлки и он де Евсевейко тое руду тому крестьянину Петрушке отдал. Хотел де он Петрушка тое руду нести к серебреником для испытания, впрям ли де (л. 297) та руда серебреная, а чюлков ему Евсевейку и по се число не давывал, и он же Евсевейко у того Петрушки после тово про тое руду не спрашивал, кому он Петрушка тое руду отдал и какая та руда и после де того он Евсевейко той руды не имывал и никому не давывал, а где де он Евсевейко тое руду имал, и то де место он Евсевейко ныне укажет.

(л. 298) И того же числа Петр Елисеевичь Моложенинов Васильева крестьянина Смолнянинова Антонко Митрофанова для сыску серебряные руды, которую сын ево Ларка сказал в земле в деревне Пекине, послал Судцкой волости с пятидесятцким с Ывашком Васильевым и, сыскав тое руду, велел им принести для подлинного розыску к себе

Ножемские волости в Рождественский приход Старые пустые слободы в деревню Федоровскую.

Августа в 29 день к Петру Елисеевичу Моложенинову Белозерского уезда Судцкие волости Васильев крестьянин Смолнянинова Антонко Митрофанов да пятидесятцкой Григорьев крестьянин Товаркова Ивашко Васильев принесли руды фунта с три и сказали: нашли де они тое руду в Судцкой волости за Васильевою поместною землею Смолнянинова деревни Пекина другой половины той деревни на земле Петра Юрлова с товарыщи за полем и за речкою Шогдою, край болота, в лесу и та руда с рудою ж, которая была имана близ реки Иводы противо Куйской волости, сходитца.

...(л. 302) Чюжбойские ж волости Рождественского приходу один человек сотцкой да тое же волости розных поместей шесть человек старост сказали. В Белозерском де уезде в Чюжбойской волости золотая и серебряная руда есть или нет, того де они не ведают и промеж Колашемскою и Слобоцкой волостми золотые и серебряные руды они не ведают же и меж Колашемскою и Слободцкою волостми сторожи серебряной руды и сторожевой избы не помнят и ни от кого не слыхали.

Против скаски Колашемской волости розных поместей старост и крестьян и Чюжбойской волости Ильинского приходу, что в слободке на реке на Суде взяли руды подьячей Василей Берестов с товарыщи в Колашемской волости против земли Степана Зиновьева да в Чюжбойской волости в слободке у деревни Авжи вотчины дьяка Ивана Протопопова в обеих местех с полчетверика, и тое руду привезли в Ножемскую волость Рождественского приходу в деревню Федоровскую к Петру Елисеевичу Моложенинову, а про Иванова крестьянина Япанчина про Хренчака того поместья и крестьянин Якушка Кирилов сказал приставу Васке Алешину, что де ево дома нет: сшел в Новогородцкой уезд до ево приставова приезду.

И по досмотру та руда такова ж, какова на реке Иводе.

(л. 303) Августа в 30 день в деревне Федоровской к Петру Елисеевичу Моложенинову Васильев крестьянин Смолнянинова Ларка Антонов пришел и бил челом словесно, чтоб ево Ларку отпустил для сыску серебряные руды около пустоши Климовские на пустошь Кулни, он де Ларка то место ныне, где руду имал, спамятовал и укажет, чтоб с ним послать пристава и салдата и серебряника.

И августа в 31 день из утра Петр Елисеевич Моложенинов с под'ячими и серебреники поехал из Ножемские волости ис Старые пустые слободы из Рожественского приходу в Кьямскую волость и крестьянина Ларку Антонова для сыску серебреные руды послал и велел сыскивать против ево Ларкиных речей. И тот крестьянин Ларка, идучи из Ножемской волости из Старой пустой слободы, едучи к Комоневской волости, проехав пустошь Климовскую и Крайскую дорогу, стал называть прозваньем Кулнями, а нива ли де или пустошь, того де он Ларка не знает, и в том месте он Ларка искал серебреной руды и не сыскал и говорил он же Ларка, то ли де место, где он преже сего руду имал, то де он Ларка запаметовал.

(л. 304) 188-го года августа в 31 день Петр Елисеевичь Моложенинов из Ножемские волости ис Старые пустые слободы из Рождественского приходу приехав в Кьямскую волость, и против роспросных речей Алексеева крестьянина Палицына Васки Карпова да Иевлева кре-

стьянина Бутурлина Евсевейка Семенова тех крестьян Васку и Евсевейка для сыску серебреные руды на реку на Иводу послал, а с ними посланы серебреник Иван Матвеев сын Глазунов да салдат Оска Митрофанов.

И 189-го года сентября в 1 день к Петру Елисеевичу Моложенинову серебреник Иван Глазунов да салдат Оска Митрофанов и крестьяня Васка Карпов да Евсевейко Семенов принесли руды в дву пестерях и сказали, что де тое руду взяли те крестьяне на реке на Иводе, оба в одном месте, у Пыремских сенных покосов, и та руда складывана с рудою ж, которую принес Васильев крестьянин Смолнянинова Антонко Митрофанов, видением такова же.

(л. 305) 189-го года сентября в 4 день в Белозерском уезде в Кьямской волости перед Петром Елисеевичем Моложениновым Белозерского уезду Кьямские волости Дмитреев крестьянин Иванова сына Моложенинова деревни Савинские Сенка Федоров, прозвище Пятунка, сказывал: в Белозерском уезде в Ножемской волости в Старой пустой слободе пустошь Кулни есть, идучи ис Комоневской волости в Старую пустую слободу за пустошми за Ондрюшкинскою и за Климовскою, перешед речку Шомицу от пустоши Климовские, за болотом гора де велика, а около той горы припаши, как де итти с пустоши Климовские дорогою в Ножемскую волость в Жилую, дорога меж пустоши Климовские и Тимофеевские в ельник, да придет тут осинник [1], и около де той пустоши есть старые ямы кузнечные и руда, а какая руда, того де он Сенка не знает, а на той де пустоши Кулнях исстари жил крестьянин богатой, ворота де у него были железные, от Старой слободы будет де от церкви рождества христова версты с три, а что де сказывают пустошью Кулнями, не доходя пустоши Андрюшкинские и пустоши Климовские у речки Шомицы на Комоневской стороне, и то де разве другие Кулни или припаши кулневские.

(л. 306) 189-го году сентября в 5 день в Куйскую волость к Петру Елисеевичу Моложенинову белозерской пристав Васка Алешин да салдат Оска Митрофанов да Куйские волости пятидесятцкого Никифора Ефимьева Фомки Ермолова брат Якушко Ермолов привели Пондальские выставки Ильинского приходу князь Борисова крестьянина княжь Михайлова сына Вадбальского деревни Микоевы горы Ивашка Савельева да Григорьева крестьянина Федорова сына Раткова деревни Слободы Дениска Яковлева.

И те крестьяне роспрашиваны про серебряную руду.

А в распросе князь Борисов крестьянин княжь Михайлова сына Вадбальского Ивашка Савельев в роспросе сказал: в прошлом во 188-м году зимою говорил де ему Ивашку белозерец, что живет в Кьямской волости у церкви пророка Ильи в дьячках Григорей Данилов сын Позняков, чтоб де ему Ивашку проведать про серебряную руду в Пондалские волости, и он де Ивашко про серебряную руду проведал и в Пондалской же де волости услышал де он Ивашко у Григорьева крестьянина Раткова деревни Слободы у Дениска Яковлева, что в их Пондалской волости на реке на Иводе есть такая руда, в прошлых годах имали де тое руду крестьяне делать железо и железа де ис той руды (л. 307) не вышло. И он де Ивашко ему Дениску про Григорьевы речи Познякова говорил, и тот крестьянин Дениско велел де ему Ивашку ево Григоря привести к себе и той руды ему дать

---

[1] Так в подлиннике.

и место указать. И Григорей Позняков с ним Ивашком к тому крестьянину Дениску приходил, и тот де крестьянин Дениско с Григорьем Позняковым ходил на лыжах из деревни Слободы от того крестьянина Дениска за реку Иводу и взял де руды с полчетверика, а он де Ивашко в то время был у того крестьянина Дениски в избе и, как де у них тое руду Григорей Позняков взял и дал де ему Ивашку за тое руду телятину, а Дениску де Яковлеву дал крест серебряной, а коровы де он Григорей ему Ивашку за тое руду не давывал. Корову де он Григорей да свою лошадь променил ему Ивашку на ево Ивашкову лошадь, а никому де иному он Ивашко тое руды не давывал и больши де того, что в скаске волостных крестьян написано про такие руды, он Ивашко не знает и ни от кого не слыхал.

Того же числа Григорьев крестьянин Федорова сын Раткова деревни Слободы Дениско Яковлев в роспросе сказал.

В прошлом де во 188-м году осенью помещик ево Григорей Ратков строил де на Пондале мелницу и ходил де в лес с пищалю для птиц и ево де Дениска имал с собою. И за деревнею де Слободою и за рекою Иводою на горе, у реки Иводы нашли де (л. 308) руду. И помещик де ево Григорей говорил ему Дениску, не та ли де серебряная руда, потому что де про серебряную руду слух идет, и посмотря де он Григорей тое руду, к себе не имал и не жег. И после де того говорил ему Дениску князь Борисов крестьянин Вадбалского Ивашко Савельев о серебряной руде, чтоб указал место Кьямские волости дьячку Григорью Познякову, и он де Дениско про тое руду тому крестьянину Ивашку сказал и з Григорьем Позняковым к себе ево Ивашка звал и зимным де времянем тот крестьянин Ивашко к нему Дениску с Григорьем Позняковым пришли, и он де Дениско к той руде з Григорьем Позняковым ходили на лыжах и руды взяли с полчетверика. А Ивашка де Савельев в то время был у него Дениска во дворе и за тое де руду дал де ему Дениску Григорей Позняков крест серебряной, а Ивашку де Савельеву что дал, того де он Дениско не знает, а иному де никому он Дениско той руды не давывал. И как де ныне Петр Елисеевичь Моложенинов для сыску серебряные руды приехал, и в Пондалской де волости крестьяне и он Дениско про тое руду и про иные места сказали и скаску дали, а иных де мест серебряной руды он Дениско не знает и никому не говаривал, что иные места серебряные руды есть ли.

И к сим роспросным речам тот крестьянин Дениско Яковлев, не приложа руки, из-за сторожи белозерского пристава Ганки Логинова бежал.

(л. 309) Сентября в 5 день Петр Елисеевичь Моложенинов в Куйской волости в Григорьево поместье Раткова в деревню Заболотье для крестьянина ево Григорьева Дениска Яковлева, которой после роспросу из-за сторожи пристава Ганки Логинова бежал, посылал пристава Васку Алешина да пятидесятцкого брата Якушка Ермолова, да Петрова крестьянина Языкова Еремку Якимова да Андреева крестьянина Ржевского Исачка Леонтьева да Семенова крестьянина Загрязского Анофрейка Иванова; и пристав и понятые сказали, что Григорьева мать Раткова вдова Анна им сказала, что де крестьянина Дениска Яковлева у них нет, а староста и крестьяне того Григорьева поместья Раткова разбежалися и ухоронилися и подвод не дали, чинятца силны при них понятых и при дьячке Куйской волости при Иване Иванове сыне Попове.

А про Григорья Раткова мать ево вдова Анна сказала, что он Григорей с'ехал на Вологду.

(л. 310) Сентября в 6 день Петру Елисеевичю Моложенинову белозерец посадцкой человек Григорей Данилов сын Позняков сказал: проведывал де он Григорей серебряные руды в Белозерском и в Олонецком уездех и сказывал де ему Григорью Олонецкого уезда Оштинского погосту выставки Ладвы кузнец, Максимком зовут, а чей сын, того не упомнит, что в той выставке Ладве на ручью Мутяном есть серебряная и медная руды по обе стороны того ручья Мутяного, а того де ручья ему Григорью не указал, просил де от того пять рублев денег, и чтоб ево Григорья для проведыванья и опыту в тот погост отпустили и дать ему денег для того сыску. И Петр Елисеевичь Моложенинов ис Куйские волости Григорья Познякова отпустил для сыску тех серебряной и медной руд в Олонецкой уезд в Оштинской погост в выставку Ладву, и дано ему Григорью для сыску серебряные и медные руды государевых казенных денег пять рублев и, как он Григорей тое руду сыщет и опыт возмет, и ему Григорью с тем опытом притти к Петру Елисеевичю Моложенинову тотчас, а буде ему Григорью серебряные или медные руды не об'явят и опыту взять не дадут, и ему Григорью с теми деньгами притти пороже к Петру Елисеевичю Моложенинову, не замотчав, и деньги в государеву казну пять рублев заплатить.

А позади подлинной скаски написано: Гришка Позняков денег пять рублев взял и руку приложил.

(л. 311) Ноября в 17 день на Беле озере перед Петром Елисеевичем Моложениновым об'явился белозерец посадцкой человек Григорей Данилов сын Позняков и сказал: ходил де он Григорей из Белозерского уезда в Олонецкой уезд для подлинного проведыванья серебряные руды, что де ему Григорью наперед сего сказывал выставки Ладвы кузнец Максимко, что де есть серебряная и медная руда в Олонецком уезде в Оштинском погосте в выставке Ладве на ручье Мутяном, и в той де выставке Ладве того кузнеца Максимка он Григорей не изшел, а видел де он Григорей в той выставке крестьянина прозванием Долской, имяни де ему Долскому и чей сын и которой деревни, того де он Григорей не знает, и хотел де тот Долской ево Григорья посадить в воду с каменем и камень де приносил и говорил, чтоб де ему Григорью впредь в Ладву для сыску серебряные и медные руды не приходить. И как де он Григорей ис той выставки Ладвы пошел в Белозерской уезд, и настигли де ево Григорья на дороге два человека, незнаемые люди, с топориками и хотели де ево Григорья убить и в воду посадить и смотрели де у него Григорья в сумке серебряные руды и, смотря, говорили, есть ли бы де у него Григорья в сумке руда была, и они бы де ево Григорья в воду посадили, и то де говорили, буде де он Григорей впредь к ним в Ладву для руды придет, и ево де Григорья они живого не спустят и для де того болши он Григорей в тое Ладву для сыску серебряные и медные руды ходить не смел, бояся себе смертного убивства, и что де ему Григорью дано из государевы казны денег пять рублев, и те де деньги ныне принес он Григорей с собою на Бело озеро.

Да он же Григорей сказал, как де он Григорей шел домой из Ладвы и начевал де он Григорей Оштинского ж погосту выставки Шимозерской в деревне Кленозере у крестьянина у Кондрашки, а чей сын Кондрашка — того де он Григорей не знает. А тое же де (л. 312) ночи начевал в той же де деревне в другой избе Белозерского уезда Но-

жемской волости Леонтьевской поп Иоаким Пиминов сын и говорил де с крестьяны про него Григорья, что де он Григорей ходил в Ладву проведывать про серебряную руду и имать опыту, и тот де крестьянин Кондрашка, слыша речи от попа Иоакима, говорил ему Григорью, что де он Кондрашка в Ладве серебряные руды опыт возмет и к нему Григорью принесет и чтоб де ему Кондрашке с ним Григорьем в том деле быть в половине. И тот де крестьянин Кондрашко к нему Григорью в Белозерской уезд в Кьямскую волость по ево Григорьев поход, как он Григорей пошел на Бело озеро не бывал, а без него де Григорья тот крестьянин Кондрашка в Кьямскую волость приходил ли, и опыт серебряной руды приносил ли или нет, того де ему Григорью не ведомо, а та де деревня Кленозеро от Кьямские волости во шти десяти верстах, а на Бело де озеро он Григорей долгое время не бывал для того, что заскорбел. И деньги пять рублев он Григорей Позняков Петру Елисеевичю Моложенинову заплатил.

Да он же Григорей сказал, как де ныне шел он Григорей на Бело озеро и на дороге де сшелся Куйской волости выставки Пондаль с Васильевым крестьянином Кузмина с Якушком Горбуном, и он де Якушко говорил ему Григорью, что де на Пондале, как приезжал Петр Елисеевичь Моложенинов в Куйскую волость и присылал к ним племянника своего Андрея с товарыщи, и той де выставки Пондаль крестьяне руду указывали не в том месте, а где имал руду Григорей Ратков, того де места не указали. Да он же сказал, что де ис Кьямские волости деревни Савинские Дмитреев крестьянин Моложенинова Сенка Пятуня хотел с ним Григорьем итти в Пустую Ножемскую волость на пустошь Болшие Кулни, что за пустошью (л. 313) Климовскою и указать ему Григорью ямы, где будто встарь имали серебряную руду, да тут же де есть и домницы, и он де Сенка Пятунин с ним Григорьем на тое пустошь Кулну не пошел, а сказал, что де он Сенка итти не может, потому что заскорбел...

Генваря в 27 день в Белозерской уезд в Заозерской стан в Куйскую волость и в Пондальскую выставку по смолнянина рейтарского строю по Григорья Федорова сына Раткова да по крестьянина Дениска Яковлева, которой к роспросным речам руки не приложил, да по князь Борисова крестьянина Вадбалского по Ивашка Савельева да по Васильева крестьянина Кузмина по Якушка Горбуна посыланы площадной подьячей Петр Иконников с товарыщи.

А в доезжей их памяти написано: Григорья де Раткова в доме не[т], из'ехали, а мать де ево Григорьева вдова Анна сказала словом, что де сын ее Григорей с'ехал к Москве генваря в 15 день, а крестьянин де ево Дениско Яковлев з братьею из двора выбежал с топорки и с рагатины отбились и взять не дались, учинились силны. А князь Борисов крестьянин Вадбалского Ивашка Савельев да Васильев крестьянин Кузмина Якушко Горбун и с иными тех поместей крестьяны заперлись в домех, учинились силны.

(л. 314) Февраля в 3 день на Бело озеро на с'езжей двор к Петру Елисеевичю Моложенинову вдовин Аннин человек Федоровские жены Раткова Якушко Ларионов привел Григорьева крестьянина Раткова Белозерского уезда Куйской волости с Пондалы деревни Слободы Дениска Яковлева и сказал для де того он Дениска привел, что приезжали по него з Бела озера подьячей и пристав и салдаты для сыску серебряные руды к подлинному розыску, и он де Дениско от посыщиков бежал...

И того ж числа приводной человек Белозерского уезда Куйской воло-

сти с Пондалы деревни Слободы Григорьев крестьянин Раткова Дениско Яковлев роспрашиван, для чего он в Куе, к роспросным своим речам, не приложа руки, из-за пристава бежал и где серебряную руду знает.

И он Дениско в роспросе своем сказал: к роспросным де своим речам не приложил руки для того, что почали де ему тут в Куе крестьянки говорить своим чуцким языком, что хотят де ево ковать, и ты де у них уйди, и он Дениско для того из-за караула бежал домовь в деревню Слободу, а болши де того мест серебряные руды он Дениско не знает, про которые места наперед сего в Куйской волости в роспросе он сказал, а как де по него Дениска приезжал площадной подьячей Петр Иконников с товарыщи, и он де Дениско ушел в лес, убоявся себе бою и увечья.

(л. 315) 189-го года февраля 8 дня на Беле озере на с'езжем дворе Петру Елисеевичю Моложенинову Белозерского уезду Судцкого стану Судцкие Крайские волости Георгиевского приходу Васильев крестьянин Григорьева сына Смолнянинова деревни Пекина Ларка Антонов сказал: в прошлом в 188-м году августа в... день взят он Ларка по челобитью и по извету белозерца посадцкого человека Кьямские волости церковного дьячка Гришки Познякова перед Петра Елисеевича Моложенинова в Кьямскую волость в сыску серебряные руды, и он Ларка сказал Петру Елисеевичю, что знает серебряную руду в Судцком стану в Пустой в Ножемской волости и где та руда лежит, хотел он Ларка место указать Петру Елисеевичю, и как Петр Елисеевичь приехал с товарыщи своими, с подьячими и с серебрянниками московскими и с приставы и с салдаты в Пустую в Ножемскую волость и с околними людьми и места у него спрашивал, где та руда лежит, и он Ларка места не указал, опасаяся помещика своего Василия Смолнянинова, потому что отец де ево и мать и жена ево Ларкина и дети ево живут за помещиком ево за Васильем Смолняниновым, и ныне он Ларка хотя великому государю послужить место серебряные руды в Пустой в Ножемской волости укажет и что б великий государь ево Ларку пожаловал, ис тюрмы ево велел свободить на поруки и не велел бы ево ларкину помещику Василью Смолнянинову впредь с отцом ево Ларкиным и с матерью и з женою ево и з детми головою выдать.

А лежит де та серебреная руда в Пустой в Ножемской волости на пустоши Кулнях край реки Шомицы. А от старых де людей он Ларка слыхал, что в Ножемской волости в Пустой слободе серебряная руда есть, а которую де он Ларка руду Григорью Данилову сыну Познякову приносил и та де руда имана на реке Иводи,— а не в Пустой в Ножемской волости. А дал де ему Ларке тое руду Иванов крестьянин Юрлова Петрушка Слепой.

Да он же де Ларка ведает в Крайской волости есть руда, лежит на реке на Шонде в берегу в пустом месте в диком лесу, а около тое руды пашенные места и сенные покосы, а та руда видением лежит бела, а на железное дело нейдет, потому что и железо от нее станет ломко, а в оное не дымывали.

А то место от их деревни Пекины верстах в четырех...

(л. 318). 189 года марта в 10 день сказал Васильев крестьянин Смолнянинова Ларка Антонов, есть де в Судцком стану в Крайской волости в деревне Осташеве, а та деревня Татьяны Григорьевской жены Смолнянинова з детми с Васильем, с Онисимом, с Костянтином, с Михайлом, и в той их деревне Осташеве живет крестьянин, Конанком зовут, Дементьев. Знаю, что он Конанко дмет руду, а из нее выходят слитки золотников по пяти и по шти белы подобны серебру,

а серебро или олово, и тово я Ларка не ведаю. А где он Конанко тое руду емлет, и того мне он Ларке не об'явил и чтоб ево Конанка указал великий государь взять на Бело озеро перед Петра Елисеевича Моложенинова и велел ево распросить, а будет он Конанко станет запиратца, и ево б Конанка указал великий государь роспросить в застенке.

Петр Елисеевич Моложенинов для сыску серебряные руды послал с крестьянином Ларкою Антоновым в Белозерской уезд племенника своего Андрея Моложенинова с товарыщи, а в сыску их написано.

189-го года марта в 14 день Белозерского уезду Судцкого стану Судцкие волости Егоргиевского приходу, что на Крае Костянтинов да Михайлов крестьянин Григорьевых детей Смолняниновых деревни Осташевы Конанко Дементьев роспрашиван противо извету и скаски Васильева крестьянина Смолнянинова Ларки Антонова, что он Ларка в ызвете своем на него Конанка сказал, что де он Конанко дмет руду, а из нее де выходят слитки золотников по пяти и по шти, белы, подобны де серебру, а серебро или де олово, того де он Ларка не ведает, а где де он Конанко тое руду емлет, того де ему Ларке от него Конанка не ведомо. И он Конанко Дементьев, выслушав тот Ларкин извет Антонова и скаску, в расспросе сказал: Васильева де крестьянина Смолнянинова Ларку Антонова он Конанко знает, а руды де таковы, ис которые б выходили слитки золотников по пяти и по шти, белы, подобны серебру или олову, он де Конанко не дмет, и Ларке де Онтонову он Конанко таковы руды и слитков таковых он де Конанко не казывал и словами де ему Ларке про тое руду и про таковы белые слитки он де Конанко не сказывал, и то де он Ларка сказал на него Конанка напрасно, и бил челом он, Конанко, чтоб великий государь велел с ним Ларкою в том дать очную ставку.

(л. 319). И того ж числа он Ларка Онтонов с ним Конанком Дементьевым ставлен с очей на очи и на очной ставке он Ларка Антонов ево Конанка Дементьева уличал и сказал, что де ему Ларке про дутье руды он Конанко сказывал и ис тое де руды слитки белы, золотников по пяти и по шти, подобны де серебру или олову он Конанко ему де Ларке казал на дому в деревне Осташеве и ему де Ларке те слитки он Конанко давал носить на дом и после де того те слитки пришед он Конанко к нему Ларке на дом к себе де он Конанко и взял, а те де слитки серебро ли или де олово, того де он Ларка не ведает.

И Конанко Дементьев на очной ставке сказал, руды де он Конанко дул тому де есть лет с шесть и ис той де руды выходили де слитки по золотнику и менши, беловаты, а серебро ли де или олово, или свинец или иное что, ис тое руды выдували в те слитки, того де он Конанко не ведает, а нашел де он ту руду, ходя за зверем в Белозерском уезде в Судцком стану в Судцкой волости за деревней Пустошкой вниз реки Суды в берегу тое реки Суды на низ по правую сторону и тут де он Конанка тое руду в то время и брал, а та же руда не зженная — красна, а зженная та руда станет буравата, и тое де руду и место он Конанко укажет и ис той де руды те слитки он Конанко ему Ларке Антонову и казал, а таковых де слитков золотников по пяти и по шти он Конанко ему Ларке Антонову не казывал, потому де он Конанко в роспросных своих речах про дутье тое руды и про слитки и не сказал.

189-го году марта 17-го дня Андрей Евдокимов сын Моложенинов с серебреником з Дмитреем Максимовым сыном с часоводом и с во-

лостными двумя Судцкие волости с сотцким с Остафьевым крестьянином Казанцова с Васильем Андроновым да с Семеновым крестьянином Синцова с Титом Елизаровым, да с Григорьевыми крестьяны Синцова с Михайлом Ивановым да с Кузмою Герасимовым да с Ывановыми крестьяны Лескова с Ываном Зиновьевым да с Ываном Макаровым да с Кондратьевыми крестьяны Шарова з Григорьем Федоровым да с Ываном Нефедовым да Воскресенского приходу с Ывановыми крестьяны Кобылина с Прокофем Макаровым да с Андреем Семеновым приезжали того ж Судцкого стану за деревню Пустошку на реку на Суду против роспросных речей Костянтинова да Михайлова крестьянина Григорьевых детей Смоляниновых Конанка Дементьева для сыску на реке Суде руды, какову он Конанко в роспросных своих речах сказал и указать хотел и при тех волостных людех ему Андрею Евдокимову сыну Моложенинову и серебряннику Дмитрею часоводу тот Костянтинов, и Михайлов крестьянин Смоляниновых Конанко Дементьев указал руду и место, где лежит та руда в Белозерском уезде в Судцком стану Воскресенского приходу край реки Суды от деревни Погорелиц вниз на правой стороне (л. 320) верстах в дву на земле Андрея Юрьева сына Абрамова от берегу и от воды в лесе в унизом месте в ляге за пятнадцать сажен подле сухово места сенных покосов противо могилного кургана, которой могилной курган на другой стороне реки Суды по скаске волостных людей, а в том месте та руда копана и метана подле ям в груды местах в десяти и болши в давных летех и по той копаной руде вырос великой лес ельняг и березник. А в том месте, где та руда копана и ямы есть и того места вдоль на десять сажен, а поперег на пять сажен, а та руда незженая — красна, а зженая буровата, и подле тех ям при тех волостных людях по той ево Конанкове скаске тое руды на опыты брали, которая руда ис тех ям метана в груды, а вновь в том месте копать ям и руды взять было не мочно, потому что вода отняла, и сколко в толщину в том месте тое руды лежит под землею, того знать не по чему, потому что ям вновь копать для воды не мочно ни которыми делы, и он Конанко Дементьев про то де сказать подлинно не ведает, что де он Конанко брал тое руду подле тех ям, копаную же ис тех же груд, а ям сам де он Конанко не копал, и тое руду зженую он Конанко Дементьев при Андрее Евдокимове сыне Моложенинове и при серебрянике при Дмитрее часоводе да Судцкие волости при сотцком при Василье Андронове в кузничном горну дул и вышел ис тое руды слиток беловат в восемьдесят золотников и тот слиток серебряник Дмитрей часовод плавил и сказал он Дмитрей часовод Андрею Евдокимову сыну Моложенинову, что де ис того слитка ничего серебра не вышло, а что из остатков ис той руды он же Конанко Дементьев выдул слитки беловаты, весом те слитки фунт с четвертью фунта и те слитки Андрей Евдокимов сын Моложенинов привез для опыту в город на Бело озеро к Петру Елисеевичу Моложенинову, а плавил он серебряник Дмитрей часовод тот слиток при Андрее Евдокимове сыне Моложенинове...

И против тех слитков ис тое ж руды, которую руду привез он Ондрей Моложенинов с крестьянином с Конанком Дементьевым на Беле озере на с'езжем дворе при Петре Елисеевиче Моложенинове плавили и выплавили ис тое руды слитки видением таковы ж, каковы слитки привезли с собою из Судцкого стану Андрей Моложенинов с товарыщи.

(л. 321) И марта ж в...[1] день на Беле озере на с'езжем дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым Дмитреев крестьянин Моложенинова деревни Савинские, Сидорко Пятунин сказал: отец де ево Сидоркин умре в нынешнем во 189-м году в марте месяце, а в котором числе, того он Сидорко не упомнит, а что де отец ево Сидоркин Сенка Пятунин, как был в живых и на Кьяме в скаске своей про серебряную руду Петру Елисеевичу Моложенинову сказал, что в Ножемской волости в Пустой слободе на пустоши Болших Кулнях домницы и ямы и серебряная и медная и оловянная или иная какая руда есть ли или нет, того де он Сидорко не ведает и от отца своего Сенки про такое дело не слыхал же.

И того же числа Дмитреев крестьянин Моложенинова Сидорка Пятунин з Бела озера с с'езжего двора отпущен домовь в Кьямскую волость в деревню свою Савинскую для того: как с пол снег сойдет, и ему, Сидорку итти на пустошь Кулни Болшие, которые за пустошью Климовскою и на той пустоши Кулнях искать ям, где преже сего имывана руда и где стаивали домницы мест посмотрить и, будет сыщутца мы и домницы, и ему то место указать Ильинскому церковному дьячку Григорью Познякову и с ним Григорьем взять той руды опыт и привесть на Бело озеро и об'явить на с'езжем дворе Петру Елисеевичу Моложенинову.

(л. 322) И марта в...[1] день по приказу Петра Елисеевича Моложенинова Белозерского уезду Судцкого стану Судцкие волости Георгиевского приходу, что на Крае Костянтинов да Михайлов крестьянин Смолняниновых деревни Осташева Кононко Дементьев з Бела озера отпущен домовь в Суцкой стан, а как ево Кононка по указу великого государя спросят, и ему на Беле озере на с'езжем дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым стать тотчас.

189-го года марта в...[1] день на Беле озере на с'езжем дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым Белозерского уезду Судцкого стану Андопалские волости деревни Шушки Иванов крестьянин Никонова сына Зайцова Савка Иванов сын в роспросе сказал: делает де он Савка и дмет железную руду, а серебряные де и иные никакие руды не делает и не знает, а сын де ево Савкин Антипка серебреное делает из готового серебра и из меди кресты и персни и серги и иное серебреное дело, хто что принесет. А про серебреную руду сын его Савкин Антипка знает ли или нет, того де он Савка не знает, а от сына своего Антипки не слыхал и бил челом он Савка словесно, что де он Савка сына своего Антипку на Беле озере на с'езжем дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым для допросу про серебреную руду поставит после светлого христова воскресения, как снег с пол сойдет.

И по приказу Петра Елисеевича Моложенинова Савка Иванов з Бела озера отпущен по сына своего Антипку.

(л. 323) В нынешнем во 189-м году марта в 10 день по указу великого государя и по наказу из приказу ево великого государя Болшие казны за приписью дьяка Артемья Степанова по наказной памяти Петра Елисеевича Моложенинова ездил племянник его Петра Елисеевича Моложенинова Андрей Евдокимов сын Моложенинов да Дмитрей серебреник для сыску серебряные руды по скаске Васильева кре-

[1] Число не указано.

стьянина Смолнянинова Ларки Онтонова в Белозерской уезд в Судцкой стан в Пустую Ножемскую слободу на пустошь Кулни со многими околными волостными людьми, и он, Ларка на той пустоши Кулнях край реки Шомицы и нигде серебряные и никакие руды и места где б была руда Андрею Евдокимову сыну Моложенинову и Дмитрею серебрянику не указал, а сказал он Ларка ему Андрею при тех волостных околных людех, для того он Ларка серебряной руды на той пустоши Кулнях нигде указать не может, потому что он Ларка серебряной руды места сам не знает, а сказал де он Ларка Антонов на Беле озере перед Петром Елисеевичем Моложениновым простое серебряную руду и про место на той пустоши Кулнях край реки Шомицы по наученью и по скаске Иевлева крестьянина Данилова сына Бутурлина Лучки Мокеева.

И марта в ...[1] день на Беле озере на с'езжем дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым на очной ставке с Васильевым крестьянином Смолнянинова с Ларкою Антоновым Иевлев крестьянин Бутурлина Лучка Мокеев сказал, что де он Лучка в Белозерском уезде в Судцком стану в Пустой Ножемской слободе на пустоши Кулнях край реки Шомицы и инде нигде в Судцком стану серебряные и никакие руды и места, где б была руда, не знает, а про ту де серебряную руду на него Лучку он Ларка сказал напрасно...

А Васильев крестьянин Смолнянинова Ларка Онтонов против Иевлева крестьянина Бутурлина Лучкиных речей Мокеева с ним Лучкою на очной ставке сказал, что будто де он Лучка ему Ларке такие речи сказывал в Белозерском уезде Судцком стану в Пустой Ножемской слободе на пустоши Кулнях край реки Шомицы про серебряную руду и про место он Лучка знает и тем де он Ларка ево Лучку в таких своих речах поклепал напрасно и в том де он Ларка перед великим государем виноват и в той ево Ларкине вине, что государь великий укажет...

(л. 324) И по сему делу Васильев крестьянин Смолнянинова Ларка Антонов, Иевлев крестьянин Бутурлина Лучка Мокеев, Григорьев крестьянин Раткова Дениско Яковлев до указу великого государя посажены в тюрьму, потому что они поручных по себе записей не собрали для того, что никто по них не ручаетца, а белозерец Гришка Позняков и иные крестьяне, которые по тому делу роспрашиваны, отданы на поруки.

Рапорт архангелогородского губернатора Е. Головцина[2]

Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице самодержице всероссийской государыне всемилостивейшей
архангелогородского губернатора Головцина
всеподданнейший рапорт.

(л. 1) Колского уезда села Кандалакши крестьянин Филип Полежаев прислал ко мне об'явление, что в минувшем июле месяце был он Двинского уезда в Умбской волости и по народному о имевшейся на Умбском наволоке серебряной руде разговору для лутчаго об оной знания, быв на том наволоке, нашел серебряной руды жилу в расстоянии от Умбы две версты между Умбою рекою и Карабелною губою, которой жилы как в ширину, так и в длину есть немало;

[1] Число не указано.

[2] Печатаемые ниже документы относятся ко второй половине XVIII в. и извлечены из ф. Гос. архива, разр. XIX, д. № 109, 1769 г.

а руды во оной жиле ширины четверти три, а глубины познать (л. 1 об.) не можно, на коем наволоке леса еловые и березовые и приезжая большими судами стоять безопасно можно. Да в Колском уезде, миновав село Порьегубу, на наволоке обыскана им же рудная жила, а медная ль оная или другова какова рода, того он не знает, но толко видно, что и напредь сего та жила ломана, и руда доставана была; почему из обоих тех мест сколко можно было имевшим при себе молотом руд и он достал и ко мне на пробу прислал. И тем рудам бывшим здесь при рудокопных заводах саксонской нации маркшейдером, а ныне в городе Архангельском жительствующим публичным натариусом Христианом Кондрадием, которой по долговременному своему при рудокопных делах упражнению знание имеет, учинена по искусству (л. 2) горнему чрез огонь при мне проба, и по той ево пробе оказалась первая — свинцова с серебром, называема шпат и кварц, смешена с кизом, а вторая — медная с серебром, называемой черной глимбер, з белым шпатом, смешана с кизом же, чему им и записка учинена, которую в орегинале на высочайшее вашего императорского величества разсмотрение всеподданнейше поднесть дерзновение беру. Да того ж села Кандалакши крестьянин Афонасей Полежаев же об'явил мне, что он знает серебряной руды жилу в разстоянии от Кандалакши в 20 верстах при вараке, называемой Гремяхе, и в развалившейся той жилы щеле видны были мяхкие два прута, о чем покойной отец ево ему сказывал, что оные тянуты были, но как гнутца, а не ломятца (л. 2 об.) вытянуть невозможно было. Да от той же Кандалакши в 60 верстах между Керетью и Кандалакшою ко острову, называемому Великому, над Черною рекою прилегла губа, которой в горе видимы болшие и малые камешки цветом светлозеленые, кои, егда в воду положены будут, распускаютца, и являетца из них светлозеленая краска, и как он, так равно и другие того села Кандалакши жители таковые камешки збирают для крашения оконнишних рам и ставней. Но таковых камешков в натуре на пробу он ничего не представил. Сверх же того на Медвежьем острову по прошествии зимы весною и летом с восточной стороны на берегу между мелкими камешками находят Порьегубского села обыватели целного серебра слитки. Да и он (л. 3) Полежаев, быв на том месте Сороцкой волости с покойным крестьянином Иваном Собинским, у коего он в работе находился, таковые слитки нахаживал и ему Собинскому, отдавал. В сходственность котораго ево Полежаева о сей последней руде об'явления и архангелогородской купец Петр Крылов по верноподданнической к вашему императорскому величеству и отечеству ревности об'явил мне, что Сороцкой волости житель Егор Собинский, которой, как мне известно, был Ивану брат, у коего Афонасей Полежаев в работе живал и оному Егору обще с архангелогородцами Федором Чирцовым и Федором Прядуновым дозволено было по имянному блаженныя и вечнодостойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны указу (л. 3 об.) обыскивать в Приморье рудные места, назадь тому с шесть лет, будучи здесь в городе Архангельском, сказывал ему Крылову в разговорах, что реченного Медвежья острова на восточной стороне выкидывает из моря штуки серебра, которые по обсушении воды между протчим каменьем он Собинской нахаживал и для посмотрения из тех найденных штук ему Крылову одну самородного серебра с камнем отдал, которая у него налицо и состоит; почему он Собинской и примечал, что конечно на той восточной стороне рудной жиле быть надобно, и склонил ево к обысканию той жилы, в спомоществование денежной суммы коей он Крылов тысячу рублев и положил, но за пересечением

ево Собинского жизни совершенного окончания не возымело (л. 4), а тысяча рублев при том на всякие надобности, без чего оботтитца было невозможно, употреблена без остатка; и вышеписанную серебра штуку, кою он от Собинского получил, тож из данного ему Собинскому с товарищами ево Чирцовым и Прядуновым имянного указу копию ко мне представил, которые копию, руду, тако ж и оставшей от пробы натариусом Конрадием руды ж к вашему императорскому величеству з здешним прокурором Нарышкиным отправить, а при том вашему императорскому величеству всеподданнейше донесть не преминул, что в разстоянии от города Архангелского в 10 верстах за Двиною рекою при реке Заостровке в деревне Валдушке напредь сего были шаховские плавилные заводы, на коих с 1737 года (л. 4 об.) бывшей генерал берг директор Шенберг по данной ему тогда привилегии плавил руды серебряную, медную и свинцовую, которые доставаны были Двинского уезда в трех островах на Лопарской стороне, а с Медвежьего острова доставанную серебрянную руду, о которой вышеписанные Полежаев и Крылов ныне об'являют, что между каменьем находят слитки серебра, отправлял он Шенберг неплавленную в кабинет ея императорского величества. Но как оное рудное дело Шенберхом производилось и чего для и по каким резонам оставлено, о том по губернской канцелярии никакова знания нет, ибо была при нем особливая здесь кантора, а о сем я только по любопытству своему чрез вышеписанного маркшейдера Конрадия, которой в точном ево тогда (л. 5) ведении при том деле состоял разведать мог.

Да Двинского уезда ведомства Сумского острога в деревне Войце рудокопная яма более тридцати лет в действии состоит, из которой находящиеся ведомства берг коллегии горные служители достают золотую и медную руды, к которой работе употребляютца крестьяне приписные к Петровским заводам и по вынятии из той ямы руды, очищая, отправляют для сплавливания в Олонецкой уезд на Петровские заводы в разстоянии от Войцы с триста верст. А оная яма, откуда помянутые руды достают, глубиною до семидесят сажен, из коей воду выливают насосами, но какая от того полза происходит, о том государственная берг коллегия известна (л. 5 об.). Но как означенная яма весма глубока и воду из оной выливают насосами, а не машиной, каковые в Венгрии и в протчих рудокопных глубоких ямах на выливание воды употребляютца, коими до 24 000 ведер в сутки из ям воды выливаетца, тут нет, то не препятствует ли без выливания машиною воды реченные руды доставать, да и может ли оная яма столко ползы приносить, чтоб таковую машину к тому употребить, и от государственной берг коллегии чрез искуснейших людей были ль в том чинены достоверные свидетельствы, мне совсем то неизвестно. И для того, осмеливаюсь вашему императорскому величеству сим всеподданнейше представить, не соизволите ль ваше императорское величество высочайше повелеть государственной (л. 6) берг коллегии как для описания вышеиз'ясненных в Умбском наволоке в Порьегубской волости на Медвежьем острову мест и изыскания и свидетельства по искусству точно руд знающих в том деле людей отправить, которые ежели и о находящейся в Войце рудокопной яме пред сим в самую подробность свидетельств чинено не было и ту яму проездом, яко оная от большей лежащей к Умбской волости дороги в стороне только в 80 верстах обстоит, осмотреть бы могли.

А у меня для точного вышеоб'явленных показанных вновь крестьянами Полежаевыми и купцом Крыловым мест обыскания и описания по горному искусству людей и подлежащих инструментов

(л. 6 об.), равно же и денег на то нет, а чтоб поморских мест и всей Архангелогородской правинции жители, естьли где рудные жилы имеютца, не тая и не опасаясь ничего, об оных об'являли мне, подтверждение от меня учинено.

Всемилостивейшая государыня вашего императорского величества всеподданнейший и всенижайший раб
Егор Головцин.

Архангельск. Генваря 31 дня 1769 году.

Указ Анны Иоанновны 15 марта 1733 г.

Копия.

(л. 8) Божиею милостию мы, Анна императрица и самодержица всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Об'являем сей наш всемилостивейший указ верным нашим подданным, кому о сем ведати надлежит. В нынешнем 1733 году марта 12 дня явились нам архангелогородцы посацкие люди Федор Прядунов, Федор Чирцов, Егор Собинской, которые имели позволение искать свинцовую руду и ныне при всеподданнейшем своем прошении об'явили нам сысканные ими в Поморье на Медвежьем острову выплавленного из серебряной руды серебра чистого до тритцати пяти фунтов и несколко натуралной серебряной руды, которая руда по свидетельству явилась весма к прибыли государственной полезная, и об оной они не токмо по совести своей сущую правду об'явили, но и к далнейшему приску надежду подают и в том со всякою верностию и ревностию поступать обещают; того ради за помянутой их прилежной и полезной труд и приобретение всемилостивейше пожаловали, указали выдать им в награждение денег три тысячи рублев, и при том их всемилостивейше обнадеживаем и до кого (л. 8 об.) сие принадлежит повелеваем: 1) Ежели по их прилежному старанию оная серебряная руда хотя жилою или гнездами найдется в таком доволстве, что возможно будет полезной и прибыточной завод учинить, то по публикованной в 1719 году по генералной печатной привелегии за принесенное ими серебро заплачены будут денги, и они яко первые изобретатели тех руд обнадеживаются, что они и их наследники к прибыли того завода допущены будут. 2) Как в вышеоб'явленном месте, так и впредь в других местах империи нашей, где они к сысканию таковых подземных богатых руд могут уведать и сыскивать, им в том старание и труд иметь в надежде получения от нас императорской милости, и в том никому им возбранения и препятствия не чинить, и во всем поступать как вышеозначенная генеральная привилегия и пополнителные о том указы повелевают. 3) Ради опасности в том приске руд, когда понадобитца, брать им из архангелогородских салдат, требуя от губернатора кого пожелают, человека по два и по три на полковом жалованье, которым в той службе быть им послушным. (л. 9) 4) Для проезду куда случитца на рудное место или для приску потребных к тому мастеров и протчего давать им и под инструменты и припасы ямских, а где ямов нет — уездных, до пяти или до десяти подвод за их собственные прогоны по плакату и указом. 5) Для бурения и подрывания горного камня давать им из Архангелогородской губернии пороху, сколко когда понадобитца за их деньги. 6) На те места, где рудной промысл ныне есть и впредь вновь обыщется, какие потребны будут хлебные и харчевые и другие для содержания работников припасы, пропущать без пошлин на каждой год до тысячи рублев. 7) Горных и других заводцких мастеровых людей в способное время,

когда от них какие потребуются, давать с Олонецких Петровских заводов или откуда способнее усмотрят и содержать при том деле на казенном жалованье, а ныне по требованию их посылаются с ними для того прииску и произведения руд с Олонецких Петровских заводов вице-берг-мейстер Цымерман, да унтер-штейгер Филип Трейгер. 8) Оных Прядунова с товарыщи домы их и детей их от постою и от выборов в службы (л. 9 об.) до указу, покамест оные руды в действе будут, уволить и без указу в салдаты и никаких излишних поборов (кроме подушного окладного платежа) с них не брать, а подушные денги имать по указу, а болше не накладывать. 9) Что же хотя по данному ис комерц-коллегии указу велено им построить свинцовой завод, а ныне за вышеозначенным приисканием по требованию их от строения того свинцового заводу уволняются. 10) Сверх же того определенным нашим вышним и подчиненным управителям и каждому, до кого сие касатся будет, всемилостивейше повелеваем помянутых рудообыскателей во всем охранять и в потребном случае, что к ползе нашей и государственной принадлежит, чинить им надлежащее вспоможение и во всем поступать, как о том вышеозначенная публикованная в 719 году генералная привилегия и пополнителные указы и сие наше всемилостивейшее к ним призрение повелевает непременно, чего ради для уверения и надлежащаго исполнения сей наш указ за собственноручным нашим подписанием дан им в Санкт-Петербурге 1733 году марта 15 дня.

Подлинной подписан собственною ея императорскаго величества рукою тако:

Анна.

Письмо С. М. Козьмина к графу А. Е. Мусину-Пушкину, 17 февраля 1769 г.

(л. 10) Государь мой, граф Аполлос Епафродитович.

Ея императорское величество повелеть мне изволила приложенной при сем рапорт от архангелогородского господина губернатора отослать к вашему сиятельству с тем, чтоб вы оной изволили разсмотреть и мнение свое ея величеству представить. В нем вы изволите увидеть найдение разных руд, кои при сем же прилагаю. Ея величеству весьма бы приятно было, естьли бы можно было от сих руд по нынешним военным обстоятельствам получить серебро, и упоминаемые в помянутом репорте Шаховские плавильные заводы возобновить, оставя приискание руд вольным людям с тем, чтоб они за некоторую плату привозили оные на оной завод для переплавки. Сверх того не можно ли к сему доставанию руд употребить и таких, кои осуждены к каторжной работе.

17 февраля 1769 г. Спб.

Письмо графа А. Е. Мусина-Пушкина к С. М. Козьмину, 26 мая 1769 г.

(л. 2) Милостивой государь мой, Сергей Матвеевичь.

В согласие высочайшаго ея императорскаго величества повеления, прописанного в письме вашем ко мне от 17 числа февраля сего года, о заведении рудопромышленничьей компании удалось мне согласить к заведению онаго промысла около Архангелскаго города и в других местах людей, сколко мне об них известно, надежных, которые и прозбу к ея императорскому величеству с приложением своих кон-

дициев мне отдали, которую при сем и прилагаю, почитая дело то весма полезным, но толко надлежит договор тот с некоторыми подробностями горных и плавиленных обстоятелств ограничить, а сверх того, хотя и закон на то есть, но как оной доныне исполняем не был, да и по нынешнему государственному положению соображения требует, то и необходимо оное поручить достойной доверенности особе, я ж имею честь с искренным почтением именоватца

Вашего превосходительства всепокорнейший слуга
граф Аполлос Мусин-Пушкин.

26 майя 1769 года.

Рапорт президента берг-коллегии графа А. Е. Мусина-Пушкина.

(л. 11) Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице и самодержице всероссийской

берг-коллегии от президента всеподданнейший рапорт.

По сообщенному мне статским действителным советником и кавалером Сергеем Матвеевичем Кузминым высочайшему вашего императорского величества повелению, разсмотрев присланной от архангелогородскаго губернатора рапорт и собрав сколько нашлось по берг-коллегии, и по сведениям от бывших там работников и окольных людей всех тех мест и других бывших там рудных работ и приисков прежняго и нынешнаго оных состояния карту и екстракт с примечанием и мнением вашему императорскому величеству при сем поднесть щастие имею.

Всемилостивейшая государыня, вашего императорского величества всеподданейший раб граф Аполлос Мусин-Пушкин.

Февраля 23 дня 1769 года.

Екстракт[1]

(л. 12) Описанныя архангелогородским губернатором на Медвежьем острове и другия места около Белого моря, также и на плотной земле по заявкам Собинского с товарищи в 731 годе, когда еще берг-коллегия с коммерц-коллегиею были вместе свидетельствованы, и по пробе свинцом оказались богаты; почему в 732 годе, в генваре месяце в построении завода оным приискателям Собинскому с товарищи и дан был указ; но только оными заводу построено не было, а одна малая добыча руд от их произходила. В 733 годе блаженныя памяти императрице Анне Иоанновне выплавлено ими из серебряной руды чистого серебра 35 фунтов и несколько самороднаго об'явлено; почему и о приискании руд дан был им имянной указ, с котораго копию губернатор сообщил, а сверх того послан был для описания тех мест и к произведению работ вице-берг-мейстер Циммерманн, которой как оныя описал, так и еще вновь приискал в оном острове и около Кандалакши, всего в десяти местах.

А в 734 годе для произведения работ посылан был обер-гитен фервалтер Милюков, которой вместе с обер-мейстером Конрадом Детравесом работу ту и производил, (л. 12 об.) серебра ж в бытность Милюкова в его работах августа с 16 734 года по генварь 735 года добыто как самороднаго, так и из руды 16 пуд 2 фунта 2 золотника.

У Детравеса во все же его бытность 19 пуд. 29 фунтов 61 золотник,

[1] Заголовок подлинника.

а в 735 годе отправлены были на тот остров артилерии обер-кригс-камисар Унковской и морской капитан Беер.

В 736 годе гитен-мейстер Улих, которой добычу тамошних мест весьма утверждал.

В 737 годе апреля 4 дня по силе имянного ея императорскаго величеству указу генерал-берг-директор барон фон Шемберг, которой послан для исследования обретающихся в Российской империи гор, и рудокопных заводов, причем был и на оном Медвежьем острове, и к им был послан принятой же в службу ея императорскаго величества Милс фон Пселандер гаупт-манном.

Да 738 годе в генваре месяце в генерал-берг-директориум в приеме оказалось...[1] привезенного с Медвежьяго острова (л. 13) щетом 18 штук весом 8 пуд 23 фунта 63 золотника, которое отдано в том же годе в силу имяннаго указу в придворную кантору на дело сервизу, за которое из соляной канторы деньги по шестнатцати копеек с половиною золотник и приняты.

А всего во все время добыто в тех местах 44 пуда 15 фунтов 30 золотников.

А потом в том же 738 годе в марте месяце оныя в Лапландии на островах лежащия, и впредь обретаемыя рудныя места, кроме Медвежьяго острова, пожалованы вышеозначенному генерал-берг-директору Шембергу, и состояли во владении его по 742 год.

А в том году по имянному ж указу велено от его Шемберга отобрать и отдать в вольное содержание надежным людям; но только от берг-коллегии в правительствующий сенат представлено, что оныя места к прочности не надежны, понеже де все оныя рудокопныя места пресеклись, а самородная жила ушла в море, и от того горная работа стала быть не благонадежна. Чего ради велено там рудники оставить и далее работы не производить, а горных служителей свесть к городу Архангельскому на Шаговской завод для переплавки добытых (л. 13 об.) медных руд, а по переплавке тех руд и тот Шаговской завод за неспособностью оставить же, и приписных к тем заводам работников отдать в ведомство архангелогородской губернской канцелярии по прежнему и отпустить в домы.

Почему как на Медвежьем острове и в Лапландии у речки Русенихи рудные места работою оставлены, так по переплавке на Шаговском заводе из руд медь продана, и те заводы, и все, что в их имелось, отданы в ведомство архангелогородской губернской канцелярии прапорщику Гадунову в 748 годе, которыя и ныне находятся в ведомстве оной канцелярии. Крестьян к оным местам приписано было из монастырских 1300 душ.

Воецкой рудник, на котором добывается золото и медь, обыскан в 744 годе, а золота получается с небольшим по 2 фунта, медь же за углублением работ до 70 сажень и за небогатым (л. 14) содержанием становятся до 28 рублев пуд, потому что употребляется одних водоливов в каждой раз по 42 человека, а конной машины за твердостию камня внутри уместить не можно, в верьху же фелд-гестенг зделать не менее 12000 рублев станет, что при безнадежном возврате заводить не можно, то об уничтожении того в 757, в 764 и в 766 годах представлено, чтоб того рудника работу уничтожить. На что в 766 годе указом от правительствующаго сената знать дано, что о уничтожении Олонецких заводов и с ими того Воецкаго рудника особо трактуется, и в свое время берг-коллегии знать дано будет.

[1] Пропуск в подлиннике.

Но после того об оном указа никакого в получении не было.

А в 767 годе на тот же Воецкой рудник для освидетельствования оного, какия там при добыче руд затруднения происходят, и чаятельно ль впредь быть какой способности, послан берг-мейстер (л. 14 об.) Лейман, которой, быв там, ныне уже следует обратно.

Нынешнее же серебристых рудных мест состояние за неимением по берг-коллегии о том сведений, сколько я от бывших на тех работах людей, и около тамошнаго места жительствующих по разведываниям собрать мог, есть следующее.

Остров Медвежий, лежащий в Белом море, от Котороскаго мысу 15, а от Умбы 35 верст, окружностию не более трех верст, имеет лес сосновой, березовой и еловой, только не в большом числе. На оном рудных мест три разработанных, и несколько ширфов не разработанных.

№ 1. Имянуемой Надежда рудник, котораго шахта разстоянием от моря в дву саженях в твердом камне, глубиною до 15 сажен, в нем две штольны, в оных добывана была гланцовая серебриная в кварце и шпате руда и самородное серебро бурованием с порохом по твердости (л. 15) берг-арта оставлен за пресечением гланцоваго признака, несмотря на то, что кварцовая жила продолжается, и за тем, что от моря во время штурмов сквозь стены рудника ударение волн слышно, и во время приливу сквозь щели воды идет несколько, которыя в сутки набирается сверьх подошвы до аршина, что никакого уважения кажется не стоило.

№ 2. Имянуемой Щастие, от первого в разстоянии 10 сажен, глубиною только сажени 4, в нем штолен нет, а добывалась так же гланцовая руда и самородное серебро. Оставлен за теми же резонами.

№ 3. Имянуемой Орел, к средине острова в горе от моря в 70 саженях, глубиною 30 сажень, имеет в себе две штольны, жила гланцовая в кварце и шпате, шириною до полу аршина и более, в шахте идущая в подошву с большим разширением; почему оной шток-верском назван быть может. При оставлении работы те же признаки имел и воды в оном нимало не было.

(л.15 об.) Остров Хед гораздо менее Медвежьяго, так же имеет несколько такого ж рода лесу. На оном шахта глубиною бита до десяти сажен, в ней две штольны длиною сажень по пяти. Блейгланцовой в таком же берг-арте признак идет жилою ширины в четверть аршина и более, как обычайно в твердом камне бывает. Оставлен с протчими, имея еще признак, работа сухая же.

Близь Умбы на Ехандинском волоке бита шахта глубиною сажен до десяти, руда блейгланцовая жилою так же, шириною в четверть и более, как и на Хедском острове. Работа сухая, и так же оставлена с признаком.

На мысах же: Прядунихе и Котороцком ширфы биты, и признаки гланцовой руды и были, а работано ли далее, не известно.

А сверьх того в Умбе реке находятся жемчужные раковины, и сказывают, прежде сего вольные тем промышляли, а (л. 16) после и от казенной стороны около 730 и 736 годов запрещения были, но от какого правления, не известно; так же в горах Каретцкой волости добывалась прежде около двух аршин листами, а ныне менее, слюда, но по берг-коллегии о том сведения никакого нет.

Лес для оплоты и укрепления гор на оныя два острова, где добыча серебряных руд производилась, доставлялся с великаго острова, разстоянием от Медвежьяго в дватцати верстах плотами; при том привозилась и лучина для освету в рудниках, и уголь для кузницы, где починивались горные инструменты. Оное все исправляемо было кре-

стьянами, коих как при горной работе, так и при всем оном бывало до трех сот человек, да горных служителей до ста человек, выбранных из тех же крестьян. Провиант для оных поставлялся подрядом: пуд муки по 25 копеек, а мясо продавано приезжающими промышленниками за весьма низкия цены, говядина по 40 копеек, аленина по 30 копеек, пуд рыбы, как ими самими в празднишное время добывалось без труда множество, так и промышленниками продавано за весьма малые цены.

(л. 16 об.) Вешным временем, а особливо при первом переселении туда горных людей многие подвержены были скорбутической сильной болезни; но при изыскании противу того способу питьем топленых в воде сосновых шишек и коры скоро освобождены были и после уже таковых припадков не имели, впротчем воздух здоровой и легкой.

Примечание[1]

(л. 17) Не естественное вдруг во всех местах пресечение и несходное об'явление тамо работавших с поданным в 742 годе в сенате представлением берг-коллегии, так же и ныне присланныя от господина Головцына руды оставление тех мест весьма сумнительным делают, которое мне кажется произошло от того, что, как определенные к делу тому бывшим генерал-берг-директором Шемберхом были по болшой части им произведены и ему обязанные, так же и чужестранцы никакой подпоры, кроме ево, неимевшие; увидя его по отданным Гороблагодатским заводам и Лапландским приискам великим щетам подверженна, и наконец заключенна; отчасти по прилепленности к нему, а отчасти боясь и сами иметь таковое же дело, будучи в тех же обстоятельствах, потому что по разному качеству руд горные одного рода разходы с другим равны быть не могут, все за лучшее признали ко спасению себя, места те назвать негодными и себя от дела того избавить. Я инова резону не нахожу, потому что, хотя шахта знатнейшая по самородному серебру именуемая Надежда и блиска моря, и руда оной обратились в море; но то за уважение к остановлению работы довольно служить не может (л. 17 об.), хотя б то и в самом деле действительно так было. В воду рудной жиле уйти не можно, а надлежит сквозь плотной грунт стремление свое взять ко дну, почему, хотя б в том месте, где работаю остановилось, и так близко к морю подайдено, что опасно, чтоб вода, ворвавшись в рудник, не затопила работающих; но как острова щитать должно между горами, а гора всякая коническую или пирамидическую фигуру имеет и всегда в низу своем шире поверхности; то не выходит ли из того, что чем глубже бы работа производилась, тем толще бы от моря стены рудника были, что уже об'явлением работавших там на пятнатцатисаженном углублении подтверждается, то есть что во время приливу только сверху капель бывает; да хотя б и то помыслить, что сверху прорвавшись вода тем более нижних потопит, то и в таком случае остается еще способ от третьей шахты, весьма отдаленной от моря, в которой и руда есть, углубясь под те прежния с самородью работы подойтить штольною, чтоб уже ни малой опасности и не оставалось; сверх же оного острова, места на Хед острове и на плотной земле с признаком, где уже таковых обстоятельств и совсем не было, за чем оставлены, да и сверх того, смотря на ужасные всех тех мест и Финландские горы и великой тягости разбросанныя каменья — не должно ли заключать, что

[1] Заголовок подлинника. Печатаемая записка написана другим почерком, подписи автора не имеет. Вероятно она составлена Мусиным-Пушкиным.

в местах тех сильная естественная (л. 18) революция была, следственно и действие внутренняго огня было сильное, что медные, железные, свинцовые, карандашные и серебреные по всем моря того лудам признаки подтверждают, и ныне вновь требуют, чтоб места те освидетельствованы были наиприлежнейшим образом. Мое заключение об оных, мне кажется, надежно; так же и протчие горы Российской империи испытания достойны; чего для опосылке для того горных офицеров при коллежской должности как предписание пути, так карты и сметы при докладах для поднесения вашему императорскому величеству мною генерал-прокурору отданы.

Мнение

Из приложеннаго екстракта и примечания ваше императорское величество, усмотрев тамошних мест состояние, естьли за благо положить изволите работы там возобновить, и так как мне от Сергея Матфеевича [1] высочайшее ваше соизволение сообщено, чтоб возпользоваться оным для нынешних военных обстоятельств, то необходимо должно, наперед осмотрев точность тех мест, таковы ли оныя, как мне об оных сказано, работу ту начать казенными горными людьми, коих человек до ста пятидесят при Воецком Олонецком руднике находится; уничтожа оной бесплодной рудник, которой с начала беспорядочно зачат, а к им, чтоб (л. 18 об.) не потерять время, в прибавок определить из прежде бывших в приписке крестьян и определить к тому честнаго и способнаго человека, чтоб по прежнему место то без резону оставлено не было; которому о приохачивании вольных работников чрез добрую заплату и приласкание поручить из Устюжской и Вятской провинцей, в чем архангелогородской и казанской губернаторы ему спомоществовать должны; потому что из тех мест надежнее иметь людей, яко обыкших уже по заводам бродить, нежели из окрестнаго тех мест народа, яко по климату флегматическаго и лениваго и уже сделавшаго привычку к поморским промыслам. А здесь между тем не только в тех местах, но и в Финландии и около города к рудному без из'ятия всех металлов промыслу заводить с хорошим основанием рудную кампанию, в чем верно успех будет, и ваше величество в сем доказать изволите, что без отягощения народнаго великия предприятия заводить можно. Места же те и предприятие сие столь лестно и уважения стоющее, что я осмелюсь сказать, оно достойно попечения великой государыни, потому что, естьли бы с начала о нем помышляемо было, и естьли другия какия обстоятельства тому не препятствовали, не дарили бы даром лесу тому, не переселяли б из России людей в Сибирь и не истощали б государственныя силы по (л. 19) степям, но были бы совокупно тут, где им прилично; а затем сколько б коммерческих и других выгод последовало, которых же к делу тому употреблять по дикости и разстоянию мест невозможно, доколе точнаго места, где болшая работа производиться будет, не определится, да и к тому потребна будет великая для караулов команда, а без оной во вред коммерции и промыслам тамошним могут завестись разбои, коих по лесистым тамошним местам и островам истреблять будет трудно; а хотя б их работаю серебро и дешевлее становилось, но содержание потребных для них караулов цену оного возвысит гораздо болше, нежели наемными людьми, или крестьянами то добывать.

---

[1] С. М. Козьмин.

Прошение купцов Походяшина и Губкина на имя Екатерины II, 1769 г.

(л. 20) Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

В Архангелогородской губернии, на Медвежьем острову, наперед сего имелся из рудокопных ям промысел серебра, но за неспособностию или по другим каким неизвестным нам обстоятельствам оставлен и состоит поныне без всякаго действия.

И потому, всемилостивейшая государыня, составя мы компанию, восприяли дерзновение всеподданнейше просить ваше императорское величество, чтоб всемилостивейше повелено было, сей промысел и з другими в тех местах приисками пожаловать нам, присовокупя к тому, что естли нами, и во всей Архангелогородской губернии, так же в Казанской, Сибирской, Оренбургской и Астраханской губерниях на неотведенных к заводам местах, как на островах, так и на матерой земле обысканы будут золотые и серебряные рудники, то оным, по тому ж остатся за нами.

(л. 20 об.) Мы предпринимаем сие для того во-первых, чтоб доказать вашему императорскому величеству всеподданнейшую нашу ревность и усердие и послужить для ползы государственной, а при том может быть сыщем и свое щастие — когда всемилостивейше пожаловать нам соизволите за собственноручным вашего императорскаго величества подписанием привелегию, в которой в предписании мы совершенно надежны, что как для государства, так и для целости компании, никакая полза не утаится от просвещения вашего императорскаго величества.

Всемилостивейшая государыня вашего императорского величества всеподданнейшия раби.

Обер-инспектор Никита Щенякин.

Верхотурской купец и заводчик Василей Походяшин.

Калужской купец Андрей Губкин. (л. 21)

Апреля . . . дня 1769 года.

Экстракт

О промысле золотых и серебряных рудников по выплавке из оных металлов, так же и об отдаче оного в казну и по каким ценам.

1-е.

В Архангелогородской губернии назад тому несколько лет найденные на Медвежьем острову серебреные рудники, ис которых тогда ж и выработано, некоторая часть, но за неспособностью оставлены, а ныне оные рудники, и з другими на островах и на матерой земле приисками отдать компании, и при том позволить им в Архангелогородской, Казанской, Сибирской, Оренбургской и в Астраханской губерниях не на отведенных к заводам местах, помянутых рудников искать как на островах, так и на матерой земле и что где оною компаниею приискано, или розведано будет и окажутся те руды такими, что можно из них, с пользою доставать золото и серебро, в таком случии позволить им в тех или в других удобных местах, строить и заводить по разсуждению компании все то, что принадлежит к промыслу руды и очищению металлов. (л. 21 об.)

2-е.

Что когда достатно будет ими чистого золота и серебра, то оное принимать от них в казну с платежем за золото и серебро по цене, как в регламенте положено.

3-е.

Чтоб отдалено было всякое сумнение и избежание неправедных доносов в продаже того золота и серебра на сторону; в таком случии повелеть, где построены будут ими для добывания золота и серебра заводы, то на оные берг-коллегии определять по разсмотрению на каждой потребное число казенных смотрителей, поруча им в том надлежащее смотрение.

4-е.

Как обыкновенно почти находится в рудах соединено золото и серебро вместе, то определенным с казенной стороны смотрителям, по выплавке и очиске того золота и серебра по окончании каждого года или прежде, когда компания того пожелает, отправлять оное с пристойным канвоем в Санкт-Петербург для разделения и разделять оное в казенном месте на коште компании, а по разделении, сколько чего (л. 22) явится, то немедленно выдавать за то по вышеописанной цене наличными денгами.

5-е.

Что ж принадлежит по приискании ими рудников в отводе им земли и лесов, в том берг-коллегии или в Екатеринбурге горному начальству, где от компании о том будет требовано, в том поступать так, как доныне отдаются места и леса заводчикам, по разсуждению требуемого к тому количества.

6-е.

Естли же компания изищет рудники и других металлов, яко то медные, оловянные, свинцовые, железные и всяких минералов и пожелает для того строить заводы, то оное им позволить на основании берг-коллегии регламента.

7-е.

В разсуждении таких металлов, как то золото и серебро, хотя обыкновенно таковых руд промышленники привозят руду на казенные заводы и по переплавке получают за то денги, но сие только можно (л. 22 об.) как в Нерчинские и в Колывании, потому что уже там есть заводы и руда по близости оных, и стоит одного толко неболшаго провозу; напротив же того компания неизвестно где отискать может, и лехко случится, что найдется от заводов тысячах в двух или болше верстах, а потому и не будет способу привозить рудою, окроме как должно будет построить вновь заводы, то и вопрошается, что можно будет и там построить заводы ис казны, но когда вычесть ис того сколко надобно будет время на пересылку, на осмотр и на смету, то может быть произойдет столко время, что не достанется и работать, то не лутче ли, чтоб оные строила компания, ускоряя то, как для ползы государственной, так и собственно для себя; что ж надлежит до казны, то не все ли равно, что ис казны или от компании построенном заводе производить работу, ибо когда надобна какая предосторожность в разсуждении, чтоб золото и серебро верно доходило в казну, в том компания отнюдь не противуречит, какая б то ни была зделана предосторожность; а естли отищутся (л. 24) такие рудники по близости казенных заводов, то компания имеет оные руды привозить на те казенные заводы толко с тем при том, чтоб не далее двух сот верст, и чтоб руды такого провозу с прибытком стоили, а по переплавке, за вычетом на то казенных издержек, выдавать наличными денгами по той же цене, как

в регламенте положено. Естли же такая перевоска окажется убыточна, то в таком случии, на тех местах строить потребное к тому от компании.

8-е.

Естли поныне где обысканы золотые и серебреные рудники, и об'явленные уже в горных начальствах, но за долностию х казенным заводам, или за неспособностию оставлены без действия, то оные отдать компании, где она по неспособности и завод для того построить имеет, производя на оных работу волными людми.

9-е.

По благополучном окончании нынешней войны позволить компании в Астраханской губернии, от тамошних пограничных народов (л. 24 об.) камерческим способом получать от них на мену российских товаров тамошнюю их руду и, привозя оную в удобное место или когда будут по близости казенные заводы, то на оные привозима быть имеет; и потому ж равным образом как и протчую, переплавливать и чистой металл отдавать в казну на вышеписанном основании.

10-е.

Естли иногда золотые и серебреные руды, так же оловянная (которая в разсуждении государственной ползы ничем не хуже, как бы и самое золото) найдутся в таких местах, что никоим образом в скорости волных работников достать будет не можно, в таком случии с казенной стороны учинено б было пристойное вспоможение.

11-е.

Когда случится кому в означенных губерниях всякаго звания людям обыскать таковые рудники, то оным позволить об'являть компании, а компания должна будет тем людям за прииск платить, как по регламенту берг-коллегии положено. (л. 25)

12-е.

Лежащия ныне на Медвежьем острову, или где оные под ведомством состоят, оставшие от тогдашнего времени всякие материалы и инструменты отдать компании те, которые ей годны будут, по оценке, чего оные будут стоить, за которые заплачено будет наличными денгами.

13-е.

Компании необходимо потребно завестись собственными своими горными мастеровыми и другими искусными людьми, то для сего позволить ей купить крестьян до пяти сот душ, ибо из них годных не болше выберется, как до ста человек, которых можно будет употребить для научения горному искуству, а в случае надобности потребно будет иногда послать для сего и в другия государства, а ежели б во умножении искусных людей не было нужды, то б компании не было б нужды и просить о покупке помянутых крестьян.

14-е.

У города Архангельского для всяких переездов, как для поисков на островах и по берегам, так и перевозу материалов и припасов позволить построить из лиственичного дерева несколько мореходных судов, хотя до пяти. (л. 25 об.)

15-е.

И когда все сие апробуется и всемилостивейше пожалована будет компании привилегия, то о сем во означенных губерниях повелеть обнародовать, дабы всяк был о том сведом, и чтоб во изыскани таковых рудников не было какого-либо помешательства.

16-е.

По новости сего дела всех околичностей предписать никоим образом не возможно, а по вступлении в дела может быть окажется, такия дела, которые потребны будут для ползы государства и для необходимости в сем промысле; в таком случии позволить компании со об'яснением о том представлять, и когда найдется за полезно, то оное им и позволять.

Обер-инспектор Никита Щенякин.
Верхотурский купец и заводчик Василей Походяшин.
Калужской купец Андрей Губкин.

Из записной книжки архивиста

„Шифр“ Н. Г. Чернышевского *

7 июля 1862 г. Н. Г. Чернышевский был арестован и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Десять дней спустя был тщательно обыскан его кабинет, опечатанный при аресте; при этом были из'яты, как говорится в акте обыска, «восемь запрещенных книг, три пакета с письмами и тетрадь, писанная стенографическим способом, и алфавитный ключ на 4 картонных палочках» (т. е. полосках).

7 августа следственная комиссия по делу Чернышевского постановила: «шифрованные бумаги для распоряжения о прочтении оных передать члену комиссии, управляющему III отделением собственной его императорского величества канцелярии», т. е. ген. Потапову. Потапов отправил бумаги для расшифровки в министерство иностранных дел, и 10 августа товарищ министра иностранных дел Муханов уведомил его, что «приложенный к оным [бумагам] указатель, повидимому, совершенно к ним не принадлежит; к тому же он весьма не полон; засим не представляет возможности разобрать написанное в бумагах, но должно полагать, что они составлены вовсе не шифром, но только с условными сокращениями, и потому будут сделаны еще некоторые опыты для раскрытий смысла оных. Исполнить это вскоре нельзя и даже обещать вполне успех невозможно, но будут приложены все старания...»

Целых три месяца подозрительная рукопись оставалась в министерстве иностранных дел, и только после напоминания Потапова была возвращена III отделению с расшифровкой небольшой части ее при следующем отношении от 14 ноября 1862 г. за № 189:

«Вследствие отношения вашего превосходительства от 2 сего ноября, за № 3381, препровождая при сем доставленные ко мне при отношении вашем за № 2079 две тетради и равно разбор части оных, имею честь присовокупить, что рукописи эти, как предполагалось и прежде, писаны не шифрами, но только с сокращениями и употреблением часто вместо слов, слогов и букв особых знаков.

При всем желании, при множестве текущих, не терпящих отлагательства дел, не было никакой возможности разобрать до настоящего времени всю рукопись, но из содержания разобранного можно думать, что слог сей имеет условный смысл.

Между тем, в предположении, что кроме видимого содержания рукописи, могло находиться написанное симпатическими чернилами, были употреблены разные способы для открытия этого, но такового письма не оказалось.

О получении прилагаемых тетрадей покорнейше прошу ваше превосходительство почтить меня уведомлением.

Товарищ министра иностранных дел Н. Муханов».

Рукопись, побывавшая в министерстве иностранных дел,— часть саратовского дневника Н. Г. Чернышевского 1852—1853 гг. Расшифрованные министерскими чиновниками страницы ее составляют начало второй тетради его «Дневника моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье». В расшифровке много пробелов и погрешностей. Для примера приведем отрывок, привлекший к себе особое внимание следственной комиссии, и непосредственно следующие за ним строки; правильную расшифровку даем в скобках.

«Хорошо, я не могу жениться уже по одному тому, что я не знаю... сколько времени пробуду я на свободе... Меня каждый день могут взять. Какая будет тут моя роль? У меня ничего не найдут, но друзья у меня весьма сильные (подозрения против меня будут весьма сильные). Что могу я другое делать? (Что же я буду делать?) Сначала я буду молчать и молчать. Но наконец, когда ко мне будут приставать долго, это мне надоест, и я выскажу свое мнение прямо и резко. И тогда я едва ли уже выйду из крепости. Видите, я не могу жениться. Не знаю, поверила ли она этому,— кажется, мало, потому что подобные вещи для нее мало привычны. Мы пошли танцевать. Я танцевал с нею (другими) или говорил с Гавр. Мих. и т. п., с нею не могу

---

* Цитируемые в настоящей заметке документы находятся в деле следственной комиссии и сенатском деле о Чернышевском.

теперь (почти) припомнить, что я говорил, кроме... (повторений), что все-таки я привязан к ней, что если бы это было (если это будет) продолжительнее (продолжаться так), то я наконец не был бы (не буду) в состоянии рассудить, и т. п.» (шифр этого отрывка рис. 1).

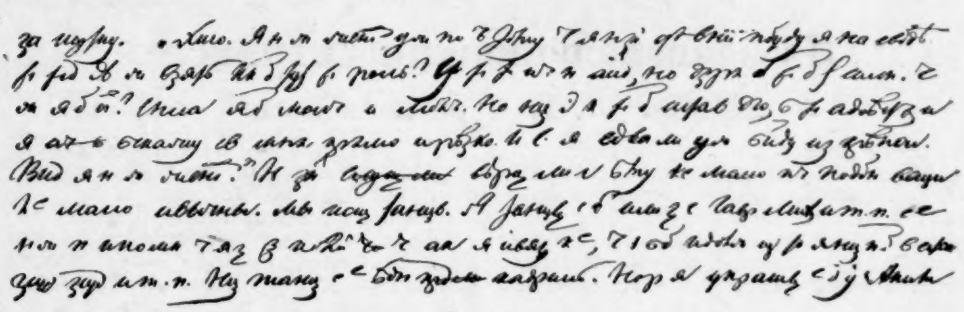


Рис. 1.

Дефекты расшифровки и заключение министерств иностранных дел, что «слог сей имеет условный смысл», позволили Чернышевскому утверждать, что попавший в руки властей дневник повествует вовсе не о нем самом, а является черновым материалом для будущих беллетристических произведений. В своем заявлении в сенат (от 25 сентября 1863 г.) Чернышевский писал:

«Комиссия видела недостаточность подозрений, возводившихся на меня бумагами, бывшими в ее руках во время первого допроса (30 октября). Потому после этого допроса (16 ноября) были доставлены ей тетради моего дневника с картонными лоскутками, которые в бумаге, передающей их комиссии, названы «указателями шифра», которым писаны тетради моего дневника, хотя в это время уже было удостоверение от министерства иностранных дел, что дневник мой писан не шифром.

Политическую сторону введения в дело вещей, подобных моему дневнику, я раз'ясняю в другой моей просьбе. Здесь я оставляю политическую сторону без рассмотрения.

Способ сокращенного писания, подобного моему, употребленному в дневнике, употребляется, в большей или меньшей удачности сокращения, почти всеми студентами университетов записывающими лекции. Это служит заменою стенографии, а не тайным письмом. Я с детства писал очень много и еще в семинарии записывал таким образом лекции, и тетради этого периода, еще детского, находятся в моих бумагах. В университете привычка развилась у меня[1]. Из того периода в моих бумагах есть, между прочим, весь «Герой нашего времени» Лермонтова, переписанный таким способом. И после я точно так же писал почти все, что писал для себя (например, в деле черновые списки с моих писем к профессору Андреевскому, оставленные у себя мною для будущих справок). Все это было в руках и перед глазами лиц, разбиравших мои бумаги. И все-таки дневник мой выдается за написанный шифром, даже после уверения министерства иностранных дел, что он писан не шифром.

Что такое этот дневник? Министерство иностранных дел нашло, что не следует понимать его в смысле обыкновенного дневника. В бумаге, присланной в комиссию, это мнение передается словами: «можно думать, что слог этот имеет условный смысл». Я не знаю, до какой степени точно передан этот отзыв министерства в этой бумаге; подлинного отзыва министерства в деле нет[2].

---

[1] В доме-музее Н. Г. Чернышевского в Саратове хранится много рукописей Чернышевского, писанных такою же скорописью, что и дневник: семинарские записки, запись университетских лекций проф. Куторги по истории, проф. Фишера по философии, проф. Никитенко по русской словесности и др., между прочим студенческая повесть Чернышевсвого «Теория и практика». В Петропавловской крепости Чернышевский писал таким же «шифром» значительную часть черновика романа «Что делать» и повести «Алферьев».

[2] Чернышевскому был пред'явлен, очевидно, не подлинный отзыв, а изложение его в нижеследующей «выписке из журнала высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии, от 16 ноября 1862 г.».

Разбиравшим бумаги мои должно было знать, что они разбирают бумаги литератора. При разборе бумаг они могли бы заметить, что им попадаются повести, писанные моею рукою. Если б они потрудились заметить эти два обстоятельства, мне не пришлось бы утруждать правительствующий сенат об'яснением факта, которому не следовало бы попадать в дело.

Я издавна готовился быть, между прочим, и писателем беллетристическим. Но я имею убеждение, что люди моего характера должны заниматься беллетристикою только уже в немолодых годах — рано им не получить успеха. Если бы не денежная необходимость, возникшая от прекращения моей публицистической деятельности моим арестованием, я не начал бы печатать романы и в 35-летнем возрасте. Руссо ждал до старости, Годвин также. Роман — вещь, назначенная для массы публики, дело самое серьезное, самое стариковское из литературных занятий. Легкость формы должна выкупаться солидностью мыслей, которые внушаются массе. Итак, я готовил себе материалы для стариковского периода моей жизни. Мною написаны груды таких материалов — и брошены; довольно написать, хранить незачем, цель — утверждение в памяти — уже достигнута. Но я не мог уничтожить некоторых моих черновых работ, потому что они были писаны на одних листах с вещами, которые я считал интересными для меня. Тетради, внесенные в дело, именно таковы: среди материалов для будущих романов набросаны кое-какие отметки из моей действительной жизни (например, список дней, когда я в первый раз говорил с моею невестою, когда она дала мне слово).

Надобно об'яснить, что у меня, как почти у всех беллетристов, порядок возникновения романа таков: берется факт, отдается на волю фантазии, она играет им — это самый важный период так называемого «поэтического творчества». Итак, тут, в моем дневнике, вольная игра моей фантазии над фактами. Я ставлю себя и других в разные положения и фантастически развиваю эти вымышленные мною сцены.

Что же я вижу в деле? Берут одну из этих сцен и дают ей юридическое значение. На этом основан весь ход моего процесса до передачи его в правительствующий сенат.

Сцена состоит в том, что какое-то «я» говорит девушке, что может со дня на день ждать своего ареста, и если его будут долго держать, то выскажет свои мнения, после чего уже не будет освобожден. В тех же тетрадях есть многие другие «я». Одного из этих «я» бьют палкою при его невесте. Можно удостовериться справкою, что ни тогда, ни вообще когда-либо со мною, Чернышевским, ни при невесте, ни без невесты не случалось ничего такого.

Я могу об'яснить, из каких фактов взята мною, как литератором, сцена, вошедшая в дело с таким важным влиянием на него. Это прикрашенный идеализацией случай из жизни Иоганна Кинкеля (известного немецкого ученого, о котором тогда много писали в газетах), приспособленный мною, как романистом, к рассказу, незадолго перед тем слышанному мною от Николая Ивановича Костомарова (не имеющего ничего общего с г. В. Костомаровым) — он был арестован в то время, как собирался жениться (за шесть лет перед тем).

Два очень простые соображения могли бы показать, что сцена, созданная мною, литератором, для будущего романа, не могла относиться к моей действительной жизни: 1) у меня, Чернышевского, не было тогда не только друзей, даже близких знакомых между важными людьми; в этой сцене действует человек, имеющий за себя сильных в правительстве друзей; 2) тогда (весною 1853) не было в России, не только в Саратове, где я жил уже два года, даже и в столицах, никакой политической жизни, не только тайных обществ. Это факт, принадлежащий истории».

«Управляющий III Отдел. соб. е. и. в. канцелярии при отношении от 15 сего ноября, № 3509, препровождая в комиссию переданные ему, согласно постановлению ее, из'ясненному в журнале 7 августа, шифрованные две тетради содержащегося под арестом тит. сов. Николая Чернышевского, уведомляет, что тайный советник Муханов с возвращением их, по рассмотрении в мин. ин. дел, вместе с разбором части оных, отозвался, что рукописи эти писаны не шифром, а только с сокращением и употреблением вместо слов, слогов и букв особых знаков, что по множеству спешных дел в министерстве могла быть разобрана только часть оных, но что уже по содержанию разобранного можно заключить, что слог этот имеет смысл условный. Положено: передать означенные две тетради с следующим к оным указателем и разбором мин. ин. дел для рассмотрения члену комиссии С. Р. Жданову».

Та часть «Дневника» Н. Г. Чернышевского, которая фигурирует в его деле, была полностью расшифрована и напечатана в 1906 г. в полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского, его сыном М. Н. Чернышевским; М. Н. Чернышевский расшифровал и остальные части «Дневника», который полностью был издан в 1928 г. Госиздатом в 1 томе «Литературного наследия Н. Г. Чернышевского». Но М. Н. Чернышевский не оставил ключа к «шифру» этой и других рукописей своего отца, и для составления его пришлось проделать весьма кропотливую работу по сличению сделанной расшифровки с оригиналом «Дневника» и печатного текста романа «Что делать» с первоначальным черновым текстом, наполовину писанного шифром. При этом выяснилось, что многие сокращения, применяемые Н. Г. Чернышевским для отдельных слов, соответствуют русским словам в переводе на латинский или другие языки. Так, слово «теперь» передается латинской буквой p (лат. nunc), «столько» — двумя латинскими t (лат. tot), «сколько» — qt (лат. quot), «чем» — q (лат. quam), «часто» — f (немецкое oft), «по крайней мере» — w (немецкое wenigstens), и т. п.

Трудности расшифровки скорописи Чернышевского зависят от следующих обстоятельств:

Чернышевский обычно писал чрезвычайно мелким почерком. Отдельные слова порою слиты. Знаки препинания часто вовсе отсутствуют. Особые обозначения для различных глагольных форм часто пропускаются. При сокращении слов иногда употребляются одинаковые сокращенные начертания для слов, имеющих разное значение.

Помимо русского алфавита употребляется и латинский, иногда греческий и — в очень редких случаях — арабский.

Вообще Чернышевский не строго следует придуманной им системе скорописи.

В чем же состоит эта система, которою Чернышевский пользовался и в семинарии, и в студенческие годы, и в последующее время, включая пребывание в Петропавловской крепости? Выбрасываются буквы и слоги то начала, то средины, то конца слова. Некоторые слова обозначаются одной буквой. Для ряда слов придуманы особые знаки. Употребляются особые знаки для обозначения глагольных форм.

Но система не выдерживается, слова сокращаются как попало, при густом письме случаются описки, и все это затрудняет расшифровку. Однако при известном навыке трудности преодолимы.

Укажем особые знаки, которыми пользовался Чернышевский (см. рис. 2) и значение обычных в его рукописях сокращений слов:

Рис. 2.

а — делать
ас — однако
ак — однако
б — без
бы
был
будет
быть
бог
бк — бесконечный
бо — благо
бохие — благодушие
бч — большею частью
ве — выражение
вя — время
вн — внешний
внь — внешность
вl — вместо
вlѣ — вместе
взгрде — вознаграждение
v — истина
w — по крайней мере
г — всегда
д — должно
добрый
достойный
q — вести
дq — подводит
дл — добродетель
дс — действовать
дда — друг друга
дсвтей — действователей
dсто — противостоит
противоречие
d — против
евно — естественно
ж — может
жво — могущество
жд — каждый
з — здесь
зкы — законы
змы — размышлять
знь — разность
зкдтл — законодатель
здзнв — распознавать
ич — ничего
ис — присоединить
ищ — пришел
im — непосредственный
in — внутренний
iобрет — приобретение
jaподобие — правдоподобие
is — довольно
к — который
ка — книга
кжа — книжка
ко — кажется
кч — кончить
q (ку латинск) — чем
lo — место
м — сам, самый
мы — мыслить
мыь — мысль
ня — нельзя
нло — начало
нсз — несознательно
нхь — необходимость
нхся — находится
латинское n — теперь, ныне
обнь — об'ективность
ослабе — ослабление
п — писать
пк — приказ
пр — и проч.
пра — природа
пча — причина
получает
псо — пространство
пся — прося
поз — посмотрим
птрво — притворство
пизходе — происхождение
р — раньше, пред
рл — различный
рн — прежний
рш — совершенно, решительно
рид — предыдущий
рае — растение
рлие — различие
ршае — совершает
са — сделать
сь — степень, ступень
сва — свойства
ста — система
счи — счастии
ссс — согласиться
сунь — суб'ективность
сщее — существующее
свно — совместно
s — если, смотреть
ткс — отказаться
тчи — отчасти
тише — отношение
тх — отдых
удле — удаление
yise — удовлетворение
us — снова
фк — философский
фия — философия
ха — душа
хъ — дух, способ
хн — способный
хни — способности
хр — характер
ць — церковь; царь.
чн — частный
чцы — частицы
чувя — чувствования
ш — лучше
щ — вообще
щв — общество
щччк — общечеловеческий
ъхие — единодушие
ze — основание
zвс — основывается

Н. Алексеев.

Запрещение царизмом чествования памяти Т. Шевченко

Художественное творчество Тараса Шевченко, великого поэта Украины и революционного демократа, борца против самодержавно-крепостнического строя, сразу же привлекло к себе внимание царского правительства и цензуры. Участие в тайном обществе дало царю повод для жестокой расправы с поэтом, который осмелился выразить гневный протест закрепощенного крестьянства и его стремление сбросить с себя рабство, тяжесть бесправия и нищеты. Преследованиями со стороны власти отмечена личная жизнь великого поэта. Но и после его смерти царское самодержавие крепко помнило своего врага, боялось его стихов, их революционизирующего влияния и решительно пресекало всякую попытку напомнить обществу о существовании поэзии Шевченко.

В ряде архивных документов имеются следы того, как правительство в лице III отделения и цензуры зорко следило за появлением в печати произведений Т. Шевченко и при всяком удобном случае искажало их смысл, вычеркивало содержащиеся в них по адресу царя и помещиков угрозы, и даже вовсе запрещало, задерживало появление в свет.

Нет ничего удивительного в том, что исполнившаяся в феврале 1914 года столетняя годовщина со дня рождения Т. Шевченко побудила правительство принять заранее меры, преградившие возможность публичного чествования памяти поэта. Приводимые ниже документы — телеграммы, которыми обменялся департамент полиции и Киевский генерал-губернатор,— свидетельства таких предупредительных шагов со стороны власти. Любопытно, что даже ходатайство Трепова, предлагавшего правительству «разумные» меры для выхода из тупика, в котором оно очутилось со своим абсолютным запретом, не встретило одобрения. Департамент полиции боялся выступлений и не знал других мер, кроме одной — «запретить».

Но, как видно из последующих документов, «запрещение» не удержало напора общественного движения.

Сообщения о студенческих выступлениях в Петербурге и Киеве рисуют обычную, довольно робкую, не единодушно принятую студенческой массой, попытку отметить «день Шевченко» — 25 февраля. Больше организованности придали этому выступлению рабочие Южно-русского машиностроительного завода в Киеве.

Н. Бельчиков.

Справка по делам департамента полиции по поводу запрещения чествования памяти Шевченко [1].

20 февраля 1914 г. за № 145, шефом жандармов, генерал-майором Джунковским разослана была генерал-губернаторам и градоначальникам циркулярная телеграмма нижеследующего содержания.

«Ввиду поступающих ко мне запросов по поводу чествований памяти Шевченко, сообщаю для сведения, что к разрешению чествований вообще препятствий не встречается, но при условии допущения их в закрытых помещениях с соблюдением правил о собраниях 4 марта 1906 года.

Никакие демонстрации, уличные выступления и сборища допущены быть не могут».

По получении вышеприведенной циркулярной телеграммы за № 145, киевский генерал-губернатор прислал на имя Джунковского телеграмму от 21 февраля, следующего содержания:

«Ваше превосходительство шифрованной телеграммой № 145 уведомили меня касательно допущения чествования поэта Шевченко. Считаю своим долгом сообщить, что вновь возродившееся Свято-владимирское братство, Русское собрание, педагогическое всероссийское общество имени Ушинского, киевское отделение всероссийского национального союза телеграммами от 19 и 20 сего февраля обратились к министру внутренних дел, обер-прокурору св. синода, видным членам Государственной думы и св. синода с просьбой о недопущении чествования Шевченко, подробно мотивируя недопустимость публично-государственных празднований Шевченко с точки зрения русских государственных интересов. Полученное распоряжение вашего превосходительства стоит в полном противоречии с настроением благомыслящей национально-правой части населения юго-западного края и внесет сильное смущение в их сердца.

Предварительно приведения в исполнение распоряжения вашего превосходительства, считаю долгом об изложенном довести до вашего сведения, прося об окончательном решении министерства мне телеграфировать. № 2093.

Генерал-губернатор Трепов».

В ответ на это 22 февраля Джунковским была послана нижеследующая телеграмма:

«Моя депеша № 145 вызвана постановлением совета министров. Ввиду

[1] ЦАР, ДП. II, 1914 г., д. № 56, л. 46. Документы подобраны А. Кобяко.

столь категорического заявления вашего высокопревосходительства депеша ваша № 2093 будет подвергнута особому обсуждению, о результатах коего вам будет немедленно сообщено».

И действительно, того же числа киевскому генерал-губернатору было сообщено по телеграфу: «По обсуждении телеграммы вашего высокопревосходительства, № 2093, признано возможным, дабы не отменять сделанное уже вами циркулярное распоряжение на имя губернаторов, оставить его в силе. Джунковский»

Прокламация (Киевского комитета) Р. С. Д. Р. П. февраль 1914 г[1].

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ.

Прошло сто лет, как родился великий народный поэт Украины Тарас Григорьевич Шевченко... Сто долгих лет,— терзающих народ бесправием и гнетом правительства.

«Кати знущаются над нами,
А правда наша п'яна спить»

писал Шевченко. Не переставая издевается правительство и до сих пор над бесправным государством, преследует и угнетает всякую национальность.

Последнее время особенно излюбленным орудием борьбы с рабочим движением является травля крепостническо-дворянским правительством всех национальностей. Организуя «патриотическо-русские» общества, преследующие человеконенавистнические цели, проводя постыдные процессы вроде дела Бейлиса, правительство стремится национальной рознью раздробить силы пролетариата, натравив одну часть общества на другую. Та же политика ведется и в связи с чествованием памяти народного поэта. Так поступало правительство всегда, когда народ хотел чтить память лучших сынов своих.

Тарас Григорьевич Шевченко был не только украинский народный поэт. В своих произведениях он отразил весь гнет крепостнического строя, весь ужас народного бесправия. Гонения и ссылка пали на долю певца. Рабочий высоко чтит память поэтов демократов. В их скорби он чувствует свою скорбь, их призывам к борьбе за право он находит отклик в своем сердце.

Сто лет минуло... и пролетариат не спит, как спал народ во времена Шевченко, придавленный крепостниками-помещиками. Пролетариат ведет героическую борьбу с капиталистическим строем. Из года в год рабочее движение становится все шире и глубже, связываясь в широкую интернациональную семью, рабочий борется против угнетения всех наций. В широком размахе борьбы за свое освобождение он вмещает лозунг—свобода всем национальностям. Социал-демократия, истинный проводник рабочих идей, на своих боевых знаменах начертала: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Этот клич широко разнесся по всему миру, и миллионы рабочих идут под знамена свои на защиту попранных капиталистами прав.

В день памяти поэта вы, товарищи, присоединяйтесь к общему протесту против правительственного угнетения, протестуйте против поработителей ваших прав и прав нации. Только с падением самодержавного строя будет легче рабочему бороться за свою долю, о которой так часто упоминал покойный поэт. В день памяти поэта-трибуна вспомните о светлом грядущем строе, о социализме. Помните, что в борьбу за социализм против угнетателей всех наций идет рабочий класс — пролетариат.

Крепче связывайте, товарищи, борьбу воедино. Куйте прочные связи классовой солидарности.

Долой самодержавие!
Да здравствует демократическая республика!
Да здравствует социализм!
Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!

Отношение киевского губернатора министру внутренних дел, 28 февраля 1914 г., № 1081[2].

В дополнение к телеграмме от 26 сего февраля, по поводу происшествий, имевших место в г. Киеве 25 и 26 февраля, по случаю столетия со дня рождения поэта Шевченко, доношу вашему высокопревосходительству, что для предупреждения могущих быть беспорядков мною, в помощь крайне малочисленной вообще городской полиции, были вызваны стражники Киевского уезда, три сотни казаков и пять рот пехоты. Однако к помощи пехотных войск и одной сотни казаков, за отсутствием в том необходимости, прибегать не пришлось. В течение того и другого дня я лично наблюдал по городу за действиями полиции. Во всех выступле-

[1] ЦАР, ДП, о. о., 1914 г., д. № 305, л. Б, л. 40. Печатается с гектографированного подлинника.

[2] ЦАР, ДП, IV, 1914, г., д. № 112, л 19—22.

ниях, заключавшихся в пении группами на улицах «вечной памяти», принимала участие исключительно учащаяся молодежь.

25 февраля с утра во всех высших учебных заведениях большинство лекций состоялось, хотя и при уменьшенном количестве слушателей, и никаких инцидентов ни в университете, ни в Политехническом институте, ни на Высших женских курсах не было. В Коммерческом институте, где собралось до 1 500 человек студентов, до 11 часов утра было спокойно. Около 12 часов дня там состоялась сходка студентов, причем часть студентов внутри здания пропела «вечную память». Это вызвало протест студентов-академистов, и между отдельными группами студентов произошли столкновения, не имевшие однако серьезных последствий. По введении в здание института наряда полиции демонстрация прекратилась, причем у зачинщиков таковой полицией были отобраны входные билеты.

Одновременно с сим у расположенного рядом с Коммерческим институтом Владимирского собора собралась значительная толпа учащихся, часть которой вошла в собор с целью отслужить панихиду. После того как в этом было духовенством отказано, часть студентов, выйдя из собора, запела «вечную память»; в то же время вышли с пением «вечной памяти» и студенты из Коммерческого института. Принятыми полицией мерами соединения этих двух групп допущено не было, и обе группы были рассеяны, причем у института было задержано 20 студентов зачинщиков. Некоторые из студентов убежали обратно в институт, и здесь своей массой разломили в коридоре контрольную будку с входными билетами, но затем они по одиночке разошлись из института. Равным образом без труда и каких-либо столкновений были удалены и те учащиеся, которые не успели выйти из собора и до очищения площади оставались внутри его.

От института и Владимирского собора все студенты и курсистки направились группами по тротуарам на Фундуклеевскую и Владимирскую улицы, смешавшись с гулявшею публикой, массой заполнявшей все улицы, ввиду исключительно хорошего весеннего дня. Двигаясь по тротуарам, студенты разновременно, то здесь, то там, где наряд полиции был слабее или находился в некотором от них отдалении, снимали фуражки и начинали петь «вечную память», но при приближении полиции сейчас же умолкали. Пение это в большинстве случаев было настолько тихо, что часто полиция замечала его только по снятым фуражкам. Из числа певших «вечную память» особо выделявшиеся зачинщики каждый раз задерживались. С Фундуклеевской улицы демонстранты намеревались пробраться на Крещатик, но этого допущено не было. Точно так же не были допущены и на Софиевскую площадь студенты, шедшие по Владимирской улице и намеревавшиеся пройти к памятнику Богдана Хмельницкого.

Такого рода выходки, нигде не сопровождавшиеся никакими серьезными эксцессами, имели место и на Прорезной улице, где также были произведены аресты зачинщиков.

С 3 часов дня публика стала постепенно расходиться и наступило полное спокойствие, так что в шестом часу явилась возможность отпустить казаков и снять часть нарядов полиции.

За весь этот день было только два более выдающихся столкновения с полицией. У Золотоворотского сквера, около 2 часов дня, группа демонстрантов, окружив начальника конных городовых Москаленко, пыталась стащить его с лошади, причем как он, так и лошадь получили удары палкой, но быстро прискакавшие конные городовые и казаки сейчас же рассеяли толпу. Затем на Пушкинской студент Коммерческого института Захарченко ударил лошадь конного городового перочинным ножом, причинив ей легкий порез, но тотчас же был задержан.

26 февраля в стенах высших учебных заведений никаких выступлений не было и занятия в них происходили, причем в университете все лекции прошли при нормальном количестве слушателей, за исключением медицинского факультета, который бастовал. В Политехническом институте около 10 часов утра в главном здании появились прокламации от имени «Коалиционного совета высших учебных заведений г. Киева», призывавшего к уличному выступлению 26 февраля в знак протеста против произведенных 25 февраля массовых арестов. Таких прокламаций найдено 7 экземпляров.

В 6½ часов утра на Южнорусский машиностроительный завод явилось около 700 человек рабочих, но они к работам не приступили и, заявив, что в этот день работать не будут, просили разрешить им пропеть «вечную память» поэту Шевченко. После отказа в этом все рабочие вышли во двор и здесь, сняв шапки, пытались пропеть «вечную память», но тотчас же были удалены со двора на улицу и сейчас же разошлись. Никаких дру-

гих инцидентов на заводе не произошло, и в уличных демонстрациях рабочие участия не принимали[1]. На всех остальных заводах и фабриках работы шли нормально и никаких выступлений не наблюдалось.

К 11 часам утра по Б. Васильковской улице, у римско-католического костела стали собираться студенты, явившиеся с целью отслужить в костеле панихиду по Шевченко. Когда же они узнали, что духовенство служить панихиду отказалось, то направились обратно по Васильковской улице; на углу М. Благовещенской улицы, где образовалась сплошная масса, двигавшаяся по тротуару, они были рассеяны. Затем до 3 часов дня в разных местах на центральных улицах были такие же попытки группами петь «вечную память», как и 25 февраля, но все эти демонстрации без особого труда были полицией в самом начале прекращаемы...

За два дня арестовано 104 человека, из коих 6 освобождены. Для выяснения степени виновности каждого из остальных я просил начальника губернского жандармского управления полковника Шределя образовать особое совещание при участии бывших в местах беспорядков подведомственных мне чинов губернской администрации, чинов жандармского управления и чинов полиции. Согласно с заключением этого совещания мною в административном порядке за нарушение обязательных постановлений наложены на задержанных лиц следующие взыскания: 1) пять человек, из коих 4 студента Коммерческого института и одна слушательница Фребелевского института, подвергнуты аресту на три месяца и в отношении их, как главарей движения, проходивших помимо сего по делам жандармского управления, будет возбуждено ходатайство об исключении из учебных заведений; 2) из 89 человек, принимавших участие в пении «вечной памяти», 23 человека подвергнуты аресту на полтора месяца, 19 человек аресту на один месяц и 47 человек аресту на две недели; и 3) четырем вменено в наказание время, проведенное под арестом со дня задержания в течение трех дней...

Губернатор шталмейстер высочайшего двора Суковкин.

[1] В одном перлюстрированном письме из Киева в Кишинев от 2 марта 1914 г. говорится: «26 были демонстрации рабочих. Я был свидетелем первой схватки. Толпа занимала площадь всего квартала, далеко разносились звуки «Марсельезы» и «вечной памяти».

Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 26 февраля 1914 г. № 5399[2].

В дополнение записки от 25 сего февраля за № 5259, имею честь доложить вашему превосходительству о нижеследующем:

За последнее время в редакцию весьма популярной студенческой газеты «Студенческие годы»[3] от различных студенческих украинских групп и землячеств высших учебных заведений г. г. С. Петербурга и Москвы стали поступать письма с просьбою их напечатать. Содержание означенных писем приблизительно было таково:

«Запрещение чествовать память поэта Шевченко является одним из звеньев общей русской реакции, ввиду чего студенчество призывается к упорной борьбе с существующим политическим укладом».

26 сего февраля, по инициативе Украинского землячества императорского С.-Петербургского университета, в главном коридоре университета, около 5 аудитории, в 1 ч. дня, состоялась летучая сходка, имевшая целью выразить протест правительству против запрещения чествовать память поэта Шевченко. Вначале собралась группа студентов, приблизительно около 80 человек, и запела «вечную память». Вскоре к ним присоединились и другие и толпа около 250 человек, с пением «вечной памяти», прошла взад и вперед по коридору. Около проходной комнаты из толпы выделился один из студентов и закричал:

«Товарищи, выразим протест правительству за неразрешение служить панихиду по Шевченко и об'явим на сегодняшний день забастовку».

После этого толпа снова запела «вечную память», а затем опять прошлась по коридору с пением: «Вставай, подымайся, рабочий народ» и «Вы жертвою пали». С пением последней сошли в шинельную комнату, откуда и стали расходиться группами по несколько человек...

В Психо-неврологическом институте сего же числа, в 1 час дня, состоялась летучая сходка, на которой присутствовало около 500 человек. Сходку открыл товарищ председателя совета студенческих представителей Лагун, предложив прекратить занятия на сегодняшний день в виде протеста против запрещения чествовать память Шевченко, а к 3 часам дня собраться

[1] ЦАР, ДП, IV, 1914 г., д. № 112, л. 59.

[2] Газета «Студенческие годы», орган демократического студенчества, выходила в Петрограде в 1914 и 1915 гг.

у Казанского собора, где будет учащимися отслужена панихида.

На С.-Петербурских сельско-хозяйственных курсах (Каменный остров) 24 сего февраля собирались подписи под протестом за неразрешение почтить память поэта Шевченко, а 25 сего февраля, в 12 часу дня, в помещении 1 аудитории, состоялась летучая сходка, на которой пропели «вечную память» и вынесли резолюцию об однодневной забастовке на 25 февраля.

На Высших историко-литературных и юридических женских курсах Раева 25 февраля во время перерыва лекций слушательница Дворская сказала приблизительно такую речь:

«Товарищи! Помните, сегодня исполнилось 100 лет со дня рождения великого поэта Шевченко. Сегодняшний день мы должны были праздновать, но у нашего правительства очень узкие взгляды, оно не разрешило праздновать этот день даже украинцам, и хотя им дали некоторые льготы, но они не желают принимать подачки и чтут память великого поэта в своих сердцах. Что остается нам делать? Мы не можем и не должны оставлять всего этого без протеста».

После этого Дворская предлагала подписывать лист, лежавший на ее столе, поясняя, что он будет направлен в Государственную думу[1].

На Высших женских Бестужевских курсах 25 сего февраля предполагался литературный вечер в память Шевченко, в организации коего принимал участие «Украинский кружок». Ввиду того, что администрация курсов сократила программу вечера, решили отказаться от устройства вечера. 26 сего февраля, около 3 час. дня, в актовом зале состоялась летучая сходка, постановившая выразить протест против реакционной политики правительства, запрещающего чествовать память великого поэта, после чего под протестом стали собирать подписи. Во время сходки пропели «вечную память».

В Технологическом институте 26 сего февраля, от $8^1/_2$ до $9^1/_2$ час. вечера, в присутствии директора и инспектора института, состоялся литературный вечер, посвященный памяти Шевченко, на котором присутствовало около 200 человек студентов. По окончании вечера, группа студентов около 40 человек, в вестибюле института, где помещается вешалка, запела «вечную память» и пыталась с пением выйти на улицу, но, заметив находившийся наряд полиции, стала расходиться.

Так как среди учащихся еще накануне циркулировали слухи о том, что сегодня, в 3 часа дня, в Казанском соборе будет отслужена панихида по Шевченко, то к означенному времени около собора собралось до 200 человек учащихся, преимущественно студентов университета, Горного института и курсисток. Сначала священник заявил, что панихиду служить запрещено, после чего толпа стала редеть и понемногу расходиться. В 3 ч. 15 м. явившийся настоятель собора протоиерей Орнатский отслужил панихиду по Шевченко, во время которой пел хор учащихся и присутствовало около 100 человек. По окончании панихиды все спокойно без песен группой направились по Невскому проспекту к Николаевскому вокзалу, где и были рассеяны нарядом полиции.

Полковник Попов.

К биографии П. Г. Зайчневского

Реформа 1861 г. обманула ожидания крестьян,но она явилась мощным толчком, который пробудил крестьянство от его векового сна и направил на борьбу против крепостников-помещиков. Ответом на царский манифест, на «волю» были многочисленные волнения крестьян, ярким образцом которых являются например события в Бездне.

Эти крестьянские движения вызвали у некоторых представителей радикально настроенной интеллигенции уверенность в том, что в данное время как раз настал долгожданный момент для того, чтобы организовать всеобщее крестьянское восстание.

Представителем крайней радикальной интеллигенции того времени был П. Г. Зайчневский, один из видных революционеров 60-х годов. По своим убеждениям и взглядам Зайчневский был революционером якобинского типа, сторонником решительных революционных действий, беспощадной кровавой революции, осуществляемой интеллигенцией при поддержке всенародного восстания. Эти взгляды отражены в известной прокламации «Молодая Россия», написанной им в тюрьме и вышедшей в мае 1862 г.

[1] «Запрос министру внутренних дел по поводу запрещения предстоящего чествования памяти поэта Шевченко» был внесен социал-демократической фракцией в общее собрание Государственной думы 11 февраля 1914 г. за подписью 33 членов Государственной думы. Запрос обсуждался в заседании Государственной думы 5 марта, признан спешным и отклонен.

Будучи в Орловской губернии весной 1861 г., Зайчневский вел среди крестьян агитацию за захват помещичьих земель. Его переписка с Аргиропуло, относящаяся к этому периоду, показывает, что эти два человека по-разному относились к задачам пропаганды, по-разному оценивали политическое положение в России после реформы 1861 г. В то время как Зайчневский был сторонником решительных действий, Аргиропуло настаивал на необходимости мирной пропаганды. В публикуемом ниже письме к Аргиропуло Зайчневский излагает свои планы и программу действий, призывает к совместным действиям, считая, что момент для крестьянского восстания подходящий и что задача интеллигенции руководить этим восстанием.

На копии публикуемого ниже письма имеется следующая помета Александра II: «Письмо это столь преступного и опасного содержания, что считаю необходимым арестовать немедленно и того и другого и выслать их со всеми их бумагами сюда. Желаю при этом знать, кто они такие».

Зайчневский и Аргиропуло были арестованы 22 июля 1861 г. При обыске у Зайчневского был взят неоконченный черновой набросок письма к Аргиропуло, от 27 июня[1].

Публикуемое письмо от 1 июля по началу аналогично черновому наброску, но дальнейший текст и развитие основной мысли иные и вносят некоторые новые моменты в биографию Зайчневского.

А. Спирова

Выписка из письма П. Зайчневского. из Орла, от 1 июля 1861 г., к П. М. Аргиропуло, в Москву[2].

«Ога e sempre»—таков девиз Мадзини и всей юной Италии. Не должен ли он быть и нашим девизом? Мы, социалисты, не обязаны ли «теперь и всегда» проводить те идеи, которые и в настоящее время составляют достояние весьма и весьма немногих? Ты и сам говоришь, что мы обязаны проповедывать. Социалисты явились даже в правительстве, но из всех их действий ни одно не было известно в России: здесь все, с детства запуганы социализмом, который строго преследовали, и теперь еще не могут отрешиться от страха при этом имени; им является каким-то страшным пугалом жизнь социальная, где и трудиться должны все, и капиталов-то почти нельзя будет нажить, да и наследства нет... Эта-то жестокость и эта-то грубость и производит скандалы. Проповедывать обязаны мы все, но проповедывать не значит бунтовать, а только приготовлять к бунту... Впрочем есть вещи, о которых проповедывать народу,— значит то же, что бунтовать. Да, злейший враг народа не мог поступить иначе, как поступали в Неаполе агенты тайной полиции при Бурбонах, восстановляя некоторых против силы, с которой они не в состоянии сладить, пока они одни.

Если мы начнем проповедывать против силы, то, по моему крайнему разумению, нельзя еще сразу всему крепостному народонаселению Российской империи собраться на одной площади, построить кафедру, с которой им демагоги стали бы проповедывать. А я тут же говорю мужикам, что поступать так, как поступали до сих пор бунтовавшие, т. е. выходить и подставлять лоб свой под пулю — и глупо, и ни к чему не ведет; что прежде всего нужно запастись оружием,— а откуда его взять? Люди образованные, которые пристанут к ним, вероятно, принесут им на помощь одну только голову свою да руки... Не капиталисты, не богачи-помещики, не купцы пристанут к ним и станут во главе движения, а по большей части, так называемые в Германии, естественные пролетарии, т. е. люди образованные, которым душно при теперешнем порядке дел, которым связаны их руки, а они чувствуют, что и они способны на что-нибудь при другом порядке дел. Вот и я советую крестьянам, если они только взбунтуются, то итти на город, где успех уже будет на их стороне и где они добудут и оружие и денег. Я твердо уверен, что если крестьяне нескольких окрестных деревень взбунтуются, если они займут город и пошлют ходаков и «письма» в другие деревни, так после пристанут и войска, и крестьяне других деревень... А какую громадную пользу принесли бы мы, если бы все в совокупности составили манифест по случаю новых положений; отпечатали бы его в виде книжки, разослали бы с ходебщиками по деревням! Не нужно в нем печатать воззвание к прямому бунту с оружием в руках, а выяснить бы им правильные понятия о государе, земле и народе. Теперь мужики жалуются, что они ничего не знают, и думают, что государь старался сделать все в их пользу, но мало-по-малу разочарование начинается, и уже, хотя робко и несмело, начинают поругивать его. Какую пользу принес бы подобный манифест, или скорее, подобная программа действий

[1] См. «Красный архив», том I, стр. 277.

[2] Архив революции, III отд., канц. е. и. в., 2 секр. арх., карт. № 13, письмо № 430.

THIS CHA
SECOND
AT THE

RT WILL BE THE
HART APPEARING
ND OF THIS FILM.

социальной партии, доставив им материал для споров, в которых более и более выяснялся бы правильный взгляд...

По твоему мнению, между действиями неаполитанских агентов и моими находится тождество. Разница та, что агенты вперед выстраивали где-нибудь войска, совсем готовили к бою, и потом наводили народ на них. Я же говорю, что надо итти, в случае бунта, на город и запастись там вещами, необходимыми для успеха — оружием и деньгами, — и заранее уверен в успехе предприятия!

Если проповедь сама по себе справедлива и направлена против силы, то я не вижу, что же несправедливого, что же нехорошего в этой проповеди? Всякая проповедь, направленная против правительства, - опасна, опасна, primo, тем, которые ее произносят, secundo, тем, которые слушают ее и не доносят. Я знаю, что проведение идеи редко проходит даром и потому, если я человек хотя несколько последовательный, то должен ли смущаться всеми последствиями? Стать во главе народного движения можно двояким образом: или так, как Луи Блан, проникнуть в массы народа и бросать в рабочих брошюрами, нападать и на конкуренцию и на торговлю, и на все, что стесняет его и убивает и нравственно и физически; или же как Барбес — стоять во главе всякого движения, сделать имя свое именем всей партии настолько популярным, чтобы к нам обращался народ в случае нужды за предводителями. Деятельность Луи Блана у нас еще в настоящее время невозможна. Остается деятельность Барбеса, а она требует много пожертвований, требует еще и того, чтобы сочувствующие ей люди всегда были готовы на всякое дело, как бы опасно оно ни было! В будущем письме разовью последний вопрос обширнее. Хочу ответа и на это и на первое письмо.

Ответственный редактор **Я. Берзин.**
Редакционная коллегия: **В. Максаков.** (зам. ред), **С. Пашуканис, Ф. Ротштейн**

Сдано в производство 2/VI 1936 г. Подписано к печати 16/VI 1936 г. Статформ. Б. 176×250. 14½ п. л. 60 480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 26. Зак. 745. Уполномоченный Главлита Б—24583. Выпускающий А. Налимов. Тираж 3 750.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.